

Андрей Белянин

Век СВЯТОГО СКИМИНОКА

Мощный прибор хорошего настроения
и шквал зрорового смеха обеспечен всем!

Annotation

В заключительном романе трилогии Андрея Беянина о тринадцатом ландграфе Меча Без Имени лорд Скиминок вступает в противоборство с самим владыкой ада Люцифером и... конечно же побеждает!

- [Андрей Беянин](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Эпилог](#)
-

Андрей Белянин

Век святого Скиминока

Глава 1

Лорд Скиминок-младший

Один за другим поднимались они на помост и дерзали коснуться рукояти Меча Без Имени.

Но никто не мог взять меч, никто не мог вытащить его из камня.

И плакали рыцари, и смеялся народ...

А потом пришел Он и сказал:

«Мой меч! Меч Без Имени...»

Хроники Локхайма

– Я – лорд Скиминок!

– А я – коварный Ризенкампф!

– Не-е-ет, папочка... Так нечестно, Ризенкампфа забрала Смерть, ты же сам рассказывал!

– Да? Ну, тогда я – принц Раюмсдаль. Идет?

– Ладно, все равно я – Скиминок. Защищайся, склочный принц!

Деревянные мечи с глухим стуком ударились друг о друга. Атака – отбито! Атака – отбито! Атака – ой! Больно... Теряю форму, обструганный клинок моего пятилетнего сына крепко саданул меня по большому пальцу правой руки.

– Падай – ты убит!

– Вот еще! Я только ранен и то не серьезно, от пореза пальца еще никто не умирал.

– А у меня меч заколдованный!

– Глупости! В Срединном королевстве ни у кого не было заколдованных мечей. Я буду драться с тобой левой рукой. Защищайся, свирепый ландграф!

Мы вновь закружили по комнате, яростно размахивая деревянными клинками. Это была наша любимая молодецкая забава – я воспитывал из сына рыцаря. В полных традициях кодекса дворян Ристайла с поправкой на реальные условия жизни. Владения семью обычными искусствами в этом мире явно недостаточно. Мой Иван рос вполне развитым современным мальчиком, умел читать, играть на компьютере, обращаться с видеомagneтофоном и разбираться в марках проезжающих под окном машин. С другой стороны, «Курочке Рябе» он предпочитал «Приключения короля Артура и рыцарей Круглого стола», «Усатому-Полосатому» – «Кота в сапогах», а прошлой зимой в детском саду, прежде чем дать обидчику в нос, – швырнул ему к ногам варежку. Конечно, это моя вина. По-видимому, в своих долгих путешествиях по сказочному средневековью я чем-то заразился и заболел. Навсегда... Меня сжигала тупая тоска по Соединенному королевству. Часто снилась Луна – кареглазая наемница, пытавшаяся меня убить, а потом... Наверно, она все-таки влюбилась... Ну, уж я-то влюбился точно. Мы даже поцеловались пару раз, а потом меня быстренько вернули домой, как нашкодившего щенка. Приключения – великое дело, но когда они обрываются не по вашей воле... Печально. Еще ужасно скучаю по Лие и Бульдозеру. Таких друзей у меня никогда не было. Сейчас они, наверно, живут счастливой семьей, отец Жана наконец-то гордится сыном и нянчит внуков. Надеюсь, что Лия не часто пускает в ход

достопамятную сковородку, хотя у Бульдозера все равно голова крепче моей. Принцесса Лиона уже должна была кем-нибудь разродиться. Хорошо бы поздравить крестного брата Злобыню Никитича с отцовством, да телеграммы в параллельные миры пока не доходят. Плимутрок I, как помнится, выздоровел, Горгулия Таймс по-прежнему верховодит Тихим Пристанищем, Танитриэль ищет мужа и властителя для Локхайма. Без надежной мужской руки Тающий Город все же не имеет должного политического веса. Вот что сейчас с Вероникой? После неудачного замужества юная ведьма несколько поникла носом. На какое-то время мне удалось отвлечь ее на боевые действия. И она спасла меня от кастратки! До сих пор вздрагиваю, как представляю, что могло произойти... Ох, мужики – будьте бдительны! К Матвейчу я так и не попал. Свинство... Столько шляться по Срединному королевству и окраинным княжествам – и не найти времени для визита к соотечественнику. Мне сейчас страсть как стыдно. Буду еще раз в тех краях, брошу все и первым делом в гости к магу-ветеринару. Виктор Михайлович – мужчина образованный, рассудительный, общаться с ним легко и приятно, а когда трезв – вдвойне. Вот что меня всерьез беспокоило – так это отсутствие тел. Я хотел сказать, что после уничтожения Зубов мы не обнаружили трупов Раюмсдаля и Зингельгофера. Возможно, когда развалины родового гнезда Ризенкампафа были разобраны, ратники князя все же нашли останки наших врагов. Очень на это надеюсь...

Скучно мне! Невесело! Тоскую я здесь... Жизнь кипит, бьет ключом. Вокруг куча возможностей, в России эпоха перемен, а я не нахожу себе применения. Ни в милицию, ни в армию, ни в спецчасти меня не тянет. Да зачем им безработный ландграф? Борьба за мир тоже не прельщает. Сходил в родную секцию каратэ, после езды верхом и боев с настоящим оружием это уже казалось балетом. Побывал и в открывшемся в Астрахани клубе поклонников средневековья. Что сказать? На Темной Стороне они едва ли продержались бы хоть пару дней. Слишком много игры и мало настоящего понимания крови, боя и смерти. Хотя... Много ли я сам видел? Память хранит только хорошее, плохое быстро забывается.

– Пап, я похож на лорда Скиминока?

– Плащ великоват. Но в остальном – вылитый ландграф!

Мой сын подбоченился в ярко-зеленой рубашке, свободных шортах и кроссовках, – волочащийся плащ королевы Танитриэль был закреплен той самой знаменитой пряжкой с изображением взрыва, осьминога или вывернутых корней дерева. В руках мальчишка сжимал деревянный меч. Меня захлестнуло отцовское умиление...

– В путь, герой! Раз ты назвался Скиминоком, то пора совершать подвиги. Только не забудь прибрать комнату до того, как явится мама. О! Кажется, она и звонит.

Иван опрометью бросился убирать игрушки, сваленные подушки, стулья и покрывала, из которых он строил великанов и гоблинов. Я же неторопливо прошел в прихожую, открыл дверь... Никого! Глупая шутка. Наверняка соседские дети балуются. Из глубины квартиры раздались чужие скрипучие голоса.

– Ты – Скиминок?

– Да! – гордо прозвучал ответ моего ребенка.

– Тебя-то нам и надо!

– Иван! Что происходит?! – Я рванулся в детскую комнату. Запах серы ударил в ноздри. На полу валялся деревянный меч. На мягком ворсе ковра четко отпечатался глубокий след раздвоенного копыта. Казалось, сердце перестало биться и воздух больше не поступал в легкие. Я тупо застыл на пороге комнаты. Не стало ничего... Моего сына похитили.

Мысли проносились с курьерской скоростью. Кто бы ни были похитители – они не люди! След раздвоенного копыта явно указывал на Темную Сторону. Они спрашивали Скиминока?! Они искали меня. О, Санта Мария! Кому взбрело в голову послать тупорылых дебилов похищать ландграфа, которого они явно и в глаза не видели?! Ну, если там кто-нибудь тронет моего сына хоть пальцем!.. Это была уже не свирепость, а плохо управляемая ярость. Вот-вот вернется от родителей жена – что я ей скажу?! Что Иван отправился с друзьями погулять в Срединное королевство? А может, прямо в Ад? Или в пустынные земли на северо-западе? Она же мне не поверит! И так отношения хуже некуда. Это, наверно, все же я виноват. После того как мы познакомились с Луной, моя семейная жизнь уже не смогла вернуться в прежнее русло. Но, с другой стороны, именно благодаря этому мы стали так близки с Иваном. Куда они его дели?! Нет, нет, нет! Тихо! Надо взять себя в руки и рассуждать логически. Так... полное спокойствие! Во-первых, как они, в смысле – похитители, сюда попали? Хороший вопрос... Сколько помнится, прямых врат из Ристайла в Астрахань еще никто торжественно не открывал. Ни оркестра, ни перерезания красной ленточки, ни шумного рапорта о беспересадочном перелете под бурные аплодисменты. Во-вторых, может, они вообще из другого измерения? Вряд ли... Раз уж они пришли именно за Скиминоком, то наверняка достаточно обо мне наслышаны. В-третьих, кто же это там обладает такой всеокрушающей мощью, что может рушить границы между мирами? Предположим, Раюмсдаль выжил... Ну, тогда и Зингельгофер, и кришнаиты, и даже госпожа Гнойленберг тоже в добром здравии, предположим... Кто-то из них? Нет – куда им! Тогда кто? Боги? Вполне возможно... Богиня красоты Катариада Базиливмейская в свое время просто взяла меня под ручку и отвела домой. Прямо из Темной Стороны, не затрудняясь переходом и объяснениями. Хотя, с другой стороны, с чего бы это небожителям подсылать нечисть, чтобы еще раз попортить мне жизнь? Я, конечно, понимаю, у них свои взгляды, какие-то соревнования, ставки, проигрыши, выигрыши... Стоп! Вот оно! Если боги – светлая часть мира, то кто управляет Тьмой?! В комнате словно дохнуло морозом. Точно! Постоянная победа Добра всколыхнула извечное Зло, а поскольку к этому делу я приложил обе руки, то неудивительно, что снизу решили восстановить равновесие. Мне надо спешить. Я переоделся, натянув новые джинсы, на ходу надел рубашку, сунул ноги в разбитые кроссовки и вышел на улицу. Вопреки моим ожиданиям, белого коня у подъезда не оказалось. Время – пять часов вечера, полно прохожих, соседи сидят на лавочке, я занервничал... Впору топтать ногами и орать, что мне срочно нужно в Соединенное королевство! Мимо процокала каблучками красивая молодая женщина. Я не сразу понял, что заставило меня проводить ее взглядом...

– Не может быть... Кэт! – Я рванулся за ней, не утруждая себя мыслями о причине появления в моем микрорайоне настоящей богини в длинном джинсовом платье с открытыми плечами.

– Кэт, постойте же!

– Вы... мне?

– Кому же еще?!

Она удивленно обернулась, в ее глазах не было ни страха, ни раздражения.

– Вы меня с кем-то спутали... Мы не знакомы.

– Опомнитесь, Кэт! Это же я – Скиминок!

– Кто?!

– Скиминок! Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча

Без Имени! – торопливо выдал я. Взгляд женщины из удивленно-насмешливого сразу стал жалостливо-сочувствующим. Она быстро коснулась прохладными пальцами моего лба.

– У вас температура...

– Да! – взорвался я. – У меня белая горячка на почве беспробудного пьянства и вялотекущая шизофрения с осложнениями на мозжечок, вследствие чего нарушена координация движений и нервные судороги. А если вы сию минуту меня не вспомните – я вас укушу!

– Не надо! – шарахнулась она, потом одумалась и мягко взяла меня под локоток. – Не волнуйтесь, пожалуйста... Проводите меня до троллейбуса и расскажите все по порядку.

– Чего же тут рассказывать? Дело ясное – без нечистой силы они бы его ни за что не похитили! Вот я и думаю...

Слово за слово, плавно и незаметно я выболтал все о своем первом посещении параллельного мира, о Соединенном, или Срединном, королевстве, о борьбе с коварным Ризенкампом, о моих друзьях, о Смерти, о небесном городе Локхайме. Она не перебивала, только глаза ее широко распахивались, когда речь шла о чем-то страшном, и легкая улыбка касалась губ, когда звучало что-то веселое. Потом я начал вторую повесть о Зубах, о бабушке Раюмсдаля, о злобных кришнаитах и разнообразных обитателях Темной Стороны, о моих похоронах, о гробе на колесиках, о нелепой путанице с неподписанными письмами. Она хохотала. Мы пропустили уже третий троллейбус, время летело незаметно.

– Скиминнок... Очень смешное и героическое прозвище. Давайте хоть познакомимся. Меня зовут Катя. Катя Васильева.

– А не Катариада Базиливмейская? – недоверчиво переспросил я. Она таинственно улыбнулась:

– Удачи вам, ландграф!

Красавица легко впорхнула в двери подкатившего общественного транспорта и помахала мне рукой. Я вздохнул, прикрыл глаза и помассировал виски. В ноздри ударил свежий лесной воздух. Волшебный аромат вековых сосен... Как же я отвык от... От чего?! Где я?!

Города не было. Я стоял один-одинешенек на зеленой поляне, в цветистом разнотравье, на том самом месте, куда меня впервые выбросило из шкафа королевы Танитриэль. Шумел лес, по камушкам бежала речка, а на горизонте голубели высокие стены Ристайла.

– Кэт... – с тихим благоговением пробормотал я.

– Открывайте, негодяи!

– Что тебе нужно, путник? – Ворота приоткрылись, и в узкой щели показалась прыщавая рожа незнакомого стражника. – Праздник уже начался, площадь полна народу, приходи завтра.

– Ну уж нет! – Я вовремя успел втиснуть между створками каблук. – Мне нужно пройти сегодня и сейчас.

– Убери ногу, болван! Сказано завтра – значит, завтра. Не мешай добрым горожанам повеселиться. А не то я кликну капитана, и ты проведешь недельку-другую в гарнизонной тюрьме...

Вечно забываю, как надо себя вести в подобных случаях... Не хватало еще, чтоб подвиги заставили совершать прямо под дверями. Все! Я вспомнил... Бац! Свалив стражника прямым ударом в нос, я скользнул внутрь и оттащил парня в сторону. Из караульной, подозрительно

прищурясь, вышли еще двое стражей во главе с бородатым начальником.

– Кого я вижу – свирепый ландграф!

– Он самый! Приятно, что на этот раз вы меня сразу узнали. А помните, как тогда мне пришлось биться сразу с двумя рыцарями?

– О, это был великий подвиг. Эй, разгильдяи! Приветствовать всем высокородного лорда Скиминока!

Стражники помоложе удивленно вытаращились и перекрестились.

– Но... он ведь... умер...

– Кто умер? – не понял я.

– Да вы умерли, – так же широко улыбаясь, пояснил начальник стражи. – Госпожа Лия и господин ле Буль де Зир своими глазами видели, как вы ушли под ручку с богиней. Постепенно вы поднимались все выше и выше, шагали по облакам, пока не растаяли в золотом мареве. Все поняли, что за великие подвиги и разрушение Зубов вас живым вознесли на небо! Подобные чудеса происходят не часто. Кардинал Калл лично послал буллу Папе, и вас причислили к лику святых.

– Офигеть... – Я в изумлении присел на бревнышко у входа.

– А сегодня у нас праздник – День святого Скиминока! Сотни рыцарей со всего мира будут вновь пытаться вытащить из камня Меч Без Имени.

– Зачем?

– Как зачем?! Чтобы узнать, кто будет новым ландграфом.

– А почему таким неоригинальным способом? Это же плагиат! Нельзя так явно воровать идею определения претендента у Мэлори из легенд о короле Артуре. Стыд-то какой...

– Разве? – удивился бородач. – А вот уважаемая госпожа Горгулия Таймс уверяла, что это ваша последняя воля!

– Ну... а... э... у... ы... м... – Я действительно припоминал вольную трепотню насчет чего-то подобного. Боже мой, они же все принимают за чистую монету! Чувство юмора или отсутствует напрочь, или настолько специфичное, что лучше его бы и не было. Вот, например, дать негодяю в лоб булавой – это вызывает уважение. Дать так, чтобы он перевернулся вверх тормашками, – взрыв искреннего смеха! Дать по той же башке палкой – уже разочарование, а то и недовольство, ибо это не по-рыцарски. Где логика? – Ладно... Приведите в чувство вашего парня, он там у сторожки. Пусть не держит обид – я торопился... Мне пора на площадь, хочу лично полюбоваться на героев, посягнувших на мой меч.

– Если позволите, я провожу вас, ландграф, – поклонился начальник. – Здесь справятся и без меня.

– Не возражаю, пошли...

До центральной площади мы добрались уже минут через десять. Народу на улицах не было, все на празднике, глазуют на представление. Посреди площади возвышался новенький деревянный помост, на нем – огромный камень, из которого торчала знакомая рукоять Меча Без Имени.

– Наковальню забыли... – автоматически отметил я.

– Чего-чего?

– Так, мелочи...

На каменном балконе дворца разместились король Плимутрок, кардинал Калл и русский князь Злобыня Никитич. Обаятельная Горгулия Таймс, восседая в кресле у помоста,

внимательно вглядывалась в глаза каждому претенденту, прежде чем допустить его до основного экзамена. Сословные законы имели решающий вес – крестьянин, ремесленник или даже простой солдат к испытанию не допускались. Только рыцари, высокородные дворяне, а также заморские королевичи, подтвердившие свой титул. Демократия здесь не в моде, но лично я допустил бы воинов или наемников, из них порой получались не худшие короли. Господи! Что на меня накатило? Я ведь тут по делу, у меня сын пропал! А ну, верните мой меч, я спешу...

– Благородный сэра Гейкельхард, магистр ордена Храма, дерзает претендовать на Меч Без Имени! – пропел герольд. Высокий, стройный рыцарь с холодными голубыми глазами взялся за рукоять. Мускулы буграми вздулись на плечах. Да он с дури мне весь эфес покорежит! Меч не поддался ни на дюйм...

– Вы не ландграф! – заключила верховная ведьма.

Магистр отер выступивший пот, поклонился королю и сошел в народ. На помосте появился дородный пузан и с медвежьей легкостью поднял даже сам камень!

– Благородный сэра Юлий, сионский шляхтич, дерзает... – Сила нового претендента ошарашивала – он держал мой меч за рукоять, нахально пытаюсь стряхнуть с серебристого клинка серый камень. Бесполезно! Тогда он уперся коленом и начал выворачивать Меч Без Имени, как шуруп.

– Что ты делаешь, идиот?!

Все обернулись ко мне. Это что, я кричал? По-видимому, да...

– Святой Скиминок! – еле слышным шепотом пронеслось по площади. Здоровяк мрачно отступил от камня. Горгулия Таймс в изумлении встала с кресла и протянула в мою сторону руку:

– Свирепый ландграф, заклинаю тебя! Если ты дух, то дай нам знак и укажи нового героя. Если ты пришел во плоти и крови – коснись Меча Без Имени. Если небеса отпустили тебя лишь на миг, то произнеси свое пророчество. Если...

– Да успокойтесь вы... Живой я, живой. Пришел по делу. У меня, конечно, есть проблемы... Когда их не было? Но для начала я заберу свой меч.

Толпа расступилась. Интересно, а почему на этот раз никто не упал в обморок от счастья? В прошлый раз это делали все, как по команде. Рыцарство не скрывало недоверия, простой люд едва дышал от немого восторга, король жал руку зятю, а кардинал, похоже, намеревался-таки облить меня святой водой. Для профилактики и дезинфекции. Я шагнул на помост, протянул руку, и тут...

– Ты не получишь его, самозванец! – Красный от ярости сэра Юлий встал у меня на пути. – Этот волшебный меч будет принадлежать мне, и только мне!

Из рядов зрителей быстро вышли пятеро рыцарей с гербами сионской шляхты и, выхватив боевые топоры, встали рядом со своим господином. Мисс Горгулия повернулась к ним грудью, но вмешался король:

– Не надо, прошу вас! Если это действительно живой Скиминок, то пять вооруженных дураков ему не помеха. Мы хотим поразвлечься...

Верховная ведьма пожала плечами и села в кресло. Эй, ребята, вы чего? Пану Юлию протянули огромный мясницкий топор.

– Прочь с дороги, мальчишка! Меч Без Имени должен служить мне и делу возрождения нравственности. Мир погряз во грехе! Я омою его кровью. И если клинок не хочет выходить

из камня, то я по кусочкам расколю сам камень!

...Пять топоров взметнулись в воздух. Я ухитрился уйти от первых выпадов, но долго бегать по помосту весьма проблематично, здесь не слишком много места. Зато мне удалось ударить одного ногой и, рванувшись в образовавшуюся брешь, встать у самого камня, но... Враги успели взять меня в кольцо.

– Попробуй только дотронуться до рукояти – и твоя голова слетит с плеч! – захохотал противный толстопуз.

Черная ярость захлестнула мою бедную голову. Я потерял сына! А мне здесь препятствия чинят, рэкетиров из себя изображают. Видит Бог – я изо всех сил пытался быть мирным и человеколюбивым. Не хотите – не надо! Получите так же, тем же концом и по тому же месту. Я медленно поднял руку...

– Мой меч! Меч Без Имени!

Серый камень словно взорвало изнутри. Горячая рукоять влетела в мою ладонь, и серебряная молния клинка очертила круг над головой. Народ ахнул! Верховная ведьма удовлетворенно хмыкнула. Король хлопнул кардинала по плечу. Злобыня радостно бил в ладоши. Из толпы претендентов гордо вышел сэр Гейкельхард и заявил на всю площадь:

– Мы с вами, лорд Скиминонок!

– Убейте его! – завизжал покрасневший от обиды шляхтич.

Пять топоров пошли в дело... Двое первых негодяев так и не поняли, почему у них в руках вдруг оказались жалкие обрубки топорниц. Потом Меч Без Имени распахал локоть третьему, и он с воем уронил секиру на ногу четвертому, мгновенно выведя его из строя. Пятый промахнулся и, получив дополнительный пинок, вылетел с помоста на мостовую. Мы с паном вышли один на один. Вежливость надолго оставила меня, благородство, такт и совесть мудро отошли в сторонку. В четыре скользящих взмаха мой меч обезоружил здоровяка, нарисовал ему букву «С» на лбу и распорол ремень, удерживающий штаны. Сэр Юлий позорно бежал под улюлюканье и хохот толпы. Я вдохнул полной грудью. Поклонился народу. Помахал рукой королевской ложе. Подмигнул Горгулии Таймс. Отсалютовал честному рыцарству. Потом погладил рукоять Меча Без Имени, прижался щекой к прохладному клинку и вновь едва не заплакал от невозможного счастья обладания этим дивным оружием. Как мне повезло, что мы с ним нашли друг друга! Мой меч... Только мой! Пока я жив, никто другой не возьмет его в руки.

– Да здравствует лорд Скиминонок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени!

Под приветственные крики меня подняли на руки и понесли во дворец. Ну все, наконец-то я дома...

Короткое время первых объятий, первых восторгов, первых вопросов. Король приказал выкатить на площадь бочки с вином, и народ шумно праздновал возвращение «святого Скиминока». Пока лихорадочно готовился праздничный ужин, мы с их величеством, князем и его супругой сидели за дружеским столом, уединившись в отдельном кабинете.

– Долго же тебя не было, брат. Уж, почитай, годика два с лишним.

– Да? В моем мире прошло целых пять лет.

– То-то, гляжу, седина у тебя на висках посверкивает, – качнул головой князь. – Раненько, раненько... Ты ведь не старше меня будешь?

– Не сравнивай, у меня знаешь какие стрессы? Все на нервах. То с работы уволили, то в суд подали, то дома личные проблемы заели, то финансы, то здоровье...

– Переселяйся к нам! – широким жестом предложил король. – Титулы и поместья мы тебе вернули, врагов пока не видно, жизнь мирная да веселая. Помнишь, ты обещал мне казино построить?

– Ладно, вы лучше расскажите, с кем вас поздравить, с внуком или внучкой?

– Дочь у нас! – гордо откликнулась Лиона, маслено поглядывая на смутившегося князя. – Любит ее без памяти. В зубах готов таскать. Балует-е-т...

– Как назвали?

– Ольгой. В честь матери моей великой княгини. Да ты не смейся, девчушка и впрямь хороша, вся в меня. Два годка уже есть... Лопочет помаленьку, только я один ее речь и разумею. А уж как пляшет – любо-дорого посмотреть! Я ей куклу из соломки сплел, так рада была...

– Все, понесло! – хихикнуло их величество. – Нашему зятю иной темы для разговора и не надо. Спроси его про дочку, а сам спать ложись – он до утра рассказывать будет.

– Ну вот, заклевали парня! – вступился я, сразу вспомнив о своих собственных проблемах. – У меня тоже сын растет. Назвали Иваном, ему уже пять лет, развитой мальчик, мечом машет, читает по слогам. Из-за него я и приехал.

– Что ж сразу сыночка не взял? – удивилась Лиона. – Мы бы их с Оленькой подружили.

– Дело серьезное. Там, в моем мире, у меня его похитили!

– Что?! – дружно привстали все.

– Я сам был в прихожей. Слышу голоса из детской: ты, мол, Скиминонок? Иван отвечает: да! Он думал, с ним играют. Они говорят: тебя-то нам и надо. Я вбегаю – никого! А на ковре след от раздвоенного копыта...

– Вот нечисть! – стукнул по столу король. – До чего же они там у вас дошли – невинных детей красть...

– Не у нас, а у вас! – поправил я. – В моем мире черти не водятся. Раздвоенное копыто – верная улика, указующая на Тьму. Раз они искали Скиминока, значит, все следы ведут сюда.

– Ты прав. Завтра же объявлю розыск по всей стране.

– Мы поможем, друже... – кивнули супруги.

– Только на это и надеюсь. Вот почему я здесь. Вы уж возьмитесь за поиски по своим каналам, а я через Горгулию Таймс наведу справки в Темной Стороне.

– Решено!

Дверь в кабинет едва не сорвало с петель. На пороге, едва дыша от сумасшедшего бега, стояли раскрасневшиеся Лия и Бульдозер:

– Вы вернулись, милорд!

Королевский пир был шумным и долгим. Меня представили маленькой принцессе. Ольга оказалась обаятельной крепышкой с волной бледно-золотистых волос, серьезными голубыми глазами и хитрющей улыбкой. Хорошая девчонка. Интересно, понравилась бы она моему Ивану? Придет время, обязательно познакомлю.

К вечеру на меня навалилась усталость. Продолжать пьянку и дальше не было ни малейшего желания. Я хотел отдохнуть. Князь одолжил мне короткий теплый плащ, чтобы я не замерз, добираясь до замка Буль де Зиров. На дворе стояла ранняя осень. Раньше мне больше везло с погодой, все приключения проходили в летнее время года. Во дворце праздник грозил затянуться до утра, поэтому, с нетрезвого согласия Плимутрока I, мы втроем тихонечко отвалили. Поместье находилось не более чем в получасе хорошей езды верхом, так что короткое время для болтовни у нас было.

– Значит, мы опять на войне, – задумчиво подвел резюме моему рассказу трусливый рыцарь.

– Не факт. Это мое личное дело, я сам найду своего сына. Не думаю, что похитители сделают ему что-нибудь плохое. Если им так нужен ландграф, они сами дадут о себе знать...

– Король обещал помочь? – напряженно встряла Лия. Моя белобрысая подружка выглядела настоящей дамой высшего света: в длинном парчовом платье, меховом плаще, с эффектной прической под сеткой с жемчугами. Она и верхом-то сидела по-дамски, боком, великолепно управляясь с лошастью.

– Да, завтра они оповестят всю страну и будут платить золотом за любое известие об Иване.

– Конечно, конечно... Тогда никаких сложностей. У нас в государстве сейчас все тихо и мирно. Мальчика быстро найдут, не сомневайтесь, милорд... – Почему-то в разговоре появилась нотка непонятной напряженности. Мы все испытывали смутное неудобство, хотя я еще не вполне понимал его причины.

– Лорд Скиминок, а вы помните Луну?

– Да, конечно. Что с ней?

– Она так и не появлялась за все это время, – счастливо вздохнула Лия, явно радуясь перемене темы. – Когда вас взяла на небеса богиня, в народе разнесся слух о вашей святости. Мы надеялись, что она вернется и спросит нас как прямых свидетелей чуда, но наемница исчезла навсегда.

Я загрустил. Кареглазая девушка с темными волосами, пытавшаяся меня убить и ставшая мне... всем! По ней я действительно тосковал все эти годы. Пытался ее забыть, но... Какая разница?! Возможно, она давно замужем, растит детей и, согласно законам своего клана, готовит будущих наемных убийц.

Мы приехали далеко за полночь. Отец Бульдозера уже спал, он был пожилым человеком и нуждался в покое. Мне выделили роскошную комнату, я принял ванну и, развалившись на кровати, попытался уснуть. Ничего не вышло. Я думал о сыне. Скорее всего, ему действительно не причинят вреда, но ведь могут и просто напугать. Детская психика такая ранимая... Потом вновь вспоминал Луну. У нее удивительные глаза и губы ласковые, как лепестки. В дверь поскреблись.

– Войдите.

– Это я, милорд. – На пороге в длинной ночной рубашке, тапочках и колпаке стоял смущенный Бульдозер. – Мне надо... Нам надо... поговорить.

– Заходи, садись, говори.

– Лорд Скиминок, поймите меня правильно... Вы ушли так неожиданно! Мы оказались одни, а король... Ну, ведь надо было хоть кого-то награждать за победу над Зубами?! Все почести достались нам двоим. Я был прощен, обласкан, вновь допущен ко двору. Отцу понравилась Лия. Их величество отдельным указом сделал ее баронессой, и наш брак обрел полную гармонию. Мы уже столько времени счастливо живем в папином замке. Я, возможно, даже прибавил в весе. Но дело не в этом... Как ваш верный оруженосец, я по-прежнему готов следовать за вами куда прикажете. Просто... не подумайте обо мне ничего плохого, милорд, но...

– Довольно! – Я потрепал парня по плечу. – Не хватало еще, чтобы ты упал на колени и разреvelся.

– Но, мой лорд...

– Я не твой лорд! Слушай внимательно... Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир, я освобождаю тебя от обязанностей оруженосца! Отныне ты вольный человек и распоряжаешься своей жизнью так, как тебе заблагорассудится. Не перебивай! Сегодня я хочу выспаться, а завтра ты проводишь меня до дворца. На этом мы в расчете!

– Я... мне можно идти? – выдавил он, глядя в пол.

– Иди. Не загружай себя морально-этическими глупостями. Это слишком личная война, я разберусь сам.

– Но... потом вы зайдете к нам в гости?

– Обязательно.

Жан еще раз кивнул и вышел. Я попытался ни о чем не думать. Беготня и мордобои рано или поздно надоедают всем. Нельзя осуждать моего друга за то, что на этот раз он хочет подождать в стороне. В конце концов, речь действительно идет не о спасении целого королевства, а всего лишь об одном украденном ребенке... Моем сыне!!!

Вновь скрипнула дверь. На пороге стояла сумрачная Лия.

– Вы позволите, лорд Скиминок?

– Валяй. Если сможешь забыть, что ты теперь знатная дама, то садись на кровать и говори.

– О чем? – грустно улыбнулась она.

– О Бульдозере. Ты ведь за этим шла? Не возмущайся, вижу, что за этим. Сделай милость, будь со мной откровенна. Если не хочешь, можешь ни о чем не спрашивать, я сам все скажу.

– Милорд, вы же понимаете...

– Да. Жан уже был у меня. Валялся в ногах, причитал, плакал, слезно молил разрешить ему принять участие в новом приключении.

– А вы?

– А я отказал. Дело не стоит выеденного яйца, мне и одному – раз плюнуть! Мобилизация помощников не требуется. Договорились, что мы с Иваном заедем к вам в гости на обратном пути.

– Спасибо... спасибо, милорд... – Лия быстро наклонилась и поцеловала мою руку. – Простите нас... Все меняется. Поверьте, мы искренне рады вас видеть, все, что есть в замке, к вашим услугам.

– Я знаю. Не переживай. Иди к себе, а то муж забеспокоится, ревновать начнет...

– Пусть только попробует! – улыбнулась моя бывшая спутница. – Так я пойду? Спокойной ночи, лорд Скиминок.

Провалившись чуть не час после ее ухода, я понял, что уснуть уже не смогу. За окном едва-едва пробивался рассвет. Разлеживаться дальше не имело смысла. Я оделся и тихо спустился вниз. Растолкал слугу и потребовал, чтобы мне оседлали лошадь. Будить хозяев не хотелось. Все правильно... Мне пора. Я выехал из замка в утренний туман, пустил коня неторопливым шагом и попытался представить себе примерный план действий. Во-первых, надо подключить к делу верховную ведьму. Во-вторых, поинтересоваться у Бесса на Темной Стороне насчет новоприбывших светловолосых мальчиков, а еще... О, Вероника! Как же я про нее забыл?! В деле поиска чего-нибудь где-нибудь она первый человек. Если вновь не забивает себе голову очередным замужеством, то на нее смело можно положиться. Король, конечно, поднимет всех на ноги, поставит на уши и перевернет вверх дном все Соединенное королевство. Еще бы не грех найти Матвеича и посоветоваться с ним... Сзади раздалась

мерная дробь копыт. Меня нагонял тяжеловооруженный рыцарь. Массивную фигуру Бульдозера нельзя было спутать ни с кем другим...

– Я с вами, милорд!

– Не выдумывай глупостей! Поворачивай коня и дуй домой. Если Лия узнает, куда ты удрал, представляешь, что будет?

– Лорд Скиминок, – взмолился трусливый рыцарь, – ради всего святого – простите меня! Я не знаю, что на меня нашло. Вы ведь никогда, никогда не просили меня о помощи. Даже сейчас. Просто приехали, рассказали и уехали вновь. Вы слишком тактичны и благородны, чтобы напоминать мне о долге рыцаря и дворянина. Я недостойн быть вашим оруженосцем... Этой ночью, в родовом замке отца, я... просто предал вас! Я предал все, что нас связывало. Нашу дружбу, наши подвиги, наши раны и наши победы. Я хуже, чем мог себе вообразить. Смилуйтесь, убейте меня своей рукой, ибо я больше не смогу смотреть в глаза людям!

– Жан! Опомнись, что ты несешь?! – попытался вклиниться я, но парень был прямо-таки не в себе, и остановить его благоразумными увещеваниями не представлялось никакой возможности.

– Не гоните меня, милорд! Дайте мне последний шанс восстановить свое имя и обрести душевный покой. Простите мне то, чего я сам никогда себе не прощу!

– А ну, цыц!

От удивления и неожиданности он заткнулся. Я прислушался. Так и есть – снова стук копыт. Наверняка Лия, легка на помине. Что сейчас будет? Кроворазлитие с водопадом слез...

– Быстро спрячься с конем в кустах. Твоя дражайшая супруга уже отправилась в погоню. Я выясню, что ей надо, успокою, а дальше выкручивайся сам.

– Спасите меня, лорд Скиминок! Я все-таки ваш верный оруженосец и не намерен менять господина, – проскулил Бульдозер, скрываясь в желтеющем вереске.

Через пять минут рыжая кобылка доставила ко мне лихую белобрысую наездницу.

– Я с вами, милорд!

– Что-о-о?!

– Да ничего особенного. Вы ведь не подумали, что я отпущу вас в такую дальнюю дорогу одного? Искать украденного ребенка в нашей стране – дело очень хлопотное. Кто-то должен стирать вам рубашки, готовить постель и варить полезный компот? Я не спала всю ночь... Как вы справитесь без меня?!

– Но, Лия...

– Не перебивайте меня, лорд Скиминок, я и сама собьюсь! Воспользовавшись тем, что Жан куда-то вышел, я тихонько встала, вытащила свою старую одежду, сама оседлала лошадь и пошла будить вас. Понимаете, мне не хотелось, чтобы мой муж об этом знал. Он уже не тот, разжирел, обленился и давно не приспособлен к насыщенной приключениями жизни. Пусть отдохнет от меня недельку-другую. Слуг я предупредила, что уезжаю в гости к двоюродной тетке знакомой моей племянницы по материнской линии в Вошнахауз. Так что меня никто не хватится. Милорд, а у вас симпатичный мальчик?

– Ну, знаешь ли... – Из кустов с треском выехал гневный Бульдозер. – Что ты все время врешь? Что ты врешь, а?

– У... о... э... – распахнула клювик Лия.

– Она все врет, милорд! Я совсем не толстый. Ну разве что совсем чуть-чуть. И то это не жир, а мускульная масса!

– Творожная...

– Ах вот ты как! Обзываешься! Вот пусть сама сидит дома! Мне жизненно необходимы бои, походы и подвиги. Я мужчина или не мужчина?!

– Как... как ты... посмел удрать?

– Я посмел? На себя посмотри! Приличные жены сидят на кухне, заботятся о хозяйстве и ухаживают за престарелыми родителями. Мы с ландграфом прекрасно справимся без твоего зловредного участия. Значит, обленился и разжирел, да? Нет, вы только послушайте ее...

Бам-м-м-с! Так и не нашедшая что сказать Лия схватила седельную сумку и с размаху опустила ее на голову мужа. Судя по густоте звука, знаменитая сковородка хранилась именно там. На мгновенье Жан притих, сведя глаза на переносице.

– Брек! – вмешался я. – Прекратить взаимные упреки и односторонние побои. Мне уже все давно понятно. Семейная жизнь сделала из вас счастливую улыбчивую пару. Искренне рад! Но у меня большое горе... Даю вам обоим возможность еще раз отказаться от скоропалительного решения. Кто ушел, тот ушел, без обид и упреков. Остальные идут за мной и безропотно подчиняются любому моему диктату. Вопросы есть?

– Никак нет! – отрапортовали оба.

– Тогда произвожу перекличку. Жан?

– Я с вами, милорд! Как верный оруженосец...

– Лия?

– Я с вами, милорд! Как верный паж...

– Тогда в путь, время не ждет!

Наши кони дружно взяли в карьер, и спустя недолгое время мы трое, прежней боевой командой, улыбались восходящему солнцу и были счастливы. Жизнь многое меняет в людях. Как все-таки хорошо, что моим друзьям быт не заслонил понятия чести, совести и благородства. Славное средневековье... Если б мог, остался бы здесь навсегда!

Ворота города встретили нас глухим молчанием. Мы стучали, кричали и возмущались довольно долго. Наконец смотровое окошечко открылось, и бородатый начальник стражи раздраженно оглядел нас:

– Это вы, ландграф? Эй, лентяи! Быстро открыть высокородному лорду Скиминоку!

– Что случилось? – почему-то догадался я.

– Да у... Тут такое произошло! Сегодняшней ночью похитили внуку короля – маленькую принцессу Ольгу...

Лиона, естественно, голосила. Унять ее было не легче, чем заткнуть тряпкой парходную сирену. Да и гораздо опаснее, между прочим. Король суетился по дворцу, то обещая горы золота нашедшему принцессу, то угрожая поотрубить всем головы, если ее вот сию же минуту не вернут! Все вокруг бегают, гремят оружием, обшаривают закоулки, шлют гонцов, плачут... Один князь, встав столбом у окна, вглядывался в даль и молчал. Ни слова, ни слезы, ни стоны, но стало страшно...

– Я найду ее. Обещаю. – Злобыня вздрогнул, повернулся ко мне, его глаза были наполнены такой болью... – Возьми себя в руки, брат. Ты же князь! Поднимай дружину, оповести всех, а я сию же минуту еду на поиски.

– Но... почему? – едва выдохнул он.

– Вопрос не по адресу. Сначала мой сын, потом твоя дочь... Кто-то очень хочет деморализовать нас изнутри. Украсть ребенка – это ведь хуже удара в спину! Но если ты простишь здесь целую вечность, то никому лучше не станет.

– Не груби князю! – неожиданно взревел Злобыня, стукнув меня кулаком в грудь. Я не остался в долгу, саданув его по уху со словами:

– Не вижу князя, вижу тряпку половую!

С минуту мы испепеляли друг друга грозными взглядами, потом опомнились.

– Куда ты поскачешь, друже?

– Для начала в Тихое Пристанище. Может быть, тамошние ведьмы общим числом что-то полезное и посоветуют. Потом на Темную Сторону. Я почему-то думаю, что все наши беды оттуда. Ты проверил развалины Зубов?

– По камушку разобрали. Твоих личных врагов там нет, ни живых, ни мертвых. Кришнаиты тоже в большинстве сбежали.

– А где Локхайм?

– Не ведаю. Уж более двух месяцев нет его. Летает небось невесть где. Пошто спросил, о королеве соскучился? Так незамужняя она, все тебя ждет.

– Сочувствую. Именно в этот приезд я так невероятно занят. Просто ломовая загрузка делами, ни минуты на развлечения...

– Тебе видней, брат. – Князь постепенно обретал себя. – Значится, мне с ратниками надо двигаться границей да смотреть в оба. Как твой парнишка-то выглядит?

– Копия я! Только без усов и ростом пониже. Волосы короткие, светлые, рассыпаются соломой, глаза голубые, стройный, умеет поддержать разговор, начитанный...

– Ежели встречу – узнаю. Надо дружно взяться, так и одолеем врага неведомого. Ты-то как мыслишь, кто на такое мог решиться?

– Лучше не спрашивай... Раюмсдалю и Зингельгоферу подобное не по плечу, думаю, даже старушка Гнойленберг одна бы не справилась. Очень смущает след раздвоенного копыта на ковре в детской комнате. Слушай, а как сейчас поживает наш знакомый поручик Брумель?

– Бес поганый? Подлечили мы его. Он с двумя дружками рогатыми в свой Ад отправился, но... Да не мог же он?!

– Он – нет, но раздвоенное копыто – верный признак участия чертей. Ладно, каждому пора за свое дело. Я пошел.

– Прости, ежели что... Совсем от горя разум потерял, не ведаю, что творю... – Злобыня на прощанье сжал мне руку. Его я понимал, как никто. Мы два отца, потерявшие единственных детей. Но если дать волю чувствам, удариться в панику – все! Нам их вовек не увидеть. К тому же что-то говорило мне, что малышам прямая опасность не угрожает. Интуиция, предчувствие, подсознание...

Наши кони несли нас в Тихое Пристанище. В новом, специально перестроенном санатории для ведьм я еще не был. Собственно, по уши хватало предыдущих впечатлений. Торжественный обед из плесени и гнили, свирепые бабульки, срамные танцы и причащение кровью моих спутников... Незабываемо! Потом это милое местечко разрушил Ризенкампф, а Горгулия Таймс восстанавливала его заново. Ночь прошла спокойно. В смысле того, что нас никто не беспокоил. Утром я встал первым и... У НАС УКРАЛИ ЛОШАДЕЙ!!! Все остальное – прекрасно! Чудно! Великолепно! Я не менее получаса орал то на Лию, то на

Бульдозера. Лия соответственно на Жана. Ему орать было не на кого, таким образом, козел отпущения нашелся сразу. Впрочем, при детальном осмотре часть обвинений с него снялась – там, где стояли наши кони, земля была истоптана раздвоенными копытами.

– Черти! – дружно решили мы. Виновники преступления найдены. Дальнейший путь пришлось преодолевать пешком. Естественно, что нашего настроения это не улучшило.

– Не люблю я чертей, милорд... волосатые они и пахнут дикой смесью серы с козой. К тому же ваш Брумель вечно бросал на меня такие похотливые взгляды... – задумчиво молвила Лия.

– Получит меж рогов! – клятвенно пообещал Бульдозер.

– А в самом деле, почему за столько времени бравый поручик с бакенбардами не дал о себе знать?

– Зазнался и забыл! – хмыкнула Лия, но меня подобное объяснение не устраивало. Брумель сумел завоевать всеобщее расположение, для черта он был чрезвычайно воспитан, образован и довольно ироничен. Его отчаянная храбрость в Ристайльской битве, спасшая жизнь принцессе Лионе, долгое время заставляла других участников с завистью смотреть вслед перебинтованному герою.

– Он ведь сбежал от своих. Может, по возвращении его не простили? – предположил Жан. Вот это запросто. Хотя все равно непонятно, с чего бы это куче чертей спустя столько лет мстить невинному лорду Скиминоку? И все за то, что я всего-то один раз заставил их вылизать территорию...

Рыцари, как правило, плохие ходоки. Вот и Бульдозер, на свою голову уснувший не снимая доспехов, был вынужден топтать аж до самой деревни, громыхая, как разболтавшийся самовар. Нет, шлем-то он все-таки отвинтил, а под голову сунул сложенный плащик – спал хорошо, но шлем, естественно, тью-тью! Похитители не тронули только нас самих. Запасная одежда, сумки с провизией, всякие медикаменты и прочая походная утварь бесследно исчезли вместе с лошадьми. Спасибо Лие, она запихала мешочек с деньгами поглубже за пазуху и спрятала под мышку любимую сковородку. Теперь у нас был шанс купить лошадей в той самой деревне, где мы когда-то спасли Веронику. Но, как я и говорил вначале, тяжеловооруженный рыцарь – неважнецкий пешеход, и к деревенской окраине нам удалось выбраться лишь затемно. мудро решив, что самый верный ночлег в такое время можно получить только в церкви, супруги дружно забарабанили в двери невысокого храма.

– Кто там? – наконец проскрипел осторожный голос.

– Благородный лорд Скиминок с товарищами! Откройте, мы устали и страсть как хотим помолиться.

– Бегите отсюда не оглядываясь! В нашей округе появилась страшная ведьма, она ест людей... Уходите! Господь защитит вас...

– А ну, сейчас же открой, старый хрен в капюшоне! – перепуганно взревела Лия, обрушивая на крепкую дверь бледные кулачки. – У него тут кровавые чудища разгуливают, а он нас в дом пустить не хочет?! Да я сама тебя покусую!

– Успокойся, несчастная, дедушка шутит! Он наверняка забыл, что с него должок-с... Я когда-то обещал припомнить святому Чингачгуку удар крестом под лопатку. Конечно, он нас с радостью примет, напоит чаем с малиновым вареньем, угостит рюмочкой домашнего ликера и уложит спать, трогательно подоткнув всем одеяла.

– А еще расскажет добрую сказку про зайчика... – добавил заботливый Жан, но его

половина не спешила разделить наш юмор.

– Вы что, издеваетесь надо мной? Или все-таки утешаете? Святоша, открывай, по-хорошему прошу!

– Идите отсюда, дети мои... Я буду молиться за вас.

– Лия, прекрати орать! Эта деревенька всегда отличалась скоропалительным определением ведьм. Помнишь, как тут Веронику едва не спалили? А какая милая девочка оказалась. Вы даже подружились... Ну, скажи на милость, как ты представляешь себе страшную ведьму, разгуливающую по местному Бродвею на высоких каблуках, в платье с разрезом и гаванской сигарой в заточенных зубах?!

– Красные глаза, широкие плечи, рост выше среднего, когти длинные, волосы редкие... – осипшим голосом пустился перечислять мой оруженосец, вперясь взглядом за Лиину спину.

– Жан, я не тебя спрашиваю!

– А еще у нее уши острые... – меланхолично продолжил он, и до меня дошло. Меч Без Имени сам прыгнул в ладонь, серебро клинка засветилось матовым холодом. В десяти шагах от нас стояла чудовищная женщина. Вообще-то я ведьм в своей жизни насмотрелся... Просто такой жуткой не встречал. Все старушки Тихого Пристанища бледнели перед этой уродиной. Лия плюнула на дверь, обернулась... подумала... вспомнила молодость... и картинно повалилась в обморок, нахалка! Мы с трусливым рыцарем остались одни.

– Пришел. Сам пришел, – коротко пролаяла ведьма, двигаясь к нам скользящими шагами опытного рукопашника.

Боже, а если бы мой Иван был заброшен именно сюда? Пятилетний ребенок, ночью, один, на улице, где шляются зубастые твари, помешанные на человеческой крови... Б-р-р-р!

– Милорд, она пытается обойти нас!

– Держи топор наготове и встань со мной спина к спине. Эй, красотка! Какой шампунь дает волосам такой рост и бодрость тростникового стояния?!

– Сам пришел. Убью.

– Плавали – знаем... У вас слово «убью» заменяет обычное «здрате». Я понимаю вашу женскую нервозность, но, может быть, не стоит все принимать так близко к сердцу? Вон, уже слюнки на грудь потекли... Ай-яй-яй! Дать платочек?

Ведьма бросилась на нас с оглушающим воем. Бульдозер вздрогнул и пропустил удар. Ого! На новых латах чернели три глубокие царапины.

– Ты цел?

– Да, милорд... У меня еще кольчуга под доспехами. – Красноглазая тварь вновь атаковала, но мы дали дружный отпор. Ведьма злобно завизжала, получив обухом в плечо и скользкую рану в колено. Меч Без Имени наполнял меня дразнящей силой и упоением боем.

– Бей ее, Жан!

Мы ударили одновременно. Ведьма клубком поднырнула под топор рыцаря и свалила его с ног. Зубы и когти заскрежетали о латы. Противники покатались в партерной борьбе с такой скоростью, что я не успевал рубануть мечом. Положение не ах...

– Лорд Скиминок, я надеюсь, это у них драка? – внезапно раздался ревнивый голосок вышедшей из обморока Лии.

– Нет! Это страстные объятия, перемежающиеся с пылкими поцелуями, – глупо пошутил я. Напрасно. Иногда моя белобрысая подружка воспринимает юмор чересчур прямолинейно.

Мгновенье спустя красная Лия гвоздила сковородкой обоих, не слишком заботясь о том, кому попадало больше. Ведьма взвыла дурным голосом, обернулась к ней и... Вот тут-то я красивым взмахом отделил уродливую голову нечисти от широких плеч! Черная кровь брызнула во все стороны.

С боевым крещением, ландграф...

Наутро тело ведьмы намеревались предать костру. Священник со старостой собрали народ для торжественного праздника, все принарядились, выходя поплясать возле церкви. Нас называли героями. Местный кузнец взялся быстренько выправить латы трусливого рыцаря, хотя сам Жан больше пострадал не от ведьмы, а от любимой супруги. Лия шныряла по зажиточным домам, представлялась пажом высокородного лорда Скиминока, выклянчивая памятные подарки. Крестьяне в один голос божились, что светловолосые мальчики в фиолетовых плащах им не встречались, равно как и похитители принцессы. По общему заверению, посторонние люди через деревню вообще не проезжали. Что ж... будем надеяться, хоть в Тихом Пристанище повезет.

Проблемы начались в обед. Спустившиеся в подвал священник и двое подручных в рясах вернулись назад с белыми лицами – трупа ведьмы не было! Кровавые следы ясно показывали факт бессовестного бегства обезглавленной нахалки. Сельский праздник мгновенно превратился в день скорби. Жители, еще час назад восторженно носившие нас на руках, сжимали кулаки и хмурили брови. Вспыхивали разговорчики о том, что мы заодно с нечистой силой! Дескать, нарочно не убили до смерти, а лишь раздражили, и теперь она никому спуска не даст. Десяток наиболее революционно настроенных гегемонов уже собрался лично проверить нас на предмет лояльности к Сатане, но за дело взялась дипломатичная Лия:

– Грязные свиньи! Подлые скоты! Неблагодарные бараны! Русофобы!!! – Почему-то от последнего ругательства толпа испуганно подала назад. Я, Бульдозер и священник наблюдали за спектаклем, удобно устроившись в тенечке у входа в церковь. – Мой славный господин проливал за вас свою благородную кровь, а вы еще смее упрекать его в непрофессионализме?! Святой отец требовал сжечь нечистый прах еще утром, но именно вы настояли на торжественном костре вечером, когда стемнеет. Праздничка душе захотелось? Погреться у костерка, хороводы поводить, картошечку попечь, пионеры-пенсионеры!

– Да... ведь мы люди темные... – наконец вякнул кто-то. – Вот его светлость и пусть, как говорится... Убили бы сразу! А то что ж... Голову ей отсекли, а она возьми да сбежи!

– Правильно! Справедливо! Неча на полпути ведьму бросать... Раз он ландграф, пушай доделает! – опомнился народ.

– Цыц! – рявкнула Лия, и все мгновенно заткнулись. – Я поговорю с милордом... Может быть, он простит вас и соизволит еще раз поймать недобитую бармалейку. Но если услышу еще хоть один понукающий выкрик, клянусь – я лично погоню вас по домам поганой метлой, как расшумевшихся тараканов!

– А в самом деле, – вежливо попросил меня пожилой священник, – ведь вы не бросите этих несчастных в столь тяжелый час?

– Господь заповедовал прощать и возлюбить! – кстати вспомнил я цитату Брумеля. – Честно говоря, мне не в первый раз попадается враг, убегающий с отрубленной головой под мышкой. Мы уже воевали с мертвыми кришнаитами. Только огонь их и останавливает... Вопрос в другом – откуда здесь вообще взялась ведьма? В столице убеждены, что нечистая сила давно не дерзает высовывать нос. Но если какая каннибалка и забежала, то ведь

неподалеку есть Тихое Пристанище – насколько мне известно, все натуральные ведьмы прописаны именно там. Зачем ей хватать кого попало в деревне, когда рядом есть специально оборудованный заповедник? Подай заявление и живи на всем готовеньком...

– К чему вы клоните, милорд?

– Если ведьма предпочитает ваши края, то можно предположить, что она из местных! – прозорливо выдала Лия.

– Точно в яблочко! – похвалил я.

Час спустя весь народ под предводительством старосты и священника каялся в грехах представителям Великой Инквизиции. В смысле – мне и моей команде. По наивности я первоначально предложил золотую монету тому, кто назовет ведьму. Недопустимая глупость! В общей сложности из пятидесяти присутствующих женщин, девушек и старух ведьмами объявили всех поголовно! Не было ни одной тещи, которую зять не обвинил бы в пособничестве нечистому. Невестки указывали пальцем на свекровей и золовок, те в долгу не оставались – и взаимные упреки вкупе с тяжестью улик убедили бы даже суд присяжных. В то, что каждая старуха – ведьма, свято верило все мужское и женское население. Любая беззубая бабка с пеной у рта доказывала, что еще вчера видела ту или иную молодую красотку совершенно голую на помеле. Но круче всего оказалось заявление жены старосты: ведьма на самом деле – ее муж! От такого поворота событий окосел даже долготерпеливый священник:

– Дочь моя, но как... Как мужчина может быть ведьмой?!

– Да какой он мужчина, святой отец! Тряпка и есть... Если бы я только на него надеялась, так по сей день в девках ходила бы!

Господи Боже... Тяжек труд честного инквизитора. К вечеру я уже плохо соображал, туго слышал и едва ворочал языком.

– Может, попросту сжечь всю женскую половину населения? – утомясь доносами, предложил Жан. К моему удивлению, даже Лия согласно закивала.

– Нет. Мы не Голубые Гиены. Должен же быть простой, но действенный способ отделить зерна от плевел. Я ведь читал что-то очень подходящее... А, вот! Топить всех в реке – кто всплывет, та и ведьма.

– Увы, у нас речка мелкая, ее даже курица вброд перейдет, – развел руками церковник.

– Тогда не пойдет. Напомните мне, чего боятся ведьмы?

– Святого креста, святой воды, чеснока и соли.

– Так, так, так... уже теплее. Значит, нам надо... Браво, батюшка! Теперь мы ее найдем...

Приготовления заняли не более получаса. Священник открыл целый бочонок церковного вина. Лия нарезала кусочками черный хлеб, обильно натерев его чесноком и посыпав солью. Я же говорил с народом:

– Ахтунг, ахтунг! Все жители деревня обязаны пройти регистрация! Мужчины есть? Два шага назад! Женщины есть? Выходить, строиться! Ви все ходить в церковь, пить сладкое вино, кушать белый булька. Кто есть партизанен – будем немножко вешать!

Возможно, я и перегибал палку, но бабы безропотно выстроились в ряд и по одной заходили в двери храма. Там, внутри, они опрокидывали трехсотграммовый кубок церковного кагора, заедали просоленно-чесночным хлебом и запивали глотком святой воды. Обрато мы никого не выпускали, дабы не повторять процедуру дважды. Вскоре церковь здорово

напоминала кабак! Пьяные в дым женщины пели, орали, пытались отхлебнуть еще и чувствовали себя просто наверху блаженства. Бьюсь об заклад, еще ни один инквизитор не был так любим столькими крестьянками сразу. Женщины называли меня самыми ласковыми именами и упрямо лезли целоваться. А между тем ни вином, ни хлебом, ни святой водой не поперхнулась ни одна...

– Жан, там много еще?

– Две или три. Ведьма наверняка среди них.

– Скорей бы... Что-то я упустил, вместо сурового расследования устроив им праздник

Восьмого марта! Неужели так ни на кого не действует?

– Действует, милорд, – откликнулась Лия. – Еще как действует! Там уже поют сводным хором. Вот-вот плясать начнут.

Женщины кончились. Похоже, мой план потерпел полный крах... Мужчины волновались за дверями, а церковь была битком набита пьяными бабами в возрасте от шестнадцати до девяноста двух. Пожилой священник, несколько обалдев от обилия искусов и щедрых поцелуев в лысину, печально подергивал меня за рукав:

– Что-то не получилось?

– Увы... Мне нечем порадовать.

– Лорд Скиминок, не огорчайтесь, – вновь вмешалась бодрая утешительница. – Ну, не повезло. С кем не бывает? А метод был хорош! Раз уж даже мы ее здесь не нашли, то, значит, ее здесь нет.

– Козе понятно... Хотя... Стоп! – осенило меня. – Так ты говоришь – значит, ее здесь нет! Именно! Раз ее здесь нет, следовательно, в деревне наверняка есть женщина нужного возраста, но она сюда не пришла. Она не проходила тестирование, а она и есть ведьма! Святой отец, проверьте: точно ли все женщины сейчас в церкви?

– Все, сын мой.

– Вы уверены?

– Убежден. Да и сестра Марта подтвердит.

– Какая сестра?

– Монахиня. Она живет у меня в пристрое. Ее монастырь сгорел, и бедняжка больше года скитается по богоугодным заведениям, пением религиозных песен зарабатывая себе на жизнь. Я дал ей крышу над головой. За это она убирает вокруг храма.

– А почему не внутри? – за что-то зацепился я. Казалось, разгадка где-то рядом. Так утопающий хватается за первую попавшуюся дрянь вроде соломинки.

– Не знаю... Почему не внутри? – задумался священник. – Так она сюда и не заход... Боже мой!

– Где тут ваш пристрой? Жан, за оружием! Нам срочно надо нанести визит вежливости одинокой погорелице с весенним именем.

Под предводительством святого отца мы ринулись на поиски. Лия оставалась за главную, никто не хотел, чтобы толпа «умиленных» женщин выплеснулась наружу сообщить мужикам, что здесь бесплатно наливают. Слева, у входа находился маленький сарайчик, в нем спуск в подвал.

– Это невозможно... Я не могу поверить! Такая милая женщина...

– Она при вас когда-нибудь заходила в церковь?

– Нет, но она... Сестра Марта утверждала, что исполняет обет отшельничества и молится одна у себя внизу.

– Ведьма появилась примерно в то же время?

– Не знаю... возможно... да.

– Милорд, взгляните на косяк!

– Кровь... Это она, Жан!

Трусливый рыцарь попытался пройти вперед, и я не протестовал – на нем доспехи, а на мне рубашка. Если усопшая решит кусаться, так уж пусть поточит зубки о кованую сталь. Спустившись вниз по узкой лестнице, мы трое оказались в небольшой комнатке, заставленной бочонками, корзинками, садовым инвентарем, в углу, прямо на земле, – подстилка, имитирующая кровать. Рядом грубый стол, за ним, на колченогом табурете, спиной к нам сидела женщина, глядящая в осколок зеркала и... аккуратно пришивающая к шее отрубленную голову! Жан осел на ступеньки, его стошнило. Священник замер столбом, вцепившись в висевшее на груди распятие. Ведьма повернулась к нам и обнажила в улыбке острые зубы.

– Сам пришел...

– Я всегда прихожу сам. А здесь что – курсы художественной штопки или центр реплантации органов?

– Ты – Скиминонок! Сам пришел. – Слова давались с трудом. – Убью. Тебя все помнят. Я ждала... Убью.

Меч Без Имени занервничал в моей руке. Он не переносит долгого бездействия в присутствии потенциального врага. Ведьма бросилась на нас с неуловимой кошачьей грацией. Она буквально насадила себя на серебристый клинок, вышедший у нее меж лопаток. Зато когтистые пальцы добрались до моего горла... Я выпустил рукоять и перехватил ее запястья. Слишком поздно... Сила умирающей ведьмы во много раз превосходила мою.

– Жан! Помоги...

– Милорд, вы... вы хотите, чтобы я ударил женщину?! – донесся неуверенный голос моего оруженосца.

– Да... оп... аю... ать! – едва прохрипел я.

В то же мгновение закованный в стальную рукавицу кулак Бульдозера одним ударом оторвал недошитую башку нечисти. Пальцы ведьмы разжались...

После торжественного сожжения трупа Лия растерла мне шею смесью масла и вина, тепло укутала шарфом. Говорил я хрипловато, но знал – это пройдет. Жители деревни вновь прониклись к нам любовью и заботой. Священник даже не вспомнил, что когда-то я, Лия и Жан украли у него прямо с костра черноволосую девчонку с красивым носом. В свою очередь и я решил забыть о мести «святому Чингачгуку».

Мы направили купленных коней в сторону Тихого Пристанища. Всю дорогу меня грыз маленький червячок неудовлетворенных сомнений – почему ведьма все время говорила: «Сам пришел...»? Складывается нехорошее предположение, будто кто-то специально натравил ее именно на меня. Но кто? Хотя это не вопрос, таких доброхотов пруд пруди. Вот и придется теперь бедняжке вопить в Аду на сковороде: «Не виноватая я! Он сам пришел!»

Ничто не изменилось. Тот же реденький лес, тот же густой туман, тот же мшистый камень с памятной надписью: «Жизнь коротка, а на этом пути – еще короче». Черная гранитная тропа все так же уводила в серую неизвестность.

– Лорд Скиминонок... – задумчиво протянула Лия, – если вы ненадолго, то, может быть, мы подождем здесь? Ей-богу, без нас вы быстрее обернетесь. Собственно, что там

задерживаться? Вы ведь все у них видели...

– Но если мисс Горгулия будет настаивать на непременных пирожках, так вы не стесняйтесь, пообедайте! – с надеждой поддержал Бульдозер. – О нас не беспокойтесь, мы постоим...

– Не юлите, прохиндеи! Сам вижу, что боитесь. Ничем не могу помочь – придется ехать вместе. Я намерен выйти с той стороны, а ваши прошлые обиды давно пора бы забыть. Вперед, нас ждут. Надеюсь, что мисс Горгулия и Вероника уже там...

– А если нет?!

Я обернулся и пристально глянул им в глаза, соображая, кто же буркнул последнюю фразу. Оба тут же опустили очи долу, застенчиво заерзав в седлах. Впрочем, спорить не стали и бодро двинулись за мной. Классический пример подчинения вассала своему господину. Хотя мои ребята еще здорово разбалованы в этом смысле. Попробовал бы какой-нибудь паж так вольно разговаривать ну, например, с де Бразом, так мгновенно получил бы законную сотню плетей на конюшне.

На этот раз мы пустили скакунов резвой рысью, держась вблизи друг друга. Лишь однажды впереди мелькнула чья-то серая тень. Меч Без Имени вспыхнул горячей волной опасности, я поднял его над головой, описывая сияющий круг, и недовольный старушечий голос проскрипел:

– Бесполезно, это опять ландграф!

Однако как приятно, когда тебя все узнают...

Внутри Тихого Пристанища всегда хорошая погода. Каким образом хозяйкам удается ее поддерживать – ума не приложу. Четыре незнакомые старушки проводили нас к Серому Алтарю. Вокруг уже копошился контингент, накрывая столы и суматошно готовясь к праздничному обеду. Ведьма, руководившая всем, представилась мне как мадам Гнидакс.

– Мы много наслышаны о вас, лорд Скиминок. Большого врага нашей родной нечистой силы трудно себе вообразить. Однако моя начальница всегда отзывалась о вас с непременным уважением.

– А где сама мисс Горгулия?

– Наводит справки по делу об исчезновении маленькой принцессы Ольги.

– Понятно, она тоже решила стать частным детективом. Надеюсь, хоть Вероника здесь?

– Увы, эту юную сумасбродку носит неизвестно где. Теперешняя молодежь совсем не слушает советов старших. Она, конечно, редкий самородок с огромным магическим потенциалом, но... Девчонка буквально замучила всех своими бредовыми фантазиями.

– Очень жаль... Мне позарез нужна ее помощь.

– Прошу всех за стол!

Мы расселись. Черт подери, как же не везет... Ни одного знакомого лица, все старушки новые, обзеревают нас с плотоядным интересом, не деликатно едят немытыми руками заплесневелые полынные салатки. Мадам Гнидакс, как заместительница Горгулии Таймс, взяла на себя роль тамады и подняла первый кубок в мою честь:

– Сестры, мы рады принимать сегодня у себя за столом легендарного ландграфа! Но лично я полагаю, что на столе он смотрелся бы куда аппетитнее... Шутка! Лорд Скиминок уже даже не гость в нашем мире, а скорее родственник. Обычно удача улыбается обаятельному кавалеру. Так выпьем же за то, чтобы хоть в этот раз он наконец свернул себе шею!

Бодрые аплодисменты и дружное опрокидывание кружек.

– За победу? – предложил я.

– За нашу победу... – тихо и проникновенно чокнулись Лия с Бульдозером.

Пир шел своим чередом. На мясные блюда мы не налегали – мало ли чье мясо подсунут! А вот пирожки с грибами, квашеная капуста, соленые огурцы, жареные овощи и золотистое вино были просто великолепны. Умелых кулинарок среди престарелых ведьм явно хватало. Сами ведь едят черт-те что! Плесень, тушеных ящериц, лягушачьи мозги, паштеты из мышинной печени, вареный репейник и перекрученные в фарш свежие кактусы. Подозреваю, что кое-где использовалась и человечина... Уж кровь пьют точно! Конкретно я в этом случае никого не осуждаю. Бесполезно... Ведьмы так устроены, начнете перевоспитывать – вам же хуже будет. Станут лицемерить, скрытничать, притворяться, а в результате, усыпив вашу бдительность ложным раскаяньем, при первом удобном случае наделают из вас антрекотов. Начинаящим макаренко не стоит со мной спорить, я здесь не первый раз, поверьте...

– Господин ландграф, вы, кажется, хотели о чем-то спросить? – Мадам Гнидакс наклонилась ко мне поближе. В сравнении с Горгулией Таймс она была втрое худее, волосы имела короткие, бледно-каштановые, глаза черные, хитрые. При разговоре с ней все время казалось, что она знает гораздо больше, чем говорит, и вечно над чем-то подсмеивается. Я привстал, поднял кубок и обратился к притихшей публике:

– Милые дамы! Чрезвычайно рад возможности вновь оценить высокие достоинства вашей кухни и теплоту искреннего общения со столь избранным женским обществом. (Аплодисменты.) Единственное, о чем мне приходится сожалеть, так это о том, что сегодня я не только гость, но и проситель. Мне нужна ваша помощь! (Жидкие аплодисменты.) Как вы, видимо, слышали, у короля похищена внучка. Назовем это трагедией государственного масштаба! Но за день до этого киднеппинга был бессовестно уворован мой сын. Вы слышите, кто-то посмел украсть сына тринадцатого ландграфа! (Недоуменное молчание.) Я хочу, чтобы вы совершили богоугодное дело и помогли найти негодяев!

На какое-то время повисла тишина. Потом одна бабулька хихикнула. За ней вторая, третья... Мгновенье спустя все Тихое Пристанище заливалось счастливым злобным хохотом! С трудом отсмеявшись, мадам Гнидакс вперила в меня лучистый взгляд и заявила:

– Ты ищешь помощи, ландграф? За нее придется заплатить...

...Признаться, когда смешинка попала в рот первой старушке, мной овладело нехорошее желание уронить ее носом в суп. Когда искренне заржали все, ребята вцепились в меня, Христом Богом умоляя не хвататься за меч. С большим трудом взяв себя в руки, я как можно вежливее спросил у хозяйки:

– Сколько стоят ваши услуги?

– Вы готовы на любую плату?

– Да. Сколько помнится, у меня в этом мире есть поместье, частный дом в Вошнахаузе, лошади, карета и неограниченный кредит у коронованных особ. – Лия и Жан согласно закивали.

– Золото здесь не в цене... – покачала головой хитрая ведьма. – Боюсь, что вам придется пожертвовать несколько большим. Хотя... с другой стороны, разве головы ваших слуг могут стоить жизни вашего сына?

– На Алтарь их! Мы должны причаститься кровью пленников! – восторженно завопили людоедствующие пенсионерки, мгновенно взяв нас в кольцо ножей, вилок, зубов и когтей.

– Старые дуры! – Тихая, слепая ярость медленно захлестнула мое неуравновешенное

сознание. – Да будь здесь Горгулия Таймс и Вероника...

– Успокойтесь, лорд Скиминок! Никто не угрожает вам лично. Все отлично знают, как к вам относится наша начальница и ее воспитанница, – мягко вмешалась Гнидакс. – Но насчет пажа и оруженосца никаких четких указаний не поступало. Должна признать, что мне, например, они глубоко симпатичны, но... Мы не можем нарушать вековые традиции Тихого Пристанища. Вы ведь знаете, как это бывает – там поблажка, здесь поправка, тут исключение, и постепенно весь налаженный строй катится в тартарары!

– Милорд, они не посмеют... – тонким фальцетом пропищал трусливый рыцарь, хватаясь за табурет.

Щуплая старушка в синем бархате щелкнула пальцами, и Жан замер в параличе. Лия ничего не сказала, но мгновенно отправила бабке в физиономию миску со свекольным салатом и мухоморами. Большого она не успела, окаменев так же, как и ее супруг, в отчаянной попытке дотянуться до блюда с пирогом. Мадам Гнидакс быстро отступила от меня, и ведьмы счастливо захихикали. Я схватился за меч, сделал шаг вперед – бам! Надо же так треснуться лбом... Елки-моталки! Они успели засадить меня в купол. Прочная прозрачная сфера, не пробиваемая никаким оружием, – магия! Неоднократно сталкивался в прошлом... Моих неподвижных друзей радостно волокли к Серому Алтарю. Я бился в куполе, как вобла в аквариуме, едва не вопя от бессильной злобы.

– Сожалею, ландграф... Меч Без Имени вам не поможет. Спасения ждать неоткуда. Впрочем, если вы и вправду тот, за кого себя выдаете... Кто же может остановить лорда Скиминока? – ободряюще улыбнулась Гнидакс, демонстративно посмотрев мне под ноги. Потом величественно повернулась и ушла.

Я опустил глаза. Рядом, справа валялась тонкая золотистая палочка со звездочкой на конце. Неужели это... Вот так удача! Теперь мне стали понятны ее многозначительные взгляды. Да, ничего не скажешь, мисс Горгулия нашла себе достойную заместительницу. Столь изощренное коварство по плечу не многим...

Ладненько... Давайте просто предположим, что этот брошенный сувенир – волшебная палочка. Как же ею управляют? Не помню... Вот ведь незадача – мало того что не знал, так еще и забыл! Что же делать? Махнуть, что ли...

Я размахнулся от плеча, палочка со свистом разрежала воздух. Больше никакого результата. Купол на месте. Тьфу, может, сказать что-нибудь надо?

– Гром и молния! Да как же она функционирует?!

Последовавший грохот заставил меня слегка присесть, сфера лопнула, а серебристая молния в щебень разнесла глыбу, еще недавно именовавшуюся Серым Алтарем. Разгоряченные ведьмы ошалело заморгали. Пенсионеры после четырехсот пятидесяти вообще считают себя шибко умными. Они жизнь прожили, они знают... Ага, как же!

– Сейчас же отпустите моих друзей, или я вам тут в две минуты устрою праздничную карусель с поголовной раздачей Оскаров за лучшую женскую роль третьесортного пошиба!

Ой... махать-то не надо было! Что я наделал? Территория Тихого Пристанища вмиг покрылась качелями и каруселями, на которые неведомая сила безапелляционно рассадила негодующих бабок. А потом еще каждая получила по макушке хорошенькой позолоченной статуэткой высшей кинематографической награды Голливуда. Лия и Жан попытались уползти в кусты – они уже могли двигаться, – но, похоже, совсем не хотели попасться мне под горячую руку. Я вошел в раж...

– Значит, не нравится?! Я вам покажу, как третировать мирных ландграфов! Да чтоб у

вас у всех носы поотвалились! Чтоб вас приподняло да прихлопнуло! Чтоб вас всех в смоле искупало и в перьях вываляло! Чтоб у вас икота началась! (Это я на случай, если кто из старушек вздумает чирикнуть против меня ответное заклинание.) Чтоб у вас остатки волос навек дыбом встали, вот! Чтоб вы все окосели до неприличия! Чтоб... А, ладно, хватит с вас! Так, значит, еще хочу вот сюда, на полянку, сауну с бассейном и гидромассажем. Столик на троих, свечи, шампанское из Парижа, черную икру, ананасы... Еще чтобы блюз играл и певицу в шелестящем платье с декольте, как у Лолобриджиды. Спасибо! Да, чуть не забыл – мороженое, три порции, пломбир с малиновым вареньем...

– Остановитесь, лорд Скиминок... – Едва дыша от смеха, из-за кустов вышла мадам Гнидакс, размахивая белым платком парламентаря. – Палочка не может выполнить все сразу. Любая магия нуждается в восполнении ресурсов. Не сердитесь... Я пошутила. Мне столько рассказывали о вас... Простите, грех было бы не воспользоваться таким случаем и не поглядеть, каков вы в деле, став личной свидетельницей ваших подвигов.

Прочие ведьмы вряд ли разделяли ее энтузиазм. Потом мы добрых минут двадцать убили на то, чтобы привести Тихое Пристанище в более-менее сносный вид, а старушкам вернуть прежний облик. Но все равно при возврате и дележке отпавших носов двое или трое бабулек ворчали, что им подсунули чужие, а у них были и меньше, и изящнее, и красивее во сто крат!

– Милорд, как же я рада вас видеть! – Свалившаяся с небес черноволосая девчонка повисла у меня на шее, восторженно болтая ногами. – Эге-ге-гей! Лорд Скиминок вернулся – танцуют все!

– Вероника, что ты наделала?!

– Я? Да ничего особенного, просто...

Все Тихое Пристанище, включая моих ребят, пустилось в пляс. Бабки костерили юную ведьму на чем свет стоит! Бульдозер пытался сбавить зажигательное испанское фламенко, что несколько затруднялось тяжелыми латами. Лия носилась вокруг вприсядку, матерясь, как ошпаренный кришнаит. Старушки дружно наяривали прибалтийскую летку-енку, бросая на меня самые многообещающие взгляды, не сулящие, впрочем, ничего хорошего... Красная мадам Гнидакс с выпученными глазами реалистично изображала партию умирающего лебедя.

– Сейчас же прекратить бардак! – Гневный голос верховной ведьмы Тихого Пристанища нарушил идиллию спонтанной дискотеки. Вероника схлопотала подзатыльник.

Запыхавшаяся Горгулия Таймс встала напротив меня, уперев руки в бока:

– Ну, ландграф, что ты тут на этот раз учинил?!

Я пожал плечами. Ну, не ябедничать же, будто нас опять хотели съесть, а на самом деле всего лишь шутили? Тем более что у некоторых еще не прошла икота и аристократическое китайское косоглазие было чересчур заметным.

– Глаза бы мои тебя больше не видели, – жалобно всхлипнула верховная ведьма. – Пошли за стол, поговорить надо. Вероника, распорядись насчет вина и фруктов. Я сказала – распорядись! Только посмей наколдовать!

Счастливые бабульки дунули в разные стороны, спеша спрятаться от неосторожных заклинаний несносной практикантки. Мы впятером сели за дубовый стол, и мисс Горгулия начала свой нервный рассказ:

– Детей я нашла.

– Где?!

– Не перебивай! И так настроение хуже некуда... Лечу домой, тут все вверх дном, персонал в смоле и перьях, все икают и косятся на меня так, что аж спотыкаются! Как же здесь тихо было... Без тебя!

– Не отвлекайтесь, ради Бога! Где Иван?!

– Там, где давно бы следовало быть тебе, – в Аду!

Наверно, у меня подкосились ноги. Бульдозер подставил плечо, Лия плеснула вина и заставила выпить. Мир вокруг стал блекнуть, краски расплывались... Значит, его все-таки утащили черти. В памяти всплыли картины Кровавого озера с кипящей водой, злобная рогатая нечисть с острыми вилами и... мой сын! Совсем ребенок...

– Не переживайте, милорд, мы спасем его!

– Она права, сбегает и спасет. Вы ведь помните, как мы ходили во Тьму, – ничего страшного, прогуляемся еще раз.

– Хватит языками молотить! – прикрикнула на супругов мрачная ведьма. – Во Тьму они собрались... Это вам не по Лабиринтам разгуливать, не бронзовую куклу до поноса изводить и даже не Зубы штурмом брать. Вот что, ландграф... Уходи! В этом деле замешаны такие силы, что Ризенкампфу с Гнойленберг и не снились. Поверь. На Катариаду свою тоже не надейся. Она, может, грудкой да попкой и ничего, но драка здесь не того масштаба. От такого уровня богинь только перья летят! Говорила же тебе, дураку, нельзя так долго сражаться на стороне Добра. Надо же и Злу побеждать когда-то. А ты за два недолгих приезда привел все королевство прямо-таки к райской жизни! Ризенкампфа убил, Раюмсдаля прогнал, от кришнаитов избавил, Гнойленберг вообще испарилась невесть куда после того, как ее мумию разорвало. Нечисть прячется, люди мирно блаженствуют, и даже мое родное Тихое Пристанище, вместо того чтобы лишний раз тебя съесть, Луна-парк себе устроило! Кто ж такое потерпит?! Не зли владыку Ада!..

– Где мой сын? – тупо выдавил я.

Горгулия стусевалась, но не отступала:

– Сначала хотели украсть именно тебя. Потом, когда посланцы вернулись с твоим мальчишкой, в Аду все прямо с ума посходили от радости. Надо же, такой случай – поймать ребенка свирепого ландграфа! Сразу повязать тебя по рукам и ногам. Зная твой чистоплюйский характер, готова держать пари – ты сам, как послушная собачонка, к чертям побежишь, лишь бы Ваньку твоего не тронули. Не тронут, не бойся... Там на него другие виды.

– Вы... его видели?

– Нет. А если бы видела, то притащила бы сюда к тебе, несмотря ни на что! Вероника, налей еще вина, хочу напиток... Ты думаешь, раз я ведьма, то мне это нравится? Чушь! Мы все разные, у каждой своя территория, своя сфера влияния, свой кодекс чести и свод законов. Мы на поверхности, черти под нами, ну а эти молодцы, заварившие всю кашу, они еще ниже. Но именно они контролируют все! Я против такой силы не полезу. Я лишь малая ее частичка и не дерзну дразнить остальное поголовье. Мне хочется жить...

– Вы хотите сказать, что похищением сына милорда руководил сам... – ахнула Лия.

– Люцифер! – безжалостно dokonчила верховная ведьма.

Мои ребята побледнели и всерьез призадумались, а не упасть ли в семейный обморок?

– Послушайся моего совета – уходи. Уходи, пока цел... Сына ты не вернешь, сам погибнешь во цвете лет. Стены лбом не прошибают. Смертные не дерутся с бессмертными.

Меч Без Имени не может убить Владыку Ада. Он расплавится в лужицу металла от одного взгляда Светоносного. Я еще не знаю, как они намерены использовать мальчика, более точной информации получить не удалось. Могу лишь предположить, что из него вырастят хорошего колдуна, или чернокнижника, или кого-то еще в этом роде. Должен же кто-то исправить все, что вы с мечом здесь понатворили... Ты все понял?

– Все.

– Вот и умница. Поезжай и ни о чем не думай. Мы тут быстренько справим тебе курицу на обратную дорогу, – облегченно зачастила мисс Горгулия Таймс.

– Я пошел.

– Куда?

– За Иваном!

Впервые на моей памяти верховная ведьма Тихого Пристанища села и безысходно заплакала. Вероника бросилась ее утешать, все смотрели на меня самыми осуждающими взглядами, а я разглядывал облака. Плевать!

– Ну вот за что? За что он со мной так? Я же по-хорошему... Разве я ему враг какой? Я его хоть раз предала, бросила, укусила? Зачем он так со мной... при всех... Можно подумать, мне мальчика не жалко. Да на моих руках Танитриэль выросла! Я всегда детей любила и не ела их никогда. Слышишь, ты, – никогда! Но нельзя... Нельзя бороться с самим Люцифером... Он – везде! Мы говорим, а он все слышит. Мы думаем, а он все знает. Мы шагу не можем ступить, чтоб ему не было об этом известно. И нечего на меня обижаться – я правду говорю! Смотрит на меня, как на эту... Понаразвели ландграфов!..

– Милорд, успокойте ее, – включилась Вероника, – скажите, что вы больше не сердитесь!

– Я ни на кого не сержусь. Отправьте меня во Тьму сию минуту!

– Во Тьму? Во Тьму! Он опять хочет шагнуть во Тьму! – истошно заголосили старушки.

– Мы с вами, лорд Скиминок! – тут же подскочили мои храбрецы. – Возьмите нас с собой, мы здесь не останемся.

– Вы слышали, что сказала верховная ведьма? Это даже не безнадежное дело, а просто верная гибель. Вернетесь домой...

– Ха! – бросила Лия. – Всем известно, что если Меч Без Имени в руках у моего господина, то и самому Владыке Ада лучше поразмыслить о своем поведении. Пока еще не поздно... Милорд, вы ведь ему покажете?

– Ага, вот сейчас достану и покажу!

Горгулия Таймс зарыдала еще громче. Мадам Гнидакс накапала ей валерьянки в белое вино и удивленно уточнила:

– Скажите, ландграф, такая безрассудная отвага или такое безапелляционное хамство – это что, основной критерий отбора ваших спутников?

– Нет! – обрезала Лия, не давая мне даже рта раскрыть. – Обычно мы вежливые и скромные, но мы любим милорда, и нам больно смотреть на его душевные страдания. Человек сына ищет, а вы его каким-то Люцифером пугаете. Да если бы у меня ребенок пропал, так я бы весь Ад на уши поставила. Они бы у меня все ходили в белом, с крылышками и распевали псалмы из воскресного курса церковно-приходской школы! Правда, Жан?

– Истинная правда, – подтвердил трусливый рыцарь. – Сын милорда – он и наш сын. Не

для того мы кровь проливали и в окопах гнили, чтоб всякие интервенты нашим детям светлое будущее заслоняли!

– Понятно... – кивнула задумчивая заместительница и покрутила пальцем у виска. – Вы все здесь немного... Скиминоки.

И вот, охая и ахая, все ведьмы Тихого Пристанища удалились на закрытое совещание. Им многое стоило обсудить. Помочь мне значило вызвать гнев Владыки. А поскольку вся нечисть так или иначе подчиняется именно ему, то дельце пахивало революцией. Тихое Пристанище едва ли было готово заявлять такой суверенитет... Но если рассмотреть проблему иначе, получается, что, отправив нас во Тьму, ведьмы совершают самое черное злодеяние. В любом достоинстве есть свои недостатки... Ведь нас наверняка ждет страшная смерть, и старушки лишь коварно открывают к ней дорогу. Это, с ведьмовской точки зрения, очень хорошо и правильно. Я дал приказ седлать лошадей. Ясно, что ребята меня не оставят. Пусть... такова их планида. У меня особенного выбора нет, а им не привыкать к походной жизни. Тем более что Лия Тьму еще толком и не видела. Она же в прошлый раз проспала всю дорогу...

– Вероника!

– Да, милорд.

– Остановись на минутку. У тебя все в порядке с этим... ну, с замужеством?

– Я объявила развод Якобсу еще при вас. Пока вновь лезть под венец мне неохота.

– Тогда о каких бредовых фантазиях, забивающих тебе голову, мне говорила мадам Гнидакс?

– Ах, это... – Юная ведьма смутилась и начала ненавязчиво грызть ногти, есть у нее такая дурная привычка. – Так, просто... мне показалось... Я там летала на метле, ну и...

– Чего?

– Ну и вот!

– Вероника, не юли! Я тебя не первый день знаю. Что ты там нашла, летая на своем осиновом «боинге» с опасной для дельтапланериста скоростью и наверняка без парашюта?

– Я... я видела Локхайм.

– Подумаешь... Могла бы заскочить в гости к Танитриэль. Я, кстати, тоже туда собирался.

– Он был далеко. Но мне показалось, что на борту стоял...

– Кто?

– Раюмсдаль!

Так... а я-то думал, что хуже уже некуда. Вероника, конечно, сумасбродка, но далеко не дурочка. В Ристайле говорили, что Тающий Город слишком давно не дает о себе знать. Возможно... Да нет! Этого не может быть! Даже если предположить, что склочный принц уцелел, то... Как же он мог захватить Локхайм?! Там боевой гарнизон, опытные гвардейцы, система сигнализации и охраны, да и на землю они спускаются довольно редко, по очень уж большой надобности. Нет, на этот раз глаза подвели юную ведьму. Пожалуй, я соглашусь с мнением мадам Гнидакс – девчоночьей фантазии. По крайней мере, пока соглашусь...

Заседание продолжалось до глубокой ночи. Мы болтали за столом, напряженно ожидая исходного решения. Я рассказал о своей неровной жизни в моем мире, ребята поделились своими невеликими проблемами. Потом мы повспоминали былые подвиги, обильно приукрасив все события в свою пользу. Враги получались еще страшнее и могущественнее, а наш личный героизм просто не вмещался в рамки человеческого понимания. Хвастуны... Но

мне это почему-то нравилось. Жан после долгих уговоров исполнил-таки длинную балладу с продолжением о храбром лорде Скиминоке. Вероника показала новые карточные фокусы. Время тянулось медленно. Когда наконец уважаемая Горгулия Таймс вышла к нам с делегацией помрачневших коллег, мы уже откровенно зевали.

– Идите спать. Завтра вам предстоит трудный путь на тот свет...

С утра пораньше я отправился к Горгулии Таймс потолковать о том о сем. Бабульки-красотульки готовили завтрак, Жан еще спал, Лия с Вероникой куда-то намылились по своим делам, так что за мной особенно никто не присматривал.

Верховная ведьма, все еще дуясь, сортировала разноцветные порошки и была настроена не самым дружелюбным образом.

– Чего надо?

– Поговорить хочу.

– О чем?

– О жизни.

– Слушай, ты мне дашь помереть спокойно, а? Уйди, ландграф, сейчас что-нибудь перепутаю, и полетишь ты мимо Тьмы – к негру в то место, где у него так же темно!

От восхищения у меня перехватило дыхание. Вот уж не думал, что она может так изысканно и поэтично послать. На вид очень приличная женщина...

– Ладно, сядь. Слушай внимательно. Во Тьму пойдете всей компанией. Я бы не хотела отпускать Веронику, но прекрасно знаю, что она тут устроит, если ей запретить. А если вдруг сбежит следом и вылезет со своими экспериментальными штучками не там, где надо... В этом случае даже я боюсь предположить, что может выйти. Между нами говоря, у девчонки невероятно огромные возможности. Магия еще «сырая», но мощь и запасы и впрямь способны перевернуть вверх дном не только Ад! Отвечаешь за нее головой. Понял?

– Как всегда... Мы хорошо смотримся с ней в паре.

– Так вот, лишних вещей не брать. Где, что – сообразишь на месте. Не забывай, что русской дружины там больше нет, и на помощь не рассчитывай. Ты мое кольцо с рыбой и розой куда дел?

– Не помню... давно было. Наверно, потерял где-то в бегах. Мы ведь тогда прорывались с боем.

– Плохо. Второго у меня нет. Если сумеешь забрать мальчишку – мотай оттуда не оглядываясь! Бросай всех и беги. Я не уверена, что смогу вернуть тебя в твой мир, но хоть как-то попытаюсь спрятать в этом. Потом уж молись своей Катариаде, она поможет... Что там еще за шум? – Мисс Горгулия поднялась и, сделав мне знак оставаться на месте, пошла уточнять первопричину радостного возбуждения персонала. Вернулась она быстро, я даже не успел соскучиться.

– Так, ерунда... Поймали какую-то девушку на тропе. Я и не посмотрела толком.

– И что с ней теперь?

– А вот это не твое дело! Ты и так нам все традиции переломал, все обычаи перебаламутил, довел до внутренних разборок... Уже не прохожих грызем – сами на себя бросаемся!

– Но...

– Все! Вопрос закрыт. Нечего здесь свои порядки устанавливать. Что-то ты все время забываешь, где находишься... Это, милый мой, заповедное место ведьм!

– Ладно, ладно... Тоже мне – Аскания-Нова! – Я раздраженно встал, вглядываясь в бодрых старушек, запихивающих в деревянную клетку связанную... Луну. Что? Луна! Боже мой, это действительно она! Моя кареглазая наемница...

– Лу-на-а-а!

Я не бежал – летел. Впервые в моей жизни я был настолько груб с пенсионерками, что попросту выхватил меч и расчищал себе дорогу серебристой молнией клинка. Ведьмы увертывались, шипя, как сиамские кошки. От толстых дубовых досок только щепки полетели...

Она смотрела на меня, одновременно и смеясь и плача. Я шагнул внутрь, потом почему-то замер, не решаясь ее обнять. Мы стояли друг против друга опустив головы, едва не касаясь лбами, и молчали. Вокруг возмущенно гомонили раздосадованные старушки. Горгулия Таймс что-то им втолковывала, ругая всех влюбленных махом. Господи, сколько раз я представлял себе эту встречу... Сколько слов хотел сказать, а сейчас...

– Это ты? – чуть слышно спросила она.

– Я.

– Привет.

– Привет. Я люблю тебя.

– Я знаю. Я тоже тебя люблю...

– Все! – Тяжелая ладонь властительницы Тихого Пристанища хлопнула меня по спине. Я обернулся, прижав к себе Луну. – Хватит телячьих нежностей. Бери все, что хочешь, но уходи. Сию же минуту! Иначе у меня будет настоящий мятеж!

– Простите, что причинил столько хлопот. Эй, Лия, Жан, Вероника, смотрите, кто к нам пришел! – Еще какое-то время мы вынужденно потратили на охи, взвизги, поцелуи и обнимания. Впрочем, очень недолгое, так как терпению старых ведьм тоже имелся предел. Не дожидаясь бунта взбесившихся старушек, я дал команду взяться за руки. Горгулия Таймс насыпала порошок на пылающую жаровню и напевно зачитала заклинание. Со второго куплета его подхватили остальные. Хоровое заклятие ведьм – это запоминающееся по музыкальности, голосовой гамме и масштабности зрелище. Луна крепко держала меня за левую руку, правой я держал Бульдозера, за него, на правах жены, уцепилась Лия, а уж Лию поддерживала Вероника. В самый последний момент я вдруг вспомнил, что хотел спросить у Горгулии, но оборачиваться было небезопасно, поэтому пришлось просто крикнуть в небо:

– Так для чего им нужен мой сын?

– Из него создадут нового Ризенкампа... – Ответ затерялся где-то на стыке миров или измерений.

Мы обернулись... Все как и в прошлый раз. Только что никто не просит соблюдать осторожность, выходя из последней двери последнего вагона, а в остальном – очень похоже. Конечная станция, прибыли...

Пейзаж не изменился ни на йоту. Все как в Петербурге – серое небо, грязные облака, бесплодная земля и непонятное ощущение всеподавляющей тоски. К одинокой горе впереди шли молча. Впереди Вероника с помелом на изготовку, следом мы с Луной, замыкающими Лия с Жаном. Похоже, они так и не успели позавтракать, потому что белобрысая грызла яблоко, а мужа подкармливала семечками.

– Что они хотят сделать с твоим сыном?

– Видимо, попытаются воспитать из него очередного злодея. Сволочи...

– Не надо. – Пальцы наемницы мягко сжали мою ладонь. – Я тогда... напрасно ушла. Мне показалось, будто между тобой и королевой что-то есть. А потом, когда во всеуслышанье объявили о вознесении лорда Скиминока живым на небо рукой богини Катариады... Я сначала не поверила, но оказалось, что свидетелями были многие. Твои друзья всем рассказывали о чуде, виденном собственными глазами. Тогда я ушла в монастырь.

– Куда?

– В женский монастырь Святой Елены.

– Господи помилуй, так ты теперь не наемный убийца, а так называемая Христова невеста?

– Уже нет! – рассмеялась она. – Я ведь сбежала. Перелезла через стену и пошла по твоему следу, как собачонка, едва только услышала о том, что ландграф вернулся. Мы разминулись на несколько часов в той деревеньке, где ты дрался с ведьмой... – В ее глазах неожиданно блеснули слезы.

– Что случилось? – забеспокоился я.

– Ничего... глупый, тебя могли убить. Если мне в третий раз объявят о твоей смерти, я... поверю!

– Милорд, – прервала романтическую мелодраму практикантка, – разрешите доложить – проход свободен, засады нет. Однако в почтовом ящике вас дожидается новый конверт.

Если помните, слева у входа в пещеру всегда висит синий почтовый ящик. Кому и для чего он служит, затрудняюсь предположить. Ни одним почтальоном здесь и не пахнет. Но лично до меня корреспонденция всегда доходит. В прошлый раз это был письменный договор об обоюдном прекращении боевых действий между мной и Ризенкампом. Интересно, что же там на этот раз? В простом белом конверте без всяких подписей и адресов лежал плотный лист бумаги с одним коротким словом «Уходи...».

– Как лаконично... – фыркнула Лия. – Кто-то кому-то написал «уйди», ландграф нашел бумажку, прочел, тут же послушался и ушел? Недалекий тип этот Люцифер...

– Достаточно близкий, чтобы мы не теряли бдительности, переоценивая себя, – строго напомнил я. – Предупреждаю всех, там, в Аду, ничего хорошего нас не ждет. Вернуть Лию было несложно, учитывая мои панибратско-алкогольные отношения со Смертью. И то Жан схлопотал вилами в плечо, а Веронику поначалу вообще украли. Мы, как Бурбоны, упорно лезем под гильотину.

– Странное ощущение... – повела плечами наемница. – Ведь нам наверняка устроена засада. Противник предупрежден, а значит, вооружен. Они знают, где мы, сколько нас, чего хотим и зачем пришли. Почему же мне так... спокойно?

– Потому, что милорд с нами! – счастливо выдохнули все остальные. Я покраснел, а Луна продолжала:

– Я только волнуюсь – не сделают ли они что-нибудь с мальчиком. Спрячут, заколдуют, да мало ли...

– Не посмеют! – уверенно отрубил Бульдозер. – Им наверняка известно, что легче уговорить сплясать брейк расвирепевшего медведя, чем рисковать попасть под хмурый взгляд лорда Скиминока...

– Жан, если доживешь до старости, то напиши роман о наших подвигах. У тебя врожденный стиль и тонкое умение польстить в нужной мере. Без таланта вранья нет таланта писателя, – отметил я, пока мы выходили к арке, заполненной галактической

темнотой. Это и была знаменитая Тьма. Не зная дороги, можно было плутать целую вечность. Эдакий Вселенский Лабиринт, никогда не знаешь, куда идешь, куда выйдешь и выйдешь ли вообще. Местечко памятное... Оп! Вот оно, вспомнил! – Эй, братва, хочу спросить всех, пока опять не забыл: ведь мисс Горгулия сказала: «Я нашла детей»?

– Да...

– Но ничего не уточнила о принцессе Ольге? Если она вправду «нашла детей», значит, обоих. Я чувствую, что дочка Злобыни где-то рядом. Будем брать и ее. Все! Проверить снаряжение, заправиться, причесаться, подвести глазки – вперед!

Мы крепко держались друг за друга. Вероника знала дорогу и, как всякая нечисть, прекрасно ориентировалась в кромешной темноте. Я крепко схватил ее за воротник, а наемница держала за пояс меня. Ее обхватила за талию Лия, ну а Бульдозер замыкал строй, неуверенно топая железными башмаками по натертому полу. Все молчали – знали, куда шли... По-видимому, нашей белобрысой спутнице стало совсем страшно, потому как уже через пару минут она яростно зашептала с Луной. В невероятной тишине ее голос звучал громкой симфонией:

– А вот, например, если он потеряется? Ну, выпустит сейчас мою руку и свернет не туда – я ведь тогда буду вдовой? Да? В смысле это официально? Соответственно, все поместье мое. Или же надо будет непременно звать нотариуса, искать труп заблудившегося супруга и лишь после утрясания всех формальностей приступать к домовладению?хлопотно... А перестроить замок на правах хозяйки я могу? Правда, папа Бульдозера еще жив... Но ведь можно заявить опеку и оформить его как иждивенца. А то я все уговариваю, уговариваю мужа повесить занавески в спальню. Но он, как дурак, хочет красные! Если этому быку нужно на что-то бросаться – да ради Бога! Только где-нибудь подальше, на скотном дворе например. А я вот хочу такие розовые с рюшечками и розанами. У, дубина... Вот брошу тебя здесь, стану веселой вдовой и наведу везде шик с блеском. Устрою этот... как его... милорд говорил, а – евроремонт! Да не жми мне так руку, синяки останутся... И не щекочи! Не щекочи меня, хам, – это мещанство!

Впереди замаячил свет. Вот и вышли.

Вероника промывала холодным чаем с мятой воспаленные глаза.

– Постарайтесь не шуметь, мы на враждебной территории... – предупредил я, а потом трусливый рыцарь чихнул.

– Будьте здоровы! – хором поприветствовали нас черти, впечатляющей толпой высыпавшие из всех переходов. Скучаю я от этого антиквариата, насмотрелся уже. Драться с ними вполне можно, если бы не количество. Однако моя команда не проявила ни малейших признаков страха. Поэтому, прежде чем Лия открыла ротик и обхамила всех так, что без мордобоя бы не обошлось, я соизволил внести мирное предложение:

– Всем привет, чуваки! А я парень не местный, где тут мой старый кореш поручик Брумель? Только не надо ля-ля... Ну, что у него там – типа девочки, или баки не подстрижены, или он срок мотает за гоп-стоп?

– Лорд Скиминок, – из толпы выдвинулся толстый черт с голубыми глазами и хвостиком на затылке, – мы вас хорошо помним. Печально, что нет возможности пообщаться в иной, более уютной обстановке, но увы... Не могу сообщить ничего утешительного. Если уделите нам немного времени, то присядем побеседуем...

Моя команда привычно отошла в сторону, поясняя слегка ошарашенной Луне, что перед

дракой милорд любит потрепаться о философии с потенциальным врагом. А уж заболтать может хоть Папу Римского. Со стороны наши дипломатические переговоры выглядели очень трогательно... Налево грозными боевыми рядами выстроились разномастные черти, взяв вилы на плечо, суровые и неподкупные. Направо вольготно развалилась Лия, пристроив Бульдозера вместо дивана, Вероника демонстративно чистила ногти карманным кинжалом для пентаграмм, Луна неторопливо разминала пальцы – судя по форме рукавов, в них были спрятаны метательные ножи. Посередине на камушке уселись мы с Дембелем, так звали толстого рогоносца с коричневым пятчком. Этаким криминальный междусобойчик двух мафиозных группировок по вопросу разделения сфер влияния.

– Поручик Брумелль под арестом. Между нами говоря, он, конечно, здорово поразвлекся в вашем первом приключении. Мы все ему безумно завидовали. Надо быть невероятным авантюристом и обладать врожденным чутьем фаворита, чтобы в те смутные времена поставить не на могущественного Ризенкампа, а на столь темную лошадку, как вы...

– Не отвлекайтесь от насущного, где Брумелль?

– Сидит. Уже больше года... За пособничество тринадцатому ландграфу и участие в Битве Пятнадцати Королей.

– Паршиво... Кстати, этот год, если вы заметили, вообще очень тяжелый для творческих личностей. У меня прошли два нудных судебных процесса. Господи, сколько нервов это испортило... Да, а кто умудрился упечь за решетку бравого героя с бакенбардами?

– Люци, кто же еще...

– Люци?

– Люцифер, – пояснил Дембель, задумчиво обмахиваясь кисточкой хвоста. Мы помолчали. Начался второй раунд.

– Где мой сын?

– Зеленоглазый мальчик Ваня с соломенными волосами, в фиолетовом плаще, называющий себя Скиминоком? Резвый парнишка, настоящий ландграф... Кровь всегда сказывается!

– Я рад, что он вам приглянулся.

– Не хватайтесь за меч, милорд! Я не знал о планах похищения ребенка. В нашем обществе все строится на строгой иерархии. Специальные шпионы Ада разрабатывали эту диверсию. Их агенты и были заброшены в ваш мир. В США вообще крутые ребята... Суровые специалисты, зомби, натасканные на выполнение любого приказа Люци.

– Так что, выходит, требовалось похитить именно Ивана? Я-то полагал, будто они искали Скиминока и по ошибке...

– О нет! США не ошибаются. Сейчас все только и ждут вашего визита за собственным сыном, – кисло улыбнулся толстый черт. – Из нас решено было выставить первую заградительную зону. Люцифер не сомневается, что против Меча Без Имени нам не выстоять, но кого это волнует? Он сознательно жертвует нами. Вы без труда прорубитесь еще через два похожих отряда. Их цель – умереть, но измотать вас и ваших спутников. Но в Пентатроне выставлены лучшие силы и все... Он хочет, чтобы сын ландграфа видел пленение отца. Так легче убедить ребенка сотрудничать с нами.

– Сукин кот! – вырвалось у меня.

– Мне говорили, что обычно вы употребляете – Екарный бабай?!

– Я сейчас не такое употребляю... Лия, Жан, Вероника, Луна, мы идем!

– Как! Только не это! – перепуганно взвыл мой собеседник. – У меня приказ. Мы

обязаны драться, а умирать так не хочется! Смилюйтесь, лорд Скиминок! Дома жена беременная и шестеро чертенят по лавкам скачут, папу зовут... Вы должны меня понять, вы сами отец!

– Вот именно! И мне не нравится, что какой-то рогатый маньяк держит взаперти моего сына, намереваясь снести мне голову прямо у него на глазах! Пустите, а то... хуже будет...

– Не пушу! Вы умный, вы благородный, вы хороший, а мы совсем не хотим воевать. После того как вы избавили нас от страшной русской дружины, началась такая спокойная жизнь... Мы разжирели, обзавелись семьями, у некоторых даже есть хобби. Ну, давайте придем к разумному компромиссу! Пожалуйста...

Все еще кипя от распирающей грудь ярости, я позволил вновь усадить себя на камушек и выслушать миролюбивые предложения противоположной стороны. К чести противника надо признать, что все доводы были разумны и убедительны.

– Давайте обойдемся без кровопролития, – торопливо выкладывал свой план нервничающий Дембель. – Мои бойцы перевязываются бинтами и выглядят самым побитым образом. Вы беспрепятственно проходите на следующий уровень, оставив нам в знак страшного сражения одного пленного. Уверю вас, что он будет содержаться наилучшим образом. Мы достойно отчитаемся перед начальством, а по вашему возвращении выдадим вам вашего друга. Если же вы погибнете, что при подобном раскладе более чем вероятно, то обещаю дать пленнику возможность успешно сбежать, усыпив бдительность часовых. Обязуюсь также показать наименее опасный путь к центру Пентатрона. По рукам?

– Мне надо посоветоваться с ребятами.

Через десять минут моя команда тянула жребий. Короткую палочку вытащил Бульдозер...

– Милорд, вы уверены, что они ему ничего не сделают? – наверно, уже в двадцатый раз тербила меня за рукав надоедливая Лия. – Не сочтите меня истеричной дурой, но ведь этот бугай на самом деле совершенно ни к чему не приспособлен. Даже носки себе не постирает... Большой, беззащитный ребенок! Сколько я с ним намучилась, кто бы знал... Вы не поверите, но до женитьбы он носовым платком пользовался одним на весь год! Когда тот начинал просто ломаться, Жан его выбрасывал...

– Трусливый рыцарь в безопасности, – уверенно успокаивала подругу юная ведьма. – Живой пленник всегда стоит вдвое дороже мертвого.

– Ма-мо-нь-ки-и-и-и....

– Не скули! – цыкнул я, но поздно. Из-за угла раздались крики бдительных часовых, и новый отряд чертей вылетел к нам в спину.

– Бегите, милорд! Я вас прикрою! – Храбрая Вероника с опытом воспитанника Шао-Линя завертела над головой боевым помелом. Мы ломанулись в узкий проход. Я протолкнул Лию, Луну и встал рядом с ведьмочкой, присоединив к свисту метлы сияние серебристого клинка. В таком месте, подобно царю Леониду при Фермопилах, мы вдвоем могли удерживать целую армию. Враг не стал ждать подкреплений, нас атаковали.

– Бегите, лорд Скиминок! – в перерывах между первыми выпадами крикнула практикантка. – Я поставлю отвращающий купол за вами. Они не пройдут...

– Но пасаран! – кивнул я, одобряя ее план. Вероника всегда была умненькой девочкой.

На прощанье Меч Без Имени снес ухо ближайшему рогатому гангстеру. Длинноногая девочка шагнула назад, я встал за ее спиной. Бац! Ага, не нравится... Бац! Блям! Дзынь!

Оружие чертей бесполезно молотило по прозрачной сфере, намертво закупорившей вход.

– Получилось... Ты у меня просто чудо! Давай руку, бежим... – Вероника протянула мне ладонь, но... наши пальцы уперлись в невидимую поверхность сферы. Несчастливая двоечница с большим потенциалом сидела запертая, как мышь, в собственном куполе! Не сразу оценив истинные масштабы трагедии, мы поелозили руками туда-сюда, постучали кулаками, покричали друг на друга. Отвращающая сфера была так точно подогнана к земле, потолку и стенам, что обойти ее было невозможно. Черти бесновались в двух шагах, недвусмысленно изображая, какие пытки они придумают нам, когда поймают. Вероника всхлипнула, поникла плечами и, прощаясь, помахала мне рукой. Слов не было слышно, но по движению губ я разобрал что-то вроде:

– Уходите, лорд Скиминок. Я задержу их здесь. Пока заклинание держит купол, они не смогут броситься в погоню. Спасайте всех. Идите! И... возвращайтесь за мной...

Я отсалютовал самоотверженности черноволосой героини и быстро догнал отошедших девушек. Ругань обозленных чертей едва достигала нашего слуха. Луна лишь печально покачала головой, Лия всхлипнула, но мне пришлось заставить их признать – в куполе Вероника куда в большей безопасности, чем разгуливая с нами по подземному миру. Куда же двигаться дальше? Направления я не знал, карты не имел, но наемница уверенно пошла по курсу, указанному толстым Дембелем. Что ж, ее и этому учили... После довольно долгого пути мы были вынуждены остановиться на перекрестке, отдышаться и перекусить. Белобрысая любительница приключений достала из кармана куртки два теплых яблока. Весь наш обед...

– Мисс Горгулия запретила брать лишнее.

– Ясно. Ну что ж, худеть иногда полезно, а нам предоставляется такая возможность... Одна моя знакомая чего только не делала, чтоб избавиться от лишних килограммов: потребляла сжигатели жира, жрала гербалайф ложками, пила кефир, сидела на диете – бесполезно! Вся жизнь бедной женщины прошла в борьбе за талию...

– Ну вот еще, милорд! – Лия демонстративно встала и огладила себя по бокам. – Во! Стройная, как стрекоза. Только далеко мой стрекозел... Мама!!! – Из левого коридора вылетел тяжелый трезубец, едва не поцарапав ей ухо. Дебилы! Даже поесть толком не дадут! – Мы с Луной, отскочив к стене, держали героическую оборону, а стройная наша, скрываясь за моей спиной, лихорадочно догрызала свое яблоко. Новый отряд чертей, склонив вилы, готовился к атаке. Соотношение сил не в нашу пользу, изображать героев-панфиловцев тоже не хотелось. Я попытался поговорить без суеты, но и ахнуть не успел, как...

– Осади назад, бультерьеры толстопузые! Я в страшном гневе! Всех поизувечу, на фиг! Когда, в конце концов, мне вернут моего законного мужа?! – И Лия мастерски запустила огрызком яблока в лоб командиру нечисти.

– Смерть им! – взревел обиженный до глубины души черт. – Только кровью она смоет мой бесконечный позор...

Меч Без Имени с восторгом включился в драку, и я ему не препятствовал. В конце концов, всем нужна разрядка. Горящий праведной яростью клинок буйно схлестнулся с черными зазубренными вилами. Бывшая наемница в минуту израсходовала шесть метательных ножей – и шестерым рогатым уже не копытить теплую землю Ада. Я положил меньше, но мне в основном и приходилось одному сдерживать всю толпу. Хорошо, что за спиной был тоннель и нас не могли окружить, хотя... Сзади раздался топот, за ним рев. После такого вступления мы все отвлеклись от нанесения травм и посмотрели, что же там

такое. За нашими спинами раздраженно фыркало громадное кабанообразное чудовище с большими, как блюда, глазами. Зверек имел шесть ног и был рожден для бесконечного путешествия по пещерам. Кажется, именно таких мне показывали русичи во время короткого визита за Лией. Ратники князя ловили их на жаркое. Интересно как? Чудовище было не хилым, да и росточком со среднего мамонта. Нас теснили ему навстречу. Почему-то именно сегодня смерть мне не улыбалась – ни от нечистой силы, ни от живого бронепоезда. Луна выхватила у нерасторопного парнокопытного копые и успешно прикрывала левый фланг, я рубился на правом. На какое-то мгновение мы отвлеклись от зверя, и вскоре за нашими спинами раздался восторженный писк белобрысой воительницы:

– Бегите, милорд! Я задержу их!

Батюшки-светы... Лия уже восседала на короткой шее чудовища, как погонщик скота, и коротким кинжалом безжалостно колола животное за ушами. Черти опешили. Внезапно зверь не выдержал, взревел дурным голосом и резвой рысью потрюхал вперед. Мы с наемницей едва успели вжаться спинами в стену. Диковинный монстр, более похожий на шестиногого пучеглазого ежика с бивнями, топтал ряды рогоносцев, как каток-асфальтоукладчик. Лие для полного правдоподобия не хватало разве что оранжевой робы.

– Из-за острова на стрежень... – выводила она. – Бегите, лорд Скиминок! Вы ведь покажете им... Ради меня! Покажете, да?

Луна увлекла меня за рукав. Мы вновь бежали по ярко освещенным коридорам куда-то в совсем уж несусветную жару. Я взмок... Если бы был в «мустанге», попросту сварился бы всмятку. Постепенная потеря моих друзей наводила на грустные ассоциации с путешествием д'Артаньяна за королевскими подвесками. Ему-то удалось собрать всех обратно. У меня таких гарантий не было... Все же, если там дело происходило в цивилизованной Франции, то здесь был самый незаконный Ад!

– Мы вернемся за ними.

Луна откинула со лба мокрые волосы. Неожиданно в полу открылся люк, высунулась внимательная рожа черта-разведчика. Вспомнив эпизоды шпионских фильмов, я мгновенно схватил девушку в охапку и запечатал ей рот долгим поцелуем. Черт оглядел нас, понимающе хмыкнул и деликатно захлопнул люк. Уф... Пока до него дойдет, КОГО он видел! Я было дернулся вперед, но руки Луны легли на мои плечи, так что сладость поцелуя продолжалась гораздо дольше, чем этого требовала конспирация...

– Куда мы идем?

– Туда, где жарче. Думаю, что искомый Люци сидит в самом пекле. Вот его-то и надо допросить с пристрастием.

– У тебя уже сын... – В ее голосе проскользнули печальные нотки. – Нет, я все понимаю... Ты ведь был женат, там, в своем мире. Просто... Господи, как бы я хотела тоже родить тебе ребенка.

– Ивану нужен брат, – улыбнулся я. – А ты не побоишься связать свою судьбу с безумным ландграфом, воюющим аж против самого Владыки Ада?

– Ты смешной... Мы очень давно связаны.

Дорога оказалась недолгой, мы вышли к кованым дверям с изображением шестиконечной звезды. Там стоял всего один стражник, который ретиво бросился вперед, но потерял голову прежде, чем понял, что, собственно, произошло. Я мягко толкнул плечом, дверь легко поддалась, и наш поредевший отряд через узенький тоннель вышел в шестиугольный тронный зал. Помещеньице впечатляло! Не знаю, какой уж у нас в Москве

Кремлевский зал, но это... Изукрашенные золотом своды уходили ввысь так высоко, что потолка не было видно. Гранитный пол отполирован до зеркального блеска. На стенах уродливые рельефы, посередине зала здоровенный трон, более всего похожий на сидящего козла, вырезанного из черного камня. Реализм потрясающий! Казалось, можно рассмотреть зрачки и пересчитать волоски в козлиной бороде. Рядом с тронem горели мертвенные треножки, сплошь покрытые непонятными письменами. Пламя отдавало зеленым и пахло серой. В зал вело несколько разных дверей, но ни одной живой души мы не заметили. Я хотел было что-то сказать, но Луна предупреждающе приложила палец к губам и знаком приказала прислушаться. Мне показалось, что из-за каменного козла раздаются тихие спорящие голоса. Мы осторожно двинулись к трону. Рукоять Меча Без Имени жгла ладонь. Я весь превратился в слух.

– А по вечерам папа рассказывал мне про Винни-Пуха...

– Иван!!!

Мой малолетний сын развращался игрой в карты! Да еще на деньги! И, судя по лежащей перед ним кучке золотых монет, очень успешно! Три рослых черта, составлявшие ему компанию за карточным столом, выглядели самыми прожженными шулерами. При виде меня они подпрыгнули на месте, но, прежде чем хоть кому-то пришла в голову идиотская мысль о самообороне, я шагнул вперед и ловко поймал Ивана за руку.

– Марш домой, негодник!

– Но, папа... мы тут играем! – Мой сын перешел на заговорщицкий шепот: – Я же выигрываю!

– Мальчик мой, – торжественно начал я, демонстрируя зашевелившимся чертям Меч Без Имени, – эта уличная компания не для тебя. В карты играют только взрослые, а уж на деньги... Ты ведь не хочешь вырасти малолетним преступником?

– Нет, – подумав, сообщил он.

– Умница! Поверь папе – ничему хорошему тебя здесь не научат. Пойдем, нам пора. Еще нужно забрать Бульдозера, вызволить Веронику и спасти Лию. Выигрыш можешь забрать с собой. Надеюсь, партнеры не против?

Черти яростно закивали, всем видом показывая, что просто счастливы отдать ребенку честно выигранные деньги. Они очень внимательно следили за моим мечом, не делая ни одной неосторожной попытки добраться до поставленных в пирамидку вил. Иван тяжело вздохнул, сгребая в карман шорт монеты, и неуверенно поинтересовался:

– Папа, ты же говорил, что черти хорошие?

– Ничего подобного! Хорошие черти не воруют маленьких Скиминоков и не приучают их к азартным играм.

– А твой друг поручик Брумель?

– Брумель – хороший.

– А эти плохие?

– Плохие.

Черти, заискивающе улыбаясь, стали активно изображать, что они тоже очень хорошие. С их-то рожками... Один рискнул-таки бегло глянуть в сторону оружия, но, встретившись с холодным взглядом Луны, предусмотрительно передумал.

– Все, мы пошли. Скажи дяденькам «до свидания». У нас еще полно дел. Парни, полагаю, вы меня знаете... Что вам будет приятнее: посидеть часок связанными с кляпом во

рту или мне укоротить вас сантиметров на пятьдесят сверху?

– Вяжите... – буркнули черти. Мы с наемницей быстро завернули им лапы за спину, стянув их же собственными хвостами. Очень удобно... Для кляпов пришлось задействовать карты.

– Крапленые... – мимоходом определила Луна.

– Подумаешь! – фыркнул Иван. – Я осеял их крестным знаменем и выигрывал.

Три черта возмущенно подпрыгнули, бешено вращая глазами. Ага, не нравится...

– Мы читали с ним «Пропавшую грамоту» Гоголя, – пожал плечами я. – Наверно, он запомнил, там есть похожий эпизод... Да, забыл вас представить. Луна, это Иван, мой сын. Иван, это тетя Луна, моя... мой...

– Я сама ему все расскажу.

Наемница обняла его за худенькие плечи, и они направились к выходу. Тогда грянул гром! По залу заметались молнии, за клубился желтый дым, а в воздухе едко запахло серой. Боже мой, даже здесь, в Аду, нельзя спастись от дешевой театральщины! Все эти спилберговские спецэффекты, может, и способны впечатлить темного средневекового крестьянина, но закаленному социальными фокусами гражданину России попросту смешны. Естественно, я и так знал, что лезу в ловушку, ну и что? Да мало ли мы в них лазили?! И вообще, я ведь очень храбрый, храбрый, храбрый...

– Вот ты и попался, ландграф!

Изо всех дверей горделиво вышли одетые в нарядные доспехи черти. Ну надо же! Такой парад в честь меня устроить... Впервые вижу чертей в червленых латах, но им идет...

– Папа, кто это?

На коленях козла, как в мягком итальянском кресле, развалился сам Люцифер! Спутать невозможно – огромный рост, потрясающая мускулатура, огромные рога, лицо с чеканным римским профилем, чуть испорченным шириной пяточка, пальцы унизаны перстнями, на рельефной груди татуировка, изображающая масонскую звезду, высокие брови и горящие голубые глаза с вертикальными зрачками.

– Мое имя – Люцифер! На колени – перед Всемогущим, Устрашающим, Ужасным, Всепоглощающим, Непобедимым, Опустошающим, Обуревающим, Всесильным Владыкой Ада!

В иное время я бы благо разумно заткнулся и не постыдился преклонить колено перед вышестоящим начальством, но сейчас... Когда рядом стояла невозмутимая Луна, а мой взъерошенный сын смотрел на меня такими уверенными глазами, мне оставалось лишь вспомнить Лиину манеру разговора и разразиться ответной хвастливой речью:

– С тобой, свинья, не гавкает, а разговаривает лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени! Не знаю, зачем вы меня сюда заманивали, – себе дороже... Но лично я очень хочу дать в глаз тому дебильному мерзавцу, который запланировал похищение невинного ребенка, ну и заодно... разнести здесь все по кирпичику!

– Каков наглец! – искренне восхитился Владыка. – Теперь я даже затрудняюсь сразу придумать тебе достойную казнь... Но время еще есть. Я вижу людей насквозь – ты не настоящий рыцарь! В твоей душе слились два мира, и твое сознание взорвалось. Удивительно... Ты умудрился, не прилагая никаких весомых усилий, победить могущественного мага. Как же ты, ничтожный, дерзнул подняться против самого Ризенкампа?!

– Мой папа не ничтожный! Ты сам ничтожный! Глупый бес под кобылу полез... Э-э-э! – Пятилетний барбос показал Люциферу язык. Я едва не грохнулся в обморок. Дитя! Не понимает, что и кому говорит... Ну зачем я воспитывал его как рыцаря? Люцифер нахмурился...

– Иван! Не груби старшим. Ладно, раз время есть, поговорим о смысле жизни. Может быть, вам издалека Ризенкампф и казался величиной многозначительной, но в Соединенном королевстве мы без проблем били ему морду.

– Но ты посмел помыслить об уничтожении Зубов! Ты затронул сами корни Зла, ты нарушил Великое Равновесие. Дух покойной Гнойленберг вынужден скитаться вечно без отдыха и прибежища! Наследник трона в изгнании! Темная Сторона уже не является символом Тьмы! И все это из-за тебя и твоего дурацкого меча...

– Ну... было дело, поучаствовал. Что, собственно, в этом такого? Вы меня не сбивайте! Зачем надо было красть мальчика?!

– Не твое собачье дело! – огрызнулся Люцифер.

Я схватился за меч, Луна – за меня.

– Прекратите сейчас же, петухи! Вот только драки мне здесь не хватало. Какой пример вы подаете ребенку?! Взрослые мужчины, а ведете себя, как...

Черти осуждающе закивали. Мне стало стыдно. Люциферу тоже. Потом он опомнился:

– Я у себя дома! Творю что хочу! Мне никто не указ! А мальчишка все равно будет мой. Вы двое умрете мучительной смертью, а из младшего Скиминока я воспитаю такого страшного Ризенкампфа, что Вселенная содрогнется! Ясно вам? Взять их...

Ряды бронированных рогоносцев с вилами наперевес окружили нас тройным кольцом.

– Да-а-а... – обиженно протянул мой сын, – папа один, а вас вон сколько. Так нечестно!

– Не волнуйся, малыш, твой папа – Скиминок, и он обещал тете Лие показать тут всем...

– успокоила Луна, прижимая к себе Ивана.

– Да? Папа, а что ты им будешь показывать?

– Кузькину мать! – твердо решил я.

– Я тоже хочу. Дай мне меч, я немножко подерусь, а потом отдам.

– Нет, сынок. Здесь нужна практика. Видишь, сколько на них железа? Похоже, мне придется забыть о клятве Гиппократы и хоронить одним ударом семерых... Эх, размахнусь – улочка, отмахнусь – переулочек! Па-а-гово-ри хоть ты со мной-й, подруга семиструн-н-на-я...

Черти оторопело замерли. Зубастые вилы подрагивали в трех шагах от наших крещеных душ. Люцифер недовольно завозился на троне и сбивчиво предложил:

– Ну, ты это... в смысле... сдавайся, Скиминок.

– Ха, не уловивши бела лебедя да кушаешь?! Решил поделить мишкину шкурку, а я еще вон какой живой!

– Да он просто сумасшедший... – буркнул Владыка.

Вместо ответа я выпучил глаза и крутнулся на месте, издав длинный переливчатый вопль. Нападающие отшатнулись... Судя по всему, они убедились в правильности диагноза.

– Ладно, уговорили. Конечно, настоящие ландграфы умирают, но не сдаются... Позволим одну маленькую поблажку в честь знакомства. Итак, какие перспективы нас ждут в этом случае?

– О! Совсем другое дело! За то, что ты сдашься, мы милостиво одарим тебя легкой смертью. Потом мумифицируем, положим в стеклянный гроб и поставим в красном

мавзолею. Обещаю каждый час менять почетный караул. Из твоего сына будет воспитан величайший царь и властелин. Он подчинит себе все Срединное королевство и окраинные княжества, его руку признает Темная Сторона и Запущенные Земли, ему покорятся племена варваров, Голубые Гиены и Валькирии моря. Здесь, в Аду, он будет моим верным вассалом и ставленником. Он возродит новую династию, и имя лорда Скиминока Обновленного будет вызывать больший ужас, чем Ризенкампф, Гнойленберг...

– Гитлер, Сталин, Муссолини, Мао Цзэдун, Пиночет... – едва сдерживаясь, продолжил я, а маленький «Обновленный», хлюпнув носом, покрепче прижался к Луне.

– Твоя подружка будет жить до тех пор, пока хоть кого-нибудь из нас будет интересоваться как женщина, – гаденько улыбнулся Люцифер. – Уверен, что мы ей понравимся. Такие милашки – наша слабость...

– Это заметно по наличию и размеру рогов! – презрительно фыркнула беглая монахиня. Владыка Ада густо покраснел, а прочие черти начали ревниво тыкать друг друга, сравнивая качество рогов, а промежуточными зуботычинами уточняя, кто и кому их наставил. Постепенно все воззрились на Люцифера... Под подозрительными взглядами своего же народа Всемогущий, Ужасный и Всепоглощающий окончательно смутился, но крыть было нечем – его рога весом, размером и оригинальностью формы переплывали все остальные. Когда в рядах чертей раздалось первое неуверенное хихиканье, я понял, что нам хана! Не простивший прилюдного позора Владыка Ада вскочил с трона, гулко стукнул себя кулаком в грудь и заорал:

– Всем молчать!

Под потолком заметались молнии, стены слегка задрожали, а ехидствующие черти быстро вспомнили, кто хозяин в доме! Дисциплина была восстановлена.

– Взять негодяев! Ландграфа – казнить, девушку – мне, мальчишку – сдать воспитателям. Твое последнее желание, Скиминонок?

– Ого! – искренне поразился я. – Уже третий раз посещаю ваш гостеприимный мир с дружескими визитами – никто! ни разу! не вспомнил о благородной традиции последнего желания... Я просто сражен вашим великодушием! Обычно «последнее желание» мне приходилось выпрашивать с ножом у горла и руками, связанными за спиной. Хотя... нет, вру! Когда меня казнили в Вошнахаузе, один монах полюбопытствовал, чего я хочу перед смертью... Но ведь не выполнил, гад!

– А чего ты хотел? – заинтересовался Владыка.

– Угадайте... – схитрил я.

Не мешает иногда потянуть время, особенно если вас непременно хотят торжественно казнить. Дельный совет, воспользуйтесь... Луна первой уловила мою военную хитрость и начала для затравки:

– Поцелуй красивой женщины?

– Нет.

– Сто миллионов порций мороженого? – внес свою лепту Иван.

– Нет.

– Власть над миром? – не выдержал Люцифер, а за ним и все черти, побросав оружие, включились в жаркие дебаты, выдвигая самые разнообразные версии:

– Бочку с вином?

– Пирог с вареньем?

– Мешок с золотом?

- Смерть от старости?
- Кастратку без зубов?
- Дикую морскую валькирию?
- «Голубого» демона из подземного мира?
- Посвящение в ранг гроссмейстера Ложи?
- Пива?
- С раками?
- Нет, нет и нет!

Когда спустя довольно долгое время все наигрались, Владыка Ада соизволил вспомнить, из-за чего, собственно, весь сыр-бор. Народ поднапрягся, зубчатые вилы вновь уставились нам в грудь.

– Так что ты пожелал такого, чего не смогла выполнить даже святая инквизиция?

– Спаренный пулемет, – признался я.

– Тьфу! И только-то... – раздраженно сплюнул Люцифер. – Это барахло не из нашего мира, но если очень уж надо, то его можно выкрасть, как твоего сына. Просто у нас он не будет стрелять. Хотя... кто его знает? Помнится, у Ризенкампа еще как стреляли. Но мы ценим твой юмор. Взять его!

– Снова – здорово... Папа, да сколько же времени они будут тебя брать?!

– Уже недолго, – успокоил я возмущенного ребенка. – Главное – не отпускай от себя тетю Луну, она пропадет без охраны. Эй, Люци! Я готов. Можно произносить последнее желание?

– Проси.

– Все, чего хочу, или есть ограничения?

– Есть некоторые... – подумав, решил Владыка. – Ты не можешь просить пощады, смерти любого из здесь присутствующих, иноземного оружия, волшебных палочек, помощи извне, освобождения своих друзей... ну вроде и все.

– Я могу попросить встречи с одним старым знакомым?

– Надеюсь, не какой-нибудь легендарный герой?

– Нет... не думаю, чтобы его так называли.

– Будь по-твоему. Властью, данной мне Адом, Четырьмя Стихиями, Всем Подземным Миром, Неугасимыми Огнями Преисподней и прародителем нашим Черным Козлом, пусть исполнится предсмертная воля тринадцатого ландграфа и появится...

– Екарный бабай! – торопливо выкрикнул я.

– Ой, папа...

– Боже мой, кто это? – Тонкие пальцы Луны так сжали мое плечо, что я тихо взвыл. Наемница, мягко говоря, не труслива. Довести ее до такой степени перепуга – надо постараться... Наиболее впечатлительные черти гулко падали в обморок, ритмичный костяной стук затылков о гранитный пол разбавлял нависшую тишину в зале. Бледный Люцифер вжался в спинку кресла и лихорадочно хватал пастью воздух, словно пузатый карась, выброшенный на бережок. Я вас уверяю – опав с морды, побледнел даже козел, на котором сидел Владыка. В этом мире любая хмельная бредятинка могла стать вопиющей реальностью. На чем и играют хитрые ландграфы... Екарный бабай оказался бодрым старичком с азиатскими чертами лица, двухметрового роста, совершенно голый, с таким... мужским достоинством... Узкие глазки округлились от восхищения – дед увидел, какое

огромное количество мужчин собрано здесь в его честь.

– О, Аллах акбар! Вай дод! Цигель, цигель, ай лю-лю! Гюльчатай! – С этими словами бабай схватил ближайшего черта, в мгновение ока сорвал с него черные эротичные доспехи и, упоенно прищелкивая языком, опытно развернул беднягу спиной.

– Я не Гюльчатай! – отчаянно вопила несчастная жертва насилия.

– Базар кирякми! – строго прикрикнул дед, игриво шлепнув черта по пушистой заднице. – Сим балалам – карачун, секир башка! – И, не прекращая дурного дела, начал быстро раздавать имена следующим кандидатам: – Зухра, Зейнаб, Лейла, Зульфия...

– Скиминок... – тонким голосом заскулил Владыка Ада. – Где ты выкопал имя этого демона-извращенца? Убери его!

– Вах, вах, вах... – Екарный бабай наконец обратил умиленный взгляд на Люцифера: – Исямись, Гюльчатай...

– Что он сказал?! – спрятался за трон мускулистый Люци.

– Что вы ему очень понравились, – любезно пояснил я. – Он даже готов назначить вас любимой женой. Так сказать, Гюльчатай вне очереди!

Меж тем озабоченный старик «окучивал» уже третью жертву, надежно держа за хвосты еще пятерых особенно привлекательных. Прочие, бросая оружие, беспорядочной толпой ломанулись во все двери, спасаясь от сладострастного крика:

– Ай лю-лю!!!

В общей суматохе мы бросились бежать. Нас троих буквально вынесло через парадный вход. За дверями было не менее шести разных коридоров, так что куда пойти – разницы никакой. Все равно неизвестно, куда выведет. Мы пошли туда, куда рванулось наименьшее количество врагов. Погони не наблюдалось, поскольку каждому было от кого удирать. Иван устал первым, поэтому мы не стали соревноваться с чертями в резвости и легко перешли на свободный шаг. Рядышком крутилось трое-четверо рогатых, но к нам не приставали. Наверное, боялись Екарного бабая...

– Папа, а куда мы идем?

– По делу! – рыкнул я. – Кто тебе позволил похититься?! Столько людей на ноги поднято, бегают, ищут его... А он, мартышка несчастная, в карты на деньги дуется! Вот вернемся домой – я тебя на неделю без компьютера оставлю.

– Ну, папа... ну ладно тебе! Я же думал, что мы так играем. Они спросили: ты Скиминок? Я говорю: да, я! Они меня за руки взяли и... А потом мы сразу тут оказались.

– Не будешь чужих имен присваивать! Тоже мне, Скиминок нашелся...

– Оставь ребенка в покое! – возмутилась Луна. Иван согласно закивал и, взяв ее за руку, ушел под защиту наемницы. – Бедный мальчик столько пережил... Все, что происходило там, в Зале, – явно не для детского сознания.

– У меня не было выбора... Зато мы вырвались. Теперь нам надо бы найти наших друзей и рвать когти, пока целы.

– Я, пожалуй, смогу найти дорогу к Веронике. От нее мы сможем попасть к Жану, но вот где искать вашу белокрысую подружку? Она ведь ускакала неизвестно куда на диковинном звере.

– Лия и без нас не пропадет. Ее даже при всем желании потерять трудно. Так что давайте, не мудрствуя лукаво, пойдем за Вероникой, а там решим на месте.

...За разговорами быстро темнело. Вот ведь чудное место: мы под землей. Солнца нет. А смена дня и ночи очень четкая и в той же часовой системе. Двенадцать часов – свет,

двенадцать часов – тьма непроглядная. Утро и вечер – где-то по получасу, не больше. Как стены переходов и пещер реагируют на движение небесных тел извне – ума не приложу! Всегда говорил, что здесь прямо-таки нетронутая целина для ученых. Всю дорогу Иван донимал меня и Луну глупыми детскими вопросами:

– Папа, а Бульдозер может выкопать большую яму одной рукой?

– Тетя Луна, а вы умеете играть в «тетрис»?

– Папа, а ведьма Вероника может наколдовать мне такой же меч, как у тебя, только чтобы в рукоятке была еще ложка, вилка, ножик и открывалка? Я такой в магазине видел...

– Тетя Луна, а можно, я завтра не пойду в детский сад? Меня переводят в восьмую группу, а там Лукашкин – мы с ним вечно деремся...

– А правда же, что Бэтмен лучше Терминатора?

– Тетя Луна, а вы знаете, как будет по-английски «маленькая овечка»?

– Давайте вернемся и посмотрим: этот Люцифер спрятался под трон или голый дедушка его нашел?

– Папа, а кто красивее: Лия, Кэт или королева Тающего Города?

На последнем вопросе наемница подозрительно засопела. До этого она честно пыталась отвечать маленькому ребенку, что о «тетрисе» здесь не слыхали, детсад ему не грозит, Лукашкина она сама отшлепает, а с Бэтменом и Терминатором водиться не стоит – судя по именам, это, должно быть, проходимцы, каких свет не видывал. Лично я, как более опытный в воспитании детей, ограничивался односложными: да, нет, может быть, не сегодня... Теперь же мне ничего не оставалось, как объявить вынужденный привал. Быстротечный вечер кончался, на подземный мир опустилась ночь...

Мы забились в небольшую нишу или полупещеру, там вполне хватало места всем троим. На пол постелили фиолетовый плащ, Иван удобно устроился между мной и Луной. От эмоционально насыщенного дня бедный малыш мгновенно уснул, как набегавшийся суслик. Естественно, мотаться с ребенком посреди ночи, кого-то там спасать – было бы просто непростительной глупостью. Ничего... Моим ребятам не впервой. Если уж совсем прижмет – они сумеют за себя постоять! Иван сладко сопел, уткнувшись носом в колени наемницы. Умиленный, я протянул руку, чтобы обнять ее за плечи, но...

– Минуточку, нам надо поговорить.

Так, ну вот оно опять – тихое семейное счастье! Луна – чудная девушка. Вторую такую я уже нигде не найду, это точно. Она по всем статьям как никто близка к идеалу, за исключением одного маленького пунктика – дай поразбираться! А уж разборки она учиняет – будь здоров... Пока всю душу себе и мне не вытрясет, не успокоится.

– Расскажи-ка мне, как ты вознесся на небеса?

– Боже мой, любимая, да я и не помню уже. Сколько времени-то прошло...

– Нет! – Наемница еще строже пресекла мои попытки к ненавязчивым объятиям. – Ты постарайся, пожалуйста. Не отвлекайся... Начнем с самого начала. Вот, я ушла. Что сделал ты?

– Я? А... ну, это... побежал за тобой. Хотел догнать, извиниться, вернуть. У меня просто буря в душе бушевала! Я понимал, что если не остановлю тебя сейчас, то вся моя жизнь будет подобна бессмысленной суете в нелепой попытке вернуть то невероятное счастье, которое ты дарила одним фактом своего...

– Довольно! Теперь я, кажется, поняла, за что тебя любят женщины... Ландграф, ты

ушел от темы. Итак, кто та дама в прозрачных одеждах, что увела тебя в облака?

– Эта? Ну... как бы... в смысле... если смотреть непредвзято, то... в целом... можно сказать... но образно, образно... В общем, одна моя знакомая богиня! С некоторых пор...

– Значит, богиня?! – напряглась Луна.

– Небожительница. Самая настоящая. Она мне периодически здорово помогает.

– Конечно за красивые глаза! С чего бы это богине, если ты не имеешь в виду ангельский нрав и неземную красоту, помогать малознакомому, небритому и вообще постороннему мужчине?

– Понятия не имею! – праведно возопил я. – Она что-то говорила о катализаторе. Ну, вроде бы у них наверху какие-то ставки на меня, как на ипподроме.

– Угу... И много она на тебя поставила, жеребец?

– По-моему, ничего.

– Что?! Ее не волновало, победишь ты или нет? Не морочь мне голову, Скиминок!

– Но, Луна... Я говорю то, что есть, что знаю и в чем уверен. Лично Кэт ни в чем таком не участвовала и, соответственно, отгрести кучу монет в качестве выигрыша просто не могла.

– Кэт?!!

– О небо... Ну, Катариада Базиливмейская!

– Ясно... А Кэт – это для удобства и сокращения. Такое милое ласкательно-уменьшительное имечко. Как у котенка... Убери руки!

– Да успокойся же! У меня с ней ничего не было. Разве ты не знаешь, что богини бесплотны?

– Бесплодны?

– Тьфу, не перевирай мои слова! Я сказал – бесплотны.

– Сам придумал или она подсказала?

– Танитриэль предупреждала, – уже почти зарычал я. Ненавижу оправдываться! Тем более в том, в чем действительно чувствую себя чуточку виноватым... На какое-то время мы, насупившись, замолчали. Правильно говорила мне Смерть: «Скиминок, разберись ты со своими женщинами!» Слава Богу, с Катариадой все более-менее ясно... Приходит, когда вздумает, точно зная, что я один и она никому не помешает. Уходит даже прежде, чем я об этом задумаюсь. Выгодно... Одно «но»! Читает мои мысли, как открытую книгу. Если шуры-муры с ней еще туда-сюда, то уж семейная жизнь – сущий ад! По моем возвращении в Соединенное королевство знойную властительницу Локхайма я пока не видел. Летает невесть где, мнит о себе невесть что, упивается собственной значимостью, а на деле – сплошная фикция. Тающий Город давно никто ни в грош не ставит! Нет... ничего плохого о королеве я не скажу, это было бы ложью. Жаловаться на нее грешно, хотя именно она впервые и втравила меня в сумасшедшую драку с Ризенкампом. А когда я успешно избавил ее от осточертевшего супруга, стала вешаться мне на шею и мурлыкать разные неприличности на тему брака. Но вы-то верите, что лично я – ни в чем не виноват? Кудрявая головка Луны тихо легла на мое плечо...

– Ты меня еще немного любишь?

– Люблю. – Я наконец-то обнял ее за плечи. Сразу стало так ласково и уютно. Атмосфера в Аду накаленная, так что мы безбоязненно сидели на тонком плаще, упираясь спинами в голые стены – от камня шло такое тепло, что было даже чуть жарковато. – Послушай, ну вот что мы с тобой ссоримся?

– Мы не ссоримся, мы общаемся. Учимся понимать друг друга, – шепнула она, легко поцеловав меня в щеку.

– Нашли время... – притворно заворчал я. Как все-таки приятно было сидеть с ней рядом. – Мы с тобой в бегах, Бульдозер гостит в плену, Вероника сидит в одиночной камере под строгой охраной, Лия разъезжает неизвестно где, неизвестно на ком, весь Ад взбаламучен, и, судя по очень далеким крикам, Екарный бабай всюду бодрствует.

– Ландграф, а откуда ты знаешь имя этого распутного демона? Ведь его вызвали по твоей просьбе, и, значит, лишь по твоему слову его можно заточить обратно.

– Счастье мое, там, где я живу, слова «екарный бабай» всего лишь обычное татарское ругательство. Я просто подумал, что в вашем-то мире все не так, не как у нас, чуть-чуть иначе... Оно и сработало.

– Ты умница, милый! А что значит «екарный бабай»?

– Ну... – окончательно смутившись, я попытался подыскать грязному матерному выражению наиболее приемлемую для дамского слуха формулировку: – Что-то вроде – «пожилой пассивный гомосексуалист».

– Ничего себе – пассивный... – фыркнула Луна. – Да он активнее истосковавшегося племенного быка!

– Ничем не могу помочь... – зевнул я, незаметно целуя ее в ушко. – В вашем мире все не как у нормальных людей.

Ночь прошла спокойно. В целом спокойно... Лишь пару раз мимо нашей пещерки проносился оголтелый черт с истерически рыдающим воплем: «Я не Зухра, я не Зухра, я не Зухра-а-а-а!!!» По-видимому, бедняга для успокоения наматывал километры по кругу. Впрочем, Ивана он не разбудил, да и мы слушали вопящего в пол сонного уха. Все плохое забылось, нам втроем было так тепло и уютно. Вот, ей-богу, всю жизнь бы так жил... Утром наемница разбудила меня поцелуем. Я с восторгом ответил тем же, и мы даже увлеклись, но в это время проснулся Иван. Он неожиданно отодвинулся от Луны и, строго уставившись на нас обоих, прямолинейно спросил:

– А где мама?

Мы покраснели, как школьники. Реальность не давала о себе забыть даже в сказочном королевстве. Слова нашлись не сразу...

– Мама ждет тебя дома. Но до этого нам надо выбраться отсюда, забрать наших друзей и найти богиню Катариаду. Если очень вежливо попросить, то она вернет тебя домой.

– А ты?

– Я? Мне еще надо кое с чем разобраться.

– Ну нет, папочка... тогда я никуда не пойду! Я тоже хочу подвиги совершать!

– А есть ты еще не хочешь? Скиминонок, ребенок наверняка голодный.

– У меня ничего нет – я же не Лия. Это у нее по всем карманам яблоки, семечки, орешки.

– У меня тоже ничего, – огорченно вздохнула Луна. – Нас приучали голодать по несколько дней.

– Да не хочу я есть! – вмешался Иван.

– Хочешь! – твердо решили мы. – Детей надо кормить. Вовремя. Пойдем найдем Веронику, а уж она нам что-нибудь наколдует.

Уже рассвело. Стены переходов загорелись разноцветными красками. Такие обалденные мозаичные панно выдает иногда природа! Меня как художника раздирали противоречивые

чувства белой зависти и самого искреннего восхищения. Трудно было предположить, что в такой вот красоте живут злобные исчадия Ада. Им бы больше подошли мрачные старые казематы, узкие тоннели с торчащими из стен корнями и абсолютное отсутствие света. Красота – она облагораживает... На рогатых это не действовало, сволочами были – сволочами и умрут! В соседнем тоннеле раздался грохочущий галоп. Мы прижались к стене, обнажив оружие, – мимо нас на огромном, но уже знакомом звере пронеслась взлохмаченная Лия:

– С-ни-и-и-ми-и-те ме-ня-а-а-а...

Все произошло так быстро, что мы не успели даже ответить бедной девушке.

– Что ж, она со вчерашнего дня так и носится? – кротко спросила Луна.

Я пожал плечами... Совсем не исключено, в том смысле, что – запросто! Противная скотина бежала с такой курьерской скоростью... Прыгать на скаку было бы чистым самоубийством. Вдохнув, мы отправились дальше. Как уж там ориентировалась наемница – понятия не имею, но не прошло и получаса, как впереди замаячили знакомые фигуры чертей. Спрятавшись за выступ поворота, я внимательно присмотрелся к противнику. Купол стоял на том же месте – прозрачный, легкий и непробиваемый. Невыспавшаяся Вероника с помелом готовилась к неизбежной рукопашной. Дело в том, что черти решили взять ее подкопом. Четверо рогатых землекопов успешно разбрасывали саперными лопатками каменистую почву. Еще двое отдыхали, сложенные в козлы вилы стояли рядышком.

– Иван, – шепотом пообещал я, – если ты сможешь не шуметь, не путаться под ногами и тихо скрываться за спиной тети Луны, – вот те крест, завтра дам тебе покататься на живой лошади.

Счастливый ребенок бешено закивал головой от восторга. Бывшая монахиня только хмыкнула. Да, дешево я его купил... Но таковы современные дети – их только лошадю и заманишь. Хотя в этом мире таких сантиментов не понять, для них лошадь лишь средство передвижения, не имеющее ничего общего с тем романтическим ореолом, каким ее окружают наши дети. Пока мой сын занимал оборонительно-наблюдательную позицию за спиной кареглазой наемницы, я неторопливым шагом вышел к чертям и приветственно помахал мечом.

– Да здравствует доблестный труд работников совковой лопаты! – Черти, обернувшись, замерли, глядя на меня квадратными глазами. – Что-нибудь не так? Обычно, когда я шучу, все вокруг валяется на спину от хохота и машут в воздухе ногами. Значит, теряю форму... Ну, извините, с кем не бывает? Да вы не тушуйтесь, если кто решил поиграть в героя и схлопотать Бронзовый Крест, Пурпурное Сердце, то милости прошу!

Рогатые заскрипели зубами, но, несмотря на численное превосходство, не спешили лезть в драку. Велика и ужасна слава свирепого ландграфа...

– Тогда кончай перекур и марш на полевые работы! Копают все! Если вы, несознательные элементы, завалите мне сдачу строительства тоннеля... Если вы грубо нарушите планы партии и народа... Если весь рабочий класс по вашей вине так и не сладит с похмельным синдромом, а Россия не воспрянет ото сна...

Черти серели от ярости, но спорить не решались. Я подкрепил свою речь опытного прораба соответствующей крепости выражениями, и Байкало-Амурская магистраль была завершена в рекордные для капитального строения сроки. Пленная Вероника гордо вылезла из подкопа и... с размаху влепила помелом самому высокому черту прямо между ног... Несчастный задавленно пискнул и упал ничком. На мой молчаливый вопрос она

раздраженно повела плечами:

– В следующий раз пусть знает, какое именно из его мужских достоинств не следует навязчиво демонстрировать через прозрачную стену незамужней девушке из приличной семьи!

– Девочка моя, ты становишься чрезмерно мнительной. Надо принимать мир таким, какой он есть. Чертей не перевоспитаешь, им обязательно нужно делать пакости и строить скабрёзности.

– Охотно... Вот теперь и он будет знать меня именно такой, какая я есть! На всю жизнь запомнит, гад...

– Напомни мне, чтобы на досуге мы подискутировали по поводу всепрощенческой политики графа Льва Толстого, – махнул рукой я. – Эй вы, братья-гегемоны! А ну, марш в купол! Считаю до десяти, кто не спрячется – я не виноват...

Меч Без Имени сверкнул серебряной молнией. Черти молча, безрадостно полезли в свежевырытый ход. Когда все забрались внутрь, набившись под купол, как шпроты в банку, юная ведьма выкрикнула всего три слова и виртуозно взмахнула помелом. Ход сровнялся с землей...

– Bravo, подружка, чистая работа! А теперь позволь представить тебе моего сына. Иван! Иди сюда, поздоровайся с тетей.

– Милорд! – вспыхнула Вероника. – Смилуйте, ну какая же я ему тетя? Здравствуй, мальчик.

– Привет... – шмыгнул носом Иван, осторожно высовываясь из-за спасительной Луны.

– Меня зовут Вероника, а тебя?

– Ваня.

– Ваня? – искренне удивилась длинноносая практикантка. – Да разве это имя для сына ландграфа?! Нет. С этого дня тебя будут гордо называть – лорд Скиминнок-младший!

Если бы глупая девчонка только могла предположить, в какую бездну неприятностей она толкнула бедного меня... Пресвятые угодники! Это ж додуматься надо было – вбить в голову пятилетнего недоростка, что он уже настоящий лорд и его обязанность – лезть куда не просят, направо-налево совершая безумные подвиги. Естественно, он поверил ей безоговорочно!

Мальчишка стал выхаживать, выпятив грудь, важно рассказывать всем о своих геройствах в детском саду, безбожно перевирая события. Его послушать – так на землю спустился Великий Поборник Справедливости, заступник Слабых и Обиженных, Храбрец, Силач и Очень Скромный Мальчик... Эдакий вольный коктейль из Робин Гуда, Ильи Муромца и бескомпромиссного майора Пронина. Одним словом, удружила, нечисть зеленоглазая...

Значит, к Бульдозеру мы направились уже увеличенным отрядом, усиленные магической поддержкой. Кроме меня, никто с такой степенью ясности не представлял, что это значит. Луна слишком мало общалась с Вероникой, а Иван был просто счастлив оттого, что нашел себе такую взрослую и симпатичную подружку, которая к тому же постоянно его хвалит и вполне материально готова воплотить в реальность все его фантазии.

На чертей мы натолкнулись всего один раз, да и то не пришлось подраться. Откуда ни возьмись, на нашем пути выросли восемь хвостатых вилоносцев. Возможно, передовой пикет какого-нибудь возвращающегося на базу отряда. Они тут же взяли оружие наперевес и

без предупреждения кинулись в бой, но за их спинами раздалось грозное:

– Снимите меня-а-а... – Огромный зверь разметал чертей, как оловянных солдатиков, и исчез в проходе.

– Давно она так катается? – ревниво поинтересовалась юная ведьма.

– Со вчерашнего дня, – улыбочиво пояснил я.

– Ну вот... всегда так! Я, как последняя дура, сижу в плену, в окружении врагов, прикрываю ваш отход, а она опять развлекается...

Мы сумели спасти нашу белокурую красотку часика через два. Вероника смилостивилась и, нашептав нужное заклинание, стала каким-то особенным свистом подзывать к себе лупоглазого мастодонта. Вопреки моему скептицизму, в конце концов раздался топот, и зверь, раздувая ноздри, выбежал к нам.

– Так насвистывает его самка в брачный период, – пояснила ведьма моему не в меру любопытному мальшу. – А теперь – все в сторону! Как только я тресну его помелом – он замерзнет!

– Превратится в ледяную скульптуру? – с тихим ужасом догадался я.

– Ага! – радостно кивнула Вероника, нанося зверю мощный бемс-с-с! промеж глаз.

– Но... там же Лия?!!

Поздно... Галопирующий гигант и худенькая наездница замерли, покрывшись четырехсантиметровым слоем льда. Сквозь его прозрачную массу голубым гневом горели круглые очи нашей бедной спутницы.

– Да... – философски выдал мой сын. – Папа, твоя тетя Лия очень похожа на Снегурочку. А дядя Бульдозер не будет ругаться?

Ну, Жан, может, и не будет, мне так просто некогда. Я рванулся вперед, на ходу вытаскивая меч, и начал осторожно откалывать Лию от скакуна. Работа филигранная, почти хирургическая. Меч Без Имени – игрушка острая, отмахнет палец – и не заметишь, а заморозка такая, что хоть молотком бей – девчонка все равно не почувствует. Вероника суегилась вокруг, то сбивчиво извиняясь, то уговаривая меня разрешить ей еще одно ма-а-ленькое заклинание.

– Милорд, так ведь я всего лишь хотела его замедлить. Главное, чтобы Лиечка не упала от резкой остановки. Кто же знал... Осторожнее! Она никогда не простит, если вы сбреете ей полпрически! Вот что, давайте я применю заклинание Направленного Огня. Это просто! Помните, как в Тихом Пристанище я зажгла свечу силой взгляда?

– Отлично помню... – огрызнулся я. – Потом едва удалось потушить скатерть! Если бы поблизости не оказалось трехведерной бадьи с супом, ты бы к лешему спалила весь санаторий.

– Она очень старалась, – вмешалась Луна. – Дело сделано, чего уж на нее кричать... Вот, смотрите – ваша Лия почти готова.

– Папа, а что значит «готова»?

– Иван! Не доводи меня своими подколками! Сейчас я ее спасу... Оу-у-у... Блин Клинтон! – Весь кусок льда с запаянной в него уже зеленеющей златовлаской ухнул вниз, хряпнув меня по большому пальцу. А тут еще и наемница, вместо того чтобы пожалеть, быстро отвесила мне подзатыльник...

– Стыдись, ландграф! Как ты выражаешься при ребенке?!

– Ми-и-ло-о-рд-д-д... Спа-си-те ме-ня-а... – Мы совсем забыли про несчастную Лию. От удара о каменистую землю лед у ее лица треснул, и слабый голосок замерзающей сумел

пробиться в наш шумный бедлам. Мы устыдились и все четверо, кто чем, бросились аккуратно раскалывать ее прозрачный саркофаг. Наконец из-под осколков была извлечена совершенно зачоченевшая жертва скоропалительного колдовства. Она отстукивала зубами морзянку и не могла двигаться.

– Сейчас отогреем... – бодренько начала Вероника.

– Никаких огней! – дружно рывкнули мы с Луной и Иваном. – Здесь и так довольно жарко.

– Да я... я всего лишь хотела... Ну, стаканчик вина для внутреннего сугрева ей не повредит? – Ведьмочка дунула и выловила из ниоткуда кубок с белым вином.

– Дай попробовать, – на всякий случай потребовал я. – Может, там серная кислота? С тебя станется...

Пахло алкоголем. Макнув в жидкость палец, я осторожно лизнул. Хм... и вправду вино, только какое-то особенное. Слишком крепкое, что ли? А, ладно... Что такого может быть с совершеннолетней девчонкой от одного бокала?

– Пусть пьет.

Вероника заботливо влила содержимое меж клацающих Лиинных зубов. Вино оказало чудодейственный результат! Буквально через пару минут наша невольная эскимоска ожила и даже начала ходить.

– Это и есть тот самый мальчик Иван? Здравствуй, здравствуй... Меня зовут Лия.

– Он не просто Иван! – возмущенно встряла практикантка. – Я буду настаивать, чтобы к сыну ландграфа обращались как к лорду Скиминоку-младшему!

– Правильно, – серьезно согласилась Лия. – Именно так мы и станем его называть. А кстати, где, собственно, шляется мой муж?

– Сидит в плену у чертей. Хватит прохлаждаться! Нам действительно пора вытаскивать парня. Да, Вероника, по-моему, лед тает.

– Естественно, при такой температуре. Вы правы, милорд, уходим. Когда он разморозится, то не оставит от нас даже мокрых пятен...

Я шел под ручку с Луной. Лия и Вероника наперебой обхаживали Ивана. Через какие-нибудь полчаса нас встретили дозорные Дембеля и, улыбаясь, показали короткую дорогу в лагерь, где должен был загорать Бульдозер. Все бы хорошо... Да вот только я почему-то часто спотыкался, говорил невпопад, как будто хватил лишку. С другой стороны, я ж вообще не пил! Ничего не понимаю... В одном из гротов памятного мне Кровавого озера нас приветствовал старый толстый знакомый с голубыми глазами и хвостиком на затылке. Он отсалютовал мне вилами, а я ему – мечом. Мы дружески пожали руки.

– Я знал, что вы вырветесь. Ваш могучий друг уже сидит на чемоданах. Клянусь Адом – еще никогда ни один самый высокопоставленный гость не содержался в таких великолепных условиях, как этот пленник.

– Спасибо. Пожалуйста, передайте его сюда побыстрее, а то у меня что-то голова кружится. Лия! Забирай своего благоверного.

Мы всей оравой ввалились в огромный гротовый зал, где нам навстречу и вышел счастливый Бульдозер.

– Отдохнул, посвежел, выглядишь как огурчик, – похвалил я. – Знакомься с моим сыном. Иван, поздоровайся с дядей.

– Здравствуйте, дядя Бульдозер.

– Здравствуй, маленький ландграф. У тебя папин плащ и пряжка?

- Да. А вы правда очень сильный?
- М-м... наверно... – смущенно повел широкими плечами Жан.
- А вы машину поднять можете?
- Кого? В смысле – таран для ворот или осадную башню?
- Да нет же... Ну, машину! Обыкновенную «Волгу», «мерседес» или микроавтобус?
- Не знаю...
- А лошадь? – смилостивился Иван.
- Да! Лошадь могу! – обрадовался поникший было Бульдозер.
- Значит, вы очень сильный! – резюмировал мальчишка, чем и пленил моего оруженосца навсегда.

Трусливый рыцарь, получивший такую похвалу от простодушного ребенка, мгновенно воспылал к нему нереализованной отеческой нежностью, и теперь я мог быть совершенно спокоен за своего сына в этом мире. Лия, Бульдозер, Вероника станут ему более чем друзьями. Они приняли его в свою семью. Они будут его защитниками, наставниками, товарищами по играм, верными спутниками в дороге и заботливыми родственниками дома. Пока молодая чета с ведьмочкой наперебой расспрашивали Ивана о жизни там, в другом мире, мы с Луной уточнили фронтовые сводки у Дембеля.

– Новостей из Пентатрона к нам пока не поступало. Но если все действительно произошло так, как вы говорите, то дело пахнет керосином... Люцифер обладает огромной властью, так что вызвать любого демона ему не очень сложно. Но... Сама структура демонологического типа такова, что загнать его обратно можно лишь в трех случаях. Если это делает лицо, назвавшее демона по имени. А я так понял, что имя произнесли вы? Значит, Владыка здесь бессилён.

– Скиминок – ты гений! – Луна нежно чмокнула меня в щеку. Я растаял...

– Во втором случае, если вызвать другого, более мощного демона той же структуры и заставить его изгнать первого. За определенную плату, разумеется...

– Той же структуры? Вы хотите сказать, что если Екарный бабай специализируется на агрессивном, пардон... вообще любит всех подряд, то тот, кто его изгоняет, должен переплюнуть его в этом хитром деле?

– Именно, – кивнул черт.

– А какую плату он за это возьмет? – полюбопытствовала Луна.

– Я догадываюсь, любимая...

– Да уж, трудно не угадать, чего захочет еще более любвеобильный тип, чем тот, кого вы вызвали. Клянусь Червями Бездны, ландграф, вы решили превратить наш мирный Ад в какой-то публичный дом принудительного режима!

– Ну, нет... Я лично тут совершенно ни при чем! Это ваш отсталый мир понимает лишь низменные развлечения. Меня еще по предыдущим приключениям упрекали в том, что уж слишком много внимания уделяется крови и извращениям. Я, что ли, в этом виноват? Я все это придумал?! Просто здесь иначе и быть не может... У вас все чуть-чуть чокнутые! Что поделаешь...

– Не горячись, солнце мое... Ведь на самом деле тебе у нас нравится! Разве ты приехал бы сюда уже в третий раз, если бы так не любил наш мир? – Наемница склонила голову, прижавшись щекой к моему плечу. Я скромно поцеловал ее в макушку и виновато улыбнулся. Она была права...

– Так вот... – деликатно откашлялся Дембель. – Третий способ возвращения демона в

его измерение – это когда он возвращается сам, выполнив свою задачу и получив условленную плату. Вы ему что-нибудь приказывали?

– Нет.

– Странно... Но возможно, вы хоть что-то думали в то время, как он материализовывался?

– Пожалуй, да... Я хотел, чтобы мы успели сбежать.

– Вот эту мысль он и принял за приказ. А всех присутствующих лиц, за исключением девушки и ребенка, находящихся под вашей защитой, демон счел своей законной платой.

– И что теперь?

– Теперь он не уйдет, пока не «отлюбит» как следует всех, кто в то время был в зале Пентатрона, – заключил ухмыляющийся черт.

Во мне одновременно боролись смех и сожаление. С чисто мужской точки зрения, как представитель пола, я не мог радоваться тому, что по моей вине столько мужчин подверглись вынужденной смене ориентации. Но с другой стороны, это были враги, и представить лишь на минуту, что они хотели сделать с Луной... Я уж про себя не говорю, меня бы просто помучили и убили. Нет уж, братва, за что боролись, на то и напоролись! Утешало еще, что не всем чертям уготована столь двусмысленная участь, ведь ответ несут только те, кто был в зале Пентатрона. Вот Дембель с товарищами находился на передовой, так что пострадают те самые штабные из Специальных шпионов Ада. Пусть знают, прохиндеи, как посылать рядовой состав на верную смерть под клинок тринадцатого ландграфа...

– Лорд Скиминок, я полагаю, что непосредственная опасность вам в данный момент не грозит. Не окажете ли честь отобедать с нами за одним столом?

Луна тихо кивнула. Мы и вправду давно не ели. Только сейчас я вдруг почувствовал звериный голод, а ведь у меня ребенок со вчерашнего дня некормленный.

– Пожалуйста! – трогательно продолжал упрашивать толстый черт. – Ребята так старались. Сделайте милость, не откажите...

Все просто, но вкусно. Мясо того диковинного зверя, на котором разъезжала Лия, приготовленное в четырех видах. Черный хлеб с тмином. Вареный и жареный картофель. Никаких салатов, разносолов, консервантов, но целая гора свежего зеленого лука, помидоры, болгарский перец. Много печеной рыбы, из напитков обязательное вино двух сортов. Пива не было. На десерт фрукты. Луна отобрала Ивана у сердобольных подружек и проследила, чтобы он ел не только сладкое. А то мой как дорвется до мандаринов, так никакой суп в него не запихнешь.

За столом было шумно и весело. Отряд Дембея, общим числом шестьдесят шесть душ, пил за наше здоровье стоя. Лия с Бульдозером успели два раза поругаться, помириться и вновь повьяснить отношения. В смысле – чем он тут занимался, пока она там страдала верхом, а потом еще и мерзла без супружеского утешения. Жан толком ничего ответить не мог, поскольку наверняка просто спал, пил, ел и играл на щелчки в домино. Моя головная боль прошла после первого же стакана красного. Но вот за десертом, когда все присутствующие развалились, благодушно грызя орешки и делясь апельсинными дольками, в мою хмельную голову наконец-то пробралась заблудившаяся мысль. Она сформировалась не сразу, но, когда встала в полный рост, я был просто поражен... Как можно было об этом забыть?!

– Где принцесса Ольга?

– Кто? Папа, а ты мне ничего не говорил о принцессах.

– Сядь, сынок, дай мне с народом пообщаться. Эй, ребята, Горгулия Таймс утверждала, что нашла обоих детей. Иван здесь, сидит рядом со мной. Где же девочка? Я обещал вернуть ее князю.

– И мы ее вернем! – нетрезвым хором поддержала моя команда. Дембель хрюкнул, опрокинул еще рюмочку и печально сообщил:

– Мы не знаем. Мальчика отправили в Пентатрон, всех мужчин воспитывают там, а вот девочка... Скорее всего, ее должны были отдать на воспитание суккубам.

– Кто такие? Почему не знаю? – рыкнул я.

– О, это страшные демонессы любви, способные ввести в искушение даже святого! От них нет спасения.

– Опять двадцать пять! У вас ни от кого нет спасения, хоть на улицу не выходи... хотя чего же я ждал? Раз мы в Аду, то, соответственно, по названию и обстановка.

– Расскажите поподробнее, – попросила наемница. Умница моя, вот ведь знает, что все равно пойду, и заранее выясняет обстановку. Дотянусь, тогда поцелую...

– Как бы поскромнее начать, – застеснялся толстый черт. – Ведь среди нас женщины и дети. Ну... суккубы – это порочные существа, рожденные от греховной связи незаконной нечисти с крещеным человеком. В результате столь противоестественного кровосмешения получаются удивительно красивые женщины, с самым совершенным телом и самой черной душой. Они невероятно искусны во всех тонкостях обольщения. Устоять просто невозможно, но за ночь неземной любви они высосут из вас все жизненные соки, и наутро жертву суккубов находят изможденным, бледным трупом. Полагаю, что скорее всего маленькую принцессу следует искать именно там.

– Милорд... – встал было Жан, но Лия повисла у него на шее, вопя как недорезанная сиамская кошка:

– Ты куда это намылился, кобелина?! Лорд Скиминок, делайте со мной что хотите, но я его не пущу! Мне и самой его мало! Я молодая, чувственная женщина в полном расцвете сил и желаний. Не позволю, чтобы моим законным мужем пользовались какие-то приبلудные девки. Да я им всем космы-то повывергиваю! Не пущу-у-у...

Черти повалились на спины от хохота! Соответственно, мы все тоже. Даже малолетний Иван смеялся вместе со всеми, хоть и не знал над чем. Бедный Жан, бурый от стыда, безрезультатно пытался отклеить супругу, уговаривая ее самыми ласковыми словами:

– Ласточка моя! Успокойся, со мной ничего не случится... Рыбка моя! Не стоит так волноваться... Звездочка моя! Не надо так сильно переживать, ты же знаешь – я у тебя кремень в этом плане... Птенчик мой! Да никому и в голову не придет меня соблазнять... Ты взгляни хорошенько, кому я такой нужен?! Ягодка моя! Отпусти шею, задушишь, ненормальная-а-а-а...

Пока эти два клоуна веселили уважаемую публику, я поманил к себе хихикающего Дембеля и уточнил:

– Так каким транспортом лучше всего побыстрее добраться к суккубам?

– Вы всерьез?! – искренне поразился он. – Но ведь... это же гиблое дело! Вы что – не верите мне? Суккубы высосут жизнь из любого мужчины, а ведь с вами еще и дамы. Подумайте, что грозит им? Я уж не говорю о маленьком ландграфе...

– Да, его я здесь не оставлю. Что-нибудь придумаем, но идти все-таки надо. Дорога очень трудная?

– Без проводника вообще не доберетесь! Эх, лорд Скиминок, завидую я таким вот сумасшедшим людям... Лично я, например, хоть и черт, а к суккубам близко не подойду. Ни за какие коврижки! Они нашего брата, конечно, не тронут, но как знать... Мы ведь все – нечисть. Для нас законы не писаны.

– Не наговаривайте на себя лишнего, – примиряюще перебил я. – А кто из вашего племени мог бы послужить мне самым лучшим проводником в таком безнадежном деле?

– Поручик Брумель! – не задумываясь выдал толстый Дембель.

Брумель, Брумель, Брумель... Мы познакомились с ним во время моего первого похода во Тьму. Это был высокий, стройный черт с роскошными пушкинскими бакенбардами. Настоящий офицер, умен, дисциплинирован, тонко ироничен. Ни разу не видал его с неначищенными до блеска копытами! Он со слезами в голосе уговаривал нас принять его отряд в компанию и позволить ему ударить против Ризенкампа. Именно Брумель со своими рогатыми парнями спас принцессу Лиону, защищая ее в Ристайльской битве. Весь в бинтах, израненный так, что лишь пяточок торчал наружу да глаза грозно сверкали сквозь белые повязки, он, несмотря ни на что, поперся спасать меня в далекий Локхайм и дрался до полной победы над тираном. Брумель – герой! Я допил свое вино и попытался привстать...

– Господа, я хочу сказать тост! – Все уважительно примолкли. – Вы – трусы, господа!

Моя команда так и ахнула... Сказать такое толпе пьяных чертей, в их же лагере, превращая единственных союзников в откровенных врагов, – надо не иметь мозгов вовсе! Но мне было не до этого. Я не видел, как счастливое удовлетворение пирушкой сменилось тихой ненавистью от незаслуженной обиды.

– Лорд Скиминок, – едва сдерживаясь, но все еще крайне любезно начал Дембель. – На какое-то мгновение мне показалось, будто вы намеренно пытаетесь нас оскорбить, но я не сомневаюсь, что эта досадная оговорка не имела под собой никакой хоть сколько-нибудь твердой почвы.

– Дурак! – отрезал я. – Вы что тут себе навоображали?! Если я позволил полусотне рогатых недоносков сесть рядом с собой за стол – так мы уже и равны?!

Черти повскакивали с мест, врассыпную бросившись за оружием. Вероника автоматически потянулась за помелом, Луна притянула к себе Ивана, неторопливо раздумывая, куда его сунуть до конца драки. Жан обхватил голову руками, уставясь в пол, а его супруга... О, Лия глядела на меня такими возмущенными глазами! Еще бы... я нарушил все традиции – обычно обхамить кого-нибудь с ног до головы – это ее прерогатива. Раньше никогда ничего подобного себе не позволял.

– Господин ландграф! – прорычал красный от гнева Дембель, выстроив против нас обозленных собутыльников, но договорить не успел...

– Молчать! Всем молчать, негодяи! Что, не нравится?! Думаете, я пьян? Да я трезв, как расчет дельтаплана! Но мне не в душу, понимаете... В смысле, с души воротит, как погляжу на ваши паскудные рожи! «Мы привыкли к мирной жизни... У нас семьи и дети... Давайте найдем разумный компромисс...» Тьфу! Слушать противно... Какое-то размазывание манной каши по детской тарелочке... Вы кто? Кто вы такие?! Вы черти или старушки в бигудях?!!

– Черти! – взвыло уже хором все воинство.

– Тогда какого черта (простите за каламбур) вы позволяете этому дебильному культуристу с лосиными рогами делать из вас пушечное мясо?! Как вы можете допустить, что ваш национальный герой, поручик Брумель, сидит в тюрьме? И сидит незаконно, без суда и

следствия, без судьи и адвоката, без посылок с воли... Я не понимаю, как вы его сдали? Да в Среднем королевстве любое дворянское собрание сочло бы высочайшей честью сражаться бок о бок с ним! За сколько вы его толкнули? Вам вообще хоть что-нибудь заплатили?

Черти хватили ртами воздух, яростно сопели пяточками и тупо сжимали оружие. Обстановка была наэлектризована до предела.

– Как вы можете пьянствовать и тискать ваших рогатых баб, когда Брумель гниет в тюрьме?! Этот храбрец заставил весь мир заговорить о чертях с неподдельным уважением. Черт из Тьмы – золотыми буквами было вписано в хроники Локхайма! Кто знал о вас до его выхода в свет? Кто скажет мне, ради чего погибли те великие герои, что шли рядом с ним? А ну, вспомните их поименно! Не можете?! Да какие же вы черти после этого? Козлы вы, вот вы кто...

Я демонстративно обернулся к рогатому воинству спиной, в любую минуту готовясь получить удар вилами под лопатку. Взрывоопасное пытение сзади грозило в любой момент прорваться громом с молниями. Первой меня поняла Лия:

– Аболиционисты, дегенераты, апологеты, рефрижераторы, оппортунисты, штрейкбрехеры, постимпрессионисты! – Под таким шквалом присел даже дородный Дембель. Столь мудреных ругательств здесь отродясь не слышали. Уж на что я привык к таланту моей спутницы извлекать из моей болтовни самые неподходящие словечки, но тут... она и меня сразила!

– Лорд Скиминок очень обижен... – прогудел Бульдозер, когда его супруга окончательно выдохлась. – Он был другом вашего Брумеля, и ему невероятно больно видеть, как местные царьки вытирают ноги о соратников великолепного поручика!

– А, что с ними говорить! – взвилась Вероника, внося свою посильную лепту. – Ты же видишь, Жан, их ничем не проймешь. Завтра Люци прикажет им засунуть хвосты в мясорубку, и они послушно выстроятся в очередь! Да еще будут хвастать друг перед другом – из кого получилось больше фарша!

Луна молча посадила моего сына на плечо, чтобы его было лучше видно, и Иван, науськанный наемницей, завопил в полный голос:

– Вы как хотите – а я пойду спасать дядю Брумеля!

Минута молчания... Потом взрыв!

– За Брумеля! Свободу поручику! Фигу Люциферу! – хором скандировали возбужденные черти, наконец найдя выход обуревавшему их гневу.

Уф! Вот так-то лучше... Я вас, сволочей, научу революции устраивать!

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут!
Но мы поднимем гордо и смело...

Впервые в своей жизни я вел на войну целую армию. Обученную, вооруженную, дисциплинированную и... пьяную вдребадан! Впереди, конечно, я! Без белого коня, пешком, но с обнаженным Мечом Без Имени. Слева Иван, справа Луна. Следом Бульдозер, Лия и Вероника – грозные, счастливые и горлопанистые. За ними колонной по четыре печатают

строевой шаг гневливые черти и Дембель, возведенный мной в звание капрала, бодро подпрыгивающий сбоку, не давая войскам потерять боевой энтузиазм:

– А ну, ать-два!левой, левой, левой... Ждать недолго, сейчас я дам вам возможность хорошенько подраться! Ать-два, ать-два, ать-два!

По дороге нам встречались и другие черти. Не понимая истинной цели происходящего, они сначала сторонились нашей суровой колонны, а потом, не удержавшись, вливались в стройные ряды. За какой-то час, пока мы шли к тюрьме, революционный настрой масс увеличил наши ряды вдвое. Моя голова слегка отрезвела. Спасало то, что скорее всего дислокации чертей были очень растянуты, а озабоченный демон Екарный бабай все еще вершил свои грязные делишки. То есть до нас Люциферу на данный момент не было никакого дела! В Аду и без того насущных проблем хватало, где уж им ландграфов ловить... Свою бы задницу как-нибудь спрятать!

– А что, капрал, много ли народу у вас на нарах баланду хлебает?

– Много, милорд. Наверно, у каждого или родственник, или друг, или просто знакомый уже оттоптал свое на зоне от звонка до звонка. Люцифер правит очень сурово. Доносы косят наши ряды куда продуктивнее залетных ангелов-истребителей.

– Ух ты! Не слышал о таких, но не будем отвлекаться. Пока идем, расскажи-ка нам о тюрьме.

– Крупная пещера общей площадью почти в две квадратные мили. Закрывается массивными воротами со сложной системой внутренних запоров. Большой гарнизон из спецподразделений внутренних частей копыеносцев.

– ВЧК? – привычно сократил я.

– Именно. Там же, внутри, спальные помещения, каменоломни и кладбище. Условия содержания заключенных – самые свинские. Это образно говоря... Ни одна нормальная свинья там и двух недель не протянула бы. Из пищевого рациона – только сухари и вода. Никаких передач, никаких сношений с внешним миром, никаких встреч с родственниками... Ничего!

– Вот пиночеты проклятые! – сурово зарычал я. – Значит, бедняге Брумелю даже чифирь запарить не из чего?!

– Запарим чифирь Брумелю! – хором поддержали воодушевленные черти.

Через два поворота нашему взору открылась и сама тюрьма. Здание монументальное... Высоченные дубовые ворота с медными клепками, гранитные стены, уходящие под потолок, и узкие бойницы, позволяющие держать под прицельным огнем все подходы. Другие бы хоть на минуту сдержали шаг, поразмыслили бы, куда бить, прикинули бы план боевых действий... Эх, стратеги! Мы бурой толпой сгрудились у ворот, и при наличии хорошего запаса стрел из нас всех сделали бы ежеиков. Уж слишком бездарно расположены войска. Хорошо, что никто из ВЧК не знал, зачем мы пришли. Из окошечка высунулся рогатый стражник:

– Это еще кто такие?

– Лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени, с компанией!

– А, новые пленники... – тупо обрадовался тюремщик.

– Угу, – кротко кивнули мы.

Надо же, какое удобство – сами ворота открывают! Не часто нас так балуют обстоятельства. Луна тихо попросила:

– Постарайтесь там... без особенного кровопролития. Ребенок еще слишком мал для такого зрелища. Детство должно оставаться детством...

Я кивнул и поманил Ивана:

– Слушай меня, герой. Сейчас здесь будет толкучка, как на Больших Исадах, можешь помять плащ, а грязного я тебя с собой не возьму. Так что бери за руку тетю Луну и отведи ее в безопасное место. Поручаю тебе защиту хрупкой женщины.

– Как же я буду защищать ее без меча? – развел руками он. – Давай будем биться твоим мечом по очереди, а?

– Ну уж фигушки!

– Ванечка, тебе подойдет мой кинжальчик? – услужливо подкатилась Лия. – Смотри, какой симпатичный, с камушками...

– Насовсем? – щепетильно уточнил малолетний привереда. Лия тяжело вздохнула, на мгновенье на ее лице отразилась внутренняя борьба между щедростью и скопидомством. Победила совесть.

– Насовсем! Я с Жана еще стребую, у его папы есть один трофейный...

Ворота открылись. Ну что же, пора начинать. Я поцеловал наемницу, потрепал за ухо сына и отправил обоих в тыл. Моя команда сгрудилась рядом, прикрывая мне спину, а фланги были надежно защищены чертями. Из распахнутых ворот вышло около десятка амбалов в длинных кольчугах с секирами на изготовку. Впереди шествовал тощий черт в набедренной повязке из панбархата и алой ленте через плечо. На его бедре болталась парадная рапира, а выражение лица было постно-надменное:

– Сам свирепый ландграф? О, как я мечтал заполучить сюда этого злодея! Для начала мы отправим его в камеру пыток, там я наконец отведу душу. Потом займемся его друзьями. Ого, да ведь это знаменитые Бульдозер, Вероника и даже Лия! Клянусь адом, Люцифер сделал нашей тюрьме поистине царский подарок!

– Я бы так не утверждал... – притворно покачал головой Дембель, и наши черти гнусно усмехнулись. Меж тем начальник местных Соловков, похоже, и впрямь недопонимал значимость происходящих событий:

– А почему они при оружии?! Это непорядок! В любой тюрьме категорически запрещены колющие и режущие предметы. Дайте-ка сюда меч!

– А ну-ка, отними! – вдруг вспомнил я название детской конфеты. – Эй, Дембель, какой у нас сейчас месяц?

– Начало октября, милорд.

– Итак, господа, Великая Октябрьская революция, о которой так долго говорили большевики, – свершилась!

– Что?! – отступил владелец алой ленты.

– Круши их, матросня! – завопил я, выхватывая Меч Без Имени. Черти лавиной бросились на врага, мгновенно закипела рукопашная. Мы вчетвером протолкались вперед, пока остальные глушили лбов в кольчугах, а те отчаянно защищались. Но преимущество в силе и неожиданности было на нашей стороне. Опьяненные победой (вдобавок к чисто алкогольным градусам), герои первой гражданской войны ринулись на штурм Зимнего. Лия нашла чьи-то вилы и, прячась за спиной мужа, отважно тыкала ими из-под его колена. Вероника, удерживаемая мною на «строгом поводе», использовала лишь шаровые молнии. Они летели везде, как тополиный пух, и, натываясь на железное оружие, взрывались с оглушительным треском, осыпая всех голубыми искрами. Я никого особенно не рубил, но

напрочь отсекал любое направленное на меня оружие. Толстый Дембель пробился с левого фланга, рапортуя по ходу боя:

– Гарнизон мы одолеем, несмотря на то что они лучше вооружены и все в доспехах. Вы намерены искать одного поручика или, может быть, выпустить на свободу всех?

– Темницы рухнут, и свобода
Вас встретит радостно у входа! –

высокопарно и гордо продекламировал я, не забывая отмахиваться мечом. – Что за женские вопросы, капрал? Отпустите всех на фиг, к недалекой ядерной вше! Пускай народ гуляет... Посторонись – зашибу!

Ворота мы взяли практически без потерь. Не совсем, конечно, но очень малой кровью. Ненавижу гражданские войны... Нет ничего хуже, чем видеть, как люди одной национальности убивают друг друга. Хотя... это ведь не люди. Наверно, если натравить одну нечисть на другую, это даже по-христиански? В том смысле, что они друг друга изведут, а честным людям только польза. Надо будет посоветоваться по столь тонкому вопросу с кардиналом Каллом, он более сведущ в таких делах. А пока мы с Бульдозером, его женой и юной ведьмочкой дружно воевали за непонятно чье светлое будущее, выпускали на свет узников, спасали одних, били других, делая все, лишь бы досадить коварному Люциферу. Тюрьма была устроена без лишних мудрствований. Сразу за воротами длинный широкий коридор, по обе стороны зарешеченные ниши, в них прямо на земле располагались несчастные заключенные. Мы не утруждали себя уточнением, кто за что сидит, тут наверняка и уголовного элемента понапихано было выше крыши. Освобожденные хватали брошенное оружие, вооружались собственными кандалами и шли за нами в самое пекло, храбро бросаясь превосходящими силами на очень одиноких тюремщиков. Лично я не утруждался поисками ключей, а легко сносил ударами меча пудовые замки. Через полчаса Бастилия пала! Свобода торжествовала на баррикадах. Рогатое племя чертей восторженно носилось повсюду, разбирая на сувениры все, что еще можно было уволочь. Ребята Дембеля привели ко мне обезоруженного и побитого начальника тюрьмы. Негодяй был страшно перепуган, но фыркал и плевался:

– Вам это даром не пройдет! Люцифер все узнает, и его гнев будет страшен. Вас всех ждет ужасная смерть. Все муки преисподней покажутся райским блаженством в сравнении с тем огнем, что он обрушит на ваши безрассудные головы. Владыка Ада лично...

– Где Брумель? – строго оборвал я. Среди освобожденных его не было. Черти слегка пощекотали начальника вилами для скорейшего возбуждения желания сотрудничать с нами.

– Не помню!

Дембель качнул головой, начальнику добавили еще для улучшения памяти и лечения склероза.

– Не скажу! – визжа, упорствовал тот.

– Ладно, не стану спорить... Отпустите его.

Все недоуменно замерли. Черт с остатками алой ленты сделал пару неуверенных шагов.

– Идите, идите... Раз вы ничего не хотите нам сказать, то и нам дальнейшая ваша судьба до лампочки. Просто напоминаю, что за нашими дисциплинированными солдатами ждут

своего часа разгулявшиеся народные массы. Каторжники изголодались по революции, а вы для них... Мне почему-то кажется, что они к вам неровно дышат.

– Да здравствует справедливый лорд Скиминонок! – дружно взревели бывшие узники, злорадно потирая ручки. – Отдайте этого мерзавца нам!

– Смилуйтесь, господин ландграф! – мгновенно опомнился начальник тюрьмы, с поцелуями бросаясь мне в ноги.

– Ничем не могу помочь. Вы добровольно лишили себя статуса военнопленного.

– Я все скажу! Поручик Брумель сидит в особой одиночной камере. Хлеб и воду ему подают раз в день через окошечко. Фактически двери нет, она замурована. Мне было приказано...

– Дембель, сейчас же отряди шестерых парней и освободи поручика. Этого хлыща заberi себе как сувенир. Предай справедливому суду, но не выдавай народу. Я обещал. Найди ему какое-нибудь полезное применение. Пусть полы моет, что ли...

– Он будет у нас территорию вылизывать! – восторженно взвыли черти. Да, для них это эпохальное событие. Сколько лет прошло, а вот поди ж! Ведь взрезалось в память!

– Милорд, – подошел потрепанный Жан, – мы здесь долго задержимся? Между нами говоря, мне не очень по сердцу наши новые союзники. Тут полно всякого сброда! Вы уверены, что они не решат нами поужинать? Просто так, в знак благодарности...

– Очень может быть. На всякий случай держи Лию и Веронику поближе к себе. А, вот и Луна с младшим Скиминонком. Ну что, Иван, ты сумел защитить даму от многочисленных врагов?

– Да, папа, – неуверенно сказал он. – Я всем показывал свой кинжал, и на нас никто не нападал.

– Это потому, что все видели, как ты готов меня спасти! – серьезно пояснила наемница. – Ребята, давайте-ка отправимся домой или в гости. В общем, куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Слишком много разного криминала выплеснулось наружу. Я боюсь за ребенка.

– Мы уже уходим, – построжел я, и в ту же минуту к нам привели исхудавшего Брумеля. Я отсалютовал ему мечом и первым подал руку. – Приветствую, поручик! Счастлив видеть живым.

– Благодарю, господин полковник. Как всегда, к вашим услугам. Располагайте мною...

Брумель здорово сдал. Тюремный режим не пошел ему на пользу, он отошал. Бакенбарды заметно тронула седина, но в горящих глазах по-прежнему светился иронично-насмешливый огонек.

– Тогда принимайте командование. Ваш заместитель, капрал Дембель, проявил недюжинную храбрость, решившись ввести сюда войска. Теперь же рекомендую всем бежать отсюда не оглядываясь. Когда до Люцифера дойдет, что мы здесь учинили, он будет вынужден срочно собрать верные войска для усмирения мятежа.

Брумель щелкнул копытами, по-военному развернулся кругом и занялся текущими делами. Заключение бодро разбежались. Что ж, если подземный мир и вправду так велик, то они легко затеряются. Не думаю, чтобы в Аду была введена паспортная система или хоть раз в десять лет производилась перепись населения. К тому же тюрьму порушили основательно, и, перед тем как кого-нибудь сюда засадить, потребуются солидный ремонт с немалыми капиталовложениями. Мы расположились у левой створки ворот.

– Куда теперь? – начала Лия.

– К суккубам. Я обещал Злобыне вернуть маленькую принцессу. Вот где бы нам на время спрятать Ивана... Как ты думаешь, Горгулия Таймс согласится недельку посидеть с ребенком?

– Ну уж не-е-е-т, папочка... Так нечестно! Я тоже хочу спасти принцессу. У меня даже свой кинжал есть, мне подарили.

– Только не в Тихое Пристанище! – дружно воспротивились супруги. – Его там ничему хорошему не научат. Мальчику нужна соответствующая среда. Тогда уж лучше обратиться к Повару.

– Он вечно сидит в осаде. Не пойдет.

– К Матвейчу тоже нельзя. Великий маг, как напьется, про все забывает. Ребенок может весь день некормленным бегать, он и не почешется, – вставила Вероника.

– Но ведь не у чертей же его оставлять? – взяла слово Луна. Иван снова прижался к ее колену.

– Нет...

– Тогда пусть идет с нами. Я могу за ним присматривать, а он меня защищать. Пускай малыш будет на глазах, это все-таки куда надежнее, чем отдавать его в чужие руки.

– Папа, не отдавай меня! Я буду очень, очень послушным... – взмолился мой сын.

Все прочие умиленно смотрели на него и осуждающе на меня. Ладно, уговорили. Няnek действительно хватает, а переправить его одного в Срединное королевство весьма проблематично. И вообще я ведь обещал показать мальчику параллельные миры... А где еще найти самое безопасное место, как не под теплым крылышком бывшей наемной убийцы?!

На пороге тюрьмы наша команда распрощалась с мятежным отрядом Дембеля. Теперь у нас был проверенный проводник, припасы на дорогу и вполне конкретная цель впереди. Кроме Брумеля, других чертей мы с собой не взяли, несмотря на самые жалобные просьбы. Ребята, конечно, зарекомендовали себя в бою, но надолго оставаться во главе чертячьего войска лично мне представлялось весьма неразумным. Все-таки это союзники на один раз, на пьяную голову, на божественное дурачество... Я вполне отдавал себе отчет в том, что в иной обстановке, при другом раскладе событий тот же Дембель охотно всадил бы мне трезубец в бок и за обе щеки уплетал бы рагу из тринадцатого ландграфа. Главное в партнерстве с нечистью – знать меру! То есть уметь вовремя остановиться... Мы успели отойти от опустевшей тюрьмы до подхода правительственных войск. Вечер наступил, как всегда, неожиданно. День был очень напряженным, все намотались, поэтому спать завалились пораньше. Лия, Вероника и Луна с Иваном под боком сопели сном праведников. Мужчины под моим чутким руководством, зевая, держали военный совет, запалив с помощью Брумеля небольшой уютный костерок.

– Ваше дело достаточно безнадежно, милорд. Хотя, как помнится, это ваш стиль. Чем именно я могу помочь?

– Поручик, мне говорили, что девочку спрятали где-то у суккубов. Вы сможете провести нас туда?

– Это не проблема. Горе в том, что оттуда не возвращаются. Я бы рекомендовал оставить все как есть. Вы ведь вернули сына? Бегите во Тьму, оттуда в Срединное королевство, а там и к себе домой. Честно говоря, я не вижу причины для дальнейшего продолжения военных действий. Мальчик у вас, зачем злить Люци, отбирая у него еще и девочку?

– Злить? Да я отродясь никого не злю. Я ему уже все простил, нежно и улыбочиво, с

присущей мне христианской кротостью. Даже подарил на память юморного, трудолюбивого демона с бойким астраханским именем. Причем безвозмездно!

– Следовательно, сейчас весь Ад ищет вас с пеной у рта только для того, чтобы выразить переполняющую их сердечную благодарность за щедрость и участие?

– Брумель, бросьте язвить, вы не первый день меня знаете! Я всегда раздавал всем сестрам по серьгам...

– Гоблинам по ушам, кришнаитам по хвостам, ведьмам по загривкам, Голубым Гиенам по попкам, – исхитрился вставить Жан.

– Ладно, хохмачи, давайте о деле. Поручик, а почему сами черти отзываются о Великом и Ужасном Владыке Ада с некоторым сарказмом? Люци... Это же не имя, а пародия.

– Риторический вопрос... Кто такой Люцифер? В моем и вашем мире – понятия совершенно неадекватные. Для меня – просто самый большой и сильный черт, обладающий высоким интеллектом, некоторой магией, избираемый всенародным голосованием... все!

– Чего?! – разинули рты мы с оруженосцем. – Выборы? У вас здесь в ходу демократия?

– Но это разумно и логично. Знаете поговорку: «Демократия в Аду, а на небе – Царство!» Поэтому мы можем позволить себе некоторые поблажки, в отличие от вас... Ибо в вашем мире Люцифер гораздо сильнее! Он питается вашими страхами, вашими грехами, вашими душами... Его власть почти безгранична! Почти... Господь Бог всегда может поставить его на место. Но все равно, в вашем мире вам с ним не тягаться, а в нашем... Худшее, что он способен сделать, – так это просто убить. Здесь ему не удастся завладеть вашими душами. Как ни парадоксально, однако именно в своем собственном Аду Люцифер наименее опасен. Вот уж когда мы вырвемся в Срединное, или Соединенное, королевство – он развернется во всю мощь! Там он способен поднять против вас любую нечисть, а здесь у него только черти. Люцифер сможет оклеветать, обмануть, загнать в ловушку, заставить почти любого человека убить вас как личного врага. Ад, в сущности, невелик. Чем больше мир, где вы прячетесь, тем больше возможностей у нашего Люци.

– Я, наверно, совсем тупой, но я ничего не понял...

– Боже мой, стыдись, Жан! Господин поручик подразумевает тот не объяснимый наукой факт, что ведение крупномасштабных боевых действий на нашей территории обречено на провал ввиду несоответствия полярности силовых структур тонким материям потенциального противника. Разница субстанций невольно предполагает достаточную свободу гипотез и не один век является весомым поводом для встречной дискуссии. Хотя здесь и есть где разбежаться на целый ряд диспутов, ибо подобная схема – просто клад для больного воображения софиста. Но нам не стоит переувлекаться астральными течениями и пытаться как-то повлиять на генетический код противника посредством радикального изменения его кармической структуры. – К концу тирады я и сам не помнил, с чего начал. А к чему пришел, тоже непонятно. Брумель сочувственно кивнул, Бульдозер, посмотрев на него, также сделал умное лицо. На всякий случай... Мы мудро помолчали.

– У вас славный мальчуган, ландграф. Перед сном он прочел нам наизусть «Песню о вещем Олеге» на стихи некоего Высоцкого. Очень актуально и познавательно! Это вы его научили?

– Уф... – шумно выдохнул я. Вот стервец! Нет чтобы сбавить какой-нибудь умный стишок из предпраздничной программы детского сада. Вконец меня опозорит...

– Милорд, я обещал Ивану покатавать его на лошади и дать померить шлем.

– Он в нем утонет. Если твою кастрюлю на ребенка надеть, то других доспехов уже не

надо – и так одни тапочки видны. Вот что, парни, давайте-ка поутру тихонечко двигать к суккубам. Пока Люцифер всерьез нас не хватился...

– На это особенно не рассчитывайте, лорд Скиминок. Владыка Ада не чета какому-нибудь Ризенкампфу. Он всегда будет знать, где вы, и сделает все, чтобы навеки уничтожить саму память о тринадцатом ландграфе. В этой бойне Меч Без Имени – слабая защита. Основную роль будет играть магия...

– Подождите, поручик, кое-что я так и не уяснил. Люцифер – он кто? Сатана, Дьявол, Вельзевул, Шайтан, Вселенское Зло, не победимое рукой человека, или нет? Вы утверждаете, будто он всесилен, и между тем выбираете общим голосованием. Он не в состоянии избавиться от им же вызванного демона, но от него нет спасения в моем мире. Он ставит капканы, раздвигает границы пространства, крадет моего сына, а сам не в состоянии задержать наш отряд всего из пяти человек?! Мы у него на глазах рушим все его планы, сбегает, гробим уйму подотчетных лиц, разрушаем тюрьму, а он нас до сих пор не поймал. Горгулия Таймс рыдала, отпуская нас во Тьму на верную смерть, для них имя Люцифера – символ Высшей Власти Зла. А здесь его по-домашнему кличут – Люци...

– Да что ваша Горгулия знает о Тьме? – досадливо отмахнулся черт. – Она здесь была хоть раз? Весь этот треп об ужасах здешней жизни здорово преувеличен. Если сопоставлять величины, то пропорционально Владыка нашего Ада ничуть не выше любого мелкого божка из Срединного королевства. Если же брать в глобальном масштабе, то, конечно, есть Господь Бог, есть и Дьявол. Но для них мы столь ничтожные существа, что о нас они и не подозревают. Вы связались не с самим Дьяволом, а с его безобиднейшим отражением. Для нас же Люцифер – это вообще не имя, а скорее должность. Но все равно имейте в виду, что даже в этом случае более мощного противника у вас не было!

На рассвете Брумель повел нас по коридору навстречу судьбе. Иван ни в какую не хотел просыпаться и мирно додремывал на загровке у Бульдозера. Лия спорила с Вероникой по поводу завтрака. Тащить на себе большие запасы мы не могли, а тот паек, что нам оставили воины Дембея, едва ли рождал надежды на сытный обед. Луна пребывала в сумрачных размышлениях, и мне никак не удавалось отвлечь ее разговором. В смысле – он шел не по тому руслу...

– Скажи, а вот если бы у тебя не пропал сын, ты бы вернулся в Ристайл?

– Конечно, при первой же возможности.

– Но ведь тебя не было целых пять лет по меркам твоего мира...

– Любимая, но как я мог? Белый конь за мной не приезжал, выехать в Прибалтику не позволяли средства. К тому же я не уверен, что еще раз смог бы пройти все ловушки в переходах.

– Ты хотел меня увидеть?

– Да, естественно. Какой вопрос?!

– Не знаю... – Она пожала плечами. – Вот когда украли твоего ребенка, ты быстренько нашел дорогу в наше королевство.

– Ну, это... я тут... все получилось довольно спонтанно, и я...

– А ты вообще меня любишь?

– Люблю.

– Но забереешь сына и возвратишься домой к жене? А я, конечно, опять останусь здесь... Вернусь в монастырь или даже умру от тоски. Ты когда-нибудь приедешь, а меня уже нет...

– Луна... – Я попытался обнять ее за плечи, но она вывернулась.

– Нет, ты скажи! Ты реши со мной что-нибудь. Найди мне место, положение, рамки, условия для жизни, чтобы я могла ждать тебя до старости и не думать, где ты сейчас, с кем ты, кто с тобой!

– Любимая, не надо...

– Пойми же наконец: для меня это не просто роман! Все гораздо серьезнее...

– Выход во Тьму! – торжественно объявил бакенбардистый поручик. Мы вошли в совершенно незнакомый сводчатый зал с такой же высокой аркой и межгалактической темнотой внутри.

– Что-то вроде бы это не то место, где мы входили? – подозрительно сощурилась Вероника.

– У нас входов и выходов во Тьму штук двенадцать, – повел бровями Брумель. – Но в вашем мире почему-то упорно считают, что Тьма одна. Глупости! Это всего лишь банальные Врата для перемещения по измерениям. Мир чудесен и многообразен, нужно иметь божественное разумение, чтобы создать его таким великим и сложным. Мы не дерзаем понять его природу, мы просто к нему приспособляемся. Что еще вам нужно? Выход к суккубам здесь, в центр Соединенного королевства нужно идти через другую Тьму. Можно, конечно, и через эту, но через ту короче.

– Папа! – вдруг завопил Иван, подпрыгивая на шее у Бульдозера. – Папа, посмотри туда, там опять этот противный Люцифер!

В тот же миг в залу резво вломились правительственные войска во главе с мускулистым роконосцем в мантии. Ну вот... опять все снова-здорово! И как им не надоест за нами гоняться?

– Попались! – Черти громко расхохотались, чтобы их смех звучал достаточно грозно. Почему-то мы совсем не испугались. Нет, совсем ничего не боятся только дураки, просто мы от них не далеко ушли...

– Эй, Люци! А где мой старый знакомый? Ну, пожилой такой, интеллигентный дедушка с молодой душой и повышенной резвостью? Как бишь его звали?

По рядам врагов пронесся тихий зубовный скрежет. Понятненько... значит, многие помнят. Люцифер шагнул вперед, держа в накачанных руках здоровенный золотой посох, украшенный рунами и кабалистическими знаками.

– Будь ты проклят, Скиминок! Мы едва сумели избавиться от твоего похабного демона. Впредь тебе не удастся так легко нас одурачить. Но я рад, что мне удалось захватить всех врагов сразу и именно в ту минуту, когда вы уже считали себя в безопасности. Нет таких мук, которым бы мы забыли вас подвергнуть! Я...

– Милорд, – обернулась ко мне Вероника, – вы хотите сказать, что это вот ходячее анатомическое пособие и есть Великий Владыка Ада?! Неужели его хоть кто-нибудь боится?

– Молчать! – взвизгнул несчастный, а зря. Орать на нас никому не рекомендуется. Ничего хорошего из этого пока не получалось. Мы только завелись...

– Лорд Скиминок, позвольте я обломаю ему рога. Мне подойдет на украшение для шлема, – задумчиво прогудел трусливый рыцарь. – Или папе подарю, как сувенир на стену, он обычно развешивает там свои охотничьи трофеи. А может быть, я займусь резьбой по кости? Сделаю из рогов фигурные зубочистки. Лия считает, что у меня есть задатки художника...

– Беги к мамочке, недоумок, пусть она снимет с тебя эту дурацкую тряпочку и научит

правильно надевать подгузник! – добавила наемница.

Черти глядели строго, но едва сдерживали улыбки. Люцифер был настолько ошарашен нашей неизмеримой наглостью, что даже не пытался возражать.

– Я на свободе! Никто не в состоянии задержать честного черта, если его помощь требуется легендарному ландграфу! Я покидаю Ад по срочному делу. Честь имею, господа...

– Папа, дай я тоже им скажу! – вдохновившись примером Брумеля, полез с критическими высказываниями и мой сын. – Вы... нечестно играете в карты! Козыри так не ходят, а тетя Лия мне настоящий кинжал подарила, вот! А с вами я больше не играю.

– Все выговорились? Люцифер, нам пора. Примите совет на прощанье – идите домой, выпейте чего-нибудь утешительного и придумайте более полезное для здоровья развлечение, чем ловля ландграфов. Пивные банки пособирайте, что ли... Ну, присядем на дорожку?

– Нет!!! – взревел обиженный в лучших чувствах Владыка Ада. – Вы никуда отсюда не уйдете! Вы умрете прямо здесь! Все! – Он поднял посох, и из него ударили голубые лучи, кроша потолок у нас над головами. – Я уничтожу вас! Смешаю с пылью, сотру в порошок, не оставлю даже мокрого места!

Мы невольно пригнулись. Меч Без Имени упорно требовал пустить его в дело, но врагов было слишком уж много, все даже не вмещались в зале, толпясь в ближайших коридорах. Надо было что-то делать...

– Эй, поручик! Что там у него за волшебная палочка?

– Посох Разрушения! Им ничего нельзя создать, но можно легко сломать любую стену, любую скалу, любую крепость. От этого оружия нет защиты!

Ну, нет так нет... Умрем героями – нам не привыкать. Я оглядел своих храбрецов, как-то не сразу сообразив, кого не хватает... Лия!

Пока мы, тихо поругиваясь, готовились к неотвратимой битве, наша белобрысая недотрога, подозрительно пошатываясь и подпрыгивая, держась за стеночку, пошла на Люцифера. Все замерли! И наша банда, и боевые части чертей, и сам Владыка Ада с тупым рассеянным любопытством следили – дойдет или все-таки хряснетса? В нависшей тишине предельно громко звучало сбивчивое бормотание Лии:

– Т...ты! Эт-от, бык! Ты ще-е-е, вконец о-хре-не-л, а?!!

У Люцифера отвисла челюсть...

– Милорд, она же пьяная! – ахнул Бульдозер. Не то слово... Она уже ни-ка-ка-я! В доску, в стельку, в дым, в накатый! Но когда? Еще пару минут назад девчонка была трезва как стеклышко, а сейчас лыка не вяжет. Ничего не понимаю...

Лия дочкиляла-таки до Владыки и, покачиваясь, как подсолнушек, высказала все, что она о нем думает. Опуская лишние эпитеты, скажу, что всем стало ясно: если сей же час Люцифер не покончит с собой, совершив показательное харакири, то он опозорен навеки! Его заплюют соседи, ибо жить после таких оскорблений попросту невозможно. В целом Лия уложились, коротко и содержательно, в полминуты.

– Кы-зел! Обр-р-р-ва-не-ц! Т-т-тр-ра-ка-н наду-т-тый! Психо... этот... пат! Шиз-френик! Дэ-бил! И во-о-ще, че я с то-бой р-р-азгова-ри-ва-ю? Даун, даун, даун...

По-моему, у Владыки стало плохо с сердцем. Пока он ловил ртом воздух и озирался в поисках кислородной подушки, Лия сделала еще шаг вперед, подпрыгнула и шлепнула крепкой ладонью по багровому от стыда пятачку! Все ахнули... Люцифер страшно побледнел, Лия хрюкнула и, теряя равновесие, схватилась обеими руками за золотой посох

Разрушения. От неожиданности Люци разжал пальцы... Пьянь зеленая так и покатилась в сторону в обнимку с посохом. До нас не сразу дошел весь ужас происходящего... Лия тоже ничего не поняла. Она лишь попыталась встать и удержаться на ногах, размахивая этой гаубицей на манер китайского канатоходца. Через минуту пещера напоминала знаменитое полотно Брюллова «Последний день Помпеи»! Стены рушились, с потолка валялись целые глыбы, пол покрывался страшными трещинами, пыль стояла столбом, гром и молнии висели в воздухе. В относительно небольшом зале началась давка. Хорошо еще, что мы все стояли плечом к плечу друг с другом, и никто не потерялся. Чертям пришлось хуже! Уж не знаю, кого и сколько позадавило, но от дикого воя просто резало уши. Рогатая нечисть топтала своих же, носясь взад-вперед по телам раненых. Лия вцепилась в посох мертвой хваткой и, вопя от страха, подпрыгивала вместе с ним, как студентка строительного колледжа с отбойным молотком.

– Я остановлю ее! – крикнула Луна, кувырком бросаясь вперед. Она подкрадывалась к ней раз шесть (это с боевым опытом профессиональной наемной убийцы!), но была вынуждена вновь и вновь откатываться обратно, ибо нетрезвая жена Бульдозера творила совершенно непотребные вещи. Казалось, она задалась сознательной целью уничтожить весь Ад к чертям собачьим!

– Тетя Лия, дайте и мне попробовать! – счастливо верещал мой сын.

Рушилось все! Никто не знал, что именно ахнет по голове в следующую минуту, сползет ли стена за спиной или пол развернется под ногами. Вероника тайком решила что-то колдонуть, и в результате шаровая молния, влипнув в посох Разрушения, отприкошетила напрямик по арке Тьмы. Левая сторона свода начала распадаться по кирпичику! Юная ведьма пискнула и присела... Луне наконец-то удалось сцепиться с Лией и выбить из ее рук страшное оружие. Посох покатился по камушкам, допрыгал до трещины и... Уф! Там ему и место.

– Все за мной! Уходим во Тьму!

Брумель с Вероникой встали впереди, я взял Ивана на плечи, а Луна, передав Лию под арест трусливому рыцарю, перешла в тыл. Напоследок целый столб ярко-оранжевого пламени вертикально ударил из той трещины, куда провалился посох. Наверное, он долетел до дна и все-таки сработал. Потолок рухнул! Мы шагнули во Тьму...

С проводниками это не страшно. Я больше волновался за ребенка, но от обилия впечатлений он свернулся калачиком, сполз мне на руки и засопел.

– Бульдозер, как она? – тихо спросил я в темноту.

– Спит, милорд. Самым невинным сном, аки агнец Божий.

– Что такое на нее нашло? – подала голос Луна. – Обычно милая, спокойная девочка, а учинила просто пьяный дебош!

– Я никогда ее такой не видел, – подтвердил Жан. – Но ведь она и не пила ни капли, вот что самое удивительное! Мы приняли понемногу на вечеринке у Дембея, а она только ела фрукты. Я точно помню...

– Действительно загадка... Наваждение какое-то! Причем ни с того ни с сего, резко, как будто... Стоп! – Меня осенило. – Она же пила! Позавчера Вероника выдала ей стакан колдовского вина для сугрева! Помните, как она замерзла, когда мы вырубали ее изо льда?! Я тогда только лизнул капельку и до вечера ходил умиленный, как сантехник, а Лия выпила все!

– Но... милорд, прошло почти двое суток... Почему бы ей тогда не захмелеть сразу? –

недоверчиво пробубнил мой оруженосец. Похоже, ему все-таки было стыдно за женитьбу на потенциальной пьянице.

– Откуда я знаю? Ты об этом Веронику спроси. Ну, длинноносая краса, говори, чего ты ей туда намешала?!

Ответом был короткий жалобный вздох и невнятное бормотание о том, что ее никто не любит, не ценит и не понимает... Луна сзади погладила меня по руке, я размяк... Впереди неясно забрезжил свет. Люблю, когда все кончается хорошо...

Глава 2

Суккубы

*...и тогда у героя был украден сын, а у его друга – дочь.
Словно пелена Тьмы опустилась на души горожан, ибо не было
такого раньше. Зло вновь подняло голову, и хохот демонов звенел в
небесах. Но даже все силы Ада не могли остановить тех, кто шел за
тринадцатым ландграфом Меча Без Имени...*

Хроники Локхайма

Многим покажется, что я пишу сбивчиво и сумбурно, не утруждая себя обязательным растолковыванием непонятных мест. Это не так! Я пишу правду! Вот в чем проблема. Не моя вина, что чаще всего мне достаются лишь голые факты, и ни одной ученой крысе с аналитическим умом или профессорским званием не приходит в голову расставить все точки над «і». Зачем? Нам всем и так весело. Спросите у Бульдозера, что есть Зло. Он ответит: это очень плохо, по законам рыцарства с ним надо бороться. Все. Дальнейшие философствования его не интересуют. А как насчет единства и взаимопроникновения Добра и Зла? Многообразие их внешних и внутренних проявлений? Взгляд на Зло с позиции буддизма, даосизма, иудаизма, йоги и Камасутры? После третьего вопроса Жан шарахнет вас булавой, считая это наилучшим ответом. И он не одинок в своей категоричности! Умствования никого не интересуют. Признаться, и меня тоже. Свет впереди становился розовым.

Мы вышли навстречу закату. Пейзаж напоминал пасторальные картинки Древней Греции. Неподалеку виднелись развалины какого-то храма с желтеющими колоннами и обломками статуй. Старый резной мрамор оплетался вьюнками и лианами, вокруг море цветов, кипарисы рвутся ввысь, теплый воздух благоухает ароматами, а в ультрамариновом небе загораются первые созвездия. Они были невероятно яркими. Господи, какая красота...

– Это земля суккубов. Край Свободной Любви, – пояснил Брумель. – На ночь глядя здесь ходить не стоит. Вы никогда не слышали о кастратках?

– Хм... не надо о грустном. В свое время Вероника помогла мне уकोкошить одну такую с... выразительными глазами.

– Помогла? Вам? Укокошить?! – округлила глаза юная ведьма. – Вы все забыли, лорд Скиминок! На самом-то деле, если бы я не учуяла ее запах, не схватилась за меч и не ударила вовремя... Милорд, у вас бы никогда не было детей!

– Всем привал! – шумно засуетился я, прекращая неприятное для меня развитие темы и уточнение деталей. – Поручик разводит костер, Лия с Вероникой готовят ужин, Бульдозер на страже до полуночи, Луна присмотрит за Иваном, а я пребуду в глубокомысленных размышлениях о стратегии и тактике нашего похода.

– Как скажете, милорд... – поклонились все, но Луна потянула меня за рукав. Мы отошли в сторонку, она быстро поцеловала меня и сразу же перешла к деловому разбору:

– Здесь не место для ребенка.

– Сам знаю, но ничего не могу поделать...

– Скиминок, ребенку всего пять лет. Если даже он выглядит постарше, ведет взрослые

разговоры и размахивает настоящим кинжалычиком. Таскать малыша по таким злчным местам – невозможно! Я уж не говорю о том, что дети должны воспитываться в родительском доме, под присмотром и заботой, читать книги, играть в догонялки и слушать сказки на ночь. Но не скакать с буйным отцом верхом на Бульдозере, воюя с чертями в самом сердце Ада. У ребенка должно быть детство!

– Понимаю. Даже не спорю. Только уточни мне, дорогая, куда его в данный момент деть?

– Ты отец, тебе и решать. Ну, лично я на твоём месте быстренько бы отвезла его домой, а потом вернулась и...

– Луна, у тебя температуры нет? Или ты просто издеваешься?

– Не знаю! Но мальчика все равно нужно отправить в безопасное место.

Пришлось объявлять общий сбор и устраивать срочный военный совет. Ивана действительно требовалось куда-то спрятать. Лия с Бульдозером наперебой рекламировали собственный замок. Но не думаю, что престарелый отец Жана очень обрадуется. Он и сам-то на ладан дышит, а уж присматривать за реактивным мальчишкой, приехавшим специально совершать подвиги... Да мой сын сбежит от него на войну в тот же день, как пронюхает, что в ближайшем лесу гуляет страшный волк-оборотень или огнедышащий дракон до смерти напугал двух куриц в соседней деревеньке. Вероника от всей широты души предложила отдохнуть в пансионате Тихого Пристанища. Дескать, там ребенку и режим, и питание, и уход, и бабульки будут просто счастливы потискать такого симпатичного ландграфчика. Конечно, свои плюсы в этом варианте есть, но... Они ведь его попросту избалуют за неопределенное время моего отсутствия! И потом, Иван воспринимает наши приключения как страшную сказку с хорошим концом, для него все это очень весело. Ему все хочется попробовать, потрогать, лизнуть... Запустите такого умника в заповедник ведьм и дайте возможность добраться до волшебной палочки – скучно не будет! Он всех на уши поставит... Нет уж, не пойдет. Можно, конечно, к Злобыне в Ристайл, но, с другой стороны, они там и свою собственную дочь не уберегли... А если Люцифер вновь захочет мне досадить, то первым делом сразу же проверит столицу. Матвеич мужик светский, но пьяница, ребенка ему не доверишь – в этом мы единомышленны. Де Браз? Ну, это еще куда ни шло, хотя... Вошнахауз портовый город, и слишком много всякого хамья шляется по тамошним улочкам. Не уверен, стоит ли. В конце концов, все все равно сошлись на кандидатуре Повара. Там отдаленный замок, так что сразу не найдут. У него двое взрослых сыновей, следовательно, опыт воспитания мальчишек есть. Правда, как и отмечалось, достойный сэра Чарльз Ли имеет одну маленькую, но малоприятную привычку – любит сидеть в осаде. Ну... даже в этом можно найти свои плюсы – Иван никуда не удерет и наберется полезных знаний по геральдике и псовой охоте. Собак он любит...

– Не поеду!

– Иван, послушай меня хорошенько...

– Не поеду! Я с тобой хочу!

– С Вероникой тоже интересно. Я ведь тебя не домой отправляю, а в гости. Помнишь, как я рассказывал о сэре Поваре? Том самом, что спасал меня от казни? Да, мы еще дрались вместе на турнире в честь святой Жануарии? А я тут быстренько разберусь и за тобой приеду.

– Не хочу! – уперся неслух. – Вы, значит, дальше пойдете, суккубов смотреть, а меня,

значит, не берете? Так нечестно! Дядя Бульдозер обещал меня на лошади покатасть...

– Да в замке Ли этих лошадей штук пятьдесят – катайся, пока не надоест!

– А еще тетя Лия говорила, что у нее есть на меня настоящий пажеский камзол. И она обещала показать мне живого царя.

– Кого?

– Царя Плимутрока!

– Во-первых, короля! Царей здесь нет. Во-вторых, Лия – трепло! Ой, извини... Я хотел сказать, что она иногда увлекается и дает необдуманные обещания. К Плимутроку в столицу я тебя сам свожу. Зато недалеко от поместья Повара, в горах водятся драконы!

– Настоящие?

– Нет, синтетические! Мы же в средневековье, тут все настоящее. Я напишу записку, и тебе разрешат полетать на Кролике. Он мой друг, надеюсь, вам будет приятно познакомиться.

– Это тот Змей Горыныч, который шепелявит?

– Тот самый. Только не вздумай его передразнивать, все-таки он дракон. Добрый, но обидчивый...

– Ну ладно, – с показной неохотой великодушно согласился Иван. – Только ты возвращайся побыстрее.

– Обещаю.

– А тетя Луна со мной поедет?

– Нет, она мне здесь нужнее. Я отправлю с тобой Веронику. Ты ведь еще ни разу не катался на метле?

В общем, дело сделалось. Пока я уговаривал Ивана, все остальные хором уламывали юную ведьму. Господи Боже! Такое впечатление, будто ума у них абсолютно одинаково. Убедить несносную авантюристку бросить такое захватывающее приключение на самом интересном месте... Это вам посложнее, чем оторвать Лию от критиканства, Бульдозера от сосиски, Кролика от вертолета, а Матвеича от армянского коньяка. Сколько было горьких слез, громовых раскатов, несправедливых упреков, необоснованных обвинений, трогательных жалоб! Я уж думал, они с ней так и не справятся! Но в конце концов Вероника сдалась и согласилась подвезти в замок сэра Чарльза Ли пятилетнего лорда Скиминока-младшего. По прикидкам поручика дорога туда-сюда должна была занять дня три-четыре, а за это время мы можем и не успеть погибнуть. Я торжественно обещал, что до ее возвращения мы будем вести себя тихо, оставив суккубов в покое, следовательно, веселуха начнется лишь по ее возвращении. Так что в целом все обошлось нормально. Брумелль быстро пояснил ведьмочке ее предполагаемый маршрут:

– Летите на северо-запад до горной гряды, потом вдоль головного хребта, оттуда через ущелье на север и прямо, прямо, прямо. Берегитесь горных великанов. Когда доберетесь до земель Голубых Гиен, будьте особенно осторожны. Они и так не переносят женщин, а уж молоденьких ведьм... Зато оттуда до замка вашего друга рукой подать.

– Стоп! – вклинился я. – Это что же получается – мы вышли на поверхность не где-нибудь, а в нескольких днях пути от Соединенного королевства?

– Так точно, господин полковник, – недоуменно пожал плечами черт. – А что в этом особенно удивительного? Переходы, совершаемые во Тьме, разнообразны и многочисленны. Подземный Ад тоже достаточно просторен. Например, взбунтовавшийся отряд нашего друга Дембеля можно ловить годами – пока еще найдут... Но разве вам никто не доложил, что мы находимся невдалеке от территориальных владений короля Плимутрока?

– Да мы и сами толком не знали... – смущенно замялись мои ребята. – Мы ведь тоже, кроме Темной Стороны, нигде не были.

– Местная организация туризма и краеведения оставляет желать лучшего, – заключил я. – Ладно, объявляю тихий час. Бульдозер на страже, потом Брумель, потом я. Остальным спать. Завтра у всех напряженный день...

Ночь прошла спокойно. Хотя и сумбурно. Луна уложила Ивана и спала рядом, охраняя его сон. Лия с ведьмочкой устроились с другого бока, свернувшись калачиком. От услуг защитного купола мы дружно отказались. Ну его! Дай Веронике волю – она их на каждом шагу возводить будет. Это одно из тех немногих заклинаний, где у нее почти никогда не бывает проколов. В том смысле, что из ее куполов мы до сих пор удачно выбирались... Таким образом, мои тайные планы подкатиться к наемнице под покровом ночи претерпели полный провал. Тоска-а-а... Сначала я спал спиной к спине с мохнатым чертом, и мне было жарко. Потом пришел со стражи Бульдозер и занял нагретое место, а поскольку, следуя законам рыцарства, спал он в латах, то я замерз. Сам Жан ни за что не простудится, он привыкший, а вот у меня утром запросто может быть насморк. До рассвета ничего не произошло. Часов в семь я поднял отряд на ноги. Нужно было хоть чем-то перекусить и двигаться в путь. Брумель, взяв вилы на плечо, отправился раздобывать какую ни на есть съедобную дичь. Вероника предложила свои услуги, поэтому все разбрелись по кустам в надежде, что их не зацепит взрывом. Вопреки ожиданиям, ничего такого не произошло... Когда практикантка позвала нас к столу, уже была расстелена большая скатерть, на ней красовался самый удивительный завтрак на траве из всех виденных мною. Не знаю даже, с чего начать... Семь одинаковых бумажных ведер, наполненных кислым молоком, в котором неаппетитно плавали немывтые яблоки, апельсины в кожуре, куски свеклы, картофеля, репы и даже веточки вишни вместе с листьями. Запах – как из коммерческого туалета.

– Что это?! – с трудом выдавила Лия, приглушая первый позыв к рвоте.

– Йогурт! – гордо объявила длинноногая кулинарка. – Милорд, это событие надо отметить. Впервые у нас в стране лучшие блюда вашего мира! Скиминок-младший мне вчера все рассказывал... Я приготовила завтрак в лучших традициях астраханской кухни. Конечно, кое-какие рецепты дались не сразу, но в основном...

– А это кто?

– Не кто, а что! Это – пицца! Любимое блюдо каких-то зеленых черепах. Отведав его, все сразу становятся такими сильными, смелыми и...

– Зелеными, – dokonчил Жан, медленно отступая от непропеченного пласта теста, усыпанного мятыми помидорами, горошковым перцем, сырым мясом с костями, политого сметаной, томатным соком и украшенного птичьими перьями (так Вероника перевела слово «анчоусы»). Весь этот гастрономический ужас венчал огромный круг соленого овечьего сыра.

– Папа! – перепуганно взвыл Иван, когда мы все повернулись в его сторону. – Я ей такого не говорил! Честное слово!

– Все ясно, – вздохнул я. – А вот тут в ковшике, по-видимому, кофе? (Там пузырилась черно-коричневая гадость густоты вареного пластилина и с запахом свежего дегтя.)

Вероника напряженно закивала. До нее уже дошло, что, наверно, что-то все-таки не совсем так. Ингредиенты положила не в той последовательности. Пока моя команда, тяжело сопя, прожигала бедолагу уничтожающими взглядами, милая Луна молча взялась за дело.

Молча, потому что едва не давилась от хохота. Сыр удалось отмыть в ручейке, остатки нечищеного картофеля нашлись в кустах, апельсины, пройдя санобработку, тоже оказались пригодными в пищу. «Кофием» Бульдозер предложил смазать упряжь, чтобы отпугивать от лошадей слепней и мух. А тут еще явился элегантный Брумель, притаранив двух толстеньких зайцев. Ими занялась Лия, готовила она, как всегда, отменно. Надутая Вероника обиженно отошла в сторонку, припрятав что-то под краешек скатерти.

– Не огорчайся, мартышка... – Я ободряюще потрепал ее по затылку. – В следующий раз обещаю привезти тебе хорошую поваренную книгу. На Ивана тоже не сердись, он просто мало что смыслит в кулинарии, а помочь старался совершенно искренне, от всей души, по мере разумения.

– Я понимаю, лорд Скиминок. Не сердитесь на меня...

– Да брось, мы все тебя очень любим, но... один вопрос, последний...

– Давайте.

– Слушай, – я перешел на драматический шепот, – что такое ты сунула под скатерть? Смотри, оно шевелится...

– Это кулебяка, милорд, – откровенно призналась Вероника. – Я, правда, так и не поняла, из чего ее делают и с чем едят... Но судя по названию...

Из-под скатерти выползло чешуйчатое непарнокопытное толщиной с батон на коротких ножках с бегающими глазками и длинным раздвоенным языком. Прошипев явную скабрёзность, существо скрылось в траве. Я возвел глаза к небу... Ну да, если судить по названию... Вот это она и есть – кулебяка!

Отправляясь в полет на метле, Иван не капризничал, он мне верил. Никаких сопроводительных записок решили не писать, все равно Повар неграмотный. Даже если вблизи и отыщется какой-нибудь образованный монах – лучшей рекомендации для моего сына, чем живая Вероника, все равно не придумаешь. Я крепко привязал Ивана к ее спине, плотно укутав фиолетовым плащом, завернув, словно в одеяло. Он слегка побрыкался, но остальные дружно загомонили, что настоящие рыцари только так и летают. Прощание было недолгим, но бурным. Лия изрыдалась, окончательно замучив Веронику осточертевшей просьбой «присматривать за сыночком милорда». Жан умудрился дать Ивану клятву вассальной верности как сыну своего господина. А на фига она ему? Можно подумать, ребенку в пять лет только собственного оруженосца и не хватает... Брумель – тот корректно поклонился, витиевато крутанув хвостом и по-военному щелкнув копытами. Луна обняла Ивана, попросила не скучать и сказала, что скоро придет. Он кивнул, по-моему, наемница ему нравилась. Мы же вообще не устраивали душещипательных сцен, хлопнулись ладонями – и вперед. Метла взяла в карьер, наездники только взвизгнули от восторга. Эх, да и я не отказался бы немножко полетать в такую погоду! Солнышко всю светит, теплынь, пташки расппевают, цветы покачиваются... А вот странно – ведь в столице сейчас осень, довольно прохладно. Их систему распределения погоды не разберет ни один гидрометцентр – где тепло, где холодно, где какое время года вообще? Сплошные несуразности...

– Будем отправляться, лорд Скиминок?

– Да, поручик. Все готовы? Отлично. Идем на поиски суккубов. Отвечай нам, бодрый Дерсу Узала, в какой стороне искать их следы?

– У суккубов здесь большой город. Днем там совершенно безопасно. Все живут нормальной жизнью – работают, торгуют, играют в кости. Довольно милый городок, между

прочим... Мы иногда выходим сюда по делам или отдохнуть в кабачке. Готовят там славно, и никаких сложностей с внешним видом. Будь ты черт или человек, вампир или рыцарь, оборотень или купец, да кто угодно – здесь все равны, всем все можно. Но вот ночью...

– Строевым шагом – марш! – скомандовал я. – Держите оружие наготове. Поручик, извините, что перебил, – рассказ продолжите в дороге. Попрошу всех слушать повнимательнее, сегодня я не склонен недооценивать врага. Особенно это касается тебя, Бульдозер! Помни, что рыцарская булава – плохая защита от игривых глазок...

– Но хорошее радикальное средство, если от души приложить ей между левым и правым! – наставительно дополнила Луна. Она обменялась с Лией многозначительными взглядами, и подружки ловко взяли нас под локотки. – Мы вам в этом охотно поможем, господа мужчины...

Брумель лишь иронически хмыкнул, потом продолжил начатый рассказ:

– Ночью все население города волшебным образом изменяется. Люди превращаются в суккубов – страшных демонов Черной Любви. Устоять против искушения невозможно: и женщины и мужчины падают в зовущие объятия, а в конце безумно сладострастной ночи – умирают. Суккуб одаряет своих жертв самой жаркой любовью, высасывая взамен их жизнь.

– Кошмар какой... – поежились наши подруги. Мы с Бульдозером незаметно перепихнулись локтями. В этой стране не всегда все так страшно, как рассказывают. В смысле того, что мы, конечно, ни-ни... Однако если уж дойдет до дела, то еще посмотрим, кто кого умотает в постели! Мужчинам свойственно преувеличивать собственные силы, так же как женщинам объем собственных достоинств. Между нами говоря, ужасно хочется взглянуть на этих самых суккубов поближе... Войти, так сказать, в тесный контакт и выяснить, где прячут маленькую принцессу Ольгу. Брумель вел нас по хорошо протоптанной тропе. Вскоре мы вообще вышли на большой тракт. По нему катили телеги, груженные товаром, сновали путники и пилигримы, попадалась явная нечисть, но никаких эксцессов не наблюдалось. Я так понял, что торговая дорога считалась «ничейной» территорией. Даже закадычные враги вели себя мирненько, не пытаясь всадить супротивнику осиновый кол в задницу. Город показался сразу за холмом, мы и устать-то толком не успели. Местечко, конечно, странное. Крепостной стены нет. Значит, ни от кого не защищаются и ни с кем не воюют. Дома добротные, деревянных не видно, в основном каменные, кругом такие уютные фонтанчики, беседочки, лавочки. Народу полно, никто никого не боится, друг от друга не шарахается, все очень мирно. Рукоять Меча Без Имени холодная. Ровным счетом ничто не предвещает опасности. Как же мне это все не нравится...

Поручик привел нас в добротную харчевню, где после недолгих переговоров нам выделили две комнаты. Золото – везде золото, а у Лии всегда припрятана пара монет, на всякий случай. Прежде чем сесть за обед, было решено принять ванну, поэтому в одну из комнат притащили здоровенное корыто, а в другой стали накрывать стол. Наши дамы отправились мыться первыми. Жан снял латы и распахнул окно на улицу.

– Лорд Скиминок, как вы полагаете, до вечера мы ее найдем?

– У нас нет выбора. Если все в действительности обстоит так, как нас предупреждали, то... Эй, Брумель! А в какое время происходит перевоплощение?

– После полуночи.

– Спасибо. Вот видишь, до двенадцати ночи мы обшариваем весь город, а потом быстренько линяем. Ночуем в лесу, если не уложимся в один день, наутро пойдем снова. Что

ты на меня так смотришь?

– Милорд, – встревоженно напрягся Жан, – а почему здесь так тихо?

– И вправду, – спохватился Брумель, – могильная тишина, как в склепе.

Совершенно незаметно из харчевни исчезли все звуки. Шаги посетителей, голоса внизу, грохот посуды, перебранка поваров, даже жужжанье мух. Меч Без Имени нагревался. Я вытащил его из поясного кольца как раз в тот момент, когда дверь в нашу комнатку снесло мощным ударом. На пороге толпились закованные в добротные латы черти. Спрашивать, зачем они пришли или как нашли нас, было бы глупо. Почти в ту же минуту к раскрытому окну со двора приставили лестницу и над подоконником показалась голова первого нападающего. Тоже в шлеме, без забрала, с пяточком, красным от боевого азарта.

– За веру, царя и отечество! – грозно взревел я, стараясь вложить в свой голос побольше истерических нот. Врагу надо давить на психику.

Мой меч расплосовал кирасу первому, кто был поблизости. Бульдозер тоже решил поизображать берсерка. С воплем обездоленного бизона он сорвал с себя кольчужную рубашку, связал рукава узлом и, перехватив подол поудобнее, вмазал импровизированным «кистнем» в лоб тому гаду, что лез в окно. Очень похоже на то, как домохозяйка в кухне бьет полотенцем вконец обнаглевшую муху. Эффект тот же! Только «полотенце» из железных кольчужных колец дает более совершенный результат. Стекла так и брызнули! По-моему, тот тип улетел вместе с лестницей. Уж слишком крепко он за нее держался... Дорога как память? Не волнуйся, с ней же и похоронят. Брумель, схватив вилы, поддержал меня с фланга. Следом пошел трусливый рыцарь, хотя трусом его уже давно не назовешь, это я так, по привычке... Втроем мы вырвались из комнаты, мгновенно оказались в кольце врагов. Эх! Давненько я не участвовал в трактирных драках... Вот, значит, в чем причина внезапной тишины. Все завсегдатаи харчевни стояли в углу у очага, прижатые к стене шестью рослыми чертями с черными трезубцами. Люцифер идет по следу до победного конца...

– Жан! Освободи заложников! Поручик, прикройте мне спину, я хочу пошалить.

Бульдозер страшным ударом ноги свалил с лестницы двоих, шагнул на перила и прыгнул на люстру. Это было похоже на популярный трюк из ковбойских фильмов. Он перелетел через весь зал, но... Крюк не выдержал! И тяжеленная люстра на двести свечей, и бедный Жан рухнули вниз. Мой оруженосец сломал головой стол, застряв в нем вверх ногами, но зато люстра честно придавила пятерых рогатых террористов. Хмельное упоение махаловкой окончательно овладело Мечом Без Имени. Меня понесло! Я уже лет сто не дрался с таким самозабвением. Тяжеловооруженные черти, толкаясь между дубовых столов с длинными вилами, были куда как более неповоротливы. Их оказалось еще не менее десятка, они преследовали меня с упорством маньяков, а я вертелся, ворча, как кофейник, и размахивая длинным мечом, словно легонькой мухобойкой. Кованые доспехи вспарывались с легкостью бумажных. Хвостатый Брумель сцепился с бугаем, удерживающим заложников. Народ понял, что настал его час! Там были какие-то люди, гномы, пара вурдалачков и, кажется, даже один гоблин. Так вот, вся эта кодла похватила скамьи, повибаскивала засапожные ножи, повиуживала из карманов кастеты и рьяно ринулась нам на помощь. Шум, толчея, суматоха! Все всех бьют, посуда летает, как НЛО в фантастических боевиках, табуреты ломаются о шлемы, хозяин харчевни, едва не плача, лупит кого ни попадя двуручным половником. Его можно понять, тут одного убытку – на два года работы, а ведь платить никто не собирается, хотя весело всем! Да... расслабились от души.

Когда все помещение было очищено от рыцарей Люцифера и победа улыбалась усталым

героям, мы толпой потребовали вина, дабы достойно отметить битву при Ватерлоо. Бульдозер пришел в себя, ему положили мокрую тряпочку на макушку, но даже под ней объем огромной шишки читался очень отчетливо. Я, счастливым взглядом обводя достойное общество, поднял первый тост и... словно вспышка света прорезала мое затуманенное боевым пылом сознание – Луна?! Лия?! Где вы?

Дверь их комнатки была сломана так же, как и наша. Бочка с водой перевернута, полы мокрые, повсюду следы яростного сражения. В углу еще теплый труп черта в доспехах, второй такой же посередине комнаты. Много пятен крови и выбитое окно. Девушки дрались, как валькирии, но безоружные, раздетые, отдыхающие в ванне... Куда их потащили? Что с ними будет? Мы с Жаном коротко взглянули друг на друга и опрометью бросились вниз. Брумелль перевязывал раненую ногу:

– Остановитесь, милорд! Вам не справиться вдвоем. Вы просто погибнете!

– Ну и пусть! – бешено заорал я. – Бульдозер, сейчас же найди мне двух лошадей и поставь оседланными у крыльца. Поручик, если сможете идти, то раздобудьте подкрепление, догоните нас позже. Мы не можем ждать! Если они хоть пальцем тронут...

– Эй, лорд! – прервал меня ухмыляющийся гоблин. – Мы тут взяли одного в плен. Щас спросим, где твоя подружка...

Пред мои грозные очи поставили перепуганного черта, уже без шлема и доспехов, в рваных лоскутках кольчуги и с обломанным рогом. Я взял его за грудки:

– Где Луна?! Говори, или я расшибу твою дурную башку ближайшим утюгом! На фонарном столбе повешу! На электрический стул посажу! В психушку по гроб жизни засуну!

– Н... не... зн-а-ю... не... могу... не смею... – Голова мерзавца моталась, как погремушка.

Гоблин небрежно отодвинул меня в сторону:

– Не так. Надо попроще. Смотри, лорд. – Он сунул лапу в очаг, выудил раскаленную до лимонного цвета кочергу и стал старательно обматывать вокруг нее хвост пленника. Запахло дымом и паленым мясом... Черт завопил так, что из окон посыпались последние уцелевшие стекла:

– Их хотели увезти в храм Черной Сукки-и-и!!!

– Спасибо, – вежливо кивнул мохнолапый Пиночет.

Я благодарно хлопнул его по плечу, будет возможность – сочтусь за услугу. Бульдозер с улицы проорал, что лошади готовы.

– Где этот храм?

– За городом, на западной стороне, – охотно пояснил один из вампиров. – Только вход – лишь для Посвященных.

– Нас посвятят! Или я не знаю, что с ними сделаю...

– А это и вправду Меч Без Имени?

– Да.

– Значит, мы дрались вместе с легендарным ландграфом! – радостно загомонило все общество. – Вот повезло-то... Под старость будет что вспомнить!

– Спасибо, друзья. Нам пора. – Я шагнул навстречу оруженосцу.

– Удачи вам, лорд Скиминок! – донеслось вслед, а мы были уже в седлах.

Вы, наверно, осуждаете меня за такое обращение с военнопленным? Ну и черт с вами! Я никогда, нигде не утверждал, что являюсь ангелом с белыми крылышками. Нимба у меня

тоже не видать, лицо не благообразное, небрит, голоден, зол... Просто я не позволю кому бы то ни было похищать свою девушку во время купания. И не во время тоже! Жан скакал рядом, стиснув зубы. Из всей одежды – тонкие штаны в обтяжку, ноги босые, белая рубашка запачкана кровью из глубокой царапины на шее, воротник оторван, едва болтается на трех ниточках. Все вооружение – лишь собственные кулаки. Кольчугу где-то потерял... Мы неслись по городу, не особенно извиняясь, если кто-то едва успевал вывернуться из-под копыт. Я обиделся! Я очень серьезно обиделся! Не надо так обижать ландграфа Меча Без Имени! Ну, если хоть волос с их головы упадет... Один только волосок! Наверно, Бульдозер думал о том же. По крайней мере, мне казалось, что из ноздрей у него валит пар, а глаза мечут такие крупные искры, что вот-вот подожгут весь этот поганый городишко. Последняя кривая улочка вывела нас за окраину. На горизонте, у кромки чернеющего леса, действительно виднелись купола обещанного культового сооружения. Мы воспрянули духом и пришпорили лошадей. Ну, хоть бы на секунду задумались – куда прем?! Нас всего двое, на двоих один меч, доспехов никаких, оба, мягко говоря, не герои. Скачем по чистому полю, изображая мечту лучника. Только еще мишень на грудь не нацепили. И ничего! Рвемся в крепость, для конспирации названную храмом, где наверняка полным-полно всяких нехороших врагов, мощной магии, древних богов-кровососов и куда только что увезли наших девушек. Да что ж они все себе здесь позволяют! Я им ландграф или шоколадный зайчик?! Придется идти и портить каждому прическу. В крест-трест, гроб в гардероб! Ох, добраться бы мне до этого Люцифера... Тоже мне крестный отец! Своими руками ничего не делает, гад!

Ворота храма были гостеприимно распахнуты, но у входа стояли четверо рослых дебилов в белых одеждах, в руках здоровенные дубины, головы бритые, лица такие, словно их непрерывно шлифовали об асфальт в течение всего третьего квартала. Мы осадили скакунов...

– Путники, внимайте, вы находитесь на пороге...

– Не надо лекций, я не заказывал экскурсию! Парни, сюда должны были привезти двух связанных девушек. Где они?

– В храм Черной Сукки положено вползать на коленях, опустив голову и забыв мирское, – наставительно отметили стражи, берясь за свои колья.

– Где Лия?! – взревел Бульдозер.

– Где Луна?! – поддержал я.

Негодяи криво улыбнулись. Меня передернуло. Похабные такие ухмылочки, ясно показывающие – что, как и сколько раз они сделали с нашими подружками. Не помню, кого я ударил первым... Остальные опомнились, лишь когда его голова вкатилась в ворота храма. Драка была бешеной и короткой. Стражи напоминали теперь скомканное грязное белье, приготовленное в стирку. Именно сегодня мы отличались редким человеконенавистничеством...

Храм Черной Сукки вполне соответствовал своему названию. Прямо с гранитных ступенек мы разом вошли в длинный коридор, традиционно уставленный уродливыми чугунными фигурами. Реалистичные изображения страшных демонов, тискающих обнаженных женщин с плачущими лицами, настолько впечатляли, что вызывали тошноту. Жан поигрывал дубиной, отнятой у бритоголового жмурика. Мы оба молчали, обсуждать план действий не хотелось. Возможно, потому, что плана попросту не было. Меч Без Имени

горел ровным теплом: наклеывалась очередная схватка – и это радовало. Мы вышли в обширный зал. В центре, на алтаре, сидело женоподобное чудовище – вырезанное из черного, матового камня. Высотой метра три великолепное женское тело, изумительных объемов и пропорций, без малейшего намека на одежду, но обильно увешанное золотом и бриллиантами. Изящную шею вместо прекрасной головы венчал ужасный череп! В хищном оскале не хватало нескольких зубов, а в провалах глазниц светились голубые камни. Жан настороженно озирался по сторонам, а я, на мгновение забыв, зачем пришел, молча восхищался жутковатым талантом неизвестного скульптора.

– Кто это, милорд?

– Наверное, та самая Черная Сукка, – пожал плечами я, но сладкий голос за моей спиной дополнил:

– Великая Черная Сукка! Высшее божество земли суккубов! Единственное и неповторимое! Одаряющее всех нас даром перевоплощения, наделяющее нас неземной страстью, кормящее нас душами и принимающее нас в свое лоно после нашей смерти...

Мы медленно обернулись. Чего торопиться, и так ясно, что сзади не друзья. Но, по правде говоря, мы ведь сюда тоже не за автографами явились... Сколько же вас тут?! Человек пятьдесят, не меньше. Оружия на первый взгляд не видно. Однако лица у всех решительные и наглые, головы обриты, одежды белые. С нами разговаривал откормленный тип, отличающийся от прочих лишь золотым обручем на лбу, а так бритый, как Котовский. Опять какие-нибудь храмовые штучки... Мало я натерпелся от кришнаитов?!

– Чужеземцы, как вы посмели незваными войти в храм?

– Да вот уж такие мы хамоватые туристы! Но если вы настаиваете, можно и прощения попросить. Обычно мы охотно извиняемся перед потенциальной жертвой.

– Ваши слова не ясны. Кто вы?

– Мой господин – славный лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени! – грозно выдал Жан. – А сюда мы пришли забрать то, что по праву наше. Где Лия и Луна?!

– А, вот вы о чем... – разулыбался разговорчивый тип. – Владыка Ада, наш добрый сосед, действительно прислал гонца с просьбой оказать всевозможную помощь его рыцарскому отряду при захвате банды самозваного ландграфа. Правда, по его словам, вас должно быть гораздо больше.

– А-ля герр ком а-ля герр! – сухо ответил я. – Вы сами отдадите наших девушек или нам непременно необходимо приложить кинетическую энергию к вашим постным мордам?

– Из уважения к вам, лорд Скиминок, мы, возможно, отдали бы, но увы... У нас их попросту нет!

– Ах нет?! И конечно не было?! И вы, естественно, знать не знаете, где они есть?!

– Они тут, милорд!

– Я вижу, Жан. Ну что ж, люди в белых халатах, не хотите помогать, так мы сами поищем. Желаящие переселиться в лучший мир могут попытаться нас остановить. Тех, кто особенно туда спешит, просим подходить с оружием и агрессивным выражением лица. Мы не обманем ваших ожиданий... Бульдозер, добавь от себя, но по существу.

– Если мне сию минуту не вернут мою жену, а моему господину – его боевую подругу, то мы с милордом разберем этот храм по камушку, вашей богине добавим кое-что и переименуем здание из Черной Сукки в Белого Кобеля!

Пошло вато, конечно, но до них дошло. Зацепило, проняло, можно сказать. Тот, что с

обручем, аж пятнами пошел, как практикантка, читающая лекцию о равноправии полов в колонии строгого режима. Прочие бритоголовые повыуживали откуда-то из-под подолов узкие кривые ножи и не сговариваясь пошли к нам мстить. Я совсем растерял остатки мозгов, потому что приветствовал их радостным воем и уговаривал Жана не мешать. Что со мной было? До сих пор не понимаю. Я по натуре не герой. Битвы, кровь, пожары, падшие враги, счастливая пляска на костях меня не вдохновляют. Положение спас умник с обручем на лбу. Он завопил так, что служители храма разом отпрянули назад и униженно распластались по полу.

– Нечестивцы! Вы хотите отнять жертву у самой богини?! Падите ниц и просите Великую Черную Сукку, чтоб она вас простила!

– И моего господина тоже попросите о том же, – подумав, добавил Бульдозер. – Я уж не знаю, как эта каменная дура, но лорд Скиминок в гневе подобен бушующему вулкану. Хотя... после первой сотни жертв, как правило, более отходчив...

– О Великая Черная Сукка! – сладострастно взвыл разговорчивый, убедившись, что все его люди лежат. – Услышь нас, приди к нам, возьми тела и души двух неверных. Одари нас счастьем вновь лицезреть твой прекрасный облик...

– Эй, парень, ты всерьез хочешь ее видеть? Поверь слову художника – у тебя паршивый вкус! Конечно, фигурка у нее как у роденовской весны, но личико... Ты только представь – проснешься ночью, а на подушке оно! Оскал в неполные двадцать зубов, носа нет, губы сгнили, а череп, как ни полируй, уже ржавчиной повело. Это ж на всю жизнь либо седой, либо заика. А может, чего и похуже... Жидкий стул, например. Тебе это надо? – Дальше я заткнулся, потому что голубые камни в пустых провалах глазниц глянули в мою сторону и моргнули.

Не подумайте, что я испугался... Да ни в одном глазу! Что ж я, оживших статуй никогда не видел? Один бронзовый Кришна чего стоит... Поэтому на факт спуска с пьедестала обнаженной черной женщины с черепушкой вместо головы неадекватной реакции не последовало. Все ровненько так, спокойненько. Черная Сукка уменьшилась в рост средней женщины и неожиданно резво прыгнула мне навстречу с распростертыми объятиями. Меч Без Имени среагировал быстрее меня, замерев в сантиметре от ее полной груди...

– Ты не хочешь меня?! – ошарашенно отступила чернушка. Похоже, она всерьез считала себя неотразимой. Не спорю – до шеи она и святого соблазнит, но выше – вызовет отвращение даже у Озабоченных Орков.

– Миль пардон, мадам! Счастлив лицезреть, но не надо проявлять в мой адрес столько пыла. Я не Ромео, вы не Джульетта, поберегите нерастраченные запасы любви и нежности для менее щепетильного кандидата.

По храму пронесся вздох ужаса. Бритоголовые едва не задохнулись от моей наглости. Не привыкли, гады, чтоб кто-нибудь отвергал тело их богини. А меня словно нечистый за язык тянул, остановиться совершенно невозможно!

– Я бы от всей души рекомендовал вам классический образец идеального мужа. Помните, слепой, глухой капитан дальнего плавания? По-моему, самое то! И с вашим загаром вполне можно побороться. Майкл Джексон осветлил кожу путем пластической хирургии, а незабвенная Клеопатра для той же цели принимала ванны с ослиным молоком. Попробуйте, ослов тут более чем достаточно!

Богиня бросилась на меня, сопя от обиды, как революционный паровоз. Жан, хихикая,

отошел в сторону, а я охотно попрыгал по храму, наводя попутно приличный бардак, отчего на долю Сукки пришелся бег с препятствиями. Там было что уронить... Какие-то цветные ширмы, шкафы с ритуальной посудой, лестницы, вазы, кресла, балдахины – мы развлекались вовсю. Потом я вспомнил, зачем пришел, и вернулся в центральный зал.

– Все! Поиграли – и хватит. Посмотрите, во что превратился храм! Да вам теперь одной уборки на два дня без пылесоса... Что мама скажет?! А теперь верните нам наших девочек, мы вежливо попросимся и разойдемся по домам.

Черная Сукка шумно отдышалась, от непривычной беготни ее тело блестело капельками пота. Эх, а все-таки фигурка у страшилки – закачаешься. Мечта мартовских котов...

– Ты – Скиминок!

– Нет, обычно меня называют партайгеноссе Борман. В крайнем случае Барбара Брыльска. Но близкие люди, по-домашнему, без титулов – наш Ильич!

– Ты ландграф или шут гороховый?!

– Не надо, тетенька, только ногами не бейте! Я щекотки боюсь.

Черная Сукка не выдержала и расхохоталась! Храмовые молодцы при звуках ее смеха попытались зарыться в плиты каменного пола. Да уж, скажем прямо, смеющийся череп не вызывал ответной улыбки... С другой стороны, веселый враг – добрый враг, может, до смерти и не убьет?

– Ты мне нравишься. Редко кто в городе суккубов достаивается умереть в моих собственных объятиях. Я и так имею свою долю с каждой высосанной души. Но ты будешь только мой!

– Нет, нет, увольте! Слишком большая честь – я столько не прожую. И вообще, руссо туристо – облик морале! Случайные связи ведут к роковым последствиям, а у нас обоих есть определенные обязательства перед другими дамами. Почему бы вам не обратить заинтересованный взгляд на этих славных парней в белых сорочках, со строгими прическами. Какой рост, какая стать, какой вкус, прямо-таки спартанская простота в одежде и многозначительная бритоголовость. Вас это не возбуждает? Они явно холосты.

– Нет, ландграф! Мне нужен именно ты. Их я взяла бы в любую минуту, но увы... Они – евнухи.

– Матка Бозка! – ахнул я. – Да за что же вы их так? Или тут поблизости кастратки шастают?

– Чушь! Мои слуги обязаны на меня глядеть с безысходным вожделением, ибо тот, кто познает мою любовь, уже никогда не сделает вдоха...

– Очень поэтично. Нигде не публиковались?

– Я голодна. Иди ко мне. – Из голубых камней ударили тонкие лучи, и я с ужасом почувствовал, что теряю власть над собственным телом...

Состояние самое скотское. Разумом и сердцем прекрасно понимаю, что со мной хотят сделать, а не могу пошевелить даже пальцем. Меч Без Имени отдает мне всю свою силу, но и ее хватает только на то, чтобы протестовать. Трусливый рыцарь замер столбом, не сводя с богини глуповато-влюбленного взгляда. Он уже по уши во власти сластолюбивой убийцы. Рядом ну никого, кто бы мог помочь. С удовольствием бы шибанул по черепушке Мечом, но поздно... Руки не слушаются, надо бы раньше. Да и раньше тоже как-то неудобно было! Нельзя же первым бить женщину!

– Иди ко мне!

– Не хочу! В смысле не могу... Ой, оказывается, очень даже могу! Но... Не-е-ет! Зачем же так торопиться? Ведь существуют какие-то ласки, игры, прелюдии... Что ж мы, хуже ежейков, даже не пофыркаем?..

– М-м... почему бы и нет? – сладко мурлыкнула жадная до любви дамочка, когда мои непослушные ноги резво бросились исполнять приказ. Она смраднодохнула на меня ароматом сто лет нечищенных зубов. – Давай немного поиграем, а во что?

– В «морской бой», в «классики», в «казаки-разбойники», но лучше всего в «жмурки»! Вы завязываете глаза платочком и на ощупь ищете меня, а я в это время...

– Хитры-ы-й... – прозорливо догадалась Сукка. – Мы будем играть с тобой в загадки. Это древняя и великая игра, даже боги не решаются в нее плутовать. Проигравший получает от меня поцелуй.

– Может, все-таки на щелчки? – жалобно попросил я, прекрасно понимая всю несостоятельность наивной просьбы.

– Загадывай!

– А... минуточку... сейчас... что бы такое попроще... Ну вот хоть: «Два конца, два кольца, а посередине гвоздик»?

– Ножницы! – мгновенно отмахнулась богиня. – «Не знает мощь ее границ, а страсть любые стены рушит, и короли ложатся ниц, ей отдавая жизнь и душу»?

– Любовь! – наугад брякнул я.

– Угадал. Теперь ты.

На этот раз я собрался с мыслями и задвинул задачку потруднее:

– В дырку вставляют,
Голову зажигают,
Плакать заставляют,
А сами читают...

– Это просто – свеча! А вот как ты ответишь на такое:

– Если в сердце перебой
И не знаешь, что с тобой,
Если в жилах бьется кровь,
То к тебе пришла...

– Любовь! – уже более уверенно парировал я. В общем, все мои загадки про морковки, ромашки, зайчиков она щелкала как семечки. Спасало то необъяснимое обстоятельство, что все ее загадки были на одну тему. Любовь! И все. Других отгадок не было. Мы развлекались уже более получаса. Жан потихоньку пришел в себя, но служители храма по-прежнему не шевелились. Наверно, я чересчур расслабился и потерял бдительность. Иначе она бы ни за что меня так легко не подловила...

– Круглая, а не шар.
Светлая, а не солнце,
Блестящая, а не серебро.

Недосягаемая, а не мечта.

– Любовь, – равнодушно бросил я и осекся. Страшная догадка обожгла сознание.

– Не угадал. Это – луна. – Череп соперницы оскалился самой коварной улыбкой. – Ну надо же... Попался на самом элементарном. О Луне позабыл... Ты проиграл. Теперь ты мой. Иди сюда, я тебя поцелую.

Непонятная послушливость вновь овладела мной. Я, медленно покачивая бедрами, изгибаясь самым пошлым образом, пошел к Черной Сукке, призывно заламывая руки. Что она со мной сделала?! Я попробовал кричать. Голос подчинился.

– Черт бы побрал этого недалекого оруженосца. Жан! Да стукни ее, наконец, чем-нибудь.

В ответ ни звука, а голову повернуть, посмотреть не могу. В зале раздалось тихое хоровое пение. Радуются, сволочи... Сладострастное тело верховной богини суккубов стало наливаясь багровым цветом и краснеть на глазах. Через минуту это был просто сгусток алой пульсирующей всепоглощающей страсти, способной расплавить железо, растопить айсберг, сжечь камень и вообще перевернуть землю без помощи архимедова рычага.

Начал медленно гаснуть свет. Факелы мягко сбавляли пламя, погружая храм в интимный полумрак. Я чувствовал, как мое сопротивление тает. Звать на помощь – некого, молить о пощаде – бесполезно, умирать с гордой улыбкой на губах – бессмысленно...

– Иди ко мне. Ты мой. Теперь ты навсегда мой...

На какое-то мгновение мне стало все равно. Потом в голову ударила тупая ярость! Из последних сил я плюнул в сторону Черной Сукки и наверняка попал. Она бешено зашипела... А из-за моей спины раздался мелодичный голос Кэт:

– Браво, ландграф!

Я полулежал на холодных каменных плитах. Чьи-то сильные руки разминали мои затекшие мышцы. Я тряхнул головой – больно... Впечатление такое, словно вместо башки у меня коробка с пельменями и кто-то хорошенько ее взбалтывает, проверяя, а не слиплись ли. В зале снова зажгли свет, да еще такой резкий, что просто глаза резало. Я посмотрел на меч, мои ладони так стискивали рукоять, что пальцы побелели...

– Держитесь, милорд, я понесу вас.

– Тоже мне, нашел кисейную барышню... – Господи Боже, это мой голос?! Котенок и тот громче пищит... Что же стряслось? Откуда такая невыносимая слабость? Черной Сукке я не достался, точно помню. Она только начала, но ей помешали. Так вот, значит, как суккубы высасывают жизнь... Не много же ее во мне осталось. Жан все-таки взял меня на руки, и на какое-то мгновение я отключился. Пришел в себя от тихого поцелуя в лоб. Нежные, теплые губы одним махом вернули мне желание жить. Надо мной склонилась богиня красоты Катариада Базиливмейская, ее лицо было исполнено доброты и сострадания.

– Вы очень неосторожны. Нельзя же так бесшабашно рисковать головой. Я совсем не хочу потерять такого героя. Вы можете говорить?

– Могу. Сейчас только отдышусь, вылезу из пеленок и как дам этой африканской феминистке мечом в лоб!

– Лежите. Я сама с ней разберусь. Рыцарь, будьте любезны, вынесите своего господина за пределы храма.

– Жан! Не смей! Поставь меня сию же минуту! Мы будем драться вместе, я легко позволю красивой женщине раздавать оплеухи вместо меня, но получать сдачи предпочту сам!

– Это не ваша битва, ландграф, – печально, но строго ответила Кэт, поворачиваясь к черной богине.

Владычица храма хранила гробовое молчание и лишь угрожающе скрипела зубами. Они с Катариадой встали друг против друга. День и ночь, свет и тень, добро и зло, красота и уродство, любовь и извращение... Служители в белых одеждах уже стояли на ногах, поигрывая ножиками. Бульдозер опустил меня на пол, я слегка пошатывался, опираясь одной рукой о колонну, другой на Меч Без Имени. То, что происходило дальше, было магическим поединком, следовательно, ожидалось всяческие спецэффекты с землетрясениями, громом, молниями, цунами, но... началось с заурадной перебранки.

– Это мой храм!

– Подумаешь!

– Убирайся вон!

– Да мне и самой противно здесь задерживаться. Я всего лишь заберу своих друзей.

– Нет! Он проиграл и принадлежит мне.

– Он рыцарь и не обязан отличаться большим умом. Его задача – махать мечом, совершая великие подвиги в честь прекрасной дамы. Что бы он ни сделал – тебе его жизнь не принадлежит!

Вместо ответа Черная Сукка разразилась столь грязной площадной руганью, что я не берусь ее воспроизвести. Но Кэт держалась молодцом, ее холодное презрение било по противнице гораздо сильнее. Поняв, что сейчас начнется самое главное, мы отодвинулись поближе к выходу. Богини начали стремительно расти. Когда их головы уперлись в потолок, Черная Сукка злобно крикнула:

– Умри, порождение Света! А вы, скоты, убейте ландграфа. Он не должен выйти живым!

– Не волнуйтесь за меня, лорд Скиминок, – улыбнулась огромная Катариада. – Бегите, вас ждут.

И грянул бой! Обе женщины неожиданно растворились в две бесформенные субстанции – белую и черную. От их столкновения стены храма покрылись трещинами. Бритоголовые бросились на нас, но мы с Жаном и не собирались убегать. Я – не герой. В смысле – обычно я не герой. Просто атмосфера здесь такая, воздух вредный или еще что... Я от него меняюсь, мутирую в паладина. Мы завопили! Нет... вопил я, а дрался Бульдозер. Ух он им и показал! Держу пари, их никогда так не били. Привыкли, шпана, толпой на одного, да не на того нарвались. Я тоже стукнул двоих мечом по тыквам, плащмя... Они легли и больше нас не тревожили. Потом пол храма заходил ходуном, а две соседние колонны рухнули. Черное и белое облако осыпали друг друга молниями, разрастаясь настолько, что потолок начал прогибаться. Когда сверху уже посыпались камни, Жан бросил разбивать носы, схватил меня в охапку и, невзирая на мой протестующий писк, побежал к выходу. Впоследствии я с ним не спорил. Даже, кажется, сказал спасибо! Вся громада высоченного храма расплзлась по кирпичикам, земля тряслась, как холодец, от грохота закладывало уши, а горькая пыль забивала легкие. Мы свалились в сторонке, под деревцем, измотанные, оглохшие, ослепшие, едва способные двигаться. Над развалинами за клубился черный дым.

– Кэт... – слабо позвал я. Мне никто не ответил, лишь маленькое белое облачко, пробившись сквозь пелену черноты, легко воспарило к небесам. С меня причитается. Дайте

отдышаться, и я вернусь!

– Все кончено, милорд... – Мой оруженосец тихо плакал, обхватив колени руками. – Мы никогда их больше не увидим.

Я не находил слов утешения. Боялся, что если раскрою рот, то разревусь сам. Горло перехлестнуло, дышалось с трудом... Храм разрушен до основания. Если Лию и Луну отвели туда и спрятали от наших глаз, то, значит, они навсегда погребены под обломками. Для того чтобы расчистить завалы, потребуется две тысячи спасателей с экскаватором да еще три недели безостановочного труда в четыре смены. Мы проиграли. Мы потеряли их.

– Жан! Довольно слез. Мы отомстим.

– Да, милорд...

– Мы отомстим! Повтори!

– Да, лорд Скиминок! – Он вскочил на ноги, размазывая по щекам остатки слез. – Мы найдем принцессу, а если нас попытаются остановить – я вот этими руками разнесу в пыль их распроклятый город! Где тут подлые суккубы?!

Еще с полчаса мы оглашали окрестности то криками боли, то гневными воплями, то сдержанными мужскими рыданиями. Я неожиданно остро понял, как много места в моем сердце занимала Луна. Как она смеялась, как она смотрела на меня, как она играла с Иваном, как она умудрялась говорить меньше всех, а делать больше, как... В те минуты мгновенно забылись наши пустые ссоры, разборки, недомолвки. Я чувствовал ее уникальность, ее единственность для меня лично. Она была умницей, красавицей, доброй, честной, великодушной, самоотверженной, обаятельной, веселой... Перечисления достоинств грозили затянуться до глубокой ночи. Багряный диск солнца уже таял за неровной кромкой горизонта. Не знаю, о чем думал Бульдозер, но от потери Лии он наверняка слегка двинулся в уме. Трусливый рыцарь вернулся к развалинам и начал, напевая, пересматривать камушки. Мне пришлось ползти за ним чуть ли не на четвереньках, ноги по-прежнему плохо слушались. Спорили мы долго, пока он все же не признал, что становится слишком темно и найти несчастную ворчунью без света едва ли удастся. Жан понутив голову пошел в город, где мы надеялись найти Брумеля, обещавшего привести помощь. Я больше висел на плече оруженосца, чем шел сам. До харчевни дойти не удалось, незаметно спустилась ночь. В домах погасли огни, с улиц исчезли прохожие, и только полная луна серебристым сиянием заливала площадь. Непонятное ощущение опасности разливалось вокруг. Это было сладко и страшно одновременно... Древняя магия суккубов делала свое дело. Я ощутил жгучее желание упасть на грудь первой же сердобольной красотке и отдать ей все, если она утешительно погладит меня по головке. Нечто подобное ощутил и Жан. Его взор подернулся маслянистой дымкой, он гулко дышал, стреляя глазами по сторонам в поисках объекта. Вот ужас-то... а ведь мы еще никого не увидели. Что же с нами будет, столкнись мы с живым суккубом?! Да, мы явно преувеличили собственную сопротивляемость – мужское естество брало свое...

– Жан! Очнись, дубина! – Я из последних сил начал хлопать его по щекам, пытаюсь таким образом отвлечься от накативших плотских фантазий. – Нам надо бежать! Полночь уже наступила. В любой момент могут прийти суккубы, а мы с тобой вряд ли способны на долгий флирт. Скорее всего сами же и побежим в ближайшую постель за собственной смертью.

– Но... – очнулся он. – А как же наша святая месть?

– Ну, в этом нас никто не остановит. Главное – как-то добраться до харчевни, найти поручика и забаррикадироваться до утра. Ты чувствуешь, какая опасная здесь атмосфера? Боюсь, что мы можем запросто нарваться на крупные неприятности. Бегай потом по венерологам...

– Я понял, милорд. Но как рыцари мы не имеем права отступать. Может быть, все-таки рискнуть и героически погибнуть? Тогда нас возродят в песнях и балладах...

– Балда! Для того, чтобы попасть в балладу, нужны, как минимум, свидетели твоего подвига. Суккубы о нас даже частушки не сочинят. Мы для них что-то вроде резиновых кукол-заменителей, причем одноразового использования. Наутро о тебе никто и не вспомнит. Нет, братишка, нам надо отсюда вырваться, отыскать Ольгу, отомстить Черной Сукке, дать меж рогов Люциферу, а уж тогда местные композиторы не обойдут нас своим вниманием.

– Милорд, мне кажется... мне почудилось, будто в конце площади прячется женщина... И... она совершенно голая, милорд!

– Значит, уже началось! Жан, быстро сажай меня себе на плечи. – Я вовремя вспомнил миф об Одиссее и сиренах. Взгромоздившись на Бульдозера, я оторвал широкую полоску ткани от его же рубашки и накрепко завязал ему уши. Рыцарь стал похож на зайчика. Второй полосой я завязал ему глаза. Надеюсь, он не споткнется и не забудет, что меня надо держать крепко. Жан парень сильный, а от страха он так сжал пальцы, что мои лодыжки затрещали. Зато теперь мы можем сопротивляться. К вашим услугам, господа...

Я управлял своим новым «скакуном» в основном коленями, потому что обеими руками крепко держался за меч. Ну если уж он совсем не понимал, куда я его толкаю, тогда приходилось попросту брать парня за чуб и разворачивать его голову в нужном направлении. Мы довольно быстро притерлись друг к другу, хотя временами он и просил меня не слишком елозить – ему, видите ли, шею натирает! Между тем, двигаясь быстрым шагом, мы довольно резво пересекли площадь и лишь на повороте столкнулись с первой парой. Первоначально я даже не понял, кто передо мной. Светленькая и темненькая подружки более всего походили на заблудившихся дочек из приличных семей. Одетые в длинные платья, застегнутые под самую шею. Но какие это были девушки! Памела Андерсон, Ольга Кабо, Саманта Фокс и та роскошная красотка в десантной форме из журнала «Андрей» с чувством глубокого стыда посыпали бы головы пеплом и грустно отбыли бы в монастырь. Я отродясь не предполагал, что одетая женщина может вызвать у мужчины ТАКОЕ ЖЕЛАНИЕ! Они подошли к нам с выражением невинного интереса на кукольных лицах:

– Кто вы?

По-видимому, я казался им странным. Хотя чего очень уж особенного они нашли в усатом мужчине с мечом, разъезжающем на плечах другого мужчины, рослого здоровяка в прокопченных лохмотьях?

– Я – ландграф.

– Неужели сам лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени? – мило заулыбались обе красотки, демонстрируя аккуратные клыки, сделавшие бы честь труду любого стоматолога. – Премного наслышаны! Так вы теперь разгуливаете в наших краях, да еще ночью... Это небезопасно...

– Именно поэтому мы очень спешим! Я безумно счастлив был с вами познакомиться, но увы... Охотно поболтаю в какое-нибудь другое время. Вот отведу оруженосца на конюшню, задам ему овса, тогда и...

– Не-е-т... Куда же вы так быстро? Поговорите с нами еще хоть минутку. Пожалуйста, –

взмолилась светленькая. Я начал таять, но не настолько, чтобы окончательно забыть, где нахожусь.

– Шли бы вы домой, девчата. А то вдруг придут эти противные суккубы...

– Но почему же противные? – надулась темненькая.

– Как почему? – смутился я. – Они же это... ловят всех и... любят.

– Вот видите! Они любят, а любовь есть счастье.

– Не спорю, но взамен эти грязные твари высасывают из человека жизнь.

– Мы не грязные!!! – хором возмутились обе милашки. – Мы свежесмытые! Вот, посмотрите сами...

Ох и что ж это в последнее время до меня так долго все доходит? Бегу от суккубов, а сам преспокойненько балаболю с ними. Старею, наверно... Раньше узнавал опасность с первого взгляда. Нет, это меня потеря Луны так подкосила, да и Лии тоже. Хотя... что-то очень уж легко я об этом говорю. Разумом понимаю – они погибли, но на сердце удивительно тихо и тепло. Может, еще есть надежда?

– Мы готовы, господин ландграф!

Я вернулся к действительности. Святые угодники! Жан, родной, держи меня покрепче! Они разделись! Сладострастие насытило воздух! Чувственная магия суккубов всей мощью обрушилась на одинокого и незащищенного лорда Скиминока. Меч Без Имени метнулся вниз подобно холодному лунному лучу. Прежде чем я успел его остановить, длинный клинок начисто сбрил прическу у светловолосой. Началось...

– Что вы делаете? Мы же вас любим!

– Девочки, милые, идите отсюда, пожалуйста! Вы мне тоже глубоко симпатичны, но... – Меч вновь описал сияющую дугу, заставив отпрыгнуть назад облизывающихся суккубов. Я прекрасно понимал, чего они хотят. Стащить меня с Бульдозера, а уж потом, разведив, воспользоваться поодиночке. Глаза у девушек загорелись зелеными огоньками. Это не добавило им привлекательности. Они кружили вокруг нас, как акулы у работоргового судна. Я стонал, уговаривал Жана отпустить меня, даже плакал, но он вцепился в мои ноги мертвой хваткой, а Меч Без Имени совершенно своевольно бросался на тех, кого почитал врагами моего здоровья. Раздосадованные суккубы безрезультатно строили глазки, изгибались в самых привлекательных позах, демонстративно ласкали друг друга, зазывали меня разделить их вспыхнувшую бурю, обещали неземное удовольствие и исполнение всех моих фантазий, включая те, о которых я и сам не догадываюсь... Все зря! Бульдозер медленно, но верно двигался в сторону харчевни. Добыча уходила...

– Не бросайте нас! Посмотрите на нас! Возьмите нас!..

Они убеждали меня самым романтическим образом, клянясь в собственной девственности и целомудрии. Потом сменили тон и заговорили уже на уровне высокородных леди, настоящих богинь, сошедших на землю ради мимолетного развлечения. Убедившись в безрезультатности, стали изображать загадочных восточных гейш, дорогих валютных девочек, недоступных моделей «Пентхауза». Я продолжал против воли отмахиваться мечом, едва не крича от невозможности слезть и присоединиться к прелестницам. Напоследок меня угостили показом самого дешевого «порно» на уровне портовых кабаков, подзаборной пьяни и бомжеватого разгула. Но мой верный оруженосец, следуя заданному курсу, уже врезался лбом в спасительную дверь. Она подозрительно легко открылась. Суккубы недовольно завизжали, но тут же искренне захихикали, когда из темного проема показали обнаженные женские руки и, поймав Бульдозера за грудки, втянули нас внутрь. Я еще подумал, что

ревность тут не в цене – каждый все равно получает свою долю от высосанной души...

– Жан, балбес, сейчас же отпусти милорда!

Так... судя по сопению, Лия не в лучшем настроении. Что ж он и в самом-то деле меня не отпускает? Я по-прежнему сидел на плечах трусливого рыцаря, прижимаясь спиной к стене, голову опускать не надо – потолки высокие. Луна запирает дверь на второй засов. Света в доме нет. Тишина. Наверно, они углядели нас в щели между ставнями. Господи, живые! Как же я за вас переволновался...

– Ну и руки, как железо, – пыхла ворчливая наша, безуспешно пытаюсь отогнуть пальцы мужа с целью спасения моих ног. – Ты прекратишь надо мной издеваться или нет?! Отпусти сейчас же!

– У него глаза завязаны и уши, – догадался я. Хорошо хоть вообще вспомнил.

Ох и денек, все нервы на пределе. Вдвоем с Луной они быстро распаковали голову бедного Бульдозера. От бешеной смены событий в течение всего одного дня парень окончательно обалдел. Он с трудом заставил себя разжать пальцы, и я с затекшими ногами рухнул с его плеч, повалив на пол девчонок, пытавшихся меня поймать. Это никак не улучшило их настроения.

– Лорд Скиминнок, будьте столь любезны снизойти до честного разговора со мной по поводу вашего непонятного бегства в общеизвестный бордель имени Черной Сукки.

– Лиечка, отвяжись! Я занят... – Слова давались мне с трудом. Счастье, как и горе, сдавливает горло. – Луна... любимая моя, дай я тебя поцелую.

– Ах, любимая?! – Наемница тигрицей прыгнула мне на грудь и, вцепившись руками в воротник, затрясла меня, как грушу. Я слишком устал, чтобы активно сопротивляться. К тому же ее карие глаза, пусть и наполненные гневом, были так близко... – А когда на нас, мирно принимающих ванну, напали черти, где ты был?! Мы отбивались от бронированных воинов мокрыми полотенцами! Мы звали на помощь! Если бы не мыльная вода и скользкий пол... Они бы убили нас! Теперь ты приходишь невесть откуда, не стоишь на ногах, едва ворочаешь языком, пахнешь смесью духов и дыма, грязный, как будто тобой полы мыли, и говоришь мне: «любимая»! А где ты был, когда мы через окно лезли на крышу и меня поймал за ногу уцелевший гад?! Хорошо еще Лия успела уронить ему кусок черепицы на шлем. А то, что мы просидели голышом на этой крыше до самой ночи?! Мы же видели, как вы верхом дунули от харчевни неизвестно куда. Обрадовались свободе?! И только в темноте, вновь рискуя свернуть шею, мы спустились обратно, раздобыли кое-какую одежду, а потом осторожненько пробрались вниз искать вас. Хозяин и слуги, превратившись в суккубов, ушли ловить жертвы на улицах, потому что умные люди покинули харчевню еще вечером. Так где ты был все это время? Где, где, где...

– Луна, не покалечь милорда! – вступилась Лия, на минуту оторвавшись от хлестания по щекам мужа. Оригинальный способ привести мужчину в чувство... Женщины его очень любят. – Лучше помоги мне, эта дубовая колода никак не хочет понять, что я, его законная жена, уже здесь и требую ответа!

Наемница устало вздохнула. Потом молча обняла меня за шею, уткнулась носом в плечо. Я тихо погладил ее по спине. Вот и все... все хорошо... все в порядке...

– Лиечка! Дорогая, ты жива! – неожиданно тонким голосом возопил прозревший Бульдозер, хватая супругу в охапку. После чего, заплакав, он сжал ее так, что у бедняжки глаза выпучились и ребра захрустели.

– За-а-ду-ши-и-ишь, мед-ве-е-едь...

Ну, слава Богу, свидетелись! Вот так, в обнимку, мы все четверо и уснули. В городе, полном суккубов, в харчевне, принадлежавшей им же, без всяких часовых, без охраны. Хотя нет! Наш крепкий сон охранял Меч Без Имени, при первых же признаках опасности он бы попросту обжег мне руку. Впрочем, без малейшей гарантии, что меня это разбудит...

Мы проснулись уже поздним утром от настойчивого стука в дверь. Там стоял хозяин, его семья и прислуга. Я открыл, в светлое время суток это были милейшие люди, всячески старавшиеся услужить таким щедроплатящим клиентам. О том, кем они были ночью, достойные представители сферы обслуживания наверняка даже и не помнили. Душевный народ!

Нас уважительно сопровождали в наши прежние комнаты, уже вымытые и прибранные. Туда же быстренько доставили плотный завтрак. Мы с Жаном позволили себе умыться и переменить одежду. Большой роскоши для отдыха я не допустил, памятуя, что нахожусь на вражеской территории. Бульдозеру попроще: Лия, быстренько смотавшись на соседнюю улицу, достала ему две новые рубашки, зашила штаны. А прочие вещи были аккуратно сложены в уголке. Луна, в свою очередь, позаштопала кучу дыр на моей знаменитой рубашке и лично выстирала джинсы. Пока они сохли на подоконнике, я фланировал по комнате, задрапированный в простыни, как римский патриций. Самый нелепый костюм для свирепого ландграфа, смею вас уверить.

Брумель исчез в неизвестном направлении и, хотя, помнится, был ранен в ногу, надеюсь, ускользнул от смертельной любви суккубов. Но самое паршивое – мы ровно ничего не узнали о судьбе маленькой принцессы Ольги...

– Милорд, давайте уедем! Если вам не жаль себя, подумайте о своем сыне. Такой милый воспитанный мальчик, я ему еще кинжал подарила... Знаете, сколько стоит? Но дело не в этом. Может, Повар и воспитает из него настоящего рыцаря, но каково ребенку без отца? «Где папа?» – спросит он. А папа погиб в объятиях развратной нечисти ради непонятого обещания – вернуть дочку другому папе. Ей-то как раз суккубы никакого вреда не причинят. Ну, воспитают в своем духе, подумаешь! Будет чуть более кокетливой девочкой – вот и все. Лорд Скиминок, я не вижу причины – зачем вам это? Денег не платят, славы и так на три поколения вперед, в ранг святых вас уже возвели, чего же больше? Заметьте, я ничего не говорю о себе и о Жане. Мы старые волки, прожженные герои, опытные фронтовики, можно сказать... Мы не первый раз стоим за вашей спиной и всегда пойдем туда же, куда и вы. Нам это нравится, мы не мыслим иной жизни, хотя... Но вам пора бы задуматься о своем будущем. Взгляните на эту милую, красивую девушку. Вы дороги ей. Разве ее любовь и преданность не стоят того, чтобы хоть на время забыть об осточертевших подвигах и денек-другой пожить мирно? Нет, я ни на чем не настаиваю, но Жан уверяет, что вы очень расстроились, решив, будто мы погибли. А ведь при такой суматошной жизни ей могут запросто расцарапать пальчик. Ну и, в конце концов, раз дело так обернулось – почему бы просто не сообщить все князю и королю? Мы ведь знаем, где она? У суккубов! Пусть собирают войска и чешут всю местность частым гребнем. Они ее в два дня найдут. Вы только представьте, как будет счастлив наш друг Злобыня Никитич, собственными руками спасая свою дочь! Он же завалит вас подарками в невероятной благодарности. Его Лиона, поди, уж совсем запилила за бездействие... Вы не хотите помочь князю сбросить тяжесть с груди? Стыдитесь, милорд! Благородному ландграфу Меча Без Имени не пристало быть

таким чопорным. Нельзя же все время все подвиги совершать самому, надо что-то и другим оставить! А то у вас так никогда друзей не будет. Они же чувствуют себя ущемленными, ущербными, бездарными и бесполезными. Нет слов, среди всех известных мне героев вы – наипервейший! Но поймите и меня... В нашем мире вы человек приезжий. Сегодня здесь, завтра там. Как только где беда, так тут сразу и вы на белом коне, с Мечом Без Имени, красивой богиней за плечами, да еще попросту фантастическим везением. Ведь народ явно привыкает к тому, что можно рук об оружие не мозолить, – случись что, придет отчаянный тринадцатый ландграф, погонит плохих и всех спасет! Рыцарство расхолаживается. Они лишь бегают по прекрасным дамам, тешат их самолюбие преувеличенными серенадами да раз в год разминают кости на турнирах. Я не настаиваю, но в какой-то мере даже убеждена, что своим безрассудным стремлением к одиночному вершению справедливости вы здорово подорвали обороноспособность нашей страны в целом. Вас ведь скоро будут называть вредителем, милорд! Подумайте об этом. Стоит ли рисковать всей страной ради маленькой девочки, из которой еще неизвестно что вырастет? Мы ее спасем, а она возьмет да и переплюнет мамочку по части сумасбродства! Весь мир будет стонать под каблуком новоявленной деспотички. Ну так что? Кому все это надо? Напрашивается лишь один ответ – Дьяволу! Не Богу – это точно... Мой господин, одумайтесь и совершите богоугодное дело. Отступитесь от всего этого! Давайте уедем! Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!..

Мы молча выслушали весь монолог, после чего Бульдозер, вздохнув, пошел надевать доспехи, Луна надела пояс с ножами, а я поставил перед своим отрядом прежнюю боевую задачу.

– Главное – вести себя тихо и незаметно. Никто не должен знать, зачем мы здесь. До любых известий о Брумеле – никаких активных глупостей не предпринимать. Драк избегать, в кабаки не лезть, знакомств не заводить, темных мест избегать, в одиночку не шляться. Разбиваемся на две группы и делим город пополам. Не такой он большой, между прочим, тут частных домов-то не больше сотни. Пара замков, один храм... был. Это здорово сужает круг поисков. Приметы девочки вам известны. Любого, кто обладает хоть какой-нибудь информацией, хватать за шиворот, крутить руки за спину и тащить сюда на правез. Если попадется что-то сверхсрочное, велю лезть на крышу и жечь там костер, будет черный дым, видно издалека. Это сигнал общего сбора! Вопросы есть?

– Один момент, начальник, – подняла руку Лия, сбившись на излюбленный жаргон. Ей он казался очень оригинальным, но я знавал многих дворцовых дам, падавших в искренние обмороки при уголовных выраженьицах нашей белобрысой подружки. – Значит, мы, в натуре, гоним всех подряд, наводим шорох и не чураемся гоп-стопа. Вы шебуршите по другому классу, а я беру этого мокрушника с собой. Тут все чики-чики! Но, если дело вянет на корню... короче, назначьте время и место встречи, которое изменить нельзя.

– Собираемся здесь за два часа до заката. Строим баррикаду и держимся до утра. Суккубы не страшны, если их не видеть и не слышать. Что еще?

– Все ясно, милорд, только скажите Лие, чтоб она не задерживалась в торговых рядах, а то...

– Да?! Не слушайте его, лорд Скиминок, именно в лавках, у лотков и на базаре мы почти наверняка выясним, где принцесса. Купцы всегда все про всех знают. Обычно я изображаю рядовую покупательницу, все меряю, все смотрю, ко всему прицениваюсь. Ну так, слово за слово, постепенно выуживаю из продавцов то, что мне необходимо. Милорд, поверьте, уже

через пару часов моего активного копания в их товаре они готовы выложить все!

– Еще бы! – сухо выдавил Жан. – Когда она перековыряет три корзины апельсинов, с тем чтобы выбрать один, но очень хороший, для больной бабушки. А потом, подумав, начнет торговаться, а сбив цену, вдруг решит, что старушке в ее возрасте вредны цитрусовые и лучше она купит яблочко, а для этого надо столь же тщательно исследовать последний яблочный обоз... Представляете, на что согласны продавцы, лишь бы она ушла?!

Хлопнув ладонью по столу, я задавил скандал еще в зародыше.

– Напоминаю в последний раз: у нас серьезная миссия! Не надо вовлекать общественность. Никто не должен знать, кто мы, зачем пришли, где живем и что делаем. Поняли наконец?

После чего быстренько вывел сладкую парочку на улицу и пустил налево. Четкого плана действий, честно говоря, не было... Лично я сроду не пробовал найти маленькую девочку в чужом городе. Как хоть начать-то? Припоминая популярные сериалы, мы поинтересовались у хозяина нашей харчевни. Он ничего не знал, а может, врал, но убедительно. По его совету мы обошли еще шесть ближайших забегаловок гостиничного типа. Тоже ничего. В смысле информации по поводу наших поисков, но зато разговоров о разрушении храма Великой Черной Сукки... Если верить общественному мнению, то там вчера произошла Страшная Битва Могущественных Богов! Причем о Катариаде не звучало ни слова, а вот о двух ужасных монстрах, свирепо напавших на беззащитную черную девушку, мы наслушались по уши! К вечеру, утомленные до предела и огорченные полным отсутствием результата, мы вернулись назад, на базу. По-моему, весь городок состоял из торгашей и трактирщиков. В их среде ничего полезного мы не нашли. Двумя высотными замками было решено заняться завтра. Сегодня умотались донельзя! Будем надеяться, что хоть у Лии с Бульдозером что-то получилось. Не знаю, что конкретно, но... над крышами знакомого района клубился столб дыма. Надо прибавить шаг. Скорее всего, ничего серьезного нет, только оставлять их одних надолго тоже не стоит. В противном случае обязательно придется кого-нибудь спасать. Вполне возможно, что именно суккубов...

– Эгей, милорд! – восторженно вопила упоенная Лия, размахивая руками и высоко подпрыгивая на крыше харчевни. От густого дыма ее лицо приобрело ровный цвет мокрого асфальта. – Мы их всех повязали! Жан выбивает из скрытных мерзавцев истину, но там слишком много народу. Некоторые пока упорствуют...

– Господи! – ахнула Луна. – Что же они там натворили?

Весь двор перед входом в харчевню был под завязку забит встревоженными людьми. Женщины плакали, дети звали родителей, мужчины сжимали кулаки, но, не до конца понимая, в чем дело, пока хранили терпение. С извинениями протолкавшись сквозь толпу, я забарабанил в дверь:

– Бульдозер! А ну,пусти меня сейчас же, хуже будет!

– Это вы, лорд Скиминок?

– Нет, это добрый налоговый инспектор!

– Сию минуту, отпираю... – Мы с наемницей протиснулись в узкую щель, образованную приоткрытой дверью. Нас встречали уже спустившаяся с крыши Лия и ужасно смущенный Жан. Поглядев на дело рук шумной семейки, я в изнеможении опустился на пол. Луна в тихом хохоте, закрыв лицо руками, бухнулась на скамью. Харчевня более всего напоминала камеру предварительного заключения. Здесь толпилось столько народу, сколько это

заведение не знало даже в свои лучшие дни многолюдных гуляний, общегородских праздников или национальных демонстраций. Мужчины и женщины, дети и старики, в большинстве связанные, а некоторые и со следами побоев, дружно уставились на меня. Кто с явной злобой, кто с надеждой, кто уже просто обреченно, в ожидании исполнения последнего приговора. Я остановил красноречивый взгляд на деятельных супругах. Оба мгновенно припухли, переминаясь с ноги на ногу.

– Позвольте, мы все вам объясним...

– Да уж объясните! Растолкуйте мне, недалекому, – на фига здесь столько народу?

– Это подозреваемые.

– Все?!

– А что, много? Да вы только взгляните на их хитрые рожи. Они же наверняка все знают, но скрытничают.

– По каким критериям вы определяли степень их вины, Пинкертоны?

– Мы осторожненько выпрашивали: не слышали ли свидетели чего-нибудь о похищенной девочке с именем N, являющейся единственной дочерью князя N и любимой внучкой великого короля N из N-ского королевства? – пунктуально рапортовала Лия. – Милорд, дальше в дело вступает неумолимая женская логика, железная дедукция и просто банальная интуиция. Те, у кого начинали трястись руки, бегать глазки, а язык заплетался, сразу становились потенциальными подозреваемыми. Как, собственно, и те, кто после подхода Бульдозера, поигрывающего булавой, начинал заикаться, пытался бежать или изображал обильную потливость.

– Вы затащили сюда полгорода!

– К сожалению, меньше, но мы старались. С некоторыми, особо буйными, нам пришлось обращаться не очень корректно. Если Жан кого излишне пристукнул, то после справедливого решения суда он готов принести извинения.

– Бульдозер, – сдался я, – открой дверь и выпусти всех на свободу.

– Что?! Опомнитесь, милорд! – взвыли оба. – Столько трудов – и все зазря?! Ну, не нравятся вам эти... Пусть посидят, пока мы других наловим. Ведь легче выбирать, когда знаешь, что основная масса подозреваемых уже под замком. Не начинать же снова-здорово?!

Но Луна молча отодвинула засов, и счастливая толпа народу рванулась навстречу своим близким. Сцена столкновения пострадавших в разлуке людей была душераздирающей. Повесив головы Лия и Жан отправились наверх в наши комнаты, ожидая заслуженного разноса. Следом направились и мы, за нами увязался хозяин, уверяя, что обед будет подан сию же минуту, робко поскуливая по поводу затоптанных полов, потерянного рабочего дня, так как в «следственный изолятор» рядовые посетители не допускались. Я махнул рукой, пообещав выдать бедолаге двойную оплату. Войдя в комнату, я просто рухнул на кровать, позволив наемнице обмахивать меня платочком. Супруги стояли рядом, ожидая разноса. Ну, вот... Хана всей секретной миссии!

– Луна, любимая, скажи им все, что я о них думаю...

Она сказала. Жан пристыженно молчал, Лия пыталась пару раз протестовать, но, осознав, примолкла. Теперь весь город знал, что сюда заявился кровный враг всей нечисти, самонадеянный лорд Скиминок. Мало того, в первый же день приезда он не позволил рыцарям дружественного Ада взять себя в плен, учинив грандиозную баталию в приютившей его харчевне, переломав всю мебель, перебив всю посуду и не заплатив за ущерб ни

копеечки. Думаю, что отныне к моему длинному титулу добавится еще и звание Драчливого Скупердяя. Городок маленький, сплетни распространяются быстро, и если выжил хоть один бритоголовый евнух, то вскоре всем будет известно, кто именно приложил руку к разрушению храма Черной Сукки. Вряд ли местные возведут нас за это в ранг национальных героев. Фактически за уничтожение архитектурного памятника верховному божеству мучительная смерть будет казаться слишком легким наказанием, вроде постановки в угол. (Пользуясь случаем, я тут же приказал Луне поставить в угол Лию и Бульдозера...) Да и археологи будущего не поймут моих мотивов. Я насчет храма... Кроме того, покажите мне глухого, слепого и тупого, который бы не знал, что мы ищем принцессу Ольгу. Если каждый отдельный гражданин, взятый в перекрестный допрос моими умниками, расскажет об этом хотя бы одному знакомому... все! Полгорода в курсе дела! А ведь они наверняка обиделись за необоснованный арест, да еще не законно контролируемые органами, а чьим-то там пажом и оруженосцем. Уверен, что если прошлой ночью население разбрелось в поисках жертв по всей территории, то в этот раз они уделят такую честь исключительно нам! Отмахаться мечом от двух девушек-суккубов еще кое-как, но можно... Что мы будем делать, когда возбужденная толпа возьмет злосчастную харчевню на бордаж?! Нам четверым не справиться с всепоглощающей чувственной магией похотливой нечисти. Бежать бы надо, да куда теперь? Это раньше мы могли легко закосить под безобидных путешественников, но сейчас стоит только выйти за дверь, как десятки добровольных шпионов быстренько сообщат заинтересованным лицам, куда мы направились и в каком месте за городом скрылись. За нами пойдут. За другими нет, а за нами – да! Потому что разобидели мы тут всех до кончика хвоста...

– Любимый, к нам стучат в дверь. – Голос наемницы вывел меня из глубокой хандры и вернул в безрадостную действительность. Наказанные супруги с надеждой повернули носы – если что-то серьезное, мне придется их выпустить. Я взял в руки Меч Без Имени. Луна поправила пояс с ножами.

– Войдите.

– Э... Вы позволите? – В комнату осторожно ступил щупленький старичок с внешностью потертого Казановы. Живые черные глазки масляно ощупали наших девушек и остановились на моем мече. – Я полагаю, что имею честь обращаться к единственному в своем роде лорду Скиминоку, Ревнителю и Хранителю, Шагающему во Тьму, тринадцатому ландграфу Меча Без Имени?

– Да.

Для оригинальности я решил быть краток. Тем более что это здорово сэкономило время беседы с такими вежливо-болтливими типами. Дедок еще раз огляделся в поисках, куда бы присесть, но не нашел. На одном табурете сидела Луна, на другом были свалены доспехи Жана, а на кровати возлежал я. Не подумайте, будто мне неведом этикет или элементарное уважение к пенсионерам. Просто здесь другой мир, и, рассыпаясь я в придвигании стульчиков, меня бы перестали уважать.

– Моя фамилия – Жигало. Сутнер Жигало. Надеюсь, вы обо мне достаточно наслышаны?

– Угу... Жан, вышвырни негодяя за дверь.

– С радостью, милорд!

– Нет! Погодите! Ради всего святого, выслушайте меня!

По правде говоря, я блефовал. Мне было страсть как интересно узнать, зачем этот хрыч сюда приперся. А Бульдозером я припугнул так, для остротки, чтобы быстрее переходил к

делу. Знаем мы таких старичков, им только дай рот раскрыть. Весь день будешь слушать о симптомах его геморроя, усиленных радикулитом и щедро сдобренных склерозом. Господи, как я здесь грубею! Ужас... Жан демонстративно привалился широкой спиной к дверям, поигрывая кулаками.

– Господин ландграф, у меня к вам весьма заманчивое предложение. Судя по тому, как вы отреагировали на мое имя – вы меня знаете. (Отродясь о нем не слышал, но пусть так...) Следовательно, понимаете, что я занимаюсь очень деликатными делами.

– Краткость – сестра таланта, – напомнил я.

– О да! У вас, молодых, горячая кровь, вы не терпите промедлений, вы гоните коней до изнеможения, а в результате редко доживаете до счастливой старости. Я слышал, будто бы вы ищете себе девочку? Могу предложить...

– Что за грязные намеки?! Лорд Скиминок, можно я быстренько сбегаю за сковородой, она у меня в соседней комнате?

– Смилуйтесь, ландграф! – возмутился Сутнер. – Защитите же меня, наконец, от ваших не в меру агрессивных попутчиков.

– А зачем мне это? – хмуро зевнул я. – Пока вы не сказали ничего интересного, а заняли не меньше пятнадцати минут моего полноценного отдыха.

– Но... слухи о вашей справедливости...

– Сильно преувеличены! Увы, многое изменилось... Я уже не так хорош, как раньше. Да и ваш любвеобильный городок не способствует улучшению манер. Впрочем, уважая ваши седины, я готов отозвать оруженосца и позволить даме изящно спустить вас с лестницы. (Луна рассмеялась так, что он поверил...)

– Снизойдите к старику в последний раз. Буду краток. У меня есть информация о похищенной принцессе Ольге. Я понимаю, как неблагородно пытаться сделать на этом деньги, но все хотят кушать...

Мне ужасно хотелось дать шантажисту по уху, но существовала опасность того, что он попросту скопытится. Потом я вспомнил Ивана и даже слегка взгрустнул. Если бы для спасения моего ребенка нужны были деньги – Злобыня не задумываясь отдал бы все королевство. Хотя... не без задней мысли отвоевать его назад на следующей же неделе. За окном слегка потемнело. Наверно, уже часов семь вечера. До полуночи не так далеко, надо выяснять все побыстрее и делать отсюда ноги.

– Сколько вы хотите?

– Пятьдесят золотых.

– Поселившись здесь, мы рассчитались за неделю вперед, со столом и ванной это обошлось в две монеты. Причем хозяин ходит за нами на цыпочках – мы самые платежеспособные клиенты. Вы уверены, что не ошиблись суммой?

– Никто другой не знает о ее судьбе. Девочку привезли сюда тайно, держали под замком с наивысшим уровнем секретности. Следом за ней должен был быть доставлен мальчик, но, говорят, его держат в Аду как приманку.

– Держали, а птичка – раз и улете... – гордо фыркнула Лия, прежде чем Луна успела захлопнуть ей рот. Жигало сделал вид, что ничего не заметил. Я нахмурил брови. Хорошо, если у нас наберется монеты три...

– Тот факт, что вы отказываетесь помочь нам безвозмездно, да еще требуете совершенно нереальную сумму, ставит под сомнение вашу лояльность по отношению к похитителям.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ландграф имеет в виду – почему бы нам не применить пытку?! – плотоядно улыбнулась Луна. Старичок затравленно огляделся по сторонам. Бульдозер по-прежнему закупоривал дверь, его милая жена охотно засучивала рукава, и при любом раскладе нас было четверо против одного. Вымогатель пустил слезу, решив бить на жалость.

– Я иду к вам... Добровольно! Предлагаю свои услуги, горю желанием помочь, а вы... Мне ведь тоже жаль девочку! Беленькая такая, симпатичная, улыбчивая... Пытки, угрозы, насилие – нет, не такая слава идет о вас, милорд! Даже нечисть ценит, когда с ней обращаются по совести. Между нами говоря, после сегодняшнего ареста столь многих неповинных людей народ заволновался – вы ли это? Но ваш благородный жест – «Свободу всем без разбора!» – вернул симпатии населения. Горожане настолько заужали вас, что этой ночью ни один честный суккуб не подойдет к вашим дверям. Что будет, если хоть кто-то узнает о неосторожных угрозах пытками беззащитному старику, пытающемуся выпросить корку хлеба на пропитание?

– Постыдился бы, дедуля! На пятьдесят золотых можно весь город батонами завалить по самые крыши, – слабо огрызнулась Лия, но в целом он нас срезал. Бить его мы не могли, оставалось только торговаться. Хотя и в этом наши возможности весьма ограничены существенной нехваткой финансов. Все наличные честно легли на стол.

– Всего три?! Мало. Мы обсуждали сумму в пятьдесят монет. Конечно, могут быть некоторые скидки, но ведь не до такой же степени...

– Это все, что у нас есть, – сухо обрезал я. – Или берете, или ищите других покупателей. Возможно, без вашей помощи мы провозимся на пару дней больше, но ведь все равно найдем ее, не сомневайтесь...

– Скорее всего, да. Но ведь девочка зовет папу. Зачем травмировать детское сознание долгим ожиданием?

– Чего ты хочешь, троглодит?! Сказано же – это все наши деньги!

– Ну... вы могли бы добавить к ним что-нибудь еще. Например, меч...

– Меч Без Имени необычное оружие, он сам способен принимать решения и выбирать себе хозяина. Это не та вещь, которую можно продать, обменять или подарить. Честно говоря, я даже удивлен, что он не снес вашу пустую башку сразу же после таких слов. Ну-ка, повторите свое непристойное предложение еще раз...

– О, тысяча извинений, ландграф! Я не хотел никого обидеть, – кланяясь, засуетился подлый Жигало. – Нет так нет. А если я только предположу, с вашего разрешения, что на оставшуюся сумму я мог бы ненадолго утешиться в объятиях одной из ваших милых... Понял. Молчу. Очень извиняюсь.

– Итак?! – сурово привстал я. Моя команда тоже надела самурайские выражения лиц.

– Все или ничего! Да, речь настоящего мужчины. Старею... уже отвык от общения с рыцарями. Конечно, жалкие три монетки не спасут положения, но, возможно, как-то дадут мне шанс дожить до зимы. Без лишней роскоши, на хлебе и воде... Беру! – Старичок довольно хихикнул в реденькие усики, ловко сгреб монеты, еще раз пересчитал их и... повернулся к двери...

– Вы ничего не забыли, почтенный? – невозмутимо поинтересовался Жан.

– Вроде бы нет, сынок...

– Где принцесса Ольга, пыльный ты склеротик! – рявкнула Лия.

– А? Вот вы о чем. Ну, так... это... не волнуйтесь. Ждите меня завтра, на этом же месте,

я приду, и мы обязательно все обсудим. Честное слово!

– Сейчас! – Меч Без Имени грозно сверкнул у меня в руке.

Ему было некуда деваться. Если старый прохиндей решил купить нас столь дешевым способом, то он отстал от времени. Очень возможно, что в мое первое путешествие по Срединному королевству я бы поверил «честному» слову. Просто обязан был как рыцарь, правила у них такие, но теперь... Меня столько раз обманывали, накалывали, предавали и продавали, что только законченный болван не научился бы шевелить мозгами на два хода вперед. Не знаю всех планов Сутнера Жигало, но он явно не учел наших непредсказуемых действий, мы давно научились работать командой, не задавая лишних вопросов, и понимали друг друга с полувзгляда. Жан сгреб мерзавца в охапку, Лия, подскочив, оттянула его ухо и достала длинный кинжал мужа, а Луна быстрым движением медсестры нащупала пульс старца. Допрос вел я лично.

– Где принцесса?

– Она... ну зачем все это? Вы ведь культурный человек, ландграф... Ай! Не надо! Оставьте мое ухо, девочка, я все скажу. Ее привезли в наш город четыре дня назад.

– Лия, пили! Он не хочет понимать вопроса...

– Не-е-ет! Я просто говорю по порядку. Если у меня что и западает в памяти – так ведь возраст... Восемьдесят шесть! Не шутка, молодые люди. Вот когда вы доживете до моих лет, тогда поймете, что значит... Ау-у-у-у!

– Лия?

– Милорд, у меня кинжал дернулся, непроизвольно. Он сам виноват.

– Слышали, господин Жигало? Вы сами виноваты. Продолжаем. Итак, где принцесса?

– Как вы жестоки... Я не намерен разговаривать в таком тоне!

– Лия, режь ухо.

– Нет! Не надо, я передумал. Она в лесу, за городом, там есть такая гора, в ней пещера, внутри глубокие шахты, девочка лежит связанная, в сундуке на дне самой глубокой...

– Он врет! – экспертным тоном заявила Луна.

Я вновь кивнул Лие. Старик окрысился:

– Не надо! Ну, господа, с вами, я вижу, не договоришься. Ее здесь уже нет! Вашу противную девчонку увезли вчера вечером, сразу же после того как было доложено, что вы остановились в этой харчевне.

– Кто увез? Куда?

– Не знаю...

– Опять врет – пульс прыгает.

– Чего тянем, милорд? У меня уже пальцы устали держать это волосатое ухо. Можно, я его обрежу? Ну, пожалуйста... Там за окошком кошка мяукает, голодная, наверно... Угостим бедняжку хрящиком?

– Не знаю даже... Раз он так не хочет нам помочь... Наверно, да.

– Ее увезли служители Черной Сукки! – с пулеметной скоростью затараторил перепуганный дед. – Они должны были дать ей приличествующее образование, воспитать настоящей королевой, научить колдовству и сделать достойной невестой бронзового Кришны...

– Что?! – ахнули мы хором.

– После великого разрушения Зубов несколько лет назад кришнаиты перенесли статую

своего бога в безопасное место, за холмы Зингельгофера. Но где сейчас принцесса, я не знаю...

– Говори правду, старик, – сдержанно зарычал я. – Кто все это придумал? Кто предложил украсть детей? Кому в башку втемяшился безумный план перевоспитания их в королей Темной Стороны?!

– Вовсе нет, у каждого своя задача. Мальчик, например, должен править всем Срединным королевством, принцесса с мужем станут духовным оплотом новой власти, Зингельгофер получит всю Темную Сторону, а хромому Раюмсдалю...

– Он жив?!

– Не трясите его так, задушите!

– Жив. За всем этим стоит Люцифер. Он хочет восстановить былое влияние Зла.

Ясно. Я тяжело повалился на кровать. Все мои враги живы. Они по-прежнему деятельны и намерены взять реванш. За окном уже глубокий вечер, бежать мы не успеем. Если я очень хочу жить, то надо продержаться до утра. Сейчас выдохну и сразу все придумаю...

– Жан, отпусти его. Эй, Жигало! Последний вопрос: откуда вы все это знаете?

– Ну, скажем... у меня есть несколько пленниц... Они иногда ходят в Ад по вызову. Постирать, прибраться, сготовить, еще что-нибудь, в общем, любые услуги, в зависимости от оплаты. Вы меня понимаете? Кое-что из сонной болтовни их клиентов представлялось мне довольно интересным. Вот, собственно, и все...

Я погрузился в тяжелые размышления. Лия с Бульдозером увязались проводить старичка. Луна присела рядом.

– Поговори со мной. Просто поговори. Не молчи...

– Я не знаю, что делать. Их слишком много. Понимаешь, меня ведь не воспитывали для войн. Я попросту художник, умею рисовать, лепить, всю жизнь прожил в маленьком провинциальном городке. Да, в свое время служил на границе, но тогда там было довольно спокойно. Занимался в секции каратэ, но это ближе к искусству и не связано с кровью. Меня забросили сюда против моей воли, дали самого могущественного врага, и все время я рвался домой, хотя в целом ко мне здесь очень неплохо относились. Таких друзей, как здесь, я никогда не находил в своем мире. Во второй раз меня уже позвали. Я пошел с удовольствием, мне было интересно. Несмотря на то что меня здесь даже убили, я не хотел возвращаться. Представляешь, каково мне сейчас? Я рвался сюда всем сердцем, я прикипел к этому миру, я уже не считаю себя здесь гостем, и ко мне относятся не как к чужаку. Но количество врагов увеличивается с каждым разом, их могущество растет, война захватывает все большие и большие территории, гибнут люди, уничтожаются редкие виды нечисти, катастрофически нарушается сама гармония вашего мира. Иногда мне кажется, что это может привести к уничтожению всего. Почему? Почему все всегда так плохо? Потому, что я не настоящий ландграф?!

– Ты ландграф, любимый! Не сомневайся, ты самый настоящий ландграф. – Она гладила меня по руке и успокаивала, как ребенка. – Не переживай, пожалуйста, все будет хорошо. Я с тобой, твои друзья тоже. Мы никогда тебя не бросим. Ты будешь сильным и победишь всех плохих.

– Война во имя мира? Зло во имя Добра? Смерть во имя Жизни? – скептически подытожил я.

– Не знаю... Но в одном я абсолютно уверена: ты – ландграф! Меч сам выбрал тебя. Если ты победишь, то станешь героем. Если погибнешь – то достойно первого рыцаря. Это

твой крест, твой рок, твой долг и твоя судьба.

– Вы ведь им покажете, милорд? – В дверях стояли мои ребята. Что делать?.. За что хвататься в первую очередь – ума не приложу. За окном уже ночь. Скоро двенадцать. Как-то очень уж неуютно в этом городке...

– Жан, высунь нос, посмотри, есть ли кто в харчевне?

– А... м-м... может, мы... в смысле... все пойдем погуляем? – замялся он.

– Лия, возьми за шиворот своего несусветного труса и доложи обстановку. Если никого не найдете, то баррикадируйте двери.

– Слушаюсь, лорд Скиминок.

Когда они ушли, я воспользовался моментом и расцеловал наемницу. Будь больше времени – охотно пошел бы дальше, но, увы, общая обстановка, несмотря на насыщение чувственностью и страстью, не располагала к активным нежностям. А тут еще Луна отодвинулась в сторону, виновато потирая красную щеку.

– Ты небритый... Я как-то не предполагала, что у тебя такая колючая щетина.

– Правда? Извини, пожалуйста. Окончательно одичал я в этих крестовых походах. Может, вообще бороду отпустить? Буду похож на Льва Толстого в джинсах.

– Нет. Рыцарь должен быть чисто выбрит. Борода обычно означает принятый обет. Например, не бриться до полной победы над врагами, хотя в этом случае положено и не умываться, не стричь волосы, ногти, не принимать ванн, не менять одежду.

– Очень мило, – вздрогнул я.

– Еще борода может обозначать уход в разбойники, отца большого семейства или признак левой королевской крови. Я так понимаю, что ничего подобного у тебя нет.

– А значит, не стоит вводить людей в заблуждение и прощ...

– Побриться! – победно dokonчила Луна, чмокнув меня в нос.

Ладно, время есть, дело нехитрое, а если ей так приятнее... Есть у меня в Астрахани одна знакомая, так вот та просто млела от мужчины с трехдневной щетиной, но такие женщины более чем редкость. Достать мыльную пену и горячую воду оказалось несложно, длинный кинжал Бульдозера имел остроту опасной бритвы, но... Мы нигде не нашли зеркала.

– Милорд, харчевня пуста. Нет ни души. На всякий случай мы позапирали все двери и окна, перегородили дымоход и завалили вход столами. Получилось не хуже защитного купола у Вероники, – похвасталась подоспевшая Лия. Рядом тяжело дышал взмокший супруг. Ясно... она, как всегда, руководила, а он таскал. Неравноценное распределение труда, но ведь любят же друг друга и по большому счету довольны оба.

– Молодцы. Сейчас я побреюсь, а потом будем держать оборону. У нас еще есть время до полуночи.

– Не слишком много, любимый. Лиечка, вы с Жаном, случайно, нигде не встречали обычного зеркала?

– Вроде... нет.

– Странно. Как только захочешь выглядеть посимпатичнее – вечно чего-то не хватает. Слушай, подружка, а лавки уже закрыты?

– Давно...

– А ночных супермаркетов здесь не предусмотрено? Может, хоть кто-то торгует парфюмерной мелочевкой?..

– Боюсь, что нет, милорд. Мы с Жаном днем толкались везде, где могли, но, сколько мне

помнится, ничего напоминающего зеркала мы не видели. Да и зачем вам бриться? По-моему, с этой щетиной вы внушаете большой ужас врагам...

Прежде чем я решил все-таки отвесить ей щелбан в лоб, входная дверь затряслась под градом обрушившихся на нее ударов.

На какое-то время мы впали в столбняк. Первой опомнилась Лия.

– Замели нашу малину. Настучал-таки, дятел дрессированный...

– Цыц, несчастная! Когда выберемся отсюда и у меня будет хоть немного свободного времени, я заставлю тебя вызубрить наизусть Устав Благородных Девиц так, чтоб от зубов отскакивало!

– От чьих?

– О... у... уберите ее от меня!

Я бросился к дверям и, убедившись, что Жан свалил всю мебель в лучших фортификационных традициях, громко заорал:

– Кто там?

– Это мы, суккубы! А лорд Скиминоков дома?

– Нет меня, я покинул Россию. Мои девочки ходят в соплях... Загляните послезавтра, лучше в обед, на Петровку, 38, и спросите майора Пронина. Он даст вам исчерпывающую информацию о местонахождении товарища Юстаса. Пароль, явка, горячий утюг на балконе, стучать в бемоле, откроет пожилая немка. Это и буду я.

– А сейчас точно не вы?

– Не я! Я буду послезавтра, как договорились, мой секретарь запишет вас на прием. До свидания.

Голоса за дверями смолкли. Послышались неуверенные удаляющиеся шаги. Я шумно выдохнул. Пронесло... Не каждый раз мне попадается столь доверчивая нечисть, везет же порой. Мои ребята на цыпочках подошли поближе.

– Ушли? – свистящим шепотом поинтересовались все трое.

– Вроде да. А чего вы, собственно, так мнетесь? Говорите в полный голос, не бойтесь. Суккубы – они соображалкой не блещут. Им есть чем блеснуть и кроме энциклопедических знаний или математического склада ума. Но двери вы заперли надежно, молодцы.

– Странно, – заметила Луна. – Ведь Жигало утверждал, что горожане нас даже зауважали и честные суккубы не выйдут нас искать.

– Значит, это были нечестные, – заключили супруги. – Честность и порядочность здесь не в цене. Может быть, мы зря отдали вымогателю все деньги?

– Тот факт, что мы находимся в городе, полном суккубов, наводит меня на грустные размышления. Мы только-только спровадили трех сексуальных демонов. Вряд ли их было больше... Они могли и не знать, что на нас наложен мораторий, в смысле – сезон охоты на Скиминоков еще не открыт. Получается, что дедушка поступил с нами по совести...

В тот же миг раздались голоса, и на бедную дверь обрушился новый град ударов.

– Открывайте сейчас же!

– Никого нет дома! – дружно ответили храбрые мы, но на этот раз нам не поверили.

– Опять обман! Там они! Второй раз надуть хотят. Открывайте, а то дверь сломаем!

– Ломать – не делать, душа не болит! – язвительно влезла Лия. – Сказано же: «Нет нас!»

Идите по ветерку...

– А я говорю, там они! – взвился за дверью знакомый старческий голос. – Возьмите их

всех! Будут знать, как отнимать последние деньги у честного пенсионера, доживающего последние дни...

Дверь тряслась, но держалась, баррикада была надежной. Через полчаса нападающие устали и удалились для обсуждения нового плана действий. Воспользовавшись передышкой, я взялся за Бульдозера с супругой.

– Ну?!

– Да мы что... Ничего... просто... дело-то житейское... она и говорит, зачем ему деньги?... Ну я... куда ж денешься? Но, ей-богу, милорд, он первый начал!

– Лия!

– Лорд Скиминонок, я девушка честная, замужняя, мне об хозяйстве думать надо. Вы хоть раз поинтересовались, сколько он ест? Вы знаете, какие бешеные деньги вылетают на прокорм такого Бульдозера? Отдать три золотых – значит обречь его на голодную смерть, а меня на вечные муки совести. Вы этого хотите, да? Нет, вы скажите, милорд, этого? Да?!

– Значит, вы отобрали у него деньги... – Устало опустившись на табурет, я горестно приложился щекой к Мечу Без Имени. Ну что мне с ними делать? Поубивать только... иначе все равно не перевоспитаешь. – Справились, да?

– Все было совсем не так, – быстренько затараторила Лия, присев рядом со мной на корточки и по-собачьи заглядывая в глаза. – Я пошла проводить дедушку до выхода. Надо же заботиться о пожилых людях? Там лестница крутая, мало ли что... А он вдруг возьми и начни делать мне непристойные предложения! Мол, поедемте в номера, посидим, а еще у меня тут квартирка рядом, деньги теперь есть, если будешь умницей – глядишь, чего и заработаешь. Я даже рта не успела раскрыть для гневной отповеди, как рядом с нами вдруг оказался Жан...

– Милорд, он уже всю ее начал обнимать! – вдохновенно включился в эпопею трусливый рыцарь. – Естественно, я как дворянин, как наследник знатного рода, как оруженосец великого ландграфа и как муж, наконец... Я не мог этого стерпеть! Поднял сморчка за ногу, потряс хорошенько и отнес во двор. Бить я его не стал, рассыплется еще, но в лужу положил. Именно положил, а не бросил. Я ведь не зверь какой...

– А возвращаясь, мы вдруг неожиданно увидели у самой двери в вашу комнату три золотые монеты! Вот, думаем, счастье привалило... Нам и в голову не пришло, что это дедушка Жигало уронил, – елейными голосками докончили оба.

О, мать моя женщина! Ведь врут безбожно... Стараются как могут, но выходит хуже, чем в любительском театре Дворца пионеров. Научить их, что ли? В жизни пригодится... Додумать не удалось, к нам вновь забарабанили в дверь:

– Мы тут посовещались и решили: если через десять минут вы не откроете, то мы возьмем да и подожжем всю харчевню!

– Может быть, попытаться уйти по крышам?

– Вряд ли. Они наверняка окружили все здание.

– Значит, опять – бой?

– В каком-то смысле да. Очередной последний бой, так сказать... Но я не умею воевать с женщинами. Сколько помню, не считая старых ведьм из Тихого Пристанища, я поднимал Меч лишь против призрака мадам Гнойленберг. Даже кастратку на самом деле убила Вероника. Я не могу.

– Любимый, ты уж реши сразу, – неожиданно резко вспыхнула Луна, – либо я, либо они.

Если ты не будешь драться с суккубами, то они убьют и тебя, и меня, и Лию с Жаном. Если ты меня действительно любишь, то придется тебе попробовать убивать этих демонов, чтобы спасти всех нас. Только, пожалуйста, думай побыстрее...

– Мне так и не дали побриться! – с глубокой грустью в голосе ответил я. Мои спутники несколько обалдели. Потом наемница нежно прижала мою голову к своей груди и жалобно запричитала:

– Сладкий мой, хороший мой, переутомился, бедняжка...

Лия с Жаном сочувственно засопели, а у меня в мозгу билась надоедливая мысль о том, что во всем городе почему-то нет ни одного зеркала и несчастному ландграфу даже побриться перед смертью не дают. Опять же, если умирать в нежных ручках суккубов, то с моей стороны принимать любовь дамы (пусть высасывающей жизнь) в колючем виде – это слишком неэстетично!

– Бульдозер, почему нигде нет зеркал?

– Не знаю, милорд. Может быть, мы их просто не замечали?

– Лия, где зеркала в этом городе?

– Я так думаю, лорд Скиминок, что они здесь никому не нужны. Днем горожанам и других дел хватает, кроме как на свое отражение любоваться. А ночью им это вообще без надобности, они и так неотразимы.

– Луна?..

– Я поняла, любимый. Суккубы почему-то не могут видеть себя в зеркале. Возможно, для них это вид отвращающего колдовства. Может быть, они умирают от этого, может, болеют, может, покрываются сыпью или навсегда теряют магическую силу...

– Есть только один способ проверить. Оруженосец! Ты говорил, что в нашей комнате вставили новые стекла?

– Будут через минуту! – Жан рысью бросился по лестнице наверх.

– Лия! Быстренько найди мне что-нибудь очень черное. Мы должны суметь смастерить кустарное подобие зеркала.

Я не бог весть какой мастеровой парень – золотые руки. Просто помню, что если обычное стекло с одной стороны прикрыть черной тряпкой, то с другой будет видно ваше отражение. Темное, блеклое, но вполне явственное. Луна сейчас полная, значит, света будет достаточно. За дверью раздались шум и голоса. Неужели отпущенные десять минут уже истекли? Надо хотя бы немного потянуть время...

– Эй, поджигатели паршивые, креста на вас нет! А чужую харчевню вам не жалко?

– Жалко, – посовещавшись, решили голоса, – но мы все равно подпалим, раз вы не выходите.

– За что такая немилость?

– Вы разрушили храм Великой Черной Сукки!

– А если мы извинимся и больше не будем?

Нападающие задискутировали между собой. Пользуясь затишьем, прибежал Бульдозер, осторожно держа в руках большой кусок оконного стекла. Жан тоже не плотник и, взяв за оконной рамой, здорово порезался, но ценный груз не уронил, доставив в целости. Следом появилась Лия, таща в руках ведро с теплой черной смолой, а на плече – занавеску из тяжелого темно-синего бархата.

– Молодцы! От лица командования объявляю вам благодарность!

– Рады стараться, ваше превосходительство! – тихо гаркнули оба, а я принялся за дело.

Наемница взялась помогать, а Лия отвлеклась на перевязывание тряпочками израненных ладоней мужа. Мы аккуратно размазали смолу по стеклу, используя широкий кухонный нож, а потом налепили на нее кусок бархата. Зеркало вышло – заглядение! Мы гордо переглянулись. В дверь опять постучали. Господи Боже, как они мне надоели... Не мычат не телятся, инквизиторы вшивые!

– Ну, что вам еще?

– Мы решили – поджигать!

– Не надо. По зрелом размышлении мы постановили сдаться.

– Тогда откройте дверь.

– Всегда пожалуйста...

Такого они от нас не ожидали. Когда Жан разбросал баррикаду и я с завязанными глазами и импровизированным зеркалом в руках появился на пороге, по толпе прокатился дружный вздох. Потом повисло молчание. Мне оно показалось бесконечно долгим... Наконец неуверенный девичий голос, прерываясь от волнения, спросил:

– Что это такое, ландграф?

– Зеркало! – храбро ответил я.

– Зеркало-о-о-о... – влюбленно вздохнули суккубы. – А что это за чудо?

– Никаких чудес, обыкновенные законы физики. Вы что, зрение потеряли? Взгляните попристальнее, там отражаетесь – вы!

– Что?! Не может быть! Неужели эти прекрасные существа, отражающиеся в нем, – мы сами?

– Да!

Что-то не очень они торопятся умирать. Может, им время надо? Не насмотрелись еще? У меня уже руки устали от напряжения. Как же оно на них действует и действует ли вообще?! Вроде прыгать на нас пока никто не собирается, рукоять меча тычется в мой локоть, но сама холодная. Итак, драки не будет... Рассыплются пеплом, превратятся в прекрасных лебедей, бросят все, покаются и уйдут в монастырь – гадать можно хоть до утра. За спиной раздался шорох. Тонкие пальцы Луны развязали тряпочку, прикрывающую мои глаза.

– Можешь посмотреть, их магия исчезла.

– Вот это да, милорд! Что они такое делают? – восторженно зашептала Лия, проталкиваясь следом. Последним вынырнул Бульдозер и тоже замер в недоумении. Суккубы вели себя действительно странно. Здесь было пять или шесть девушек, трое мужчин и наш старый знакомый Жигало. Все голые, с классическими фигурами, но их невероятная сила обольщения словно вдруг сменила ориентацию. Они вновь и вновь подходили к нашему зеркалу, любовались собой, по-детски искренне трогали пальцами стекло и отпрыгивали, смеялись, перешептывались. Я рискнул отойти в сторону, потом аккуратно прислонил зеркало к стене.

– Почему нам никто не говорил, какие мы прекрасные существа? – тихо вздохнул Сутнер Жигало. Остальные суккубы согласно закивали. – Что за жизнь мы вели? Кому мы отдавали свою любовь, свои тела, свою нежность и ласку? О Великая Черная Сукка! Взгляните на этих низких людишек... Они грязны, оборваны, несовершенно, даже уродливы, дурно пахнут и... Они же презирают нас! Мы вынуждены бегать за ними, искать, упрашивать – ради чего? Ради того, чтобы они, крича и возмущаясь, снизошли до нашей светлой, всепоглощающей, солнечной страсти?! Фи-и-и...

– Эй, ребята! – вклинился я. – Вы, случайно, ничего не напутали? Мы к вам в дом не

ломались. Вы сами пришли. Может, вы и впрямь такие симпатичные, но, скажем честно, нам ваша любовь до лампочки! Вы нам не нравитесь.

– Вы нам тоже, – дружно насупились суккубы. – Мы сами по себе чувственно самодостаточны. Не оскорбляйте наш взор своим несурзным видом. Нам неприятна даже сама мысль о том, чтобы прикоснуться к таким ходячим ужасам, как вы.

– Что?! – взвилась Лия. – Ах вы, голодранцы паршивые, да, если хотите знать, я одной фигуркой...

Мы с Жаном едва успели ее заткнуть.

– Они не способны оценить нашу красоту, – заключил старый Жигало. – Отдайте нам это великолепное зеркало, это чудо природы и техники, а сами идите куда хотите. Впредь мы никогда не позволим оскорбить наши прекрасные тела прикосновением к недостойным людским существам.

– Подумаешь... – неожиданно обиделся я. – Да и не больно хотелось. Нам, между прочим, давно спать пора, ночь глубокая. Прощайте, завтра утром мы уезжаем от вас навсегда.

– А зеркало? – жалобно взвыли две хорошенькие девушки.

– Забирайте! – широко отмахнулись мы.

– Спасибо, милорд! – Толпа суккубов быстренько отвалила от харчевни и исчезла за углом. Вскоре оттуда донеслись громкие крики, призывающие всех оставить жертвы и взглянуть на самих себя в волшебное зеркало.

– Так мы что, действительно идем спать? – беззастенчиво зевнула Лия. – Может, побродим под луной? Погодка – чудо, народ гуляет...

– Нет, дорогая. Я... мы... должны... тут сам воздух напоен любовью! Лорд Скиминок, нам ведь завтра рано вставать?!

– С рассветом, – поддержал я наивную мужскую хитрость своего оруженосца. – Ложитесь сейчас же, завтра у нас тяжелый день.

Когда они под ручку ушли наверх, мы посидели еще немного. Похоже, я незаметно приобнял Луну за талию. Потом мы поцеловались. Все было так естественно, словно мы знали друг друга всю жизнь. Потом...

– Нет... Только не здесь. Не в этом городе. Они превратили любовь в грязь. Тут трудно дышать. Я не хочу так... Не сердись, пожалуйста.

Хм... Небось Лие с Бульдозером не трудно... Им-то в данный момент очень даже дышится... Мне стоило огромного труда взять себя в руки и ограничить весь свой пыл нежной заботой, пока Луна, поудобней устроившись, не уснула на моем плече. Так... теперь уже просто не сосчитать, сколько мне должны эти злостные суккубы за мои нереализованные потребности и возможности!

С утречка, после завтрака, мы окончательно порешили отправиться в дальний путь. Раз принцессы здесь нет, то и делать тут нечего. Жан выяснил у хозяина, где он может купить лошадей, Лия сбегала на базар и набила наши сумки провизией, я кое-как побрился, а Луна нацарапала записку для Брумеля, если таковой появится. Владелец харчевни не переставая благодарил нас за сохранение его заведения. Что надо, они запоминают... А вот поинтересуйтесь, сколько невинных душ он загубил в еженощных оргиях суккубов, – ведь ни за что не признается, гад!

При ярком солнышке городишко выглядел даже празднично. Напоследок мы сели

рядком, помолчали и пустились в дорогу. Собственно, не очень далеко, до соседней лавки, там у хозяина было куплено четыре крепких скакуна. За упряжь и седла пришлось отдать последние деньги, у нас не осталось ни гроша. Ладно, главное – поехать, а там уж разберемся по пути. На выезде из города суккубов у ворот нас ждал... Жигало! Старый хрыч широко улыбался, приветственно помахивая рукой.

– Если только он хоть слово вякнет о деньгах, я его... – Лия так сжала в кулаке поводья, что сомнения в страшной кончине пенсионера не осталось ни у кого.

– Мое почтение, господа! Вижу, вы собрались уезжать, – бодренько закланялся старик Сутнер. – Я жду с рассвета... О нет! Совсем не для того, чтобы хоть словом напомнить о деньгах. Просто я... Я не могу забыть вчерашнюю ночь. Лорд Скиминок, своим чудесным подарком вы дали нам возможность увидеть себя со стороны. В нашем городе так давно запрещены зеркала, что даже я весьма смутно помню рассказы своей бабушки об этом волшебстве отражения.

– Кто же мог запретить целому городу столь обычную в обиходе вещь? – удивился я.

– Старая история, ландграф... Когда-то мы были обычным поселением, но, увы, слишком близким к границам Зла. В наши дома порой заглядывали очень странные существа. Мы были добры и гостеприимны, постояльцы щедро платили, но... Когда стали замечать, что наши женщины рожают не совсем обычных детей, – было уже поздно. Союз нечисти и человека постепенно превратил наш поселок в жилище суккубов. Нам даровали нового бога – Черную Сукку, ибо все иные отвернулись от нас. Тогда и были запрещены зеркала. Никто не должен видеть себя со стороны.

– Кто это сделал? – повторила мой вопрос напряженная Луна.

– Прапрадедушка нынешнего Владыки Ада. Я даже боюсь предположить, как будет разгневан Люцифер, узнав, что в городе появилось зеркало... Но не волнуйтесь, мы сумеем его скрыть. А если он пошлет войска, чтобы отобрать его силой, то мы сумеем встретить их такой демонической страстью... Нам нетрудно это сделать! У нас бо-о-льшой опыт...

– Держитесь, дедушка... Если вам понадобится военная помощь – обращайтесь к нам, мы с милордом приедем! – внес свою лепту верный Бульдозер.

– Спасибо, спасибо, господа, – аж прослезился наш недавний шантажист. – Я ведь и вправду хотел повидать вас. Один совет, если позволите, совершенно бесплатно. Ищите девочку на большом Шабаше! Ежегодный праздник нечисти будет проходить недалеко отсюда. Видите голубую выпуклость на горизонте? Это высокая гора, лишённая растительности, ее еще называют Лысой горой. Там должно произойти посвящение. Но имейте в виду, на нем наверняка будет присутствовать Владыка Ада.

– Когда это произойдет?

– Через два дня в ночь Горбатого Козла. Вам нужно ехать на север. Спешите...

Жан купил хороших лошадей, мы мчались вперед манежным галопом. Эх, где теперь те смешные времена, когда я не умел ездить верхом?.. Вспоминая себя прошлого, даже умиляешься немного. Наивный, восторженный, чуть напуганный, вечно ищущий друзей, отважно размахивающий мечом и постоянно нарывающийся на колотушки. Романтика! Сейчас я, конечно, другой... Мудрый, серьезный, строгий, неулыбчивый и всему знающий цену. Эдакий седой капитан гусарского полка, весь в шрамах, с больным сердцем и прокуренными усами.

Что-то напрягало меня, не давая забыть об Иване. Как он там без меня? Я задержался

гораздо дольше, чем рассчитывал. Убежден, что Повар сделает все для моего сына, но... Где-то в глубине души зрела непонятная червоточинка – Вероника не вернулась! Как они добрались до места? Не укачало ли его в полете? Не напал ли на них кто-нибудь в небе? Полно здесь всякого зверья летает... Добрались ли они вообще?! Нет, если бы с Иваном случилось что-то действительно серьезное, я бы знал. Я всегда его чувствую, даже если он набивает элементарную шишку. Но неопределенность всегда тревожит...

– Лорд Скиминок, что же все-таки случилось с этими суккубами? Почему они передумали на нас нападать?

– Знаешь, Жан, скорее всего все дело в зеркале. Я предполагал что-то подобное, но не думал о такой ретивой вспышке нарциссомании.

– Чего-чего? – заинтересовалась Лия.

Вот вечно лезет в мужские разговоры! Жён надо воспитывать.

– Нарциссомания – это такая болезнь. Я в книжке древнегреческих мифов читал. Там один парень, Нарцисс его звали, тоже поглядел на свое отражение в реке, и все – махом подхватил эту эпидемию! В общем, влюбился сам в себя, как кошка. Ни одна девушка его впредь не интересовала. Он сам себя любил безраздельно, и счастье его не имело разумных границ.

– Невероятно... – вздохнула Луна. – Что же теперь будет с бедным городом суккубов? Они так и перевлюбляются друг в друга?

– Нет, дорогая, ты слушала меня недостаточно внимательно...

В следующий раз ни за что не полезу в чужую семейную жизнь со своими советами. Женщин просто необходимо содержать в бесчеловечной строгости. Надеть паранджу и заставить безоглядно, прямо-таки безропотно... Ой, что ж это я такое несу?! Вроде бы сегодня на голову не падал. Как же это у меня мозги замкнуло на махровом феодализме с крутым исламским фундаментализмом? Полюбопытствую при случае у Матвеича, врач все-таки...

– Люби-и-мый, ты меня слышишь?

– Что... а?.. Извините, ребята, задумался о своем... Они влюбляются не друг в друга, а сами в себя. Это значит, что если Жигало с друзьями будет прятать зеркало днем, а ночью показывать друзьям, то максимум через месяц городок сменит ориентацию. Приезжие быстро перестанут их интересоваться. Черная Сукка, если еще жива после разрушения Храма, перестанет получать свою долю с высосанных душ. Обычно боги страшно обижаются, когда их не кормят жертвами. Так что порой даже уходят, не прощаясь, по-английски.

– Но... Люцифер, наверно, обидится?

– Запросто, но это, верный мой Бульдозер, уже наша проблема. Все равно Владыка Ада не оставит нас в покое. Почему бы попутно не спасти один маленький непритязательный городишко?

– Вы будете заступаться за суккубов?! – поразилась Лия. – Ну, знаете ли, лорд Скиминок...

Ночевали мы на пустынном холмике. Вернее, супруги спокойненько улеглись и задряхли, а я стоял на часах до полуночи. Хорошо бы, просто стоял, но увы... Луне требовалось поговорить. Точнее, разобраться. Или, как она любит говорить, – выяснить отношения. Знаете, что это такое? Даже если бы мне очень хотелось уснуть на часах – такая возможность была погребена навеки. Разговор оказался очень долгим.

– Когда ты уезжаешь?

– Не знаю... Обычно это зависит не от меня. Как только кто-то там, свыше, решает, что моя миссия выполнена, ап – и я уже дома. Вот, ей-богу, ты бы знала, как я ругался в прошлый раз...

– А... почему ты не хочешь остаться?

– Как сказать... иногда очень даже хочу. Теперь особенно.

Я обнял ее за плечи, прижимая к груди. Луна умела слушать. Незаметно для самого себя я начал говорить, говорить, говорить...

– Понимаешь, там, в моем мире, я сейчас не у дел. Настоящий безработный, только что на бирже не состою. Художников в Астрахани как килек в томате. Постоянной работы нет, так, «шабашки» от случая к случаю. Если здесь я – ландграф Меча Без Имени и точно знаю, что зарабатываю на хлеб собственной шеей, то дома... У вас гораздо интереснее. Не поверишь, но мне страшно нравится возиться со всеми этими вампирами, ведьмами, чертями и разной прочей нечистью. Я ощущаю себя нужным. Другьям – для того чтобы они могли жить, врагам – для того чтобы знать, ради чего жить. Если кто-то зубастый бросится на меня, я не бегу в милицию, а встречаю его мечом промеж глаз. Мне показалось, что и моему сыну здесь тоже нравится. Если бы мы только могли остаться навсегда...

– Скиминок... нам придется расстаться. Взгляни правде в глаза – впереди ничего нет. У тебя свой мир, сын, жена. Я не найду места в твоей жизни. Не строй иллюзий...

– Но я люблю тебя!

– И я тебя люблю.

Она тихо поцеловала меня. Вот и все. Любит, но уйдет. Потому, что я женат и меня вернут. Правильно, честно, по закону. Плохо... Хуже некуда... Луна поднялась, а я все пытался удержать ее руку.

– Не надо... нельзя жить, зная, что впереди ничего нет. Если бы ты только мог почувствовать, что со мной творится, когда я представлю себе, как ты снова уйдешь! У меня болит голова... Отпусти, пожалуйста...

– Но...

– Пусти ее, великодушный рыцарь!

Открой глаза – она тебя не любит...

Мы едва не подпрыгнули на месте. А вполне возможно, что и подпрыгнули, потому как мгновенье спустя оба уже стояли спина к спине, готовые к бою. В моих руках блестел Меч Без Имени, а пальцы наложницы сжимали лезвия метательных ножей.

В освещенный круг костра гордо вошла высокая рыжеволосая женщина, одетая в длинный плащ. Бьюсь об заклад, что под плащом у нее ничего не было...

– Кастратка! – одновременно прорычали мы. Один раз я уже сталкивался с такой тварью... Спасибо Веронике, а то служил бы сейчас в Арабских Эмиратах, там большой спрос на евнухов.

– Прости меня, я слышала случайно ваш разговор, обрывчатый и резкий.

Она права, ты весь в плену иллюзий!

– Тебя спросить забыл, шалава злая! – взорвался я, невольно переходя на менестрельскую речь:

Иди себе туда, откуда вышла,
Не видишь – занят я! Дела,
Дела, заботы, а времени
И нет! Отсюда резюме –
Я сам с усами! Мне
И тут не пыльно...

– Любимый, ты заговорил стихами! – восхитилась Луна. – Только я не понимаю, чего мы с ней рассусоливаем? Таких мерзавок надо убивать молча...

– О дикий мир! О ревность,
Зависть, зло! Лишь выслушай
Меня, прекрасный витязь...
Я вижу то, что ты, при всем
Своем уме, не можешь видеть,
Ибо взор твой светел.
Ты думаешь, одной твоей
Любви довольно для счастливого
Сожития на долгие года? Увы, увы...
Она тебя не любит! Она играет
Мужеством твоим, смеется слабостям,
Размеренно читает весь ваш
Роман, но близок эпилог...
Тогда она перевернет, зевая,
Последнюю страницу и... уйдет.
Ты слышал сам, она уйти хотела.
Ты был ее героем, но прости...
Мир так велик, ей хочется иного...

– Замолчи! – Вспыхнувшая наемница вскинула было руку, но я вовремя перехватил ее за запястье.

– Пусть договорит! Мне что-то стало страсть как интересно... Она ведь не знает ни тебя, ни меня, просто смотрит на наши отношения со стороны и выносит свой независимый вердикт. Валяй!

Вдохновленная моим заступничеством, кастратка сделала еще шаг вперед и, воздев руки к звездам, продолжила. Ее плащ распахнулся так, что я едва не задохнулся. Нет, ну какие же они все-таки красивые, стервы! Одна к одной и лицом, и ростом, и фигурой...

– Милорд, что тут у вас?

О, Лия с Жаном проснулись! Добро пожаловать на поэтическое выступление. Сегодня у

нас творческий вечер рыжеволосой кастратки...

Как оказалось, говорить стихами, кроме меня, не умел никто. Удивленная Луна жутко обиделась, кастратка, завлекая меня, честила ее вдоль и поперек. А насколько талантливо и красиво... Ни одного явного оскорбления, ни слова хамства, все возвышенно, грустно и философично, как сонеты Шекспира. И ведь пробивает...

– В бою, в пыли, в крови,
Где кружево клинков
Слепящей стали собирало жатву,
Она могла лишь на короткий миг
Тобой увлечься. Но любовь ли это?
Наверно, да. Миг на войне
Есть жизнь. Но наступили
Иные времена, эпоха перемирия
Настала... Вот и она, убрав
Оружие и поглядев вокруг,
Увидела, что ты – не пуп Вселенной!
Есть лучше: и моложе, и добрей,
Богаче, краше и знатней по крови.
Кто разведен, кто вдов, а кто
И просто холост. Ты?
Что мог отдать ей ты?
Подумай, рыцарь...
О, не вини невинное создание...
Она все так же верила в любовь,
Но оказалась жизнь невероятно
Длинна и манит за собой...
Прости ее, пускай она уходит...

– Милорд, – ошарашенно повернулся Бульдозер, – Луна нас бросает?

– Не вас. Меня. Она не хочет больше ждать и не верит в возможность нашего счастья. Мне больно, Жан...

Трусливый рыцарь прижал меня к плечу. У него не было слов. Я знаю, что, если бы меня обидели, избили, напали, – он бился бы за меня с любым врагом до конца. Он не задумываясь отдал бы свою жизнь, лишь бы я был счастлив, но...

– Луна, милорд, любит вас...

– Я знаю.

Кастратка взглянула на него томным от страсти взглядом, решив, пока я в апатии, воспользоваться более рослым мужчиной.

– Мой рыцарь, гордый и
Красивый, исполни просьбу
Той несчастной, в беду попавшей

Безвозвратно, невинной жертвы
Колдовства. Убеждена, твоя
Супруга пойдет с улыбкой
Нам навстречу, тебе позволив
Поцелуем разрушить силу
Черной Тьмы!

– Чего это я ему позволю?! – опомнилась Лия. – На что она тут намекает, Жан?

– Но... я... и... ни в одном глазу... дорогая!

– Ты с ней знаком? Давно? Вы встречаетесь? Переписываетесь? До меня или за моей спиной? А лорд Скиминок об этом знает? И молчит?! А?!

– Не упрекай возвышенного мужа.
Он создан для иной, высокой
Цели, а ты, мой рыцарь, посмотри сюда.
Оставь на время друга.
Верный слову, ты вновь к нему
Вернешься чуть позднее...
Поверь мне
И спаси меня вначале...
Дай мне ладонь, услышь
Биенье сердца, рвущегося
К свету, свободе и...

– Святая Желуария! Да ведь она совсем голая... Жан! Похабник! Куда руку протянул?!
Где тут моя сковородка?

Дело грозило осложниться двумя глобальными ссорами вместо одной. Но в тот миг, когда кастратка, пользуясь тем, что Лия полезла в сумку, быстренько возлегла у ног остолбеневшего Жана, из темноты раздался свист, и двузубые вилы пригвоздили поэтическое исчадие ада к земле!

– Я получил вашу записку, господин полковник, – отсалютовал бакенбардистый поручик. – Эти кастратки совсем обнаглели. Забудьте, что они женщины, бейте сразу, иначе любого уболтают! Со мной мобильный отряд. Тринадцать боевых чертей вновь готовы драться под знаменами тринадцатого ландграфа. Приказывайте, милорд!

Глава 3

Ночь горбатого козла

*...его травили, как дикого зверя.
Его друзья томилась в тисках жестокого века.
Рукоять Меча Без Имени не остывала ни на мгновение.
А Тающий Город, появившийся в небесах, обрушил гром и молнии
на голову тринадцатого ландграфа...*

Хроники Локхайма

– Каковы планы военной кампании?

– Все просто, поручик. Мы должны выдвинуться к так называемой Лысой горе, попасть на проводимый там Шабаш, найти принцессу Ольгу, выкрасть ее, а потом ухитриться сбежать.

– Вы хотите сказать, что мы должны испортить Великий Шабаш на Лысой горе в ночь Горбатого Козла?! – едва не взвыл Брумель, косясь на меня вытаращенными глазами. По моему, у него даже пяточок побледнел. – Это невозможно! Даже Люцифер является лишь управляющим на этом празднике нечистой силы. Поймите нас – ни один черт не сможет пойти против Шабаша. Не то чтобы не захочет, а именно не сможет! Мы ведь тоже нечисть, у нас другая структура крови. Если мы будем драться за вас – Высшая сила Горбатого Козла просто спалит нас на месте! От бедных чертей не останется и горсти пепла...

– Серьезно? – недоверчиво переспросил Бульдозер.

– Абсолютно! Прецеденты уже имели место...

Мы болтали в классической мужской компании – на троих. Лия и Луна спали. Труп кастратки черти унесли. До рассвета было не так далеко, а поскольку события сегодняшней ночи здорово потрепали нам нервы, то уснуть мы не смогли. Брумель уложил на отдых своих и присоединился к нам. Сначала он рассказал мне, как успел удрать из города суккубов, как хромым добрался до входа во Тьму, пробрался внутрь и, найдя по секретным знакам мятежный отряд толстого Дембея, завербовал себе небольшую бригаду. Срочным, быстрым маршем двинулся нам на помощь, уже не рассчитывая хоть кого-то спасти. Впрочем, по его словам, он собирался хотя бы отомстить за нашу гибель. Вместо этого ему радостно вручили записку и пояснили, где нас искать. Такое впечатление, что о наших планах знает весь городок, хорошо, если не сообщают каждому встречному-поперечному о дислокации лорда Скиминока сотоварищи...

– Ладно, поручик. Обещаю, что не буду сталкивать вас лбами. Если сумеете, организуйте группу прикрытия. С остальным мы справимся сами. Расскажите-ка лучше поподробнее все, что знаете об этом супершоу на Лысой горе.

– Это большой праздник, милорд. Вся элита нечистой силы собирается в традиционно выбранную ночь полнолуния на Великий Шабаш. Помните Ристайльскую битву? Так вот там соберется столько же народу. Будут показывать свое искусство лучшие ведьмы, хвастать злодейскими делами лучшие колдуны, плясать под звездами лучшие демоны, потом – посвящение в разные ранги, саны и титулы, Люцифер должен выбрать первейших и отметить их памятными подарками. Чуть позже ритуальное жертвоприношение Горбатому Козлу,

обычно это красивая девственница – христианка из благородной семьи. Все заканчивается танцами, гульбой, оргиями и повальной пьянкой. Мы с парнями бывали на подобных вечеринках. Пройти можем совершенно спокойно, но если вы затеете драку...

– Стоп! Вы хотите сказать, что можете провести и нас?

– Конечно. Девушки легко замаскируются под начинающих ведьм, а из вас мы просто сделаем бодреньких вампиров. Зубы мы вам деревянные вырежем, но уж зверские выражения лиц придется соорудить самим. Костюмчики... придумаем что-нибудь...

Все последующие сутки мой оруженосец был занят экипировкой и подготовкой ролей. В принципе, я вампиров раньше видел, загримироваться под них вполне возможно. Вот разве что глаза... Обычно они у них красные. Но черти раздобыли какие-то травы, растерли, выдавили сок, и после пары капель белки моих глаз приняли ярко-алый цвет. Немного щипало, но ради дела можно и потерпеть. С брыкающимся Бульдозером проделали ту же процедуру. Лию переодели в невероятные лохмотья, наверняка работка Брумеля, ограбили ближайшее огородное пугало. Наша белобрысая ворчунья, скрипя зубами, вышла из кустиков в предраннейшей безрукавке, кое-как держащейся хлипкой шнуровкой на груди, и длинной тряпке вокруг бедер. Так называемая юбка была вольно-художественно разорвана на длинные, не очень широкие полосы, так открывающие ноги, что при каждом шаге Лия краснела до ушей. Знающий тонкости костюма поручик довершил ее имидж, перехватив вздыбленные волосы ремешком посередине лба и увешав несчастную кучей самопальных амулетов в виде птичьих черепов, сухих лягушачьих лап, мертвых пауков и прочей дряни, охотно предоставленной чертями. Луна отвела меня в сторону и прямо заявила, что выглядеть такой дурой она не согласна ни за что!

– Но, любимая...

– Нет! Пожалуйста, выслушай меня. И главное, обещай, что не будешь кричать!

– Не буду.

– Обещаешь не кричать?

– Обещаю.

– Я пойду в костюме кастратки.

– А-а-а-а!.. – завопил я.

– Ты обещал не кричать. – Она прикрыла ладошкой весь поток плохо управляемого возмущения по поводу ее будущего внешнего вида. Да чтоб я позволил моей любимой женщине разгуливать в таком виде?!

– Во-первых, большинство присутствующих на Шабаше ведьм будут обнаженными. Во-вторых, если ты не забыл, по окончании будут оргии! Это значит, что мной или Лией может запросто заинтересоваться любой любвеобильный мерзавец. А вот если я буду в костюме кастратки... Ни у кого не возникнет желания даже прикоснуться ко мне.

– Но... ты не умеешь говорить стихами, – мрачно буркнул я, придавленный тяжестью ее неоспоримых аргументов.

– Я буду очень стараться, – легко рассмеялась она. – Да и вряд ли кто-то захочет долго со мной разговаривать.

В сущности, фигурка у нее явно ничем не хуже, чем у любой из этих тварей. Приставать действительно никто не рискнет. Да и разговаривать с кастраткой особенно не о чем... история, видать, у них одна на всех – обманули – заколдовали, поцелуешь – расколдуешь, спасибо, свободен. И все-таки что-то очень меня задевало...

– Не знаю... конечно, ты во многом права, но... Тебе ведь придется ходить там почти

полностью обнаженной. Это будут видеть и Брумель, и Бульдозер, и... кто угодно!

– Любимый... Не ревнуй без повода. И никогда не сомневайся во мне. Ни-ко-гда!

– Ты полагаешь, что это будет удобно при таком скоплении народа? – в последний раз попытался протестовать я.

– Как мало ты обо мне знаешь... В юности я на спор прошла совершенно раздетой через всю рыночную площадь. Ты думаешь, хоть кто-нибудь возмутился?

Куда только не забрасывали меня шальные капризы беззаботного бога авантюр. До чего же бывало весело, до чего страшно, но скучно не было никогда! Правда, первое приключение более всего напоминало шумную студенческую комедию, второе – бодрый боевик с обильными спецэффектами, а уж то, что творится сейчас, – явную мыльную мелодраму. Что случилось с моею жизнью? До чего меня довело беганье по измерениям? Я ведь почти готов бросить свой мир, Россию, Астрахань, дом, законную жену, родителей и остаться здесь. Если Иван будет не очень рваться к маме, то и его оставить. Луна примет нас обоих... Интересно, а смогу ли я жить такой семейной жизнью с бывшей наемной убийцей, беглой монахиней, выигрывавшей в молодости оригинальные споры... В настоящий момент это дивное создание мирно посапывало, уткнувшись мне носом в грудь. Теплая, трогательная и очень родная. Мы вкушали полуденный сон, черти несли вахту и вроде даже успели приколоть какого-то мелкозубастого мерзавца, кравшегося к Линой ноге, прикрываясь букетом диких ромашек. Места знаменательные, смею вас уверить... Тут держи ухо остро или не заметишь, как его откусили. Вечером пойдем на дело. Как именно будем действовать – ума не приложу! Старею, наверно... Строю планы, ищу оправданный риск, надеюсь обойтись без кровопролития, мирным путем, без лишних потерь. Что за черт! Да я вообще никого не хочу терять! Мне, наоборот, очень нравится, когда все мои друзья целы и здоровы. Пока им везет, хотя честно должен признать, что наши прогулки «оздоровительными» никак не назовешь...

– Все готовы?

– Все, господин полковник!

– Милорд, вы обещаете, что никому не будете рассказывать, каким чучелом я провела целую ночь?

– Лия, запахни клювик, шмара беспросветная! На серьезное дело чикиляем. Одного гопстопа на три вышки потянет, а ты все о шмотках... Не заводи корефанов на фуфеле, и так нервы не казенные! – строго оборвал супругу Жан.

Молодец парень. Девочка просто потеряла дар речи от такого отпора на ее излюбленном жаргоне. Луна стояла молча и глядела мне в глаза с таинственной улыбкой. На ней был длинный до пят плащ убитой кастратки, туго зашнурованный на шее. Но как она умудрялась выглядеть соблазнительной даже в нем?.. Все искоса бросали на наемницу восхищенные взгляды. Бульдозер изображал рыцаря-вампира в латах, а мне пришлось вывернуть рубашку наизнанку, закатать рукава и джинсы, кроссовки оплести кленовой корой, замаскировав под лапти. Еще нам обоим воткнули вырезанные из березы подобия вставных челюстей с большими клыками. Говорить мы могли, но медленно, потому что при быстром разговоре начинали шепелявить. Ну и ладно, нам не доклад с трибуны читать – сойдет...

Луна спрятала под плащом на спине два ножа, Жан сменил булаву на хороший посох, более подходящий на оглоблю, Лия подвесила к поясу сковороду, а черти и так могли пойти на Шабаш с традиционными вилами. Меч Без Имени – оружие светлых сил и слишком бросается в глаза. Я потратил немало времени, перевязывая его тряпками, ремешками и

веточками, пока он приобрел вид неумело сделанного костыля. Главное теперь – не забывать прихрамывать... До Лысой горы мы добрались достаточно быстро, хотя и пешком, лошадей пришлось стреножить. Впереди шел Брумель с двумя подручными, следом, отставая шагов на десять, Лия и Луна, потом опять черти. Слева мы с Жаном, а оставшиеся рогатые «бесцельно» шлялись вокруг, обеспечивая незаметную, но надежную защиту. Мимо шныряли такие же ужасики, проходили толпы разнообразной нечисти, а в небе то и дело пролетали расфуфыренные ведьмы. Причем на метлах были далеко не все. Кое-кто предпочитал ступу или ухват, черного барана или козла. Но круче всех оказалась хохочущая молодка в сногшибательном декольте, планировавшая на малой высоте, восседая на тощем монахе. Возможно, я ударяюсь в излишнюю описательность – простите, мне было так интересно... Пока на нас обращали внимание не больше, чем на всех. Признаков панического страха у моей команды не наблюдалось. Это в первое время нечисть их могла ошеломить, а сейчас даже трусливый рыцарь так закален, что может чмокнуть ходячий скелет в лобик, прежде чем разнести ему башку.

Быстро опускалась темнота. Вершина горы представляла собой обширную площадь, словно кто-то срезал верхушку пасхального кулича. Везде горели костры, туда-сюда мотались разношерстные толпы, что-то пили, кого-то ели, на чем-то плясали. Народ веселился в соответствии с собственными привычками и пристрастиями. Я чувствовал себя Штирлицем на новогодней елке в гестапо. Посередине высился каменный столб, на нем восседал Горбатый Козел из грубого гранита. Очень похоже на знакомый монумент из Ада. Этот был еще реалистичнее. Причем производил такое отвратное впечатление, что хотелось плевать. Мы покрутились, поогляделись и решили фланировать поближе к статуе. Там, по словам Брумеля, должен был объявиться Люцифер. Лия быстро вошла во вкус и даже приплясывала, что-то распевая в компании ведьм помоложе. Жан лишь мрачнел, сжимая кулаки, когда на его супругу заглядывались разные подонки.

– Если захочешь дать кому-нибудь в нос, то постарайся не нарваться на колдуна, – на всякий случай предостерег я. – А то еще ненароком превратит тебя в кролика...

– Если только встанет после моего удара! – сухо отозвался Бульдозер, не сводя глаз с кокетствующей Лии.

Мне было проще – от Луны буквально шарахались! Она разгуливала по Шабашу с высоко поднятой головой, разглядывая мужские особи с десятифунтовым презрением отпетой феминистки. Мы встретили еще двух кастраток, они даже не поздоровались – жесткая конкуренция? Возможно. Черти всегда крутились неподалеку, опекая нас ненавязчивым вниманием.

– Пойдем со мной, красавчик!

– Вы это... мне? – не сразу сообразил я.

– Тебе, тебе! – шумно расхохоталась толстая безобразная старуха, утягивая меня за рукав. – На вид ты еще молодой да крепкий – ублажи страстную женщину... Только уговор – не кусаться!

– А... у... тык... мык...

– А в остальном делай со мной, что хочешь! – игриво подмигнула она, а меня едва не стошнило от перспективы. Бабусе было явно за триста, жирные массы дрябло перекатывались под грязным балахоном, во рту едва насчитывалась пара кривых пеньков, бывших некогда зубами, прическа напоминала воронье гнездо, а свиные глазки заплыли гноем. На массивной груди колыхался кулон в виде скарабея, излучающий явную магическую

ауру.

– Ну... не при всех же?! – осипшим голосом пискнул я.

– Почему? Открой глаза, котик, все этим занимаются!

Действительно, вокруг, не утруждаясь приличиями, увлеченно блудодействовало немало пар, троиц и даже пятерок. Я почувствовал сильное головокружение, пошатнулся и... едва не взвыл от сильной оплеухи! Сзади разъяренной фурией стояла Луна.

– Ты получше ничего не мог найти?!

– Эй, эй! Подруга, не надо портить такого свеженького мужика. Я первая его нашла, значит, он...

Бац! Вторую оплеуху словила бабка. Черти хмыкнули и не стали лезть не в свое дело. Наемница еще раз пнула ругающуюся старуху в зад, потом цапнула меня за воротник и потащила подальше. Через пару минут я попытался заговорить:

– Спасибо, любимая! Ты меня здорово выручила, только не стоит так уж входить в роль...

– Что?! – яростно зашипела она.

– Да пусти же меня, наконец! Ты переигрываешь. Знаешь, как больно было?

– Мало тебе! Стоит на минутку отвернуться, как ты уже строишь глазки очередной уродине. Я буду закатывать тебе такие скандалы...

– Солнце мое! – почему-то невероятно легко вспыхнул я. – Давай отложим разборки до лучших времен. Хотя бы до «после свадьбы»?

– Нет, ты мне сейчас ответишь... – Она вновь занесла руку, но я ловко развернул ее и от души приложил своей ладонью куда надо. Шлепок получился звучный! Луна только взвизгнула, а громopodobный голос возвестил на весь Шабаш:

– Его Величество Владыка Ада – Люцифер!

Вокруг восторженно загомонили, запрыгали, захлопали в ладоши. На нашу короткую драку никто не обратил внимания, здесь это не в диковинку. Народ ломанулся к скульптуре. Мы тоже, одарив друг друга напоследок горящими взглядами. Колени сидящего Козла являли собой подобие трона, на котором и разместился облаченный в длинную мантию из леопардовой шкуры наш старый знакомец. Странное впечатление – будто не мы от него бегаем, а он от нас. С такой вот завидной регулярностью мы везде находим Владыку Ада. Я осторожно поманил Жана, но он был слишком занят отклеиванием от воодушевленной супруги трех длинноволосых типов с короткими рожками и острыми ушами. Пришлось протолкаться и помочь...

– В чем дело, пацаны? Чего не поделили?

– Милор... ой! Извиняюсь. Мальчики приглашают меня послушать музыку вон в тех кустах неподалеку, а этот ревнивый баран почему-то...

– Потому, что ты сдурела, вертихвостка! – оборвал я, отвечивая Лие подзатыльник. – Не забывай, где находишься! Быстро возьми супруга под руку и не отцепляйся ни на минуту. Встаньте за ребятами Брумеля, а там ждите моих приказаний.

– Но... Что вы себе позволяете?! – хором возмутились длинноволосые, подпрыгивая, как петушки, от перевозбуждения и негодования. – Здесь Великий Шабаш! У нас все можно! Мы не позволим вам запретить «свободную любовь»...

– А ну, валите отсюда, хиппи недоделанные! Я ведь долго гавкать не буду – развернусь и перекусаю всех, на фиг!

– Оставьте мне хоть одного! – взмолился ободрившийся Бульдозер. Трех желающих как ветром сдуло. Выгода принадлежности к племени достопамятного Дракулы была несомненной.

Меж тем Люцифер поднял руку, и все притихли. О да... Владыка Ада умел управлять толпой. Должен честно признать, что выглядел он очень достойно, красиво и величественно. Его голос разливался над всем Шабашем без всяких усилителей:

– Я приветствую силы Тьмы, собравшиеся на Лысой горе, чтобы отпраздновать ночь нашего прародителя – Горбатого Козла. Сегодня мы принесем ему великую жертву. Кровь самой известной девственницы-христианки смочит его губы. И сегодня я наконец покажу всему миру будущих владык Соединенного королевства!

Ответом послужили бурные овации. Значит, все-таки Жигало не солгал – принцесса Ольга должна быть здесь. Мы стали незаметно проталкиваться поближе. Брумель, встав за моим плечом, честно предупредил:

– Мы не сможем вас защитить, если начнется драка...

– Попробуйте спровоцировать панику, поручик, – попросил я.

– Это реально.

Люцифер встал, воздев руки к небесам, грянул салют, темноту осветили взлетевшие столбы искр, и... над Лысой горой завис Локхайм! Мы чуть не рухнули всей командой... Потрясение было настолько велико, что лично я минут пять протираю глаза, не в состоянии произнести ни слова. Тающий Город, чистая легенда средневековья, вместилище мудрости, добра и справедливости подчинился малейшему жесту Владыки Ада! Творилось что-то ненормальное, силы Света и Тьмы подменяли друг друга. Такого просто не могло быть! Либо это не Локхайм, либо Танитриэль больше не королева... Но в таком случае кто же там заправляет?!

– Отдайте Горбатому Козлу его жертву! – взревел Люцифер, и весь Шабаш взвыл от восторга. Мы переглянулись и тоже немножко покричали. К позолоченным перильцам Тающего Города, прихрамывая, вышла знакомая мужская фигура. Высокий рост, тусклые соломенные волосы, черная повязка на глазу.

– Принц Раюмсдаль! – неожиданно громко опознала Лия. На нее зашикали.

Боже ты мой, эта гадина все-таки жива... Клянусь, что наша следующая встреча будет для него последней. Гордый сын Ризенкампа торжественно махнул рукой, и закованные в латы охранники вывели королеву Танитриэль. Ее Величество была одета в облегающее красное платье с длинным шлейфом, волосы распущены по плечам, а руки связаны за спиной. Она двигалась медленно, как сомнамбула, с невидящим взглядом и плотно сжатыми губами.

– Что будем делать, милорд?

– Не знаю, Жан.

– Они ее чем-то накачали... – продвинулась Луна. – Есть соки растений, отнимающие волю.

– Галлюциногены и наркотики, – кивнул я. – Честно говоря, если бы не видел все своими глазами, ни за что бы не поверил, что Танитриэль преподносят как девственницу! Она же была замужем. Да и меня окручивала, как очень опытная женщина.

– Ну-ка, расскажи поподробнее...

– Потом, любимая, сейчас у меня другие заботы.

– Как ее спасти?! Ну, естественно, что же может быть важнее...

– Взгляните, милорд! – отвлек меня Жан. – Он шевельнулся!

Пресвятые угодники, Горбатый Козел оживал! Гранитная скульптура мягко повернула голову, искоса оглядев толпу. Вой восторга усилился! Люцифер прыгнул с колен монумента и принял от стражников одурманенную Танитриэль. В правой руке Владыки Ада матово блеснул каменный нож...

– Выведите детей!

Жан, Лия и Луна втроем вцепились в меня, а я, как безумный, бросился к Локхайму: у перил двое здоровяков держали на руках маленькую светловолосую девочку и худощавого мальчика лет пяти.

– Иван! – завопил я, но в общем крике на это никто не обратил внимания. Как он туда попал? Что произошло с Вероникой? Почему мой сын не в замке Повара? Орать можно было долго. Горбатый Козел встал во весь рост и развернулся мохнатым задом к Люциферу. Тот запечатлел на нем чавкающий поцелуй – от омерзения я пришел в себя. Владыка Ада поднял нож...

– Великий Горбатый Козел, прими от нас в жертву кровь девственницы-христианки королевского рода. Мы приносим ее в жертву на глазах будущих властителей Срединного королевства. Придет их час – и они поделят мир, а пока пусть жертвенная кровь свяжет их с силами Тьмы навечно...

В небе над головой Люцифера мелькнуло темное пятно, и в Локхайм вцепилась сияющая шаровая молния! Все опешили! Уж слишком невероятным казалось происходящее. Черноволосая девчонка на бешеной метле в одиночку яростно атаковала тающий Город. Детей быстро увели внутрь.

– Вероника...

Юная ведьма рассердилась не на шутку – шаровые молнии сыпались водопадом! На пораженный такой наглостью Шабаш обрушился яростный боевой град. Обстановка вполне созрела для паники. Я уже был готов под шумок стащить Танитриэль, как Горбатый Козел повернул голову и дунул – Веронику снесло неизвестно куда. Что было потом – сам я не помню. Мне рассказали друзья. Будто бы Люцифер вновь взял королеву за волосы, будто бы Жан, бросившись наперерез, схватил его за руку, будто бы меня затрясло, я обозвал всех фашистами и, прыгнув вперед, со злобным хохотом всадил замаскированный Меч Без Имени в ягодицу Горбатого Козла!

– Любимый, ты жив?

– Не знаю...

– Милый мой, родной, единственный! Не умирай, пожалуйста. Я не могу без тебя. Я просто с ума схожу! Говорю невесть что, ругаюсь с тобой... Я никогда такой не была. У меня голова раскалывается, я болею... Как только подумаю, что тебе надо возвращаться... я же убить тебя готова, собственными руками!

– Не надо... я и так не очень... живой.

Глаза открылись с трудом. Я лежал в кустах на чьей-то шкуре, головой на коленях у Луны, Меч Без Имени под рукой. Рассвело. Скопив глаза, я увидел Лию и Жана, потрепанных, грязных, но целых. Они похрапывали в обнимку рядышком с тихо сопящей Танитриэль. За кустами виднелись стройные фигуры наших бессменных часовых. Да, загоняли мы чертей... им ведь тоже отдых нужен. Интересно, что произошло? Как мы сюда попали и почему все живы? По крайней мере, на первый взгляд – все...

– Луна?

– Да, солнце мое. Прости меня, глупую... Я даже видеть не могу, как ты общаешься с другими женщинами. У меня что-то в груди обрывается и в мозгу перемикает. Я бы их всех вот... измордовала! Любимый, я, наверно, серьезно больна. Ты сводишь меня к доктору?

– К Матвейчу?

– Дурак... Он же лечит только животных.

– Умная, поцелуй меня, пожалуйста, и расскажи, что произошло, пока я не умер!

– Я не дам тебе умереть! – пылко ответила она, чмокнув меня в нос. – Когда Бульдозер сцепился с Люцифером, все от неожиданности растерялись. Наверно, у них не принято, чтоб какие-то вампиры бросались на Владыку Ада. Ну, в общем, все смотрели на их борьбу. А ты, пользуясь общим замешательством, так страшно захохотал!.. Любимый, не делай так больше... у меня волосы поседеют... И как вонзил Меч Без Имени прямо в задницу этому мерзкому Козлу! Половина участников Шабаша просто с копыт свалилась от ужаса. Люцифер бросил душиТЬ Жана и завопил: «Спасайтесь!» Все побежали, началась паника. Горбатый Козел взвыл дурным голосом и начал бегать по Лысой горе как ошпаренный, топча всех подряд. Тебя сбили с ног, Лия с мужем потащили королеву, а я пыталась прикрыть тебя от обезумевшей нечисти. Поручик Брумель сумел собрать своих ребят, и они вынесли тебя. Мы все успели удрать с горы, не дожидаясь, пока Горбатый Козел все там порушит. Потом что-то сильно взорвалось... Любимый, ты разогнал Великий Шабаш – я горжусь тобой!

– Спасибо... – В глубине души мне почему-то казалось, что я не очень заслуживаю всех этих восторгов. – А где Локхайм?

– Улетел. Рванул в поднебесье сразу же, как началась заварушка. По-моему, Козел все-таки задел его рогом...

– Там дети...

– Да. Я тоже их видела. Твой сын и принцесса. Не переживай, мы обязательно найдем их.

– Так что же, этот монументальный козлик теперь так и бегает по лесу?

– Нет. Он превратился в камень с первыми лучами солнца. Боги Тьмы не выносят света, но вокруг бродят толпы нечисти, и, когда они поймут, кто истинный виновник испорченного праздника... – Луна задумчиво провела большим пальцем по шее. – Давай я тебя спрячу?

– Куда?

Охая, я приподнялся и сел. Все тело болело. Интересно, сколько чечеточников на мне сплясало, пока Брумель унес мою светлость в безопасное место? Судя по всему, немало. Неужели ничего не сломано? Не верю. Голова все еще кружится, наверняка сотрясение мозга. Не надо язвить! Я сам знаю, что, будь у меня в башке мозги, а не опилки, я бы ни за что не стал злить гранитного парнокопытного. Конечно, если она спрячет меня под мышку, то меня там долго не найдут, но это вряд ли... Я крупный. Голова боли-и-ит! Даже обычная мыслительная деятельность заставляет саднить виски так, словно вместо башки у меня заржавленная мясорубка, а кто-то вредный всю крутит ручку, вставив ее мне в ухо. Садисты...

– Да, любимая... Спрячь меня ото всех. Давай заберем Ивана и поселимся втроем где-нибудь в деревеньке под Ристайлом, разведем кур, посадим огурцы и будем торговать в столице гвоздичками на Восьмое марта...

– Что?! – Луна округлила глаза.

– А ты будешь варить мне айвовое варенье, отвечать на телефонные звонки и читать

детям Андерсена перед сном... Ты ведь родишь мне девочку? Назовем Василисой...

Наемница положила мне ладонь на лоб:

– Зачем ты так? Чем я тебя обидела...

– Прости. Просто устал, нервное истощение, спазмы головные – тьфу! Я люблю тебя...

Наш недолгий поцелуй прервал поручик Брумель, явившийся с докладом.

– Прикажете просто подать факты или высказать мое личное отношение к тому, во что мы вляпались?

– Давай факты.

В чем конкретно мы сидим по горло, я и без него знаю. Доводилось попадать в паршивые положения, но настолько...

– Слушаюсь. Итак, наш древний прародитель Горбатый Козел не привык, чтобы его кололи мечами, пардон, в задницу! Обычно ее целуют. Это традиционный обряд посвящения, признательности, уважения и подтверждения принадлежности к темному клану. Получив такой укол в это место, Козел пришел в бешенство! Особенно это усугубилось тем фактом, что он не видел, кто именно это сделал. Вы ведь его поразили не в лицо, а в...

– Сам знаю! – вяло огрызнулся я. – Опустите лишние детали, что было потом?

– Разгневанный бог повел себя, как обычная взбесившаяся скотина, начал прыгать, бить копытами, бодаться, топтать всех подряд! Он бушевал до самого утра. Никто и не дерзнул попытаться его успокоить. Все попрятались. Площадка для Шабаша на Лысой горе приведена в полную непригодность. Переломано все, что только можно. Местность заражена надолго... Там ведь варили снадобья в котлах, готовили показательные заклинания, использовали амулеты, порошки, зелья – и все это, брошенное под копыта Горбатого Козла, дало такую гремучую смесь!.. Взрыв был ужасен! По сравнению с ним развал Башни Трупов – просто хлопок пробки от шипучего вина. Я еще удивляюсь, как самого козлиного бога не разорвало! Впрочем, опалило его изрядно, иначе он не буйствовал бы до рассвета. А теперь лучи солнца загнали его в камень на целый год, до следующего Шабаша. Но есть опасение, что он за такой короткий срок может не простить обиды и все припомнить по возвращении. Ох, и достанется же тем, кто вновь вызовет его на церемонию жертвоприношения...

– Не вдавайтесь в лирику, поручик. Речь идет только о нашем положении.

– Виноват, господин полковник. По моим скромным подсчетам, на вчерашнем Шабаше погибло около трети присутствовавших. Кто затоптан, кто убит в панике, кто нашел смерть под раздвоенными копытами. Половина оставшихся, перепугавшись, бежит по домам не оглядываясь. Вторая половина зализывает раны и готовит месть, пока еще не зная кому. Люцифер успел спастись. Когда он сумеет объяснить нечисти, что же произошло, начнется самая страшная охота за буйной головой тринадцатого ландграфа!

– Не слишком мрачно? – буркнул я.

– Нет. Фактически я даже пересмотрю свой отряд, если означенная сумма будет перехлестывать пределы моей фантазии. Не хочу вводить ребят в искушение. Хоть мы и черти, но ничто человеческое нам не чуждо.

– Что творится в мире прямо сейчас, на данный момент?

– Фронтальная тишина. Все ждут.

– Будите Лию и Жана. Через десять минут мы уходим огородами. Мебель не брать, только оружие, зубную щетку и пару сменных носков. Мы начнем партизанскую войну. Я вас всех научу поезда под откосы пускать...

Мне некуда было бежать. Шутки кончились, я срочно должен догнать Локхайм и вернуть себе сына. В первую очередь. Все прочее – потом. Что-то здорово не укладывалось в моей голове. Я чувствовал себя... ну, если не на грани отчаяния, то как-то очень близко к агрессивному сумасшествию. Нельзя так изводить человека... Война есть война. Ну, ты дал в зубы, тебе въехали в ухо, стукнулись и разошлись. Помнится, Ризенкампф в этом плане всегда имел совесть (он был поистине великим, в отличие от его сына, который хочет таким казаться). Он гонялся только за мной, всех прочих если и задевало, то рикошетом. Исключение составляет разве что разбомбленное Тихое Пристанище. Хотя и там не все однозначно – ведьмы-людоедки тоже отнюдь не безгрешны. А, ладно, дело прошлое, возможно, за давностью лет я несколько идеализирую бывшего врага. Просто кажется, что все в то время было полегче. Хандрю... Поймите меня правильно – сначала украли Ивана, потом дочь у друга, потом война, Ад, освобождение Брумеля, город суккубов, проблемы с Луной, снова похищение сына, да еще и Локхайм под властью Раюмсдаля. Вот Танитриэль проспится, мы у нее все и спросим. Ведь не дура же она, в конце концов! Ну как можно умудриться сдать Тающий Город придурковатому сыну Ризенкампфа. Тактик он хреновый, стратег – никакой, воин – липовый. Не понимаю... Надо ведь было распахнуть ворота, убрать гвардию и долго зазывать его внутрь.

Я подозвал бакенбардистого поручика, отдал приказ найти наших лошадей, а также раздобыть еще, чтобы превратить нашу смешанную банду в конный отряд. В теперешнем положении можно было рассчитывать лишь на исключительную маневренность. Мы слишком глубоко завязли на Темной стороне. Когда были разрушены Зубы и Раюмсдаль лишился возможности засеять наследника, я решил, что заговор задушен еще в зародыше. Кто же мог подумать, что появится на свет Люцифер и ему в голову взбредет не выращивать нового Ризенкампфа, а украсть для этой цели уже пятилетнего мальчика, да в придачу моего собственного сына. Дьявольский план! Истинно дьявольский – иначе не назовешь... Греет одно – Ивану не угрожает опасность. Они с него пылинки сдувать будут. Характер у него рыцарский, думаю, о маленькой Ольге он позаботится. Держитесь, дети, папа уже идет...

– Господин ландграф, королева встала. Она хочет поговорить с вами наедине.

– Почему не при всех? – не понял я, доложивший черт также недоуменно пожал плечами. У этих королев все не как у людей. Луна еще спала, ее дыхание было ровным и спокойным. Лия и Бульдозер тоже пока похрапывали, вроде бы причин не пойти нет. Танитриэль ждала меня шагах в десяти за деревьями. Наверно, я действительно долго отсутствовал и совсем отвык от общения с венценосными особами... Стоило мне подойти, как она, резко обернувшись, повисла у меня на шее, заливаясь счастливыми слезами.

– Вы вернулись, мой лорд... Вы вернулись... – Какое-то время от нее нельзя было добиться других слов. Создавалось впечатление, что все пошло по второму кругу.

– Вернулся я, да... но ненадолго. Дел полно, Ваше Величество.

– Как, разве вы не поможете мне?!

– Господи, да разумеется помогу! Зачем же я, по-вашему... – Вот это было сказано зря! Боюсь, она поняла меня так, как ей того очень хотелось. Я не успел даже договорить, как королева Локхайма запечатала мои губы долгим поцелуем. Что скажешь? Это она хорошо умела. Поцелуй Танитриэль запоминался навеки. Интересно, чему ее еще учили в их королевской школе? Чувствуя начинающееся головокружение, я исхитрился-таки оторвать ее от себя.

– Что с Локхаймом?

– Я так скучала... – Ее голова легла мне на грудь. Нужно как-то вежливо и деликатно отодвинуть девушку в сторону. Еще увидит кто и ошибочно решит, что мы обнимаемся...

– Простите меня, Ваше Величество, но давайте отложим трогательную встречу старых друзей на более светлые времена. Вы появляетесь как жертва для Горбатого Козла на Великом Шабаше, в Ристайле вас уже несколько месяцев, как потеряли. Страна благоденствует, рыцари жиреют, женщины рожают крепких малышей, и никто не чувствует нависающей мощи подкопившей силу Тьмы. Я уже давно веду неравный бой с Владыкой Ада, а никто ни о чем даже не подозревает. Вы в курсе того, что у Плимутрока похищена внучка? Нет? Ну вот, а это единственное, что хоть как-то заставило всех пошевелиться. Идет война! Вы еще не поняли?

– Не кричите на меня, ландграф. – В глазах Танитриэль вновь заблестели слезы. – Я ничего не понимаю... все произошло так неожиданно. Они что-то со мной сделали...

– Кто они?

– Не знаю.

– Очень мило. Тогда, может быть, вы в курсе, как Раюмсдаль сумел захватить Тающий Город?

– Не знаю! Я ничего не знаю! Может, меня околдовали? Может быть, я спала? Может быть, и сейчас мне все это снится? Поцелуйте меня, лорд Скиминок...

– Давайте я лучше вас ущипну.

– Ой! Вы с ума сошли, больно же!

– Зато теперь вы знаете, что не спите.

Мне нужна была правда, а не телячьи нежности. Я слишком хорошо знаю Танитриэль, она не глупа и занимает трон Локхайма не только по праву рождения. Это действительно королева крови. Что же могло произойти такого сверхневероятного, чтобы так ее запутать?

– Вот и ладушки. Ваше Величество, а теперь давайте неторопливо вспоминать о самых последних событиях вашей бурной жизни. Начинайте.

– Я не знаю... право, все это так смутно. Может быть, сначала вы расскажете, как мы встретились.

– Будь по-вашему. Эй! Только не надо садиться ко мне на колени. Сядьте напротив и смотрите мне в глаза. Не перебивайте, может, что и вспомните. Итак, я попал в вашу милую страну с помощью богини Катариады Базиливмейской из-за того, что был украден мой сын Иван. Это сделали черти по приказу Владыки Ада Люцифера с целью воспитать из ребенка нового Ризенкампа. Вскоре была похищена и дочь Злобыни – принцесса Ольга. Из нее собирались сделать жену бронзового Кришны и духовный символ Соединенного королевства. Мы вчетвером отправились их спасать. Драки и мордобои расписывать не буду, все как всегда, пока нам везет. Суть в том, что мы отбили Ивана и отправили его в тыл, в замок сэра Чарльза Ли. Но на Великом Шабаше неожиданно вылез Локхайм, а на его борту принц Раюмсдаль продемонстрировал нечисти сразу и Ольгу, и Ивана. Потом вывели вас, окуренную, как последнюю наркоманку. В это время Вероника в одиночку бросилась атаковать Тающий Город. Горбатый Козел дунул и зафугачил ее куда подальше. Мы сумели вас отбить, спрятались здесь, вы спали часов двенадцать. Вот, собственно, все, что я могу рассказать. Теперь вы.

– Боже мой! – с широко раскрытыми глазами всплеснула руками Танитриэль. – Неужели все это было? Ужасно, просто ужасно... Но я ведь ничего не могу рассказать! Меня пригласил в гости Матвейч из Вошнахауза. Я с шестью охранниками зашла к нему в дом.

Пока маг одевался, слуги подали нам вино. Больше мне нечего вспоминать... Может быть, я просто уснула в духоте? А когда проснулась – увидела, как вы разговариваете с чертями...

– Лорд Скиминок! – Бледная Лия буквально втиснулась между мной и королевой.

– Что ты себе позволяешь, девчонка?! – вспыхнула красная Танитриэль. Она не любит, когда ей мешают, но Лию уже занесло...

– Можете меня казнить, милорд, только выслушайте сначала! Вернулась разведка с лошадьми, они говорят, что там за холмом собираются сжечь Веронику!

– По коням! – Я опрометью бросился вперед. Шестеро чертей держали в поводу небольшой табунок оседланных лошадей. – Лия, Жан и шестеро добровольцев – за мной. Остальные остаются здесь, если обнаружат – деритесь, мы скоро.

Наш маленький отряд, забыв обо всем, бросился на выручку юной ведьме. Вероника, девочка моя, держись, – я тебя не брошу! Если ты чего и напутала, если мой сын вместо замка Повара попал в Локхайм, пусть... Ты честно бросилась в погоню, не побоялась ринуться в бой на могучего врага при самом Великом Шабаше. Такая отчаянная храбрость не свойственна больше никому. Мы не дадим тебе пропасть! Резвые кони бешеным галопом вынесли нас к небольшому холму, окруженному возбужденной толпой нечисти. На вершине высился деревянный столб с прикрученной к нему цепями маленькой девичьей фигуркой. Мое сердце защемило от повторяемости событий. Так ли уж давно длинноносную девчонку с черными волосами вели на казнь одурманенные крестьяне? Кто же знал, что она и вправду ведьма, но я ни на мгновение не жалел, что спас ее тогда. Меч Без Имени разогревался, приятно горяча бедро. Однако прохладно сегодня... хотя в Срединном королевстве вообще уже осень.

– Прикажете нападать, милорд? – Жан вытащил из седельной петли боевой топор.

– Нас мало, но мы в тельняшках! – грозно поддержала Лия. – Я им за Вероничку все волосья повыдергиваю и рога поотшибаю...

Черти искоса глянули на нее, но промолчали.

– Я никого не хочу обидеть, – тут же поправилась она. – Тысяча извинений, господа, нервы...

– Значит, так. Там даже на первый взгляд народу эдак душ сто. Вон двое великанов, еще тролли, и наверняка есть ведьмы. Даже при использовании фактора внезапности есть реальная опасность превратиться в одуванчики и никого не спасти.

– Но мы ведь заgrimированы, нас примут за своих.

– Нет, Жан. Может, это и прокатит до того момента, как мы станем отвязывать Веронику. А потом нам втемяшат вслед парочку заклинаний – и всем хана.

– Но, милорд, – поддержала мужа Лия, – давайте хотя бы попробуем. Вдруг вы ошибаетесь и там нет ни одной настоящей ведьмы?

– Не будь наивной, крошка. Да разве Вероника позволила бы себя казнить, если бы силу ее магии не сдерживали другие, более опытные? То, что мы одеты под нечисть, наоборот... Стоп! Точно! А ну, быстро всем привести себя в порядочный вид! Вопросы потом!

Я отправил чертей в толпу нечисти, дав четкие указания по дальнейшим действиям. Они заулыбались и тронули лошадей. Дольше всех собиралась Лия. То ей еще ванну принять, то у нее прическа не та, то костюмчик в под сумках не глаженный... спустя пару минут мы с Бульдозером просто осатанели – Веронику уже обкладывали хворостом. Мы развернули скакунов, дали шпоры и, размахивая оружием, пустились вскачь. Меч Без Имени звенел в

воздухе, а его веселая сила наполняла шумным восторгом мои жилы. Какой-то тощий яйцеголовый с желтыми клыками толкал бурную речь, размахивая горящим факелом. Нечисть беззаконная ревом и воплями бурно выражала поддержку агитатору.

– Эта бесстыжая тварь пыталась испортить наш праздник! Она посмела направить свои глупые молнии против самого Горбатого Козла! Что творит современная молодежь? Это же верх неприличия и хамства. Сограждане! Давайте же сегодня спалим на медленном огне всего одну сумасшедшую маньячку и спасем тысячи невинных душ наших детей от ее тлетворного влияния! Именно из-за таких неформалок уровень благосостояния неуклонно падает, авторитет ничего не стоит, а разложение общества все явственней и жестче. Мир рушится! Традиции не уважаются! Конец света близок, как никогда! И кто виной всему этому?! Она!!! Грязная любовница ненавистного ландграфа! Скиминок... – Оратор стоял на возвышении и увидел меня первым. Его глаза едва не вылезли из орбит, а мое имя стало заедать, как заезженная грампластинка: – Скиминок... Скиминок... Скиминок...

Все недоуменно примолкли. Потом обернулись. Помолчали мгновенье и как грянули всей мощью хора Пятницкого:

– Скимино-о-о-ок!!!

Толпа сыпанула в разные стороны. Об организованной обороне не было и речи, впрочем, как и о неорганизованной. Мы ни на миг не замедлили бешеного аллюра своих коней, но нечисть увертывалась из-под копыт с завидной ловкостью. Вероника лишь сумрачно глянула на меня, когда я разрубал ее цепи. Потом легко прыгнула мне за спину, показала всем язык, и мы бросились вперед. Заметьте, никого не тронув, не побив, не обидев. Мы направились в ближайший лесок и, скрывшись там, некоторое время понаблюдали произведенный эффект. Толпа собралась вновь, хотя уже и не такая густая.

После недолгих переговоров шесть наших чертей откомандировались за нами в «погоню». Объединившись, мы общей командой направились в прежнее месторасположение для того, чтобы забрать Луну, Танитриэль, Брумеля и прочих. По дороге черти, хохоча, рассказывали, как...

– Нет, вы только представьте, милорд, они все дрожат от страха, как зяблики, но спорят до хрипоты – кому же вас ловить?! Каждый убежден, что самый достойный именно он. Трусы, лопухи, дурачье деревенское! Тамошних ведьм только и хватило, чтоб закрыть заклинания вашей подружки. Народ галдит, шумит, волнуется! Ну, мы, как вы и советовали, тут же предлагаем себя на роль соискателей, а поскольку больше никто не выставил команду, то победа, естественно, за нами. Нас провожали с почетом и благословением. Дескать, ландграфа можете отдать Люциферу, но девчонку, пожалуйста, верните – мы ее толком не дожгли. Хохма, одним словом! Помахали им ручкой, дали шпоры, подняли пыль и, хихикая, двинулись за вашей четверкой.

– Форменное безобразие, милорд, – деланно возмутилась Лия. – Черт-те что происходит! Тут столько нечисти, все нехорошие и страсть как жаждут сжечь нашу маленькую Веронику, а мы... Мы даже никого не пнули! У меня просто в голове не укладывается – мне и обругать-то никого не позволили! В следующий раз, прежде чем начинать очередную миротворческую миссию, разрешите нам всем нацепить на спину белые крылышки. Да и тапочки такого же цвета не испортят общего впечатления...

– Отстань... – отмахнулся я. Что-то было не так. Вероника сидела за моей спиной по-прежнему молча, напряженная, как высоковольтная линия, и не спешила поддержать компанию. Кончилось тем, что, подумав, я приказал чертям гнать вперед, а сам, спешившись,

дал указание устроить срочный военный совет. Бульдозер пожал плечами, сполз с коня и расстелил на траве свой плащ. Мы вчетвером сели в кружок. Лия примолкла, поняв своим скудным умишком, что шутки следует отложить на послезавтра. Вероника тяжело вздохнула, прямо посмотрела мне в глаза:

– Это я во всем виновата, милорд...

– Вы доверили мне сына... а я... я его не уберегла... Вы совершили ошибку, вновь спасая меня от костра, – мне это нужно! Я не смогу жить с такой болью в груди... Вы все в меня верили... Нет, не перебивайте, пожалуйста! Я должна сама все рассказать. Все, все, до самого конца. Мы с маленьким ландграфом полетели в замок Повара. Сначала все было хорошо. У вас замечательный мальчик, милорд! Он столько всего знает... Мы ночевали на холме, ужин на этот раз я наколдовала по собственным рецептам. Ему понравилось, вот только к вину, даже самому легкому, вы его не приучили, а с компотом пришлось повозиться. Потом я уложила его спать, а сама осталась на страже. Я прогнала двух кастраток! Они подкрадывались с разных сторон одновременно, этих тварей интересовал даже невинный ребенок. Ненавижу!.. Я склеила им обеим волосы в одну массу нос к носу. Наверно, они до сих пор так и топчутся, ругаясь неприличными словами. Наутро мы отправились дальше... В землях Голубых Гиен в нас стреляли. Я поднялась выше, и ни одна стрела не долетела даже до кончика метлы. Вы знаете, что мне предложил ваш сын на следующем привале? Он сказал, что видел в кино, как рокеры украшают свои мотоциклы черепами быков. Это грозно и красиво! Я долго пыталась понять, что такое «кино», «рокеры», «мотоциклы», но уловила главное – мы насадили на древко метлы великолепный белый череп с зубами и крутыми рогами. Я немного поколдовала – и в пустых глазницах стал гореть зеленый свет. Очень эффектно, милорд! Такой метлы ни у кого нет. А потом... я не заметила, как уснула, я же совсем не спала в прошлую ночь. Проснулась уже утром поздно, а он... Господи, лорд Скиминок, – он сидел на пенечке с Лииным кинжалом в руках и... охранял меня! Я так плакала... Обо мне никто, никогда так трогательно не заботился. Мы позавтракали, сели на метлу, малыш заснул сразу же, как взлетели. В небе на меня попытался напасть орел и даже успел оцарапать плечо. Тогда я обиделась и превратила его в курицу. Он, кувыркаясь, рухнул вниз с такими удивленными глазами... К вечеру мы прибыли в замок сэра Чарльза Ли. Вы не представляете, как он был рад! Повар закатил пир, затискал Ивана в объятьях, тут же подарил ему огромный меч, боевого коня, двух борзых псов, золотой кулон на шею и велел сию минуту переодеть ребенка, как должно сыну тринадцатого ландграфа. На пиру Иван сидел рядом с ним, по уши довольный подарками, разнаряженный не хуже принца, а два взрослых сына Повара тут же объявили себя его старшими братьями. По-моему, даже вас встречали с меньшим восторгом... Мальчику там понравилось. На следующий вечер простились, и я отправилась к вам. Все было хорошо, милорд... Слишком хорошо, чтобы это продлилось долго. Я несколько часов пролетала над горами в поисках дракона Кролика, он бы вам сейчас пригодился, но никого не нашла. А через ночь, вечером, в небе проплыло темное пятно... Я думала, у меня галлюцинации. Это был Локхайм – Тающий Город, но вдоль перил расхаживали грязные наемники, а на смотровой башне стоял – Раюмсдаль! Я долго терла глаза и щипала себя за ухо. Видение не исчезало. У меня защемило сердце. Я бросилась назад к замку сэра Чарльза. Я никогда не летала с такой сумасшедшей скоростью... Лорд Скиминок, замка вашего друга больше нет! Там стоят только дымные развалины. Я нашла людей, их уцелело не много, руководил младший сын Повара. В ту ночь, когда я простилась с

Иваном, буквально через три-четыре часа, на безмятежный замок Ли обрушились разрывные молнии Локхайма! Говорят, что это было страшно... Не знаю... Но я видела то, что осталось... Это – страшно! Из развалин выносили изуродованные трупы, там были женщины, старики, дети... Все изломано, порвано, разбито! Я не видела, что произошло с Тихим Пристанищем, когда на него обрушились летающие демоны Ризенкампа, меня здорово ушибло. А тут... я бегала по развалинам, воя, как побитая собака, и искала вашего сына. Его нигде не было, милорд! Наконец двое воинов отвели меня на большую поляну, недалеко от замка. Там произошел бой. Сначала я даже не поняла, что за холм подо мной... Люди с факелами растаскивали трупы. Кто-то застонал. Это старший сын сэра Чарльза, он был так страшно изранен, что его приняли за мертвого. Сам хозяин замка, без доспехов, в одной рубашке, лежал почти погребенный под навалившимися на него телами. Битва была неравной и отчаянной. Вашего друга больше нет. Он погиб как герой, как рыцарь, как мужчина... За его смерть было заплачено почти тридцатью наемниками! Когда его сын смог говорить, он сбивчиво рассказал, что на замок напали сверху. Молнии разносили каменную кладку, а лучники Локхайма выкашивали сонных людей. Они с отцом схватили Ивана и бежали через тайный ход, но их заметили. Отряд принца бросился в погоню и быстро догнал пеших беглецов. Они все трое приняли бой! Сэр Чарльз дрался как лев. Он забрал с собой много врагов. Когда вашего мальчика потащили в Тающий Город, принц дал приказ задержаться и разрушить замок до основания. Все было кончено... Я попыталась, как могла, зашептат раны старшего сына, но он очень плох. Возможно, я плакала... потом поклялась самыми страшными клятвами догнать Локхайм и отомстить! Остальное вы видели. Милорд, я виновата. Я хотела быть с вами, а если бы осталась с Иваном, то, может быть...

– Нет. Не надо. – Я обнял юную ведьму и крепко прижал к себе.

Мне было трудно говорить. Сэр Чарльз Ли погиб. Его сыновья сидят у сторевшего дома. Локхаймом правит опасный садист с маниакальными замашками. У него в плену мой сын и дочь моего друга. Я тоже чувствовал, что начинаю превращаться в зверя. Меня переполняла жажда мести, крови, убийств. Лия и Жан молчали. Вероника, тихо всхлипывая, неожиданно прорвалась, заревев в полный голос. Девочка билась в безысходной истерике. Пусть даст волю чувствам, иначе ее сердце не выдержит. Я только гладил ее по голове и ничего не говорил. Бывают минуты, когда слова просто вредны. Лишь час спустя мы вновь прыгнули в седла. Вероника по-прежнему сидела сзади меня.

– Лорд Скиминок...

– Ты все сделала правильно. Я ни в чем тебя не виню. Иногда Зло берет верх над Добром. Такое бывает, но пока мы вместе...

– Мы отомстим?

– Да!

Нас встречали с виноватыми улыбками. Танитриэль неторопливо расчесывала волосы, Брумель нервно расхаживал, отмахивая ритм хвостом. Впрочем, на первый взгляд следов сражения видно не было.

– Поручик, всем по коням. Мы отправляемся на поиски Локхайма.

– Слушаюсь, господин полковник.

– Ваше Величество, вы умеете ездить верхом?

– Не хуже вас, ландграф! – фыркнула королева. – В какую сторону мы направляемся?

– Мы подбросим вас до замка Бесса, оттуда дадите весточку в Ристайл. Злобыня вышлет

за вами эскорт. Я не хочу подвергать вашу жизнь необоснованной опасности, но обещаю вернуть Локхайм.

– Мой лорд... – Она величественным жестом протянула мне руку для поцелуя. Я чуть коснулся губами кончиков пальцев. – Вы всегда были героем. Ни одна королева не имела более верного и храброго заступника. Моя корона и честь вновь находятся в ваших руках. Делайте то, что должно, и будь что будет!

Когда наши романтические славословия закончились, все уже сидели верхами.

– Итак, мои бледнолицые братья! – Я приподнялся на стременах и толкнул короткую речь: – Томагавк войны вырыт из земли. Апачи уже в городе! Они жгут наши вигвамы, убивают наших бизонов, смеются над нашими женщинами, отбирают леденцы у наших младенцев, а нашей традиционной трубке мира предпочитают дубовый «Беломор»! Раскрасьте ваши лица, проверьте ваше оружие, вспомните боевые крики, леденящие кровь у любого хомячка, и вперед! Я поведу вас заповедными оленьими тропами, а уж в прериях они нас точно не догонят. Клянусь великим Маниту, чтоб я стал таким траппером...

– Лорд Скиминок, враги! – прервал меня какой-то крайний черт помоложе. На него зашикали.

– Дай договорить господину ландграфу! Подумаешь, враги... Что вы там говорили о триппере, милорд?

– О траппере, кретино итальяно! Хотел сказать...

– А вон и еще! И еще! Но, лорд Скиминок, нас же просто окружают...

– Брумель! Дай в рог этому паникеру.

– Слушаюсь, господин полковник!

Молодой черт после быстрой экзекуции уже не возникал, а скромненько ждал моих приказаний. Меж тем нас и впрямь хотели взять в кольцо. Слева, справа и сзади показались конные отряды вооруженной нечисти. Самым большим командовал Владыка Ада – Люцифер собственной персоной. Те, что были слева, в основном состояли из разнокалиберной нечисти, не умеющей колдовать, но недурно натасканной в махаловке. Это, как правило, гоблины и хобгоблины, большие и малые тролли, каменные горгульи, огромные летучие мыши-кровососы, вампиры с наклеенными улыбочками и мелкотравчатые демоны. Отряд справа являл собой плотоядных ящеров верхом друг на друге. Мозгов у них на копейку, а злобы да жадности – на сто рублей. Шкура дубленая, зубов в избытке и, не смотря на внешнюю массивность, чертовски маневренны. Войска Люцифера вновь были закованы в латы и шли на нас «свиньей». Вылитые крестоносцы на Чудском озере. С той лишь разницей, что у немцев плащи были белые с черными крестами, а у этих – черные с белой масонской звездой. В остальном очень похоже...

Однако настало время прекратить лирические описания противника и что-то против него сделать. Итак, тринадцать душ – команда Брумеля, да я с Жаном, да Луна с Танитриэль, да Лия с Вероникой... Все равно маловато... А делать что-то надо. Например, убежать. И побыстрее!

– За мной! Мы производим тактическое отступление!

Свободным был лишь путь впереди нас, туда мы и рванули. Кони неслись галопом, не нуждаясь ни в шпорах, ни в уговорах. Мои спутники мчались следом. На объяснения не было времени. Хотя я бы охотно поразмышлял на тему того странно-счастливого обстоятельства, что нас окружили не с четырех, а с трех сторон.

– Поручик!

– Здесь, господин полковник! – Брумель выровнял бег своего коня к моему.

– Куда мы скачем?

– Не понял... Вы же сами сказали, что это тактическое отступление?!

– Да не о том речь! Я спрашиваю, что находится в той стороне, куда мы тактически отступаем?

– Море. – Он так пожал плечами, словно удивился моему незнанию местности.

Я ухитрился мудро хмыкнуть, показывая всем, что именно в этом и состоял мой дальновидный план. На самом-то деле, как только из-за перелеска сверкнула голубая полоса необъятной водной глади, стало ясно, что мы глубоко влипли. Нас прижимали к морю. На белом песчаном пляже и должна была произойти финальная сцена. Из ближайших кустов повылазило с полсотни упырей и встретило нас, подвывая от восторга. Тот, кто планировал эту операцию, с самого начала знал, что им нас не одолеть. Минут через десять все было кончено, но на эти десять минут они нас задержали... Войска Люцифера, вопя как оголтелые, показались на горизонте. Больше некуда было бежать.

На моих глазах мои верные боевые товарищи стали спокойно прощаться друг с другом. Все понимали неизбежность схватки и принимали ее естественный финал. Но меня-то это вовсе не устраивало!

– Вероника! Бегом ко мне. Где твоя метла?

– Ее сломали. Но...

– Ты сможешь быстро сделать новую?

– Да, но из чего? – не поняла она.

– Возьми у любого черта в долг древко от трезубца и сухие водоросли, подойдет?

Пока юная ведьма возилась с изготовлением перелетного транспорта, я поманил Брумеля:

– Поручик, вы должны прорвать оборону врага и любыми средствами выйти к горной границе Темной Стороны. Там найдете замок некоего Бесса. Симпатичный альбинос с маленькими рожками и красными глазами. Передадите от меня привет. Дождетесь Веронику с королевой, примете обеих под свою охрану и дадите знать в Ристайл Злобыне. Противника для прорыва выберите сами.

– Да, но... как же вы?!

– Это приказ! – рявкнул я, хотя обычно невероятно демократичен с подчиненными.

– Слушаюсь, господин полковник! Отряд, вилы наголо! За мной! – Они умчались налево, навстречу поспевающей толпе смешанной нечисти.

– Метла готова, лорд Скиминок!

– Отлично. А теперь, ради всего святого для ведьмы, не спорь со мной! Поняла?

– Да, – испуганно отшатнулась Вероника.

– Бери на борт Ее Величество и лети в замок Бесса. Общий сбор там. Танитриэль должны забрать в столицу, а ты с Брумелем дождешься нашего возвращения. Давай, родная... Удачи тебе!

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, ландграф, – тихо пробормотала королева, садясь на новоявленную метлу позади юной ведьмы.

– Лети. Я верю в тебя, Вероника! Не подведи меня-а-а...

Войска Люцифера гремели оружием уже меньше чем в двух сотнях метров от нас.

– А что будем делать мы, милорд? – осторожно полюбопытствовала Лия.

– Умирать, – мрачно сказал Жан, а я вглядывался в небо, облака, деревья, трепетавшие на

ветру, белые барашки на море, далекие паруса, песок под ногами... Странное ощущение, когда понимаешь, что видишь все это в последний раз. Я не боялся смерти, но не хотел умирать. Тем более когда рядом такие чудесные ребята, как Лия, Жан, Луна... Я больше никогда их не...

– Луна?! Где Луна?! Что происходит?

Мои спутники потупили взгляды. Я настолько привык, что она всегда рядом, а тут... Ее же нет!

– Где Луна, я вас спрашиваю?

Больше времени на вопросы не было. В воздухе завизжали первые стрелы. Поняв, что ответ я получу уже на небесах, я поднял над головой Меч Без Имени, еще раз оглянулся вокруг, вздохнул поглубже и... Невозможно глупая мысль стукнулась в виски. Парус! Там в море – парус! Да не один.

– Разворачивайте лошадей, держитесь за гривы, объявляю культурно-массовый заплыв. Кто доберется первым, получит приз от общества друзей военно-морского флота. Вперед!

В такие минуты мои ребята повинуются без развлекательных дебатов. Под градом стрел три отчаянных всадника верхами вошли в море и поплыли в неизвестность. На берегу раздался яростный разочарованный вой. Но у наших преследователей не было ни лодок, ни плотов. Если мы не сумеем доплыть до кораблей, то геройски утонем, как котятка. «Лошади, они умеют плавать, но не хорошо, не далеко...» Студенческая песенка закрутилась у меня в голове, отнюдь не добавляя оптимизма. Мой жеребец легко рассекал волны, я не знал, сколько он может выдержать, но старался помогать, подгрребая левой рукой. Лия держалась справа, отфыркиваясь, как тюлень, и старательно бултыхая ногами. Тяжелее всех пришлось Бульдозеру. Его могучий конь, конечно, уверенно плыл вперед, но сам Жан совершенно не умел плавать и лишь служил лишним балластом, накрепко обхватив шею животного. В своих доспехах он бы утонул в две минуты. А может, и в одну... Над нами вновь засвистели стрелы. Не слишком удачно, к счастью... Ой! Граненый наконечник на излете царапнул мне шею. Три сантиметра левее – и могли бы не хоронить. Море позаботится. Рану защипало, но, говорят, морская вода содержит йод, так что не понадобится дезинфицировать. Это я почти вслух сам с собой. Так надо. Или взвою от отчаяния и страха. До кораблей оказалось гораздо дальше, чем я предполагал. Что, если мы не доплывем? Обстрел прекратился. Зачем тратить стрелы? Я знал, что Люцифер останется на берегу до тех пор, пока не будет уверен, что мы погибли. Непременно надо утонуть? Не самая почетная смерть для рыцаря, но и не самая худшая.

– Милорд! На помощь! – неожиданно тонким голосом заверещал трусливый рыцарь.

Я обернулся... Святые угодники! Из-под воды высунулись черные гибкие шеи с маленькими одноглазыми головками, но огромными клыками.

– Морская гидра! – с налету определила Лия.

Конь Жана забился в испуге, стряхивая с себя седока. Я потянулся за мечом... Уже целых восемь голодных ртов бросились на моего друга. Те, кто попытался его укусить, наверняка повредили себе зубы о доспехи, а вот те, кто взялся за коня... вода окрасилась кровью. Мы с Лией бросили своих лошадей и включились в бессмысленную битву. Финал был ясен и без того. Лия хоть как-то пыталась удержать мужа на плаву, но он был такой тяжелый... Я с грехом пополам отрубил одну голову и здорово порезал три шеи, но гидру это не остановило. Борьба с такой хищницей в полной одежде, без спасательного жилета да еще с мечом в

руках, когда она, гадина, в родной стихии, – самоубийство! Просто тогда я об этом не думал... Решив оставить нас на потом, гидра переключилась на лошадей, а мы вдвоем не давали утонуть Жану.

– Простите меня, милорд...

– Молчи, дурак! Ты что, плавки не мог взять? Аквалангист металлический...

– Лиечка... Прости меня... за все. Прощай...

– Я тебе утону! Вечно норовишь оставить меня вдовой во цвете лет!..

Привлеченные запахом крови, все морские хищники направились к цели. Я успел разглядеть острые гребни акульих плавников, еще двух гидр, что-то похожее на осьминога. Еще даже подумал, что нас троих на всех не хватит... Но в это время над нами неожиданно показалась могучая масса корабля и сверху обрушилась рыболовная сеть. Вот и все. Нас таки поймали. С чем всех и поздравляю, уж очень не хотелось тонуть.

Подобно атлантической селедке, нас троих, вповалку друг на друга, затянули в крепкую сетку и, невежливо шмякая о борт, подняли на палубу. Предвечернее солнце заливало золотом просмоленный шпангоут, скрипящие снасти и кажущиеся неестественно розовыми паруса. Жан откашливался, а Лия подпрыгивала у него на груди, выдавливая из любимого супруга последние остатки морской воды. Я механически проверил, на месте ли меч. Да, тут он, родной. Удобная вещь, между прочим: не теряется, не режет владельца, возвращается отовсюду – только позови... Я попытался встать в полный рост, со второй попытки получилось. С палубы на меня смотрели вооруженные длинными луками женщины. Все высокие, мускулистые, загорелые, очень красивые и не очень одетые – вылитые амазонки с картин Бориса Валеджо. Облепленный сетью, мокрый, как куренок, я являл собой более чем безобидное зрелище. Возможно, даже жалкое, потому что никто не отпустил тетиву. Взамен меня тихо треснули чем-то тяжелым по затылку, и мир мгновенно погас, превратившись в ночь с разноцветными искорками мелькающих конфетти. Мое тело плавно носилось меж ультрамариновых облаков, осыпалось лепестками роз с непонятным рыбным запахом. Падало, вздымалось, и это было страсть как приятно, совсем не больно и даже очень интригующе. Я попытался членораздельно сформулировать, в чем конкретно заключалась вся прелесть происходящего, но язык не поворачивался... А ну его! Лучше еще немного полетать, пока есть такая редкая возможность. Вот только воздух у них в небесах не особенно свежий. Так разит этой противной рыбой... И что-то жесткое неожиданно остро надавило на бок. Неужели какая-нибудь перелетная птичка типа страуса? Неожиданно я попал в воздушную воронку, меня затрясло, как грушу, и даже стукнуло затылком два раза. Грохочущий гром прямо в ухо заорал:

– Очнитесь, милорд... Ради всего святого, очнитесь!

Вот, ей-богу, при первом же удобном случае проведу серьезную разъяснительную беседу с этим твердолобым оруженосцем на тему: «Как приводить в чувство своего отдыхающего господина». Он же просто взбалтывает меня, как коктейль в миксере, сволочь...

– Лорд Скиминок, лорд Скиминок, спасите меня, а?

– Ж-ж-ж-а-а-а-н-н-н, прекрати меня тря-а-сти, идиот!

– Простите, милорд. Я совсем потерял голову. Мы ведь опять в плену?

– Как видишь...

– Признаться, совсем ничего не вижу.

Тут он прав. Куда бы нас ни посадили, здесь темно, как у негра в... пardon, господа!

Ничего не могу сказать в оправдание своей грубости, хотя очень хочется придумать... Итак, сидим мы где-то в темноте, скорее всего в трюме, болтанка страшная, того и гляди, стошнит, от запаха рыбы просто нечем дышать, есть хочется... Вот чего-чего, а кормить заключенных здесь всегда забывают.

– Где мы, Жан?

– В плену.

– Не умничай!

– Нас захватили морские Валькирии. Те паруса на горизонте оказались их флагманским кораблем. Они увидели нас, плывущих на лошадях, и спокойно бы дали утонуть, если бы не моя супруга.

– Бульдозер, у меня здорово болит голова, потому, будь лапушкой, не вредничай и расскажи мне все по порядку. Не опускай детали, сделай скидку на мою неосведомленность и похмельный синдром.

– Мы вроде бы давно не пили, – неуверенно фыркнул он, но его голос потеплел. – Валькирии – это такие женщины-воины, вроде амазонок. Только те скачут по степям далеко на востоке, а эти бороздят моря, собирая с купцов большую дань. Они так ловко управляют кораблем, так сильны в бою, нечувствительны к боли и полны ненависти к мужчинам в той же мере, в какой Голубые Гиены к женщинам. Валькирии не настолько безжалостны, но еще никто не слышал о счастливых, выбравшихся из их плена живыми.

– Значит, мы будем первыми. По-моему, с нами пока обращаются очень даже по-божески. Я, например, не связан.

– Я тоже.

– Вот видишь. У тебя есть оружие?

– Нет.

– Хм, и у меня меч забрали. Но это не проблема: как понадобится, позову – и он сам вернется. Стало быть, нас выловили только из-за того, что рядом бултыхалась Лия... Не будь ее, они бы и пальцем не пошевелили, любясь на то, как славно мы тонем. У этих культуристок своеобразные взгляды на женское сострадание. Тебе не кажется, что здешние феминистки малость переборщили? Впрочем, чего и ждать от вашего сумасшедшего мира... Слушай, а что они делают с мужчинами? Неужели прибегают к бессовестному насилию?

– Н... на что вы намекаете, милорд? – Голос Бульдозера съехал на фальцет.

– На то самое, мой мальчик!

– Но... мне... я женат! Мне же Лиечка голову оторвет... Милорд, милорд! Пожалуйста, поговорите с ними... Скажите им... ну, что мне... никак!

– Угу... Ты, значит, с извинениями в кусты, а я тут один за двоих отдуваться буду! Хитер бобер...

– Ми-ло-о-рд...

– Не реви! Может, все не так уж и страшно. Они, конечно, бабенки крепенькие, но, глядишь, если мы им сразу не понравимся, они подберут и просто отправят наши души в рай. Такой исход тебя больше устроит?

– Ну... это хотя бы по-рыцарски.

На том и порешили. Чего особенно рассуждать, когда все равно ничего не понятно. Выпускать нас не собираются, Лия на помощь не спешит, а ведь вряд ли ее посадили в соседнем трюме. Но на самом-то деле меня просто здорово укачало. Морская болезнь... Как же мне плохо! Тошнит, знобит, и голова кружится... Зря мы сюда поплыли. Минут через

двадцать я страстно жалел, что не принял смерть на берегу, с мечом в руке, в кольце врагов, в лучших традициях доблестного рыцарства, как говаривал мой друг незабвенный маркиз де Браз. Еще через час я, едва дыша, костерил своих папу и маму за их скоропалительную идею – произвести на свет сына. И мучается теперь этот бедолага в полной темноте, на мокрых досках, нюхая перепрелую треску... О ужас! Еще через... не помню, какое время, я пытался уговорить Жана прекратить мои муки и милосердно придушить меня, как колорадского жука. Тому, кто никогда не страдал от морской болезни, совершенно бесполезно объяснять, что это такое. Это надо пережить... А более всего раздражало то, что на безобидного Бульдозера она совершенно не действовала. Он кружил вокруг, успокаивал, уговаривал, хлопал меня по спине и всячески пытался помочь, абсолютно не зная, чем помогают в таких случаях. Однако вскоре я впал в глубокое забытие. Измученный организм сам нашел лучший выход. Мне привиделась Луна... Не знаю, сколько я спал, в темноте время тянется иначе, но когда меня разбудили...

– За нами пришли, милорд.

Так вот, я выспался, отдохнул и, несмотря на голод, чувствовал себя сильным, свежим и готовым к любым превратностям судьбы. Сверху открылся сияющий квадрат, в трюм упала веревочная лестница. Мы вздохнули и полезли наверх. Солнышко припекало, уже утро. Погода – прелесть, небо чистое, облака белые, как салфеточки, воздух умопомрачающий, так жить хочется... Нас вывели на палубу и поставили перед грозные очи капитана. Неулыбчивая дамочка лет двадцати пяти, с симпатичным личиком, огромным самурайским мечом и мускулатурой Арнольда Шварценеггера. Обычно меня не интересуют женщины ростом выше Бульдозера, но выбирать не приходится, будем иметь дело с тем, что есть.

– Доброе утро, милые девочки! Счастливы лицезреть, так сказать. Ослепительное сияние вашей неземной красоты сковывает мой язык, а то бы я не такого наговорил... Впрочем, если вы еще не завтракали и найдете пару сосисок с кетчупом для заводного ландграфа, то мы тут такую тусовку устроим – Нептун обзавидуется!

Я нарочито громко засмеялся, а Жан в поддержку спектакля пару раз подпрыгнул, хлопая в ладоши. Валькирии, окружившие нас со всех сторон, посматривали с молчаливым презрением. Обычно женщины комплименты хоть как-то воспринимают, а этим как горох об стену. Может быть, сменить тактику?

– А что, бабоньки, не посраим отечества? Не пожалеем живота своего! Сарынь на кичку! Выплывают расписные из-за острова на стрежень... Пощипаем купцов за пестрые крылышки. Шхуну на абордаж! Руби канаты, все на палубу, круши испанцев, свободные флибустьеры! Йо-хо-хо! И галлон горилки...

– Кто этот юродивый? – низко прозвучал наконец голос капитана.

– Лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени...

Из-за спины капитана вышла Лия. От морских разбойниц ее отличал лишь объем мускулатуры. А так все как у всех – короткая набедренная повязка, короткая безрукавка, едва прикрывающая грудь, широкий пояс с кривой саблей и волосы, схваченные сзади в «конский хвост». Но выглядела девочка как игрушка! Да, нас было грех не спасти ради такой милашки.

– Сестра, ты не ошиблась, это действительно он?

– Нет, Ромашка. Ты же сама видела – у него на поясе Меч Без Имени.

– Ромашка?! – невольно вырвалось у меня.

– Да, это мое имя, ландграф, – нахмурилась культуристка. – Тебя оно чем-то не устраивает?

– М-м... наверно, нет... Я не проявлю излишнего любопытства, если поинтересуюсь именами ваших боевых подруг?

– Орхидея. Сирена. Розочка. Лилия. Фиалка... – не очень охотно начали откликаться близстоящие девицы.

Я с трудом удерживался от желания переспросить. Да с такими мышцами, оружием и родом деятельности их всех надо было чохом переименовать в Телок, Львиц, Тигриц, Лосих и Экскаваторщиц! Тоже мне развели оранжерею...

– А кто второй?

– Жан? Это мой оруженосец, трусливый рыцарь по прозвищу Бульдозер.

– Наша новая сестра говорит, будто вы помогли ей бежать из плена злого Люцифера?

Я просек, что Лия скрывает факт своего замужества, и незаметно ей подмигнул.

– Именно так. Но его отряд успел загнать нас в море. Я хотел бы сказать спасибо, без вашей помощи мы бы утонули...

– Нам не нужна твоя благодарность. За то, что вы помогли женщине, я позволю вам дожить до обеда. Когда солнце взойдет к зениту, вы оба отправитесь за борт на корм акулам. «Розовая раковина» никогда не будет осквернена присутствием на ее палубе живого мужчины.

– Очень гостеприимно... – проворчал Жан, но я ткнул его локтем и попытался продолжить беседу.

– Мы не склонны утомлять вас просьбами о пощаде, но, возможно, вы что-нибудь слышали о милосердном акте последнего желания?

– Ну... говори, – подумав, кивнула капитанша.

– До обеда еще добрых часа два. Может быть, вы расскажете мне историю вашей жизни, принципы, планы и традиции вашего женского движения?

Ромашка скушала все это, не поперхнувшись. Ну какая женщина откажется по душам поговорить о себе любимой? Бульдозера отконвоировали на корму и накормили. Я, как мог, успокоил парня. В конце концов, угрозами неминуемой смерти мы оба могли бы оклеивать гостиные, обычно нам эти обещания раздают по сорок раз на день. Если бы их печатали на глянцевого бумаге с цветочками... да, на оригинальные обои мы зарабатывали. Лия демонстративно держалась в стороне, но бросала в сторону супруга жалостливые взгляды. Нет, не бросит она его, заступится...

Что же случилось с Луной? Ну, не погибла – это ясно. Сама куда-то ушла. Но почему? Ох, чует мое сердце, наговорила ей Танитриэль разных глупостей. Пора, пора раз и навсегда разобраться со всеми моими женщинами. Вот женюсь на одной, остальные враз засохнут. Осталось решить – на ком? Тьфу, что за вопрос, на Луне конечно! Ведь все наши споры, ссоры и безобразные сцены ревности только от того, что мы до сих пор не вместе. Вот обвенчает нас кардинал Калл – лучшей жены, чем у меня, ни у кого не будет.

– Так что ты хотел знать, ландграф? – Голос мускулистой Ромашки вернул меня к действительности. Мы сидели за небольшим столом в капитанской каюте, мне милостиво позволили съесть хороший кусок солонины и похлебать калорийной ухи. Пока я ел, бедная женщина елозила на койке, буквально изнемогая в страшной борьбе сама с собой. Нет, как мужчина я ее не интересовал, но как слушатель...

– Начните сначала. Кто были ваши благородные родители? А бабушка с дедушкой? А дяди и тети? А все родственники по материнской линии до семнадцатого колена начиная от Великого потопа?

– Тебе это действительно интересно? – не веря своему счастью, выдала крутая феминистка.

– Безумно! Главное, не упустите детали...

О женщины... Они могут быть сильными и умными, верными и неподкупными, смелыми и решительными. Они могут считать себя во всем превосходящими мужчин, бороться с лестью, распознавать неискренние комплименты, интуитивно чувствовать фальшь, но... Дайте понять этому антиподу в юбке, что она интересна вам не как женщина, а как личность, – все! Она – ваша! Можете из нее веревки вить. Просто позвольте красавице захлеб рассказывать о себе и направляйте поощряющими вопросами. До того, что лучше вас нет никого на свете, она созреет сама.

В обед к нам робко ткнулась коренастая толстушка с напоминанием о солнце в зените и времени кормления золотых рыбок за бортом. Но капитанша так на нее наорала, что я чуть в стену не влип от резонанса. Мы только-только закончили историю неразделенной любви троюродной бабушки к залетному легионеру, увлекающемуся коллекционированием бабочек, а тут... Нате вам, перебивают!

– Может быть, пока казнить рыцаря?

– Ни за что! Вы же знаете дворянский кодекс чести – я обязан разделить ответственность с моим подчиненным. Топите нас обоих!

– Но... я же не успела толком...

– Вот и я о том же. Все это безумно интересно! Может быть, отложим экзекуцию до заката? А то меня просто разорвет от любопытства, если я так и не узнаю, что сказал бабушке Аделаиде этот гад в парике и как она его отбрила...

Я спал как убитый. Что вы хотите, в течение всего светового дня слушать бабскую болтовню, да еще изображая все более разгорающийся интерес... Мы прерывались только на еду, ну, в туалет иногда. Я изображал Шахразаду наоборот уже четвертый день. Боже мой, сколько может понарасказывать женщина, если ее очень попросят... Вчерашний вечер закончился началом грустной повести о капитанской маме. Судя по эпилогу, бедняжке катастрофически не везло еще в утробе матери. Бабушка злоупотребляла спиртным и, будучи беременной, часто падала. Похоже, это дало заметное отклонение и на внучкину головку...

Жан начал быстро отъедаться. Лия выбилась в коки, завладела камбузом и кормила нас просто на убой, балуя всевозможными деликатесами. Купеческие суда по курсу не попадались, наше судно мирно рыскало неизвестно где, а моя морская болезнь уже на следующий день начала сдавать свои позиции. Думаю, мы бы смело проваландались с рассказами капитанши еще с месяц, но через два дня была замечена посудина, севшая нам на хвост. Ради такого дела Ромашка потащила меня на мостик, и впередсмотрящая Магнолия басом проорала о еще двух парусах на горизонте. Создавалось нехорошее впечатление, будто на «Розовую раковину» хотят напасть. Женщин это радовало. Морские Валькирии, возбужденно перемигиваясь, готовились к бою. Пользуясь общей занятостью, я отвалил на корму к Жану, туда же незаметно выбралась и Лия.

– Ну что, ребята, у нас есть шанс сбежать.

– А разве мы не будем участвовать в бое?

– Конечно нет, олух! На чьей стороне ты хочешь сражаться? Защищать этих субтильных гимназисточек из Смольного? Или бить их в спину, помогая тем трем баркасам, что летят сюда на всех парусах?

– Но... ну... нет, милорд, – замялся Жан.

– Лорд Скиминонок, неужели вы хотите, пользуясь суматохой боя, захватить чье-нибудь не очень охраняемое судно и по-тихому отвалить? – прозорливо догадалась Лия.

– В самое яблочко, малышка. Только обязательно нужно, чтобы на корабле оставался хоть кто-то из команды. Мы сами – никудышные моряки и ни за что не доберемся до берега, если его не видно. Ты, случайно, не знаешь, где мы?

– Девчонки вроде говорили, напротив Темной Стороны, но далеко в море. Я сбегая и уточню, а?

– Не надо, поздно. Сюда идут, линияй, пока тебя не заподозрили в недостойной лояльности к мужским особям.

Ни разу в жизни не участвовал я в морском сражении. Пришлось пополнить запас впечатлений. Три корабля натурально вознамерились взять нас в клещи. Благо, пушек в те темные времена еще не было, одного прямого паруса не хватало для нужного управления скоростью, а кустарный руль-весло не добавлял изящной маневренности. Так, плавающие калоши, под завязку набитые оголтелыми головорезами. Не Флинты – это точно! Сражение начиналось бездарнейше, противники явно надеялись взять нас обычным превосходством в силе. Первым на критическое расстояние к нам подошел невысокий шлюп с кроваво-красными бортами и грязным парусом, украшенным рогатой черепушкой.

– Черти, – брезгливо определила Ромашка и подняла руку вверх, давая сигнал лучницам. В ту же минуту с корабля замахали белой тряпкой. Из-за щитов высунулся длинный черт в блестящей кольчуге.

– Эй, Валькирии! Мы не хотим вашей крови. Дайте нам обыскать ваши трюмы – и мы уйдем.

– Что?! – побагровела воительница, не находя других слов на это беспросветное хамство.

– Нам нужен только ландграф! Отдайте его – и проваливайте куда хотите.

– Значит, вам нужен лорд Скиминонок?! – бешено взревела Ромашка, хватая меня за шиворот и демонстративно встряхивая. – А если я сейчас брошу вам на палубу его голову?

Меня аж перекосило, но парламентар, подумав, сообщил:

– Это даже лучше. Не исключено, что мы скажем вам «спасибо».

Вместо ответа Ромашка отпустила мой воротник, и туча стрел, сорвавшись с «Розовой раковины», прямо-таки слизнула половину команды нападающих.

– Но... почему вы нас не выдали?

– Я никогда ничего не отдам мужчине добровольно! Вы – наша добыча, и они не получат вас ни живым, ни мертвым. Пусть попробуют взять силой хоть щепку с моего корабля!

– Тогда верните нам оружие! – взмолился я. – Мы тоже будем сражаться.

– За что? – прищурилась капитанша.

– За феминизм! – твердо решил я.

– Эй, там! Отдайте меч ландграфу и топор его оруженосцу!

В тот же миг корабли стукнулись борт о борт. В воздух взлетели абордажные крюки, черти рогатой бандой бросились на абордаж – их с почетом приняли на копья и вилы. Дав еще один залп, лучницы рассредоточились по корме и носу. Остальные, издав «ведьмин

крик», принялись крошить ошарашенных чертей в салат «оливье» без майонеза. Мы с Бульдозером тоже от всей души приложили ладошки к правому делу. Если Люцифер наивно рассчитывал взять нас силами одного корабля, то он крепко просчитался. Второй корабль ударил «Розовую раковину» в другой борт, но был встречен лобовыми залпами притаившихся лучниц. В рот – пароход! Это уже не черти. Длинные волосы, дикая косметика, яркая бижутерия и пестрые юбки с разрезами... Батюшки-светы, Голубые Гиены собственной персоной! Сто лет не виделись, братцы-извращенцы. Валькирии обернулись к ним с удесятеренной яростью: Голубые Гиены являли собой злобную пародию на женщин, и они это чувствовали. Третий корабль был уже на подходе, когда мы вспомнили о первоначальных планах.

– Бульдозер! Поймай супругу и двигай за мной. Здесь справятся и без нас. – Я прыгнул на борт первого корабля и начал обрубать абордажные крюки. Из-под крышки трюма высунулись три перепуганных пяточка.

– Что вы делаете, милорд?

– Да так, знаете ли, рублю канаты...

– А зачем?

У них еще хватало мозгов задавать идиотские вопросы. Боже, и таких недоумков берут во флот?!

– Вот что, матросня, через десять минут эти мускулистые девочки навсегда покончат с неосторожными морпехами из Голубых Гиен. Тогда они вспомнят про вас и в горячке боя вряд ли проявят сострадание к уцелевшим рогоносцам. Вы, конечно, как хотите, но лично я намерен удрать, пока тут не слишком пахнет керосином...

Черти быстренько посоветовались и шепотом доложили:

– Мы с вами, ландграф. Покорнейше просим принять командование кораблем. Клянемся, что, пока не доберемся до суши, будем честно соблюдать равноправное перемирие.

– Уговорили, – важно кивнул я. На палубу спрыгнул Бульдозер, державший в охапке вырывающуюся Лию. Она размахивала сабелькой и возмущенно орала:

– Пусти, дурак! Я сейчас пойду и еще раз врежу промеж глаз этому кудрявому недоноску с бантиком...

– Все в сборе? – Я занес Меч Без Имени над последним связующим канатом. – Полный ход! Отдать швартовы...

Трое чертей оказались хорошими мореманами. Мы отвалили так тихо и незаметно, что любо-дорого посмотреть. Валькирии уже успели разделаться с экипажем первого корабля Голубых Гиен и сейчас брали на абордаж второй. Им дела хватало, но на всякий случай я швырнул два горящих факела на судно противника. Теперь Гиены вынужденно боролись не только с женщинами, но и с пожаром. А в целом все получилось крайне успешно... Ну, если не считать разгневанной Ромашки, грозившей нам кулаком с носа «Розовой раковины». Мы тоже помахали на прощанье.

– Милорд, взгляните, на горизонте три паруса! – подбежал взволнованный Жан. Он уже избавился от доспехов, завязал рану на лбу синей тряпкой и с отросшей щетиной здорово походил на морского волка.

– Где? Ага... интересно, кто бы это мог быть?

– Если позволите сказать, господин ландграф, – поклонился рулевой черт, – сюда идут три гребные галеры. Судя по форме паруса и носовым украшениям, это корабли Валькирий.

– О нет! Мы должны успеть добраться до берега. Раскочегаривайте вашу лохань, или я начну с отшибания рогов, а закончу откусыванием хвостов с кисточками!

– Ветер в нашу сторону. Не сомневайтесь, к вечеру мы будем на суше.

К вечеру проклятый ветер изменился. Мы рыскали в темноте, пока я не принял волевое решение – спустить парус и отдаться на волю волн. Черти оказались простыми матросами, штурман и капитан были зарублены в бою. Ребята ловко лазили по мачте, тянули канаты, драили палубу, даже держали руль, но имели весьма поверхностное представление о том, где же все-таки берег и как туда попасть, если ветер сменил курс. В общем, наверно, стоит подождать утра, а при ясном солнышке определиться будет не в пример легче. Мы спустились вниз, заняли каюту капитана. Лия пошуровала тут-там, накрыла на стол, а потом уже, сытые и ленивые, мы включились в обсуждение событий. Но сначала я задал самый важный вопрос:

– Что случилось с Луной?

– Лия знает. Ей Брумель рассказал, – вздохнул Жан.

– Тут такое дело, милорд... Я даже не знаю, с чего начать... Кто прав, кто виноват?.. Вы бы женились на ней, что ли, лорд Скиминок!

– Сам знаю. Вот верну сына, тогда и женюсь. Почему она сейчас-то убежала?

– Она ушла. Поручик сказал, будто она все видела через кусты.

– Что видела? – покраснел я.

– Ну, это... Вас и ее... королеву в смысле. Вы ведь целовались там, за ручку ее держали, на колени усаживали...

– Ты все врешь, мартышка!!!

– Я вру? Да мне Брумель так сказал, а ему она. Если мне передали искаженную информацию, так это не моя вина. Я ведь там не была. Откуда мне знать? Вот вы – были. Ну так и поправьте меня – вам виднее.

Я заткнулся. Из-за своего идиотского желания быть хорошим для всех взял и загубил собственное счастье. Ну, как теперь объяснить, что не я сажал Танитриэль на колени, а она сама садилась? Не я просил ручку для поцелуя, а она сама под нос ее сунула, пришлось... И не обнимал я ее вовсе, а успокаивал. Вот хоть сами у нее спросите... О черт! Влип так влип. Если даже мои ребята мне не верят, то уж Луна... Тем более что она все «видела» своими глазами! Было отчего впасть в апатию. Не нравится мне все это. Какая-то бесполезная суэта неизвестно вокруг чего. Вот был Ризенкампф – была проблема. А сейчас? То деремся, то нет, то мы бежим, то от нас бегут, суэта... Несерьезно все. Главного нет. Концепции не хватает. Вот у Буратино был Золотой Ключик – вокруг него все и вертелось. Смысл был, а у меня его нет. Грустно. Устал я от этой суматохи. Как верну Ивана, заберу Ольгу, помирюсь с Луной – и баста, на отдых. Рыбалка, книги, этюды, никакого рыцарства. Да, надо бы еще удрать от Люцифера, найти Локхайм, набить морду Раюмсдалю, покончить с бронзовым богом, навсегда разогнать кришнаитов, накостылять Зингельгоферу, загнать в мумию Черную Сукку, ну и... Боже, когда все это кончится?! В тихой печали я незаметно уснул...

Проснулся от ощущения полета. Прежде чем хоть что-нибудь понял, с головой рухнул в морскую воду! Из всех способов быстро будить человека этот самый убийственный. Отфыркиваясь и отплевываясь, я забултыхался, но потом встал на ноги, вода едва доходила до груди. Судя по всему, наше судно попросту врезалось в песчаный берег. Над бортом показалось заспанное лицо Бульдозера:

– Милорд, а что вы там делаете?

– Купаюсь, – огрызнулся я.

– И как водичка? – Рядом с рыцарем высунулась встрепанная белобрысая головка.

– Блеск! Парное молоко. Вылезайте, устроим заплыв на спине вдоль берега. Не хотите?

Тогда быстренько позаботиться о сухой одежде для меня и горячем завтраке для всех!

Получасом позже мы уже грелись у костра. Черти покинули судно так ловко и бесшумно, что никто ничего не заметил. Я их не виню. Кто для них лорд Скиминонок? Вор, бандит, убийца... Слово они не нарушили, берег – вот он, значит, перемирие кончилось и рогатые логично решили, что лучше сбежать, пока я не начал уничтожение ненужных свидетелей. Можно осуждать мерзавцев за то, что они меряют благородство собственной меркой?

Наш завтрак не блистал разносолами: копченое мясо, сухари, подогретое вино и один засыхающий ананас в качестве десерта.

– Как вы думаете, лорд Скиминонок, куда мы попали?

– Ума не приложу, подружка. Черти утверждали, что мы на траверсе Темной Стороны, но где, где конкретно? Я в географии не очень силен... Жан, может, ты скажешь?

– Увы, милорд, – развел руками мой оруженосец, – меня учили знанию дорог и городов Соединенного королевства. О Темной Стороне толком никто ничего не знает. Карты лишь приблизительно показывают ее площадь. Она обычно обозначается бесформенной черной массой. Наверняка там есть выходы к морю.

– Это точно, – хмыкнула Лия. – Я тут нашла одну улику.

Из прибрежных кустов начали неторопливо выходить Голубые Гиены. О майн готт... Даже на первый взгляд их было много больше сотни.

– Что за улика? – неизвестно зачем спросил я.

– Красная бусинка...

Нас не убили. Нам предложили сдаться. Может, кто другой в подобной ситуации и побрыкался бы, но мы не стали спорить. Руки не связывают, оружие не отбирают, на меня и Бульдозера посматривают с вожделением – чего же раньше времени пузыриться? Вот, правда, Лия в костюмчике «а-ля Валькирия де мор» выглядела чересчур вызывающе. Но тут я ее не виню, у девчонки и впрямь не было возможности переодеться. Нас повели вдоль берега, за первым же поворотом маленького мыса оказалась удобная гавань с четырьмя кораблями и десятком-другим лодок. Да... вот было бы забавно, если б ветер с разгону занес наше судно прямо в порт Голубых Гиен. Невдалеке за гаванью раскинулся палаточный городок или, скорее, табор. Разнообразные шатры, вигвамы и юрты тянулись до самого горизонта. Грели костры, звучала медитативно-нудноватая музыка, повсюду шныряли разнаряженные мужчины, так что в наручниках необходимости не было – куда побежишь? Нам вежливо предложили сесть на большое бревно, вокруг кольцом встали караульные с копьями наперевес.

– Ждите здесь. Серебряный Гей примет вас сразу же после завтрака.

Ладно, подождем. Спешить нам некуда. Интересно, а помнят ли здесь одного оригинального ландграфа, разогнавшего их войска лет эдак шесть назад? Может быть, провал осады замка Ли не оставил в их душах слишком горьких воспоминаний? Или они не узнают нас в лицо по прошествии такого времени? Вообще-то, как говорят, за давностью лет преступление уже не считается. Хотелось бы верить...

– Милорд, почему они смотрят на меня так неласково? У меня что, юбка слишком

длинная или вместо круглой груди две бородавки?

– Совсем наоборот, Лия. Хотя затрудняюсь сказать, какие чувства они бы испытывали, увидев тебя в пыльном балахоне из мешковины, с лицом, вымазанным сажей, и паклей вместо волос.

– Ужас! – вздрогнул Жан. – Она и вправду может так выглядеть? Почему вы мне раньше не говорили – я бы ни за что не женился!

– Хам! – мгновенно вспыхнула Лия, заноса руку для подзатыльника, но стражи так ретиво бросились на защиту мужчины, что агрессорша была вынуждена мгновенно переиграть ситуацию и сделать вид, будто бы просто хотела почесать в затылке.

– Кончилась счастливая семейная жизнь, – буркнула она, когда копыта отодвинулись подальше. – Уже и не троньте его, и не приголубьте, и не пощекочите... Хорошо вам тут, вас лелеять будут! Эх, зря я ушла от морских Валькирий. Меня же мгновенно в сестры приняли, в коки записали, даже камбуз доверили. А еще Ромашка говорила, что со временем научит лесбийской любви...

– Чему?! – ахнул я.

– Любви! Лесбийской. Я, правда, смутно представляю, что это такое, но все сестры ею живут и по уши довольны.

– Серебряный Гей ждет вас, прекрасные мужи! – тонко пропел покрашенный курьер с обилием бус вокруг бедер. – Низменное существо подождет здесь.

– Она пойдет с нами, – твердо решил я.

Мне не нравились рожи невоспитанных копыеносцев. Девчонке перережут горло ради пустой забавы, а потом объявят, что она сама это спровоцировала, первой бросилась в драку. Впрочем, с нее ведь станется, и с нами она не в большей безопасности, но так хоть умирать будем на глазах друг у друга!

– Но... это невозможно. Нельзя оскорблять взор повелителя низменной...

– Что ты сказал?! – с леденящим шипением поднялась Лия. – Один раз я стерпела, но дважды... А ну, повтори еще, и ты – труп! Я же тебя, радикала, задушу твоими же бусами.

– Все! Прекратить базар! – Я выхватил Меч Без Имени. Сияющая сталь заставила Гиен отступить на шаг. – Эта девушка наш друг. А если ваш повелитель столь щепетилен, мы завернем ее в ковер. Обещаю, что она будет молчать и не вмешиваться в мужской разговор, но здесь мы ее не оставим. Выбирайте: либо нас ведут всех троих, либо Серебряный Гей получит тридцать три мертвых тела, из которых только три будут нашими. Это говорю вам я – лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени!!!

Моя пламенная речь сделала свое дело. Как правило, извращенцы любят поболтать и ценят диктатуру сильной руки. Голубые Гиены расступились с благоговейными улыбками, тонким подмигиванием демонстрируя полную готовность на все услуги. Быстренько был доставлен роскошный восточный ковер. Лия посопела, поворчала, пофыркала, но позволила Бульдозеру себя закатать, наверняка мысленно пообещав страшно отомстить нам в недалеком будущем. Яичницу пересолит или еще что в этом роде... Трусливый рыцарь взвалил бурчащий сверток себе на плечо, и мы гордой поступью направились к шатру Серебряного Гая. Это оказалось довольно далеко, или просто город был гораздо больше, чем казался. Нас сопровождала целая толпа возбужденно перешептывающихся жителей. Счастливо визжа, бегали дети. Только мальчишки, естественно. Я так подозреваю, что гиены их попросту воруют во время набегов. Нигде ни малейшего намека на женскую заботливую руку. По всему

табору художественно-неэстетический беспорядок, как в мастерской художника – никогда не знаешь, высохла ли краска на том стуле, куда вас только что усадили... Однако довольно лирики, господа, – похоже, мы пришли.

Очень высокий и просторный шатер из дорогих узорчатых ковров ручной работы. Вокруг, как возле избушки Бабы Яги, вбитые в землю колья, а на них – выбеленные черепа с остатками длинных волос. Наверняка женские... У входа шестеро здоровенных лбов в длинных юбках с разрезами и впечатляющими копьями. Увидев нас с Жаном, они смущенно заулыбались, кивками головы предлагая нам войти внутрь.

– Старайся помалкивать, оруженосец. Все переговоры буду вести я. Ничему не удивляйся и подыгрывай мне во всем.

– А... милорд, вы... в смысле, мы... то есть нам опять придется вести себя не по-рыцарски?

– Да. Какое-то время нам придется вести себя не как рыцари, а как умные люди.

– Понял, лорд Скиминонок. Я буду очень стараться, – важно кивнул Жан.

Я откинул полог и первым шагнул в шатер. Потом чуть не выпрыгнул обратно... От увиденного хотелось плевать и материться. Прямо перед нами на огромной шкуре белого тигра возлежал гладкий холеный тип с лысой головой и неестественно бледной кожей. Он был совершенно гол, а четверо таких же голых мужиков делали ему эротический массаж, обильно поливая благовониями. Запах стоял – хоть не дыши! Мужик сладострастно извивался и постанывал от удовольствия. Бульдозер споткнулся и уронил сверток на пол. Раздались приглушенные проклятия... Серебряный Гей поднял на нас прозрачно-голубые глаза.

– Какие мужчины! Раздевайтесь, я охотно разделю с вами наши мягкие игры...

Я огляделся в поисках достойного ответа, обнаружил в углу таз с водой и одним махом надел его на голову повелителя. Ох и визгу было! Возможно, мне стоило рубануть лысого мечом, наверняка шуму меньше. Голозадые массажисты пулей дернули из шатра, а их господин, обалдев от нашей непревзойденной наглости, дважды попытался встать, но регулярно плюхался в образовавшуюся лужу.

– Эй, Жан! Дай бедолаге что-нибудь прикрыться. Ну, вот... Ты, что ли, Серебряный Гей?

– Я, – вспомнил он.

Ничего, браток, привыкай, мы не всегда утомительно вежливые, особенно среди врагов.

– Бульдозер, представь меня как следует и спроси у яйцеголового, зачем мы ему понадобились.

– Слушаюсь, милорд! Мой господин – сам лорд Скиминонок, Ревнитель и Хранитель, неоднократно Шагающий во Тьму, свирепый тринадцатый ландграф Меча Без Имени. Победитель Ризенкампа, защитник замка Ли, друг короля Плимутрока, союзник барона де Бесса, крестный брат князя Злобыни Никитича, противник бронзового Кришны и его прихлебателей, воин, отмеченный любовью королевы Танитриэль и благосклонностью богини Катариады. Дальнейшие перечисления всех титулов и подвигов милорда могут затянуться до утра. Посему предлагаю вам сократить церемонии и в вежливой форме объявить лорду Скиминоку, для чего вы его пригласили, – едва не задохнувшись, выдал мой оруженосец. Я принял самую горделивую позу с высокомернейшим выражением лица. Серебряный Гей еще не полностью пришел в себя, но быстро сообразил, кто здесь хозяин.

– А... присаживайтесь, господа. Для меня большая честь... Сам ландграф! Не смею

верить такому счастью...

...Мы присели на предложенные пуфики. Меч Без Имени я положил на колени, не убирая ладони с рукояти. Хозяин еще немного посуетился, а потом тоже присел рядышком, разглядывая грозных нас умильными глазками.

– Мои мальчики доложили мне, будто бы вы потерпели кораблекрушение?

– В некотором роде. Мы бежали от морских Валькирий, но не очень надеялись попасть именно в ваши земли.

– Валькирии?! – Его аж перекосило от злобы. – Мы сражаемся с их кораблями уже не один десяток лет! Эти низкие существа убивают наших сладких мужчин просто за то, что они – мужчины. Какая бесчеловечность!..

– Неужели? А разве вы сами не вырезаете всех женщин только потому, что они принадлежат к другому полу?

– Смилуйтесь, ландграф! – всплеснул руками повелитель. – Народная мудрость гласит: «Курица – не птица, баба – не человек». Как вы можете сравнивать? Ведь если бы не грехопадение Евы, Адам по сей день вкушал бы райскую жизнь в садах Эдема.

– Это заржавевшая софистика! – небрежно отмахнулся я. – На мой взгляд, существуют изрядные перегибы с обеих сторон, но воспринимать мир без той или иной половины было бы чересчур пресным.

– Однако вы ведь возите с собой такого могучего, сильного, красивого парня с широкой грудью, налитыми руками и круглой...

– Ап! – Я прикрыл пасть Бульдозеру прежде, чем красный рыцарь успел хоть что-нибудь вякнуть. – Спасибо, нам хорошо известны все его достоинства, и уверяю тебя, бледнолицый, что ни на кого его не променяю. Ты это хотел услышать?

– Пожалуй, да... – Гей коварно улыбнулся и демонстративно погладил свою коленку. – Но мне доложили, будто бы с вами была женщина?

– Молодая девушка.

– Морская Валькирия?!

– Вообще нет, просто в похожем тряпье. На самом деле – это мой верный паж.

– Но она все равно женщина! Мы не можем оставить ее появление безнаказанным. Это бросает тень смерти даже на таких милых мужчин, как вы... Объясните мне, зачем вы возите с собой низшее создание?!

Лия заворочалась в ковре, пытаясь выкрикнуть какой-то феминистский лозунг, но я успел прихлопнуть ее пониже спины. Она взвизгнула...

– Вот видите. В душе мы безобидные садисты. Таскаем с собой живую девушку для постоянного удовлетворения своих изменных потребностей. Мы ее бьем, щиплем, щекочем за пятки, морим голодом, кормим тараканами, поим водкой, кусаем за нос, истязаем цепями, силой чистим зубы, не пускаем гулять без поводка – в общем, измываемся, как хотим.

– О! – просиял повелитель Голубых Гиен. – Ну, так ведь это совсем другое дело. Тогда вы самые желанные гости на нашей земле. Вы позволите мне хоть одним глазком взглянуть на те мучения, которым вы так сладко подвергаете несчастную?

– М-м... не знаю, право, – замялся я. – Все-таки это очень личное. Обычно мы не позволяем посторонним наблюдать за нашими извращениями...

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Если вы так просите... Мы, возможно, что-нибудь и придумаем. Хотя посмотреть – это вред ли. Вот послушать...

Нам выделили отдельный шатер. По приказу Серебряного Гея мы считались почетными гостями. Голубые Гиены бродили вокруг, роняя слюну. После ужина был небольшой военный совет с тайным решением – бежать!

– Но куда? Куда, милорд? Я сам смотрел – на весь лагерь ни одной лошади! Пешком мы далеко не уйдем. Нас догонят, а в честном бою три клинка против трех тысяч копий – это самоубийство!

– Трус несчастный! Как меня, законную супругу, в пыльный коврик заворачивать – тут он первый молодец! А вот совершить подвиг... Спасти меня от Голубых Гиен, пока я спасаю милорда. Слабо, да?

– Ну, что вы вечно собачитесь, как сведенные?! – тихо рыкнул я. – Жан, ты прав, без лошадей мы не уйдем. Лия, ты тоже права, тебя мы не бросим и обязательно выберемся отсюда. Но должно произойти что-то... такое, чтоб всем стало не до нас.

– Ага, – хмыкнула белобрысина. – Не до нас? Да сегодня пол-лагеря во главе с Серебряным Геем слетятся в полночь к нашему шатру послушать, как вы меня мучаете! Это и называется не привлекать внимания?

– Тебе что, поорать лишний раз трудно? Главное, ночь пережить, а завтра я что-нибудь придумаю.

На том и порешили. Мы с Бульдозером завалились спать, а мрачная Лия почти до рассвета услаждала слух Голубых Гиен дикими воплями, скулежом и воем. Впрочем, мы так намотались, что спали без задних ног. Девчонка в конце концов тоже не выдержала, начала клевать носом и рухнула там, где стояла. Надеюсь, что извращенцы ушли от нашего шатра, полностью удовлетворенные. Она очень старалась...

Поздно утром нас разбудили двое посыльных. Я встал первым, Жан еще дрях, а о Лии и вопроса не было – ее еще часов шесть даже под угрозой пулемета не поднимешь.

– Серебряный Гей желает видеть лорда Скиминока. Ваш сладкий друг может подождать здесь и низменное создание тоже.

Подумав, я согласился. Кое-как умылся из лохани в углу, закрутил усы, приласкал меч и пошел.

Что мне сразу не понравилось, так это полная боевая готовность всего лагеря. Гиены слишком демонстративно делали вид, будто ничего особенного не происходит, но рукоять Меча Без Имени уже вовсю горячила ладонь. Да, не успели... а как хорошо сбежать утречком, по ветерку, на свежем воздухе... Эх, добрый мой меч, сколько славных битв мы прошли вдвоем. Сколько врагов повергли наземь, сколько нечисти сокрушили, сколько подвигов на совершали... А теперь что ж? Я не Илья Муромец, не Конан-Варвар и даже не Рембо – ветеран вьетнамской войны, чтобы замочить такую толпу народа в неравной схватке. Нас всего трое, а их несколько сотен или даже тысяч. Возможно, я и преувеличиваю, не имел возможности произвести перепись населения, но их все равно много. На этот раз повелитель Голубых Гиен ждал меня у входа в свой шатер. Выражение лица – препоганейшее! Для такого случая он даже переоделся – коротенький плащ с кружевами, банты на запястьях и лодыжках, а на лысой башке подобие серебряной короны. Шестеро громил рядом тоже сверлили меня «прокурорскими» взглядами. Я молча встал перед вождем, насупив брови. Наверно, он ожидал иного.

– Вы обманули меня, ландграф!

– Где? Когда? В чем? Ох уж мне эти голословные утверждения! Факты давайте, факты!

– А... э... вы не рассказали о вашем участии в обороне одного замка у горной границы.

– Чушь! Мой оруженосец предупреждал об этом, и если ты не потребовал уточнения деталей, то, согласишься, – это твои проблемы. После драки кулаками не машут.

– Нет, нет... давайте вернемся к тем давним временам, когда нашу непобедимую армию повернули вспять! – неожиданно обиделся Серебряный Гей. – Вас вспомнили и узнали. Если бы не вы с вашей оскорбительной для мужского достоинства манерой ведения боя, замок был бы наш. Мы ушли ошеломленные... Потрясение было настолько велико, что из-за вас мы лет пять не воевали! Подумать только...

– Между прочим, настоящие геи – за мир во всем мире! – нагло перебил я.

– Ваша вина доказана! – завизжал он, а вся толпа вокруг поддержала, размахивая оружием. – Вы будете преданы мучительной и страшной казни. То, что мы сделаем с вами, невозможно даже представить!.. Это высшая точка унижения настоящего мужчины! Хотя... может быть, я и прощу вас, если...

Он хитро замолчал, недвусмысленно кивая мне в сторону шатра. Вот гад! Почему-то в эту минуту мне совсем не было страшно. Страх пропал, словно его вырезали, как опухший аппендикс. Эх, казаки, казаки! Военные люди-и-и... Меч Без Имени взметнулся у меня над головой, с размаху нацеливаясь на серебряную корону.

– Да я сам из вас всех евнухов понаделаю! В мусульманских странах резко упадет спрос на такие услуги! Эх, налетай! Сегодня у ландграфа бесплатная раздача оплеух! Да здравствует День святого Скиминока!

Гей с удивительным проворством увернулся от моего удара. Громилы рванулись вперед, Гиены ударили всей мощью, и какое-то время я был очень занят. Меня не хотели убивать, но взять живого героя Ристайльской битвы – ох как не просто! У меня, в отличие от нападающих, комплекса пацифизма уже не было. Я крушил их в хвост и в гриву, рубил оружие, рассекал тела, дрался, как захмелевший от крови лев в Калахарской пустыне, бросаясь на все, до чего мог дотянуться. Гиены не отступили, они падали мертвыми под моими ударами, но новые соискатели вновь и вновь лезли меня пленять. Меч Без Имени выводил свою грозную песню смерти, и кровь на его холодном клинке блистала чистейшим рубином! Я не считал врагов, не просил о пощаде, не ждал помощи – и то, и другое, и третье было совершенно бесполезным. Серебряный Гей надежно укрылся за спинами своих подданных, бездарно руководя ходом сражения. По его приказу на меня стали бросать веревки. Я ринулся в самую гущу толпы, раздавая удары во все стороны. Зато накинуть на мою шею петлю стало непростой задачей. Конечно, в конце концов они меня повязали. Еще бы, при таком численном перевесе... Я упал, потому что меня схватил за ногу один недобитый извращенец. Вот сколько себя ругаю – врагов надо добивать! Короче... у меня отобрали меч и куда-то понесли. Заняться судьбой Лии и Бульдозера сразу стало недосуг...

Паразиты приволокли мою связанную светлость к какой-то полускрытой в кустах пещере. Вход был надежно забран тяжелой кованой решеткой с огромным замком. Меня прислонили к стенке под охраной двух воинов. Вскоре вторая возбужденная толпа принесла на своих плечах умотанного канатами бегемота. Я даже не сразу узнал своего оруженосца. Надеюсь, он не сдался без боя... А где же Лия? Обычно Голубые Гиены с женщинами не церемонятся. Вот ведь, черт побери, когда очень надо, никто на помощь не придет. Брумель неизвестно где, Вероника, возможно, уже в замке Бесса, князь с дружиной далеко-далече, дракона Кролика вообще в этот раз еще не видел, а богиня Кэт тоже не обязана вечно

выручать меня из всех переплетов.

Гиены поднесли нас поближе к решетке и сквозь квадратики между прутьями пустили в темноту с десяток стрел. Раздались приглушенные рычания. Сзади подошел Серебряный Гей и, высокомерно плюнув в нашу сторону, произнес короткую напутственную речь:

– Мы предлагали вам любовь. Вы предпочли войну. Пусть низменные существа унижат и растерзают вас. Они голодны. Мне жаль, если ваша смерть будет слишком быстрой, но... Это все, что я могу сделать для таких сладких, но непокорных мужчин.

Решетку быстро отодвинули, и нас впахнули внутрь. Мы стукнулись друг о друга, повалились наземь и куда-то покатались по слегка наклонному полу. Потом я врезался спиной в бульжник, да еще тяжеленный Бульдозер придавил сверху.

– А-а-а-у-у! Ребра переломаете, шкаф двустворчатый! Сейчас же слезь с меня!

– Как скажете, милорд. Я попытаюсь.

Вокруг не видно ни зги. Трусливый рыцарь заворочался, но только всем весом рухнул мне на ноги.

– О-о-у-у! Дубино, кретино, импотенто!

– Сам такой, – тихо ответил голос. Но это был не Жан, он бы себе такого не позволил. Вокруг нас сгрудились люди. Уголовники?

– Сестры, эти люди не похожи на Голубых Гиен. – Кто-то больно пнул меня в грудь.

– Эй, полегче! Конечно, мы не из этих расфуфыренных макак. Мы рыцари и требуем достойного обращения.

– Вы – мужчины. Этого вполне достаточно. Подарите им легкую смерть, сестры...

– Осади назад, дура! – не своим голосом завопил я, когда сильные пальцы коснулись моего горла. Быть умерщвленным в вонючей пещере при полной темноте со связанными руками неизвестно кем мне вовсе не улыбалось. – Что за мода такая, чуть что – сразу убивать?! Ладно бы еще за какой-то грех, но просто по половому признаку? Одни дураки убивают женщин за то, что они женщины. Другие балбески убивают мужчин за то, что они мужчины. Это же беспредел! То Гиены, то Валькирии... одно другого стоит, а куда деваться нормальным людям?!

– Остановись! Что ты знаешь о морских Валькириях? – взволнованно перебил тот же голос.

– Да уж немало. Я, знаете ли, плавал на одном из их кораблей и даже участвовал в настоящем морском бою с превосходящими силами противника. Три корабля на одну нашу «Розовую раковину»! Ох и схватка была...

– «Розовую раковину»? Он говорит, что видел «Розовую раковину»! – возбужденно зазвучали женские голоса. На слух их было не меньше десятка.

– Развяжите его.

– Вот спасибо. Только сначала, ради всего святого, сдвиньте с моих ног этого бронтозавра!

Нас развязали, подняли и повели. Куда? Лично я не мог разглядеть. Очень похоже на путешествие во Тьму, но там запахов нет, сырости тоже, да и полы не в пример гладкие. Затекшие ноги передвигались с трудом, каждый шаг отдавался в мышцах тысячей иголок. Рядом тяжело топал Бульдозер, цепко держа меня за рукав, дабы не потеряться. Ясно было одно: сейчас нас не убьют. Мы попали в плен к пленникам, или, вернее, пленницам. Гей предупреждал нас, что бросит на растерзание низшим существам. Возможно, у Голубых Гиен это и вправду считается страшной казнью. Но поверьте моему опыту – при правильно

подвешенном языке везде можно найти друга. Ну и изрядную долю банальной «госпожи удачи» тоже не стоит сбрасывать со счетов. За очередным поворотом мелькнул слабый свет. Нас вывели в просторное подземное жилище. Горел костер, на веточках жарились – тьфу! – крысы. Вокруг были разбросаны тонкие лежанки из всякого тряпья, а у огня трудились две дамы среднего возраста с накачанной мускулатурой. Я наконец смог хорошенько рассмотреть наших новых хозяев. Их оказалось целых двенадцать. Поджарые, грязные, но явные культуристки. Одного взгляда было достаточно для того, чтобы понять – перед нами настоящие морские Валькирии. Пленные, захваченные, настрадавшиеся, но не сломленные.

– Кто ты?

– Скиминонок.

– Никогда не слышала.

Мы сели у костра. Все расспросы вела седая красивая женщина лет пятидесяти. Впрочем, о возрасте можно было лишь гадать по волосам да морщинам на лице, а фигура прямо-таки поражала своей гибкостью, стройностью и скрытой пружинистой силой.

– Когда ты видел «Розовую раковину»?

– Дня два назад. Мы с ребятами крупно поцапались с Люцифером, ну и пришлось отступать морем. Жан не умеет плавать, так что от полного утопания нас спасли девчата с этого корабля. Сначала хотели скормить акулам, а потом передумали. С их капитаном, некой Ромашкой, мы даже подружились...

– Что?! – неожиданно подпрыгнув, взревела женщина. – Моя дочь подружилась с мужчиной?!

– Вы ее мама? – ахнули мы с Бульдозером.

– Да! Тысяча чертей... Значит, моя дочь ополоумела настолько, что позволила небритому ловеласу запудрить себе мозги! Ну, я ей покажу...

– Нет, нет! Не надо принимать все так близко к сердцу, – поспешил исправиться я. – Мы всего лишь разговаривали. Мне хотелось побольше узнать о нравственных, бытовых и боевых традициях морских Валькирий, а она всего лишь рассказывала мне печальные истории своей родни, насыщенные женским долготерпением и мужским диктатом.

– Это все?

– Клянусь здоровьем тети!

– Ладно. Зови меня Настурция. А теперь поведай нам, что тебе известно об этих подонках Голубых Гиенах. Если «Розовая раковина» появилась вблизи берегов, то, значит, моя дочь решила посчитаться за последние набеги и мы должны отсюда вырваться...

– Тогда прошу слова. Милые дамы, в плену у Голубых Гиен осталась наша боевая подруга. В смысле – подруга она мне, а вот ему даже жена. Я понимаю, что вы серьезные противницы брака, но это ведь не причина бросить девочку на растерзание вандалам. Мы с Бульдозером готовы взять на себя решетку. Когда выход будет свободен, сможете ли вы справиться со стражей?

– Их редко бывает больше десятка, – презрительно ухмыльнулась седая Настурция. – Мы раскатаем их на половички, но решетка сделана из хорошего железа, прутья очень толстые, и петли надежные. Если вы оба провозитесь с ней больше двух минут, они нашьпигуют вас стрелами.

– Я управлюсь в полминуты.

– Ты хвастун, ландграф!

– Иногда. – Мы с Жаном бодро вскочили на ноги. – Если не боитесь, то идите за нами, и посмотрим на месте, в чем морские Валькирии способны переплюнуть лорда Скиминока.

План был прост. Завести праведный гнев женщин на полную катушку. Вернуть себе Меч Без Имени. В три удара снести решетку. Напасть на Голубых Гиен, внести панику и суматоху, а самим, забрав Лию, тихонечко раствориться в послеобеденном мареве. Никаких долговых обязательств перед морскими бандершами я не испытывал. Моя совесть была на редкость спокойна и сговорчива. В конце концов, если бы не счастливое стечение обстоятельств и упоминание о «Розовой раковине», то нас охотно переправили бы в мир иной. Что, кстати, вполне реально. Дай только мамочке узнать, как мы смылись от дочки, и они, объединившись, хором потребуют нашей крови. Ну их всех со всеми ихними разборками! И так дел полно. Вот верну сына, тогда и стану миротворцем. Может, даже миссионером, если Луна не будет против...

К решетке, закупоривающей выход, мы подбирались по-пластунски. На дело пошли только я и Бульдозер. Валькирии, затаившись в темноте, ждали нашего сигнала. Сделав Жану знак оставаться на месте, я быстро шагнул к решетке и начал комедию:

– О добросердечные Голубые Гиены! Смилуйтесь над несчастным мужчиной... – Стражи, игравшие в бусинки неподалеку, резво подскочили, хватаясь за оружие. Но у решетки был только я, предельно грустный и безобидный. – Моего друга растерзали женщины. Не дайте мне умереть безоружным. Пожалуйста, верните мне мой меч...

– Меч? – переспросили они, неприлично хихикая.

– Да, меч. Мой меч! Меч Без Имени! – неожиданно завопил я, как бы в порыве отчаяния. Гиены захохотали в голос. Но через несколько секунд в воздухе промелькнула серебристая полоса, и я упоенно взялся за знакомую рукоять. Боже, какое это дивное оружие! Два взмаха – и петли разрезало, как автогеном. Еще удар – замок с перерубленной дужкой бухнулся наземь. Гиены рядом заткнулись, но прежде чем они подняли копья, Бульдозер подхватил тяжеленную решетку и, держа ее на вытянутых руках подобно тарану, обрушился на врага. Трех он придавил сразу. Двоих срезал я. Следом, завывая, как волчицы, бросились Валькирии – от Гиен полетели клочья... Бешено орущей толпой мы ринулись вперед, круша на своем пути все, что попадалось. Враги, не ожидавшие такого сюрприза, толпами бежали прочь. Когда я вырвался к шатру Серебряного Гея, общая суматоха уже постепенно стихала, но тут Жан узрел деревянный крест, а на нем распятую Лию! Вопль, который он испустил, заставил рухнуть на землю пол-лагеря. Никогда не видел своего оруженосца в более неуправляемой ярости. Голубые Гиены летели, как перья из растерзанной подушки. Жан схватился за крест, пытаясь вывернуть его из земли. У парня мышцы трещали от напряжения, но основной столб медленно пополз вверх... Валькирии, завладев оружием, творили вокруг кровавые разрушения. Я просто дрался, не утруждая себя трезвыми мыслями о том, что будет, когда извращенцы опомнятся. Ждать пришлось не долго. Серебряный Гей пришел в себя и организовал войска. В неравном бою погибли уже четыре женщины. Бульдозер все-таки вывернул крест и, положив его себе на плечо, отступил под мою защиту. Лично я не видел, как в гавань тихой сапой просочились пять кораблей. Это уже когда пламя подожженного флота Голубых Гиен взметнулось до небес, а отчаянные культуристки десантировались на берег, калеча каждого встречного-поперечного... Вот тогда начался настоящий ад! Валькирии рубили Гиен, Гиены – Валькирий. Мужчин было больше, но женщины дрались лучше. Одна накачанная дева стояла двадцати размалеванных папуасов, а в такой сумасшедшей резне и всех пятидесяти. Нам удалось вырваться. Мы бежали вдоль берега моря, не гадая, на чьей

стороне окажется победа. Я и без того был по уши перепачкан своей и чужой кровью. Жан выглядел не лучше. Грохот боя постепенно стихал позади.

– Эй, может, вы меня все-таки отвяжете?

Мы молча уставились друг на друга, не в силах понять, откуда раздается голос.

– Лорд Скиминок, мне, конечно, приятно, когда он носит меня на руках, но для этого необязательно таскать с собой и здоровенную крестовину. Пустите меня побегать, я ведь тут уже часа четыре висю!

– Лия... – Жан тяжело грохнул крест оземь, вызвав бурю возмущенной ругани. Девчонке невероятно повезло – Голубые Гиены действительно привязали, а не прибили ее руки и ноги. Наша тихая радость не имела границ. Мы оба крепко обняли такую родную Лию и вроде бы даже всплакнули...

– А я висю себе, висю... Все жду, когда же вы наконец меня спасете?..

Хорошо... Все живы, серьезных ранений нет, у меня – Меч Без Имени, у Жана – дубина, у Лии – обаяние. Рубашка истрепалась, на джинсах две дыры, кроссовки грязные, один шнурок порвался. Трусливый рыцарь без тяжелых лат, босиком, в коротких синих штанах и легкой кольчуге с оторванным рукавом на голое тело. Его жена в костюмчике морской разбойницы, вот разве что короткая юбка украсилась еще и разрезами, волосы растрепаны, как хвост у вороны, а все тело в синяках да кровоподтеках. Денег – ни гроша. Хлеба – ни крошки. Бродим неизвестно где, по урезу моря, белый песок, наглые чайки, сухие водоросли. Никаких надежд, планов, перспектив... Но живые ведь! Могло быть гораздо хуже. Не знаю, как ребята, а меня здорово вышиб из колеи уход Луны. Почему она не хочет понять, как мне сейчас трудно? Я в чужом мире, мой сын в плену у негодяев, у меня ничего нет, я никому не нужен, всеми обижаем, и столько врагов мечтает перегрызть мне горло... Нет, это не любовь. Настоящая любовь есть самопожертвование! Неужели настолько трудно сесть в уголок и подождать, пока все как-то само собой утрясется? Люцифер извинится и уйдет в Ад. Раюмсдаль вернет Локхайм, а потом устроится в монастырь замаливать прошлые грехи. Зингельгофер прекратит разбой, займется делом или выучится на модного портного. Бронзовый Кришна перестанет морочить народ своими внеплановыми оживаниями. Голубые Гиены, объединившись с Валькириями, организуют солидный туристский бизнес на взморье, с экзотическими шоу, танцами, купанием и яхт-клубом. Кастратки всерьез займутся литературой. Суккубы откроют казино и собственный стриптиз. Дети вернутся к родителям. Всем будет хорошо. «И человечество забудет о поцелуях без любви!» – как сказал один известный поэт. Мать Божья, что я несу...

– Какая нормальная девушка согласится столько ждать?

– Никакая, – твердо объявили Лия с Жаном. – А, собственно, о чем это вы, милорд?

– Ни о чем, – спохватился я. – Так, мысли вслух. Но... эй, что вон там такое, на пригорке? Чей-то дом?

– Скорее хижина, – подтвердил Бульдозер, взглядываясь в даль. – Сделано добротно. Пойдемте попросим воды.

– Глядишь, накормят! – подмигнула Лия.

– Тогда там и заночуем, – заключил я, и мы, исполнившись здорового энтузиазма, ускорили шаг.

...На деле желаемая крыша оказалась гораздо дальше, чем это могло показаться на первый взгляд. Пока мы влезали на треклятый холм, с нас семь потов сошло! В хижину тоже

входили, как на тропу войны, – уж очень неласковые здесь края. Жан резко распахнул дверь, а я кувыркком вкатился внутрь и замер в левосторонней стойке, держа меч двумя руками над головой.

– Святой Боже! Кто вы? – В углу почти пустой хижины перед распятием на коленях стоял пожилой человек в монашеской рясе с выбритой макушкой. Он обернулся к нам без малейшего страха на лице, скорее мы удивили его своим визитом. Я смущенно опустил меч.

– Сожалею, что прервал вашу молитву, достопочтенный отец. Мы с друзьями чудом вырвались из лап Голубых Гиен и очень хотели бы выяснить насчет дороги к Соединенному королевству. В крайнем случае, к замку альбиноса барона де Бесса. Не сообразовали ли вы сотворить такую Божескую милость, направив нас в нужную сторону?

– Перекреститесь, сын мой, – почему-то попросил он.

Взгляд старика был настолько торжественным, что я подчинился. Следом, присмирив, перекрестились мои ребята. Лия даже спряталась за Бульдозера, внезапно устыдившись своего мини-бикини. Монах утвердительно кивнул и сделал нам знак сесть. В его доме из всей мебели был только грубый очаг с еще тлеющими углями – ни стола, ни стульев, ни кровати, лишь несколько старых шкур на деревянном полу. На них мы и разместились.

– Мое имя – отец Ансельм. Простите меня за маленькую проверку, но уж очень хотелось убедиться, что лорд Скиминок не только воин, но и христианин.

– Откуда вы... – Ну что можно было сказать? Порой мне кажется, если бы я повесил себе на шею большой плакат с перечислениями всех титулов, то и тогда вряд ли бы был еще более популярен. Больше просто некуда! Скоро любая собака в мире будет называть меня по имени, не ошибаясь, даже если я надену противогаз...

– Меч Без Имени – один во всем свете. И человек, который его носит, тоже, в своем роде, единственный. Я слышал о вас столько плохого, что едва не причислил к лику святых.

– А это уже было! – вякнула Лия. – День святого Скиминока праздновался не так уж давно в Ристайле. Кардинал Калл лично утвердил его, заручившись согласием самого Папы.

– Помолчи, пожалуйста... Отец Ансельм, вы ведь живете на Темной Стороне?

– Не совсем, сын мой. Прямо на границе с землями Голубых Гиен.

– Ну, тогда понятно, что они могли обо мне понарасказать.

– Почти ничего. Я знаю лишь о их ненависти и восхищении тринадцатым ландграфом. Я слышал про вас в замке Твердь, его владелец сионский шляхтич пан Юлий.

– Так... паршивое дело.

– Вы его знали, милорд?

– Хуже, дружище. В День святого Скиминока он приперся вытаскивать из камня мой Меч Без Имени. Естественно, мы полаялись по этому поводу. Подрались. Я разогнал его прихлебателей, а самому пану кончиком меча нарисовал букву «С» на лбу. Он ругался, возмущался, потом пофыркал и ушел.

– Теперь наш господин носит золотую повязку на лбу, пряча след твоего меча, – подтвердил монах. – Если вам нужно попасть в Срединное королевство, то, увы, единственный перевал через горы охраняется замком Твердь. Что же касается земель барона Бесса, то мне знакомы и они. Я много лет бродил пилигримом по Темной Стороне. Отсюда вы доберетесь до него меньше чем за месяц.

– Но это слишком долго! – возопил Жан. – Мой лорд очень торопится. Я, конечно, понимаю, как тяжело идти пешком, но неужели нельзя как-то раздобыть лошадей?

– Все кони конфискованы для нужд военных. В замок согнано все мужское население,

способное держать оружие. Пан Юлий готовится к войне.

– С кем?

– С королем Плимутроком, разумеется... Наш господин решил, что Ристайл всерьез погряз в ереси и безнравственности. Вот если бы вы тогда добровольно отдали ему Меч...

Предложенный нам ужин был скудным и низкокалорийным. Мы уничтожили у святого человека весь запас сухого гороха, две репки и целую охапку зеленого лука. После такой трапезы можно было смело возвращаться к Голубым Гиенам, мы бы убивали их одним дыханием...

Отец Ансельм оказался одним из немногих приличных религиозных фанатиков. Обычно эта братия состоит из более или менее помешанных типов, сдвинутых на каком-то конкретном пунктике Святого Писания. Либо холодный аскетизм, либо нарочитое самобичевание, либо намеренное погрязание в грехах лишь затем, чтоб было в чем потом каяться... Кстати, настоящий фанатик-отшельник в большинстве не приносит людям больших бед, живет тихо в пустыне и пудрит только собственные мозги. А вот лица, озабоченные спасением не только себя, но и окружающих, особенно если последние этого не хотят... Вот тут-то и начинаются гражданские войны.

– Да не берите в голову, милорд. Ну, допустим, отдали бы вы грозному пану Меч Без Имени, так разве он вершил бы им хорошие дела?

– Справедливо, дочь моя. – После ужина мы развалились на полу, беседуя с отцом Ансельмом. – Я был не прав. Душой пана Юлия овладела великая гордыня, которую он в слепоте своей принимает за смирение. Он чувствует себя орудием Божьим. Верит, что Господь сподобил его решать, как кому жить, что читать, куда идти, на что смотреть, ради чего умирать. А ведь Иисус Христос ни у кого не отнимает воли. Он лишь предлагает свою помощь и защиту. Принять ее или нет – естественный выбор каждого. Здесь не может быть принуждения...

Монах замолчал. Все почему-то уставились на меня.

– Нет, братва. Я, конечно, понимаю, что дело тут серьезное, но мне сейчас некогда. У меня один Раюмсдаль столько крови выпил, столько нервов повыдергал... Не могу я пока отвлекаться на каждого оборзевшего феодала. Разберемся с Локхаймом, вернем Ивана и Ольгу, найду Луну, вот тогда...

– Тогда будет поздно, милорд, – вздохнул монах.

– Если оно вообще будет, это «тогда», – поддержали супруги. Ну вот... опять все против меня. Попривыкли совершать подвиги прямо по дороге, не уклоняясь от основного маршрута. Спорить о первостепенной задаче – бессмысленно. А уж отказывать в помощи пожилому священнику – вообще не по-рыцарски. Ребята решат, что я заболел и нуждаюсь в хорошем стационаре типа сумасшедшего дома. Это обязательное соответствие Уставу, это благородство порой так раздражает...

– Ладно, все! Не надо смотреть на меня как на контрреволюционный кулацкий элемент. Я согласен настучать в бубен вашему польско-сионскому Джугашвили и объяснить ему, что воевать негигиенично. Если поймет – хорошо, если нет – посажу в клетку и заставлю бананы жрать со страшной силой! Завтра же и начнем...

– Да здравствует лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени! – бодро проорала моя агитбригада, даже чмокнувшись от умиления.

Вот что прикажете с ними делать?! Ага... перевоспитать их, как же! Они с молоком матери всосали убежденность, что счастье рыцаря в вечном бою, нескончаемом кровопролитии и сплошных подвигах. Если я вдруг откажусь подчиняться, они начнут совершать их за меня, прикрываясь моим светлым именем. По их меркам, это более чем правильно. Раз милорд занят серенадами, то заботу о его потенциальных врагах должны взять на себя его друзья. Все! Дальше можно не брыкаться, я могу вообще отойти от дел – моей славе не дадут потускнеть.

– Отец Ансельм, будьте так добры, расскажите пообстоятельнее о вашем узурпаторе...

– Он не узурпатор, сын мой, – поправил меня отшельник. – Пан Юлий получил власть вполне законным путем – интригами, стравливанием соперников, скрытным или явным уничтожением претендентов. В искусстве лицемерия ему нет равных. Кого купить славой, кого – деньгами, кого привилегиями, кого просто запугать теми ужасами, что обязательно падут на головы сомневающимся, если он не придет к власти.

– Знакомая картинка. В моем мире разные непорядочные люди выбиваются таким образом в высокую политику.

– Ложь и подлость везде одинаковы. Зло всегда называется злом. Но должен вас предупредить, господин ландграф, замок Твердь неоднократно принимал у себя летающий город.

– Что?! Раюмсдаль здесь?! – возмутился и обрадовался я. – Ну хоть не бегать за ним по вашему континенту... Дождусь в засаде и поймаю за хвост.

– Скажите, лорд Скиминок, ну вот почему все такие плохие ребята всегда дружат друг с другом, а мы вечно деремся в одиночку?

– Таковы традиции, дорогой мой оруженосец. Кто-то решил, что герой должен быть один. Тогда и задача трудней, и подвигов больше, и слава ему одному. Хотя вроде бы он за ней не гонится... А негодяи легко консолидируются, объединяются в бандитские группировки, делят сферы влияния и спокойно терроризируют народ. Мерзавцам слава не нужна, их греют лишь материальные ценности. Большой толпой это легче получить. Вообще мир очень странно делится. Хороших много, но они разрознены и по доброте своей никому не мешают жить. Плохих мало, но они активны, целеустремленны, нахальны. Герои – единичны и, самое смешное, всерьез никому не нужны. Это лишь раздражающая прослойка, тормозящая одних, но дающая надежду другим. Вполне возможно, не будь героев, хорошие вынуждены были бы объединиться и навсегда покончить с плохими...

– Серьезный философский вопрос, – задумчиво протянул отец Ансельм. – В иное время я бы охотно подискутировал на эту тему. Но сейчас, заклинаю вас всеми святыми, скажите правду: вы попытаетесь остановить братоубийственную войну?

– Да куда мы, на фиг, денемся?! – выпалила Лия, прежде чем я успел открыть рот. – Милорд такой храбрый, такой добрый, такой самоотверженный! Мы им всем покажем! Покажем, да?!

Между прочим говоря, я согласился на эту авантюру только для того, чтобы встретиться с Раюмсдалем. Если он прилетит, конечно... Как можно бороться с начинающим фашистом в его же замке, набитом войсками, где меня так хорошо знают в лицо? Причем с помощью недовооруженного рыцаря и шумной Коломбины, сменившей пажеский камзол на тряпочки в обтяжку. Сюда бы хорошо Веронику запустить. «Баба Яга в тылу врага!» – это ее коронная роль в одноименной комедии. Увы... Юная ведьма далеко отсюда в замке Бесса охраняет

королеву Танитриэль и ждет ребят Брумеля. Опять-таки, если те сумели прорваться... Кролик? Ну, во-первых, его все равно нет, а во-вторых, был бы, так с его помощью мы, конечно, от Тверди камня на камне не оставили бы, но... Сколько неповинного народу могли бы перебить... Не пойдет. Может быть, поработать агитаторами и разложить войска изнутри? Помнится, большевики именно с этого и начинали. А что, собственно, я могу предложить им взамен? Идите, ребяташки, по домам, пащите землю, плюйте на пана и айда все в пацифисты? Да они нас на смех поднимут, а потом на дыбу или повесят. В их мире «любая власть от Бога...», и хоть расшибись ты тут. До революции народ не созрел, зелен еще. А чего я вообще гадаю? Надо все решать на месте. В конце концов, еще ни одно сражение не проходило так, как его планировали. Главное – попасть в замок, а там посмотрим...

Отец Ансельм разбудил меня рано утром. Он был одет лишь в длинную старую рубаху, а в руках держал две монашеские рясы.

– Это вам и девушке. Берите, берите, они не краденые. Та, что побольше, – моя, а вторую я шил всю ночь из остатков холста. Не думайте обо мне, я могу служить Господу в любой одежде. Ваш оруженосец вполне сойдет за наемника, ищущего работу, а вы войдете в замок, как пилигримы. Я буду молиться за вас...

– Спасибо, отец. – Глядя на этого доброго человека, я попытался скрыть выступившие слезы и пошел будить ребят. Мы всегда были легки на подъем. Монах проводил нас до леса, показал тропу, благословил каждого на прощанье.

– Идите, лорд Скиминок. Я знаю, что не могу просить об этом рыцаря, но... Ради спасения собственной души – не проливайте христианской крови!

Замок мы увидели уже через час. Хороший, крепкий, боеспособный. Я их всяких насмотрелся, разбираюсь. С первого взгляда видно, что хозяин человек военный, суровый, коварный и голыми руками его не возьмешь. А жаль... Честно говоря, близко не представляю, что же такого можно сделать с паном Юлием для умерения его аппетита. Мужик явно набивает в рот соломы больше, чем может прожевать. Я мог бы разобраться с ним в честном поединке, но отшельник просил не проливать крови. Почему я иду на поводу у чувств, а не разума? Сколько раз себе говорил – с этими людьми нельзя по-хорошему! Эх... в результате вечно влипаю в новую историю.

Лия была неотразима. Впрочем, как и всегда. Она в любом наряде умудряется выглядеть привлекательной, и монашеская ряса ничуть не испортила стройности ее фигурки. На всякий случай мы решили слегка испачкать ей мордашку сажеей, костюмчик забрызгать грязью, а под мышку дать костыль. Пусть уж лучше хромает, чем какому-нибудь ретивому служаке из замковой стражи взбредет в башку рассмотреть поближе столь миловидного монаха. Я в рясе – это тоже зрелище. Меч Без Имени спрятан под широким подолом, висит в кольце на поясе прямо спереди. Ну, передвинь его на бок или на зад, слишком заметно – рукоять выпирает. То есть она и спереди выпирает тоже, но это хоть как-то можно оправдать чисто физиологическими причинами. Ну, вы меня понимаете... Такой нормальный среднестатистический монах, худой, небритый – все как только... немного перевозбужденный! Буду всем объяснять, что это у меня от длительного воздержания, и ссылаться на обет, данный святой Капитолине. Жану проще всех – он обмотал ноги тряпками, выломал в лесу дубину и по общеобтрепанному виду вполне походил на безработного наемника. Хотя Лия утверждала, что больше на побродяжку, но мы ее не слушали. В замок входили по очереди. Я имею в виду, что там у входа была пропускная система и нам пришлось выстоять не меньше часа, прежде чем очередь дошла до нас.

Бульдозера пустили без проволочек – видно, даже такие завшивевшие наемники здесь в цене. К нам двоим, как всегда, прицепились с дурацкими вопросами.

– Кто вы?

– Я – Наполеон Бонапарт, а это мой младший друг, первый бас Мариинского театра – Федор Шаляпин.

– Вы – монахи! – сурово отмел мои шутки шибко умный сержант. Сам видит, и сам спрашивает...

– Истинно, сын мой. Монахи мы.

– Зачем идете в замок?

– Мы слышали, у вас скоро война?

– Да, – радостно осклабился страж.

– Ну вот, должен же вас хоть кто-нибудь отпевать.

– Пошли вон! – взорвались солдаты у ворот. – Еще беду накаркаете, длиннорысые.

– Что?! – в свою очередь возмутился я. – А ну, кто тут хочет отправиться в бой без Божьего благословения? Щас всех от церкви поотлучаю на фиг!

– Ладно, идите, – смирился сержант.

Я прошел спокойно, но Лия все-таки внесла свою лепту, пнув костью прислоненную к воротам алебарду. Тяжелое оружие рухнуло, крепко приложив грубияна обухом по затылку. Солдаты было повернулись в нашу сторону, но...

– Это его Бог наказал! – наставительно отбрила белобрысая язва, указывая пальцем в небо. Желаящих еще раз спровоцировать гнев Божий не оказалось.

Итак, для начала неплохо. Мы трое проникли в замок Твердь.

Да, ребятки всерьез взялись за антиправительственный путч... Все вокруг буквально гудело от предвоенного напряжения. Громыхали, как минимум, две кузницы. Плотники под навесом выстругивали и оперяли стрелы, здесь же строились катапульты. Посредине двора опытные рубаки обучали тыканью копьем новобранцев. Ржали кони в переполненных конюшнях, повсюду сновали вооруженные люди, пестрели флаги, толпились крестьяне, доставляющие фураж и провиант. Я дал Жану приказ вступить в регулярное войско, пусть разведает настроение масс. А мы с Лией шныряли взад-вперед, изучая обстановку, и прикидывали, с какого конца начать партизанские действия. Особого внимания не привлекали, хотя других монахов видно не было. Похоже, духовенство пускалось в замок неохотно, но нам сейчас это было на руку. Настоящие служители церкви разоблачили бы нас в одну минуту. К обеду во двор выкатили целый воз свежее испеченного хлеба и две бочки пива. Кормят негусто. Однако Лия ухитрилась стащить двойную порцию. К трапезе вышел сам пан Юлий. Он горделиво красовался на высокой лестнице второго этажа, в красном костюме, отороченном мехом, коротких расшитых сапогах и с секирой, висящей на поясе. Отвисший живот придавал ему солидность. Мою метку на лбу прикрывала большая бархатная шляпа с пером, низко надвинутая на брови.

– Дети мои! Великий час настал! Завтра на рассвете мы выступим против незаконного правления самозванного короля Плимутрока. Я сам поведу вас в последний и решительный бой! Я такой же, как вы. Я хочу, чтобы мои дети имели все, мои родители безбедно дожили до старости, моя семья наконец заняла достойное место в этом мире.

Все слушали молча, стараясь не чавкать. Одна лишь Лия тихо комментировала речь пана Юлия уточняющими вопросами:

– Ну, себе-то он много чего наобещал, родственникам тоже, а народу?

– Мы возьмем у короля то, что по праву наше. Поделим согласно заслугам и заживем счастливо!

– Ага. Понятно, что самая большая заслуга у пана. Что же достанется остальным? И этот лозунг «Отнять и поделить!» кажется очень знакомым, милорд...

– Где наши традиции? Где наша литература, искусство, музыка? Все растеряно, распродано, разворовано! Где наше национальное достояние?! Чего ждать, когда сам король носит иноземное имя? Я! Я! И только я знаю истинный путь в мое царство светлой жизни...

– Факт! Мне кажется, как дорога в Ад вымощена благими намерениями, так и дорога в светлое царство пана Юлия вымощена костями доверчивых душ.

– Ладно, не так громко, – попросил я.

На нас уже подозрительно поглядывали. Мы сделали вид, что бормочем молитвы, и принялись размашисто осенять себя крестами. Сработало. Вплоть до самой темноты мы совали свой нос, куда только могли, пытаюсь найти какую-то слабинку в обороне замка. Увы... остановить военную машину без кровопролития не представлялось возможным. Тем более что сроки поджимали. Выступление войска было назначено на завтра. Для соблюдения конспирации мы были вынуждены благословлять всех желающих, а религиозных людей в замке оказалось предостаточно. Согласно ранней договоренности, Бульдозер нашел нас ночью за конюшней. Парень с ног до головы был разодет в цвета панской гвардии с гербом пана Юлия и соответствующе вооружен.

– Меня приняли в отряд телохранителей. Я поборол двоих приближенных пана Юлия. Милорд, у меня такое впечатление, что всерьез никто не хочет воевать, но почему-то подчиняются бредовым идеям своего господина. Нас всех учили подчиняться вышестоящим, хотя сильно сомневаюсь в том, что после братоубийственной войны может наступить царство света и добра.

– Нам тоже так показалось. В общем, вся проблема в этом сионском шляхтиче.

– Табуреткой по маковке, и нет проблемы! – с ходу предложила Лия.

– Не выйдет. Там, кроме меня, еще человек двадцать личных охранников.

– Ну и что? Милорд их всех поубивает! Ты ведь знаешь, какой он страшный, когда сердится. Сразу такое лицо... Кошмар полуночный!

– Лия... Имей в виду, пугать людей, гримасничая, как Луи де Фюнес, я не намерен. И вообще, – неожиданно для самого себя обиделся я, – если ты не прекратишь изводить меня постоянными оскорблениями, то... иди отсюда, мы и без тебя справимся!

– За что? – едва не заплакала она. – Я же... я как лучше хочу...

Мы втроем напряженно замолчали. Тьфу, черти полосатые! Нашли время ссориться...

– Ладно, давайте по существу. Жан, ты обнаружил что-нибудь подходящее для многоплановой диверсии?

– Нет, лорд Скиминок. Завтра утром мы оденем пана Юлия в походные доспехи, и войска двинутся вперед. Они намерены победоносным маршем двинуться прямо на Ристайл, сметая на пути деревни и села. Столицу, конечно, не захватят, сил маловато, но если здесь действительно появлялся Локхайм... Боюсь, что, когда Плимутрок разобьет мятежника, на поредевшую армию короля обрушатся отряды Темной Стороны. Мы все равно не остановим войну.

– Плохо. Лия? Ты часа два гуляла самостоятельно, неужели тоже ничего нет?

– Ничего, милорд. Я очень старалась. Я даже в подвалы влезла в поисках подземных ходов, несущих скал, подпочвенных вод... Вышла оттуда с большой головой – кроме вони

ничего нет.

– Верно, – поддержал Бульдозер, – ребята из охраны даже шутили, будто бы замок пана стоит на тухлых яйцах.

– Забавно... А что, неужели так сильно пахнет?

– Здесь во дворе почти не чувствуется, но в замке... На нижних этажах хоть нос зажимай.

– Может, склад продуктов испортился? – Что-то билось у меня в голове, какое-то решение давно валялось на поверхности, а я его не видел. Вернее, не чувствовал. Запах тухлых яиц... Какой дурак будет хранить в подвалах такое количество яиц да еще давать им тухнуть? Кажется, в китайской или корейской кухне это сошло бы за деликатес, но у сионской шляхты...

Боже мой! Я забыл, откуда я родом! Астрахань, Аксарайск, Газпром, сероводород! Вот она цепочка. Замок стоит на песчаном холме, недалеко от моря, почему бы при строительстве котлована и не задеть верхушку резервуара?! Тогда понятны и запах, и головная боль, и даже злобный нрав пана Юлия. Попробуйте с детства дышать ароматом тухлых яиц, так вам тоже покажется, что весь мир прогнил. Газ легко воспламеняем. Можно попробовать... Ах, мало меня в школе били, недоучку плосконосого! Тут ведь не ручку у плиты повернуть да спичку поднести... Так шархнет – куда там динамиту! Мы должны вывести из замка всех людей, протянуть время, сделать шнур...

– Жан, нам нужен тонкий пеньковый трос в сто шагов длиной, обильно вымазанный маслом. Один конец ты засунешь в подвал в место самой высокой концентрации запаха. Завяжешь лицо мокрой тряпкой, а то задохнешься! Обратный конец выведешь во двор, но так, чтобы он не бросался в глаза, и подожжешь. Рассчитай так, чтобы шнур горел не меньше часа. Это надо сделать на рассвете. Я хочу выманить пана Юлия со всем войском из замка. Но там наверняка останутся женщины и дети. Твоя основная задача – после поджигания шнура в течение часа повыкидывать их всех в чисто поле.

– Мы... будем здесь все взрывать?! – поразилась Лия. – Ну, порох я видела, динамит тоже, а вот о взрывчатости тухлых яиц не подозревала сроду!

– Там газ. Сероводород, – пояснил я. Они понимающе кивнули, прохиндеи. – Ладно, объясню на досуге. Да, вот еще, достань для Лии пажескую одежду и выведи из конюшни лошадей. Мы с ней покидаем замок.

Глава 4

Возвращение Раюмсдаля

«Теперь ты умрешь, Скиминок!» – кричал принц и десятки отточенных клинков искали грудь тринадцатого ландграфа.

Воины и нечисть, колдуны и наемники, люди и звери жаждали его крови, а он улыбался друзьям и сам делал такой шаг навстречу смерти, что даже она была вынуждена отступить...

Хроники Локхайма

Это была наша первая и последняя чисто техническая авантюра. В целом все получилось. Ну, не совсем так, как хотелось... Лошадей Бульдозер достал без труда, но вот вывести их из замка оказалось невозможно – слишком хорошо охранялись ворота. Тут мы в полете, скакунов через стену не перебросишь.

Нас самих Жан легко спустил со стены, обвязав веревками. Сначала меня, потом Лию. Она все ворчала, что не может толком рассмотреть, какую одежду муженек напихал ей в мешок. Жан вообще разошелся, грабил все подряд, – как бы его не замели на этом деле. Мы спрятались в густом перелеске и однозначно решили посидеть до утра не на сырой земле, а в скромном домике отца Ансельма. Дорога знакомая, час спустя после прогулки под луной мы были на месте. Дверь у отшельника не запиралась, в углу горели свечи, а сам хозяин совершал ночное бдение, молясь за успех нашей шайки.

– Отец Ансельм! Не бойтесь, это мы...

– Вы? Святые небеса, вы вернулись целы. Но... а где ваш могучий друг?

– Трудоустроился. С его данными он был мгновенно зачислен в штат «секьюрити» вашего пузатого пана. Бульдозер – парень с головой, поднаторевший в приключениях, так что за него не переживайте. А мы вот пришли... Оторвали вас от Божеского дела. Простите, если что...

– Да проходите же, ландграф! – засуетился старик, втаскивая нас внутрь. – Мне нечем угостить вас, дети мои, но здесь тепло, и вы всегда найдете ночлег и понимание.

– Вот спасибо! А свечи у вас еще есть? Можно мне парочку? Костюмчик порассмотреть бы надо, – тут же заюлила хитрая лиса. – Мой-то набил тряпок, а что, где, какого цвета или материала – он же дуб дубом! Всю жизнь такое покупает... без переделки пугало надеть постесняется!

Отец Ансельм выдал моей попрошайке весь запас свечей, нитки с иглой, а еще свой нож. Довольная Лия уселась в уголок, скрестив ножки в позе лотоса, и наконец-то запустила обе руки в мешок. Мы с отшельником уселись на шкуры в другом углу.

– Вы можете что-нибудь рассказать о тухлых яйцах в подземелье замка? – напряженно спросил я.

– Да... но не знаю, что вам покажется важным.

– Все.

– Хорошо, милорд, – охотно кивнул старик. – Дело в том, что замок Твердь был построен еще дедом пана Юлия. Но когда закладывали фундамент, из земли били голубые огни! Это проклятое место, господин ландграф. Недаром мы граничим с Темной Стороной.

Вы говорите, запах тухлых яиц? Нет. Запах серы – вот что это такое! Бывают дни, когда все население нашего окраинного княжества жалуется на головную боль. Люди валятся с ног и впадают в спячку. Только северные ветры способны развеять это колдовство. Я думаю, что из подвалов замка Твердь есть прямая дорожка в Ад! Оттуда и тянет серой...

– Не надо так мрачно, святой отец, – облегченно выдохнул я. Хорошо оказаться правым. Значит, все мои подозрения относительно сероводородного газа верны. Теперь у нас есть шанс остановить войну. Возможно, даже без...

– А-а-а-а! Дубина стоеросовая! Колода осиновая! Пенек, собаками помеченный!

– Лия! Сейчас же прекрати выражаться в присутствии духовной особы.

– Но, лорд Скиминок, – жалобно заскулила она, – вы только взгляните, что он мне всучил! Я же в таком виде только в Тихое Пристанище пойти могу, бабушек до кондрашки доводить, но уж никак не в приличное общество! Вот, полюбуйтесь!

Пока мы беседовали, Лия успела распотрошить содержимое мешка и вырядиться соответствующим образом. Ну... комично, конечно... С другой стороны, многие Голубые Гиены одеваются еще хуже. Описательно это выглядело так: во-первых, Жан перепутал камзолы, – вместо пажеского сташил герольдический. Фасон уже не тот, воротник стойка, рукава пышные в плечах и зауженные к запястьям, к тому же разного цвета – синий и красный, а все прочее – ярко-зеленое с люрексом. Размер, естественно, скорее на меня, чем на нее. Штанов двое. Обтягивающие лосины, белые в широкую голубую полосу и короткие бархатные со шнуровкой по бокам, мятые до невозможности, их Лия демонстративно держала в руках. Вместо маленьких сапог высокие кавалерийские ботфорты. Эти даже мне наверняка велики, а уж Лие доходили едва ли не до пояса. Еще в мешке оказались парчовые тапочки на высоком каблуке с помпонами. Явно ночные – пробежаться до одного места и назад в постель. Мы с отцом Ансельмом сдержанно хихикали.

– Да, вам смешно, – мгновенно надулась наша спутница. – Как я в таком виде людям покажусь? Это же форменный позор для пажа такого знаменитого ландграфа, как вы. Осрамил перед всем народом... Ну, скажите, милорд, вот кто он после этого?

Пришлось пожать плечами и всем троим браться за дело. Вплоть до самого рассвета маленький домик отшельника напоминал шумное ателье по пошиву верхней одежды из материала заказчика, по его фигуре, в его присутствии и с нескончаемыми капризами...

Вот так, сладкой парочкой, мы и стояли наутро близ ворот замка Твердь. Мою рубашку заштопали, джинсы выстирали, хотя высохнуть не успело ни то, ни другое, но я уже был похож сам на себя. Лия, даже после всех переделок, здорово напоминала циркового клоуна, а по пестроте костюма свободно могла бы участвовать в бразильском карнавале. После получаса грозно-насуспенного стояния я начал скучать. На нас пару раз полюбовались со стен не улыбочивые стражники, но никому и в голову не пришло поднять тревогу. Словно тут не свирепый ландграф пришел, а какой-то занюханый арабский террорист с заложницей-травести. Мы начинали нервничать...

– Милорд, можно я сбегаю к воротам и настучу с высказываниями?

– Валяй. Только не увлекайся с оскорблениями, не хватало еще, чтоб за тобой начали охотиться с арбалетами раньше времени.

Мой паж дунула к замку и начала колотить в зарешеченное окошечко стражи подобранной палкой. Наконец появился бдительный часовой:

– Чего надо?

– Мой господин лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени, имеет честь вызвать на смертный бой вашего господина и все его войско в придачу!

– Наш господин идиотов сегодня не принимает!

– Почему? – обиделась Лия.

– У нас большой поход, мы на войну идем, – охотно пояснил страж. – Нет у пана Юлия времени с каждым выскочкой драться!

– Но... как это? А рыцарский кодекс?!

– Плюнуть и растереть!

– А... ну... Ну тогда милорд заклеит вашего хозяина трусом!

Вместо ответа стражник только презрительно фыркнул и захлопнул оконце. Негодующая Лия барабанила добрых минут десять, воя, что ее еще ни разу так не оскорбляли, что весь замок дурацкий, что живут в нем одни дураки и чтоб самый главный дурак сию же минуту вышел, а уж она расстарается, чтоб одним дураком сразу стало меньше. В конце концов окошечко все же открылось и в нос экс-Валькирии уперлась арбалетная стрела.

– Ша, ребята! Кончаем базар, я мирно отвалила.

Во время всей этой незатейливой комедии моя поза оставалась незыблемой, дыша благородством и праведным гневом. Когда Лия понуро вернулась ко мне, мы сели рядышком на бугорочке и пригорюнились. Первая половина моего хитроумного плана успешно провалилась. Пан Юлий пренебрежительно отказывался от противоборства с лордом Скиминоком. Признаться, я наивно надеялся, что он, услышав обо мне, вспомнит про меч, возжадет им завладеть и бросится на меня всей армией. Мы с Лией отбежим, Жан выведет женщин, а сероводород взорвет опустевший замок. Потом... вот что потом? Это я как-то не очень продумал. Судя по всему, мы останемся втроем против разобиженного пана с войском за плечами. Паршивая перспективка...

– Будем ждать, пока они сами не вылезут. Тогда я подойду к этому пузатому трусу и...

– Лия, войска идут на войну! У них свои дела и свои проблемы. Ты что, предлагаешь мне прыгать на палочке вокруг конных рыцарей и угрожать их господину вечным позором, если он сейчас же не даст мне себя убить? Я вчера обратил внимание на отряд стрелков в легких доспехах – за полторы минуты они сделают из нас малоподвижных дикобразов!

– Что вы кричите, лорд Скиминок? Можно подумать, будто это я виновата в том, что о вас ходит такая слава. Ни один психически уравновешенный рыцарь ни за какие коврижки не согласится укусить тринадцатого ландграфа. Уж я уговариваю, уговариваю... Все как об стену горох! Что поделат, если теперешние мерзавцы предпочитают умереть в собственной постели, а не от Меча Без Имени?!

– Ничего не хочу знать! – Я тоже закусил удила и уперся рогом. – Каждый раз, когда мне действительно хочется подраться, – все сразу убегают или объявляют себя пацифистами. Куда ни плюнь – обязательно попадешь в миротворца! И чем бессовестней хам, тем строже он соблюдает мирную одностороннюю инициативу. Ни за что его не прищучишь...

– Эй, парнишка! – неожиданно закричали люди, махая с крепостной стены Лие. – А что, это вот и есть неистребимый герой лорд Скиминок – свирепый ландграф Меча Без Имени?

– Он самый. Хотя какое ваше собачье дело...

– Он! Я тебе говорил, что он, а ты? Так я ж памятник в столице видел, вот собственными глазами... Но меч-то все равно похож! Паж, ну подойди поближе, че ты, как этот...

За зубцами началась шумная перепалка. Человек пять из рыцарского цвета гвардии

спорили между собой, бурно обсуждая мое явление. Я принял прежнюю горделивую позу и стоял, небрежно разглядывая верхушки елей и кипарисов, хотя левая нога уже порядочно затекла.

Ушла Лия опять вела переговоры, а мне вновь досталось гробовое молчание да разве что еще косые взгляды мечников. Для пущего эффекта попрыгал, помахал клинком, повывелывался – одним словом, обратил на себя внимание. Мне поверили. Если честно, обычные люди, рядовые люди охотно на это клюют. Через несколько минут Лия позвала меня:

– Милорд, идите знакомиться. Они отличные ребята и много о вас слышали. До начала войны еще часа полтора, нам предлагают опрокинуть по рюмашке.

Бред какой-то! От удивления я даже не стал спорить и изображать из себя неприступного зануду. Рыцари быстренько сбегали куда надо, а потом спустили нам на веревочке корзину с разной снедью. Мы с Лией уселись на травке и жадно набросились на еду. Для поддержания разговора приходилось вечно задирать голову вверх, но ради таких бугербродов можно было и потерпеть некоторые неудобства.

– Господин ландграф, а что, вы действительно побии нашего пана на День святого Скиминока?

– Угу... Чавк-чавк... Ам-ням...

– Здорово! А сейчас-то зачем его на поединок вызываете? Не станет он в одиночку драться, как пить дать, выйдет со всем войском и отберет у вас меч.

– Пацаны вы сопливые! – философски изрекла Лия. – Да если б вы только знали, какие армии мы с милордом поворачивали вспять. Он – на гнедом коне, в фиолетовом плаще, с Мечом Без Имени. На полкорпуса впереди я на белом мустанге, в навороченном костюмчике, с тапочкой в одной руке и сковородкой в другой. Крушим, бывало, направо и налево, лорд Скиминок в бою обычно распевает арии о черном вороне или казаках, которых как раз сегодня никто не любит. А я... вот буквально ни на что не отвлекаясь – по мордам, по мордам, по мордам!

– Але, служивые, – наконец вклинился я, – ну, положим, у вашего брюхоносца мания величия заменила даже то количество мозгов, что ему скромно отпустили родители. А вы-то за что идете на верную гибель? Воевать с Плимутроком – просто глупо. Ради посмертной славы? Вы и так живете на границе с Темной Стороной – вот и зарабатывали бы себе имя в бою с нечистью.

– Эх, милорд, – дружно вздохнули все, – ясное дело, что войны никто, кроме пана, не хочет! Но мы ведь люди подневольные.

– Ясенько... Значит, среди цветов – главная роза, среди холопов – пан! Пропадете вы с этой прабабкиной философией. Революцию бы устроили, что ли? Бунт, интригу, мятеж, насильственный захват власти... Божеское дело, поверьте.

– Да все так и думают! Пан наш очень уж хлипко на своем месте сидит. Вот если бы знак какой...

– Какой именно? – ухватились мы.

– Ну... что бунт и в самом деле-то от Бога!

Потом их куда-то отозвали. Мы насытились, вернулись на свой прежний холмик у дороги и стали ждать. Вскоре действительно раздался рев боевых труб, открылись ворота, а войско пана Юлия двинулось через них походным маршем. Их было не слишком много. Около сотни пехотинцев, не больше двух десятков конных рыцарей, полусотня стрелков да

еще разношерстная толпа крестьян, вооруженная чем попало. Позади везли две катапульты. При правильно организованной атаке Злобыня силами одной русской дружины разогнал бы этих петухов по своим курятникам. Ну, да ладно... Вот сейчас Жан должен запалить шнур, а там посмотрим, как они запоют «Враги сожгли родную хату». Авангард грохочущей колонны остановился, поравнявшись с нами. Мы стояли крайне спокойно, куда побежишь? Надо доломать комедию до конца. Пан Юлий в золоченых доспехах с приподнятым забралом остановил коня и насмешливо обратился ко мне:

– Ну что, самозванец, все-таки решил отдать меч законному владельцу?

– Меч Без Имени сам волен выбирать себе господина, – смиренно ответил я. – Мы пришли не с войной, но с миром. Дьявол опутал сетями твою заблудшую душу и толкает на братоубийственное кровопролитие. Остановись, вельможный пан!

– Взять у него меч! – коротко приказал сионский шляхтич. – Тоже мне нашелся проповедник.

Двое блюдолизов двинули коней на меня, но я ловко вскочил на камушек и заорал так, что они опешили.

– Геенна огненная разверзла зияющую пасть! Сатана идет по миру, собирая замерзшие души! Близок, близок Апокалипсис! Плачьте, люди, ибо время ваше истекло! Кайтесь во грехах своих! Ешьте землю и орошайте ее слезами покаяния! Грядет время Зверя! Он будет мучить ваши души, терзать вашу плоть, уничтожать даже самую память о грешных детях, забывших заветы Отца своего! Гром уже гремит! Гремит гром возмездия! Слушайте!

Пару-тройку минут все и в самом деле вслушивались.

– Не гремит, милорд, – шепотом доложила Лия.

Пан Юлий зафыркал у себя в шлеме, изображая пренебрежительное хихиканье, двое рыцарей вновь наставили копья, и тут... Одну из высоченных стройных башен разнесло! Взрыв был что надо... Крыша улетела к черту на рога, а на ее месте плясало веселое голубое пламя. Если уж это им не знак, то я не знаю, чего еще требовать от Бога?

– Ага! – восторженно завопила мой паж, пританцовывая на одной ножке. – Мы ведь вас предупреждали! Вот он – конец света!!!

Пользуясь массовым испугом, я решил слегка подогреть панику:

– На колени, нечестивцы, забывшие о Божьем гневе! Молитесь, молитесь беспрестанно! Навсегда отриньте греховное оружие, ибо за нарушение заповеди «Не убий!» еще никого по головке не погладили. Кайтесь в страшных заблуждениях, гордыне, высокомерии, жадности, блуде, сребролюбии.

– Этого не может быть! – тонким фальцетом завизжал пан Юлий, пытаюсь меня перебить.

Ха! Да когда меня понесло, так легче Ниагару остановить веером, чем лорда Скиминока пререканиями.

– Молчи, неверный извращенец! Ты посмел возжелать корону ближнего. Ты толкнул свой народ в пламень гражданской войны, ты дерзнул возомнить себя пророком новой веры! Кайся вместе со всеми, но если твое раскаянье не будет искренним – все сразу почувствуют смрадное дыхание Ада в своих легких.

– Нюхайте, нюхайте, дети мои! – щедро предложила Лия. Запуганный народ начал принюхиваться. Ну, ясное дело, запах из открытой скважины мятежники учуяли сразу. Пан Юлий вертелся в седле, что-то вереща о защите нравственности и духовности, но пространство вокруг него мгновенно опустело. Войско быстро рассасывалось... Не хватало

только последнего, заключительного мазка, и он не замедлил явиться. Взрыв грянул вторично! От соседней башни вряд ли хоть кирпичи остались... Но! В воздухе пролетело что-то крупное и белое, трепеща на ветру прозрачными крыльями, а потом гулко бухнулось в кусты позади нас.

– Ангел, – прошелестело над рядами кающихся. – Сам ангел Божий пролетел, указывая нам истинный путь. Свершилось великое чудо!

– Заметьте! – вовремя добавил я. – Пролетел он не по курсу Срединного королевства и даже не в Темную Сторону, а в направлении проселочных дорог. Бог говорит: «Бросайте, на фиг, всю войну и марш по домам!»

Не прошло и получаса, как вся армия пана Юлия осталась в составе своего господина, его лошади, ну и груды брошенного оружия. Из ворот замка начали выбегать женщины с прислугой. Бедняги выносили вещи. Честно говоря, запах уже стоял такой, что глаза резало. Мы плюнули в сторону незадачливого агрессора и пошли искать Жана. Далеко уйти не успели. Ломая кусты, наш бедный Бульдозер выполз на четвереньках в непонятно каком кружевном белье на плечах, с мутным взглядом и мычанием вместо членораздельной речи.

– Лия, девочка моя, раздобудь на всех лошадей. Нам действительно пора. Да, и подними, пожалуйста, этого падшего ангела...

На ночлег мы вернулись к отцу Ансельму. Пожилой отшельник страшно обрадовался, когда мы рассказали ему, что войны не будет, а войско разбрелось по всему княжеству, возвращаясь домой. В придачу не пролилось ни одной капли крови, исключая разве разбитый нос Бульдозера. Конечно, пан Юлий долго орал нам вслед, что он страшно отомстит, но броситься на нас в одиночку все-таки не рискнул. К замку Твердь ближе чем на милю подходить не рекомендовалось – воздух явно не целебный. Надеюсь, что подземный резервуар с газом не очень велик, пламя было невысоким, повоняет с месяц и перестанет. Через два дня спокойной жизни на меня напала страшная депрессия. Сначала я затосковал по Ивану, потом по Луне. Причем боль была такая, что Лия, Жан и священник не знали, куда деться от моей унылой физиономии. Я честно пытался держать себя в руках, но мои ребята смотрели на эту проблему иначе. По их мнению, если рыцарь не страдает от неразделенной любви, то он не настоящий герой. Обязательно надо время от времени поскуливать, выть под луной серенады, плакать в конскую гриву и рвать на себе волосы. На деле это выглядело примерно так:

– Лия, как ты думаешь, она меня любит?

– Конечно любит, милорд! Безумно, страстно, безнадежно, потеряв голову, впадая в отчаяние, стремясь к вам всем сердцем, дыша вашим именем, веря и скорбя...

– Да, а почему тогда убежала?

– Потому что она не любит вас! Вы были ее игрушкой, шуткой, улыбочивым времяпрепровождением, мимолетным увлечением, шалостью, легкой любовной интрижкой...

– Жан, убери ее! Скажи мне, как мужчина мужчине...

– Вы ее не любите, лорд Скиминок.

– Почему?

– Потому что, когда любят, женятся. Но не переживайте настолько, она вас тоже не любит.

– Почему?

– Потому что когда любят, то ждут.

– Отец Ансельм, спасите меня от них обоих!

На самом-то деле мы ждали Локхайм. Я продолжал надеяться, что принц приведет сюда Тающий Город. Правда, как всегда, не был ясен план действий на потом... Но это вроде как уже наша визитная карточка – все решать на месте сообразно обстоятельствам. Просто скучно было. Мне даже приходили в голову нехорошие мысли – пойти прогуляться огнем и мечом по землям Голубых Гиен. Все равно делать нечего...

Утром третьего дня ко мне пришли крестьяне. Два деревенских старосты, зажиточные люди и еще несколько женщин для более надежного воздействия на мою добрую душу. Лия с мужем умотали на море купать лошадей, я грелся на солнышке, неспешно беседуя с отшельником на религиозные темы. Когда делегация депутатов от сельскохозяйственного округа приблизилась, снимая шапки, я соизволил встать.

– К вашей милости обращаемся, достопочтенный лорд Скиминок! Уважьте, сделайте такую Божескую милость, – обратился ко мне самый пожилой крестьянин.

– Весь во внимании. У вас что, какие-то проблемы?

– Горе у нас. В лесу людоед залютовал.

– Людоед?! Ну, вон вас сколько, собрались бы всем миром, взяли вилы, топоры да устроили ему пышные похороны за ваш счет. Я-то здесь при чем?

– Да ты знаешь ли, батюшка, какой он страшный?! Нам самим нипочем не справиться. Как пан Юлий войска пораспустил, то в нашу деревню шестеро ратников вернулось. Все в доспехах, с копьями да мечами, шрамами боевыми отмеченные. А только трое ушли на людоеда и не вернулись. Люди дома бросать стали, землю, хозяйство. Уж сотворите Божескую милость, господин ландграф! А мы не поскупимся, понимаем, вам небось тоже деньги не повредят...

– Хм... конечно да. Однако финансовые вопросы обычно решает мой паж. Это будете утрясать с ним. А я, пожалуй, и соглашусь поразмять кости. Расскажите-ка о вашем горе поподробнее...

– Вот уж спасибо, милорд! Ото всех нас великое спасибо! – аж прослезился старик, едва не хлопаясь на колени. Ей-богу, он бы бухнулся, но они негнулись. – Людоед в наших краях давно живет. Да только пан наш другие дела достойными почитал, вот зверь-то и обнаглел.

– Это зверь? Зайчик или белочка?

– Разный он. Обличья звериные меняет, потому как колдун. То медведем представится, то вепрем, а то волком невероятной величины. Но уж лют! Порой и косточки целой не оставит – все порвет, погрызет, переломает.

– Садист какой-то, – хмыкнул я. – А где живет?

– В лесу, в глухой чащобе. На охоту выходит, когда голоден, для него что день, что ночь – все едино. Ежели всех людей посчитать – так уж больше сотни сожрал, ненасытный!

– Ладно, уговорили. Не так давно мы с оруженосцем срубили башку одной хамоватой ведьме, терроризировавшей целое село. Так вот она даже маскировалась под монахиню. Значит, сейчас мне надо дожидаться ребят, а ближе к вечеру я к вам заеду. В какой стороне ваша деревенька?

Да вы бы на моем месте тоже согласились. Ничто так не избавляет от сердечных мук, как опасное дело, грозящее смертью. Может быть, я действительно ее так сильно люблю, что даже хочу умереть, раз мы не вместе...

– Милорд, вы никуда не идете! Это решено категорически и бесповоротно.

– Лия...

– Имейте в виду: еще один шаг – и я рухну вам в ноги, обхватю колени, буду выть, как на похоронах, но никуда не пуцую!

– Жан! – взмолился я.

Наша душераздирающая перепалка тянулась не меньше часа. Отец Ансельм скорбно кивал головой, Бульдозер грустно вздыхал, не зная, что делать, поэтому мне пришлось взывать к общественному мнению уже в полный голос:

– Успокойте же ее, наконец! Дайте мне сходить развеяться. Убивать людоедов – это самое что ни на есть ландграфовское дело! Опять же очень полезное для улучшения микроклимата в данном регионе. Почему, в конце концов, все так не хотят, чтобы я совершил подвиг? Бедным крестьянам не нравится, когда их едят...

– Мало ли, что им не нравится! – с полуоборота завелась Лия, действительно падая на колени и хватаясь за мою рубаху, как нищий за плащ святого Августина. – А платить кто будет?! Да за те жалкие гроши, что они собрали с двух деревень, мы в столице и поужинать втроем не сможем! Я ни за что не допущу, чтобы вы унижали звание ландграфа Меча Без Имени до оплаты простого охотника на драконов!

– Ну, знаешь, – в свою очередь начал сатанеть я, – если мои душевные порывы ты будешь вечно пробивать третьим чеком в кассе – я дам рыцарский обет оказывать помощь любому просящему совершенно безвозмездно!

– То есть как?

– То есть – даром!

– Ах... – Лия картинно повалилась в обморок. Жан начал неспешно обмахивать ее платочком.

– Дело, конечно, не в деньгах, милорд. Просто мы ведь вроде... Вы же надеялись дожидаться здесь Раюмсдаля. Охота на людоеда очень опасное развлечение. Я уверен, что вы победите, но... если вас неожиданно ранят, то как мы нападём на Тающий Город? Может быть, все-таки стоит поберечь силы для более серьезной битвы?..

– Бульдозер, – я задумчиво посмотрел в глаза трусливому рыцарю, – ты темнишь. Вы оба чего-то боитесь. Не людоеда, тут вы герои, тогда чего? Молчишь? Поднимай свою комедиантку и отправляйся седлать лошадей, я выезжаю.

Мгновенно придя в себя, Лия демонстративно встала с холодного пола, цапнула мужа за руку и вывела наружу. Мы с отшельником остались одни. Отец Ансельм произнес короткую молитву, еще раз перекрестился перед распятием, а потом заговорил со мной самым мягким тоном:

– Пожалуйста, выслушайте меня, сын мой. Боюсь, что ваши верные друзья просто не в состоянии понять глубинные причины собственного беспокойства, поэтому и выдумывают невесть что. Загляните в свою душу – зачем вам это? Ради чего вы идете на смерть? Ради невинных людей, ради защиты чести и справедливости, ради борьбы со злом, ради денег, ради славы, ради рыцарского звания? Подумайте... А вдруг этой женщине просто все равно? Не отвечайте сейчас, в спешке или гневе, промолчите. Но если вы делаете это только ради нее – пусть Господь спасет вашу заблудшую душу!

По тропинке мы ехали мирно. Старый хрыч надолго испортил настроение, и мои спутники не пытались утешить меня шумными разговорами. Разумом я понимал, что священник желает мне добра, но так хотелось совершить что-то безумное, глупое, безрассудное, чтобы она узнала, почувствовала, поняла и... вернулась. Лия ворчала себе под

нос, презрительно подбрасывая в руке тощий кошелек. Жан тихо напевал «Балладу о доблестном лорде Скиминоке» с продолжением. Длинная, но занимательная вещица его собственного сочинения. После каждого большого кроворазлития он добавлял туда еще парочку куплетов. Судя по энтузиазму парня, он будет продолжать ее, даже когда наши подвиги закончатся, и сделает песенку эпической. Вообще-то я даже люблю такие вечерние прогулки. Чистый воздух, запах сероводорода ветер относит в сторону, погода здесь гораздо теплее, чем в столице, а езда верхом всегда приятно бодрит. Лошади удивительные животные, они обладают каким-то магнетическим воздействием на душу человека. Они ее лечат...

В первой деревеньке мы не стали задерживаться слишком долго. Перешли вброд неглубокую речку, а там на холме стояла и вторая деревня. Именно за ней начинался глухой бор, где и должен был находиться тайный бункер искомого злодея. Крестьяне провожали нас со слезами и надеждой. Мне стало неуютно при виде этих задерганных людей, обреченных всю жизнь пахать землю на своего пана, платить дань разбойникам, поднимать хозяйство из руин постоянных междоусобиц... А то, что они люди и о них тоже должен хоть кто-нибудь позаботиться? Если не выброшу эти мысли из головы, то, пожалуй, быстро переквалифицируюсь в политика-реформатора, а такие вещи в параллельных мирах не поощряются.

Из размышлений меня вывел дикий нечеловеческий вой. Кони захрапели и стали бить копытами. Темнота опускалась на лес. Жутко?

– Лорд Скиминок, а какого черта мы поперлись его ловить в темных кустах на ночь глядя? – тихо спросила Лия.

– Это мой план, – подумав, сообщил я. – Мы ведь не можем ходить дозором вокруг двух деревень сразу, пришлось бы рассредоточиться, а вдруг этот троглодит подкрадет и умыкнет именно тебя?

– Ох, страх какой... А почему не Жана?

– Он же в кольчуге, она железная. Пока еще выковыряешь, а ты сразу готовая к употреблению, тепленькая, выкупанная...

Жеребец Бульдозера неожиданно шарахнулся в сторону. Я выхватил меч, но никого не было видно. Трусливый рыцарь успокаивающе гладил шею своего коня.

– Показалось... Наверно, его напугала какая-то тень.

– Вот что, братва, давайте перегруппируемся. Мы с Бульдозером едем по флангам на полкорпуса впереди. Лия прячется посередине, сидя в седле задом наперед. Будешь следить, чтобы на нас никто не напал с тыла. Вот так, а теперь...

Договорить мне не дали, откуда-то сверху обрушилось здоровенное бревно на двух ремнях. Подобно огромным качелям, оно просвистело над дорогой, одним махом выбив меня из седла. Наверно, такая же участь постигла и остальных. Приподнявшись на локтях, едва дыша от дикой боли в груди, я с тупым равнодушием встретил блеск горящих красных глаз, приближающихся ко мне с невероятной быстротой. Я попробовал опереться на левую руку и рухнул – локтевой сгиб отозвался такой болью! Мгновенье спустя надо мной нависла страшная кабанья морда с загнутыми клыками в мою ладонь величиной. Это была смерть. Глупая, бессмысленная, бесславная, обдавшая меня смрадным дыханием. Я не слышал собственного крика. Каким-то невероятным напряжением всех мыслимых и немыслимых сил я едва шевельнул пальцами, но даже этого усилия хватило, чтобы... Меч Без Имени тусклой молнией бросился вперед и почти по рукоять ушел в жирное горло зверя!

Мне плеснули в лицо водой. Я открыл глаза и попробовал повернуть голову. Какая-то пещера или изба, уж очень темно и мрачно. В углу лежит связанный Бульдозер. Мне хорошо видна его широкая спина и руки, скрученные у запястий. Вроде бы дышит... Поворачиваю голову в другую сторону. Там горит огонь. Да, скорее всего, это землянка. Есть очаг, есть дверь, есть чурбак, заменяющий стул, есть даже стол, на нем я лежу. Мои руки тоже связаны, только спереди. Очень болит грудь... Впечатление такое, словно у меня все ребра сломаны. Лия... Лии не видно. Или успела убежать, или ее хранят в другом месте. А кто меня тогда поливал, как гладиолус на грядке? В самом темном углу зашуршало. Я извернулся, покачнулся, уперся ногой в стол и сел. Голова сразу закружилась, предметы поплыли перед глазами. Из угла быстро шагнула темная фигура и встряхнула меня за плечи. Горящие красные глаза светились, как угли. Роба настолько страшная, что сразу и не определишь, мужчина или женщина.

– Привет, хозяйюшка! Дом тебе полною чашей! – неожиданно выдал я.

Красные глаза расширились. Существо отступило назад. Да... много уродов на Темной Стороне, но это?! Все-таки женщина. Покрыта шерстью, одежды не носит, шимпанзе в сравнении с ней просто Лоллобриджида, фигура ближе всего к старинному комоду на кривых ножках, но сила, видать, немереная. Глядит на меня с такой звериной ненавистью, что я невольно начинаю сомневаться в неотразимости собственного мужского обаяния. Уф... какая длинная мысль! Зато голова прошла.

– Зачем ты пришел? – скорее прорычала, чем выговорила людоедша.

– Ах ты старая карга! Избушку к лесу передом, к тебе задом. Ты сначала накорми, напои, потом в баньке выпари да спать уложи, а уж тогда и спрашивай.

– Ты его убил!

– Кого? – искренне удивился я.

– Моего мужа!!! – заревела она так, что я узрел в ее пасти огромные желтые зубы в два ряда, а дверь просто распахнулась наружу.

– Ну, знаете ли... Если каждого кабана размером с лошадь называть мужем... Вы тут, в лесу, живете, понимаю, туго бабе без мужика. В конце концов, зоофилия – это ваше личное дело. Но нельзя же требовать от случайного прохожего, чтобы он прозорливо предположил в немывтом вопре вашего пылкого возлюбленного?!

Держу пари, она отродясь таких отповедей не слышала. Тетка просто замерла в позе витринного манекена, пытаясь переварить все, чем нагрузили ее неторопливые мозги. Я добавил еще, пусть помучается... Если не придумаю, как сбежать, так хоть время выиграю.

– Эй, киска! Ну ты, короче, прикинь сама: мы с друзьями гуляем по лесу. Все чин чинарем, озон, луна. Ну, никто не пылит, в натуре... А тут, на фиг, бревно! Мне – раз, ему – раз, весь кайф обломали... Ну, так же нельзя, елы-палы! Че мы, быки какие, нормальных слов не понимаем? Я, короче, лежу, как с бодуна, а тут твой кабан, пальцы веером, тычет меня пятаком в ухо. Я ему че, фраер какой?! Да я братву свистну, ему ж, сучаре, его же рыло под хвост заткнут! Ну, на фига такие наезды? Че, если клыки как бананы у Рафика на базаре, то все можно, да? Че сказала? Я не понял?!

Людоедша начала косеть. Ее глаза горели уже просто направленным светом, словно два красных фонаря. Из разинутого рта бежала струйка слюны, теряясь в волосатой груди, дыхание становилось прерывистым, из ноздрей валил пар, а все тело судорожно дергалось. Может быть, если я тут еще немного потреплюсь, ее инфаркт стукнет? Вот бы здорово...

– Че молчишь, тетка? И друган мой в углу тоже молчит. Ты его не замочила часом? Не, мне в принципе по фигу – бабки идут, и ладно! На троих не делить, но на поминки отсыплем... Че мы, волки какие? Я те хотел сказать, подруга, тут ведь у кореша моего жена бегаёт. Не, я не козел, своих не продаю. Но ведь и ей, в натуре, может, че не в кайф. Забыкует... Скажет, че, мол, спонсора моего на фуфле кинули? Где зеленые? Где его доля? Ну, так че, по совести делить будем... Секешь?

Людоедша с воем бросилась на меня, вытянув вперед когтистые лапы. Если вы думаете, что я болтал, ничего не делая, то вы не знаете предприимчивого лорда Скиминока. Это раньше я был добрый и наивный, а теперь мудрый и жестокий, как Стивен Сигал. Конечно, в драке мне с ним не тягаться, но... Пока велись разговоры, я переместил руки, ухватившись за край стола, поджал под себя правую ногу и в нужный момент встретил врага убойным прямым между глаз! Вою было... Уж не вспомню, кто громче орал: она, отлетев к стене, или я от боли в ушибленной пятке. Башка у мерзавки оказалась прямо-таки твердокаменная... Я скатился со стола и, приплясывая на одной ножке, лихорадочно искал достойное средство для защиты. Где же тут мой меч? Ага, вспомнил – надо позвать!

– Меч! Мой Меч! Меч Без Имени!!!

Ничего не произошло. Женщина встала, потрясла головой и вытащила откуда-то широкий мясницкий нож. В отчаянье я выхватил из очага почерневший вертел.

Мы осторожно кружили вокруг стола. Она поняла, с кем имеет дело, и, хотя все преимущества были на ее стороне, не хотела рисковать. Я находился в очень паршивом положении. Руки связаны, грудь по-прежнему болит, хромаю на правую ногу, вооружен... да это и оружием-то не назовешь! Где же мой Меч? Спиногрызка бросилась вперед с широким замахом. Я ушел, замахал вертелом и неожиданно понял, что вполне могу защищаться. Уроки Меча Без Имени не прошли даром. Я довольно успешно парировал удары ножа, сталь звенела о сталь, высекая искры. Несколько раз мне удавалось рубануть или ткнуть свою противницу. Но вертел не меч, и на волосатой шкуре людоедши вряд ли остались хотя бы синяки. Она чувствовала, что я не в лучшей форме. Мне нужно было пробиться к двери и попытаться увести тетушку подальше от Жана. Если с ним все в порядке, он придет в себя, а потом поможет. Не знаю, как и чем, но он меня не бросит. Пока я рассуждал сам с собой, лохматая оглоедка обрушила на меня водопад тяжелых ударов и один я пропустил. Левый бок обожгло огнем... Вскользь, но все равно порезала. В отместку я опрокинул стол так, что он рухнул ей на ногу. Людоедка взвыла дурным голосом! Я бросился к дверному проему, и тут...

– Милорд! Спасите меня-я-я... Я упаду!

Визг был такой, что мы оба забыли о драке. Открывшееся нашим взорам зрелище очень подходило под строчки песни «Улыбнитесь, каскадеры...». По темному лесу, отсвечивая лунным серебром и петляя между деревьями, на высоте трех метров летел Меч Без Имени. Вот это оружие... Он все-таки меня нашел! На рукояти Меча, вцепившись в нее обеими руками, висела совершенно одуревшая от страха Лия.

– Милорд, я... хотела... спешила... к вам на помощь!

Меч Без Имени замер передо мной, небрежно стряхнул белобрысую в кусты и плавно лег рукоятью в мои ладони. Покорябанный вертел я успел выпустить. Думаю, людоедша прекрасно поняла, что это значит.

– Убийца!

Мы ударили одновременно. Клинок моего меча оказался гораздо длиннее ее ножа. Страшная голова развалилась надвое...

В изнеможении я прислонился спиной к низкой стене землянки. Меч отдавал мне свою силу, и, если бы сейчас понадобилось завалить еще одного монстра, пожалуй, я бы смог. А где Жан? Бедолага так и лежит связанный, жестоко страдая от невозможности принять участие в смертельном бою. Надо выручать парня. Я сунул меч в кольцо на поясе, хотя со связанными руками это было трудновато. Потом нашел в кустах Лию. Она удачно хлопнулась мягким местом в папоротники и сидела там с раскрытым ртом и поднятыми руками.

– Все кончилось. Вылезай.

– Не могу, милорд, – жалобно пискнула она. – У меня руки затекли. Когда страшное бревно сбilo вас с Бульдозером, я пригнулась. Меня лишь немного пощекотало по спине. Но лошадь испугалась и понесла! Я с трудом ее успокоила, а когда вернулась, ни вас, ни моего муженька уже не было. Там валялся огромный труп волосатого мужчины с перерезанным горлом! Рядом лежал ваш меч. Я его забрала. Снова села верхом и поехала вас спасать. Меч Без Имени держала обеими руками и тут... Вдруг! Он! Как поднимется вверх! Как полетит! Я просто не успела вовремя отцепиться, а потом было поздно и страшно. Вы бы знали, милорд, сколько раз меня шлепало по носу ветками...

– Лиечка, лапушка, перестань тараторить, – тихо попросил я. – У тебя есть нож? Тогда разрежь эти веревки, пожалуйста.

– Нет проблем! Сию минуту... Вот.

– А-а-а-а-а... Ты же мне палец порезала!

– Правда? – умилилась она. – Вам больно? О, мой бедный господин, дайте, я залижу рану.

– Не надо! – гордо отстранившись, я достал из кармана несвежий носовой платок и попытался завязать его одной рукой. Лия кинулась помогать, морщась от боли в затекших руках. Вдвоем мы провозились довольно долго, толкаясь, ворча и мешая друг другу. Потом пошли спасать Бульдозера. Так этот гад попросту мирно спал, уткнувшись носом в угол.

– Замаялся, сладкий мой, – заботливо замурлыкала Лия, постелив рядышком мой плащ и укладываясь так, чтобы спина мужа служила ей подушкой. – Ложитесь и вы, лорд Скиминок, до утра еще далеко. Нечисть к жилищу людоеда близко не подойдет, а Жана развяжем завтра. Спокойной ночи, милорд...

Я уснул сразу же, как лег. Наверно, организм просто ушел под защиту сна от всех переживаний, нервотрепки, боли и беготни. Просто отключился. Мне ничего не снилось. Зато утром, когда все встали и Лия развязала Жана, выговаривая ему за все про все, я с тихим ужасом понял, что заболел. Меня знобило. То ли я перележал на земляном полу, то ли порезавший мой бок нож был недостаточно продезинфицирован, то ли окончательно измотал себя... Вот температуры только и не хватало. С их уровнем медицины особенно. Столько дел... Господи, когда я всем этим займусь?! Счастливая воркотня супругов оборвалась так неожиданно, что я даже не заметил.

– Милорд, вам плохо?

– А ты сам не видишь?! – Лиина ладонь быстро коснулась моего лба. – Святые угодники, да у вас жар! Вы же весь горите!

– Нет... еще не весь... у меня ноги замерзли, – слабо отшутился я, но встревоженный Жан, невзирая на мои протесты, легко поднял меня на руки и понес.

Лия суетилась вокруг, вздыхая, поскуливая, всплескивая руками и причитая. Дальше не помню, наверно, опять уснул...

Черная полоса моей болезни тянулась долгую неделю. Я очнулся в домике отца Ансельма, до подбородка укрытый шкурами. Меня поили бульонами и не позволяли лишний раз вставать. Бульдозер превратился в самую заботливую сиделку на свете. Лице он доверял подменять себя лишь на три-четыре часа сна. Меня бил озноб. Я бредил, кого-то догонял, с кем-то рубился, все время требуя, чтобы Меч Без Имени был здесь, рядом, под рукой. Отшельник молился надо мной. Крестьяне приносили самые свежие продукты, обижаясь, когда им за это пытались заплатить. Один раз мне даже казалось, что надо мной склонилась Луна. Ее глаза были полны слез. Она ничего не говорила, значит, я снова бредил. Если бы она и вправду была, то разве когда-нибудь оставила меня больного, мечущегося в жару на мокрой от пота постели... Выздоровливал я очень медленно. Отец Ансельм привел одну местную знахарку, и старушка лечила меня отварами малины, багульника, хвои и еще каких-то составных сборов целебных трав.

Пан Юлий исчез, бросив супругу со всем штатом прислуги жить в шалашиках. Возможно, набирает новое, менее щепетильное в религиозном плане войско. Когда в одно солнечное утро я проснулся, мой похудевший оруженосец клевал носом рядышком. Отца Ансельма и Лии не было видно. Я осторожно встал, покачиваясь от слабости, но совсем чуть-чуть. Пошел, распахнул дверь, вдохнул полной грудью свежий морской воздух и сел на пороге. Жизнь продолжалась...

– Бульдозер! Подъем! Рога трубят, а нас ждут великие дела.

– Ми... лорд?! Я не сплю! Но как вы? Лягте сейчас же, вам нельзя вставать.

– Уже можно. Температуры нет, голова не болит, только есть очень хочется.

Жан вскочил, недоверчиво потрогал мой лоб, заулыбался и побежал встречать Лию. Оказывается, она отправилась за продуктами, а отшельник о чем-то молился у моря. Я вернулся в свою постель, поправил шкуры, заменявшие подушку, и... обнаружил сложенный вчетверо лист бумаги. Сердце предательски замерло... Я развернул лист – письмо, почерк женский, строчки ровные.

«Здравствуй, любимый.

Я так и не успела сказать тебе – прости... Почему-то кажется, что ты бы меня простил. Понял и простил. Я очень перед тобой виновата. Все, что я говорила тебе о монастыре, – это ложь. Не знаю, зачем врала, наверно, совсем потеряла голову, узнав, что ты вернулся. Но прошлое не дает мне убежать от самой себя. За те пять лет, пока тебя не было, я вышла замуж. Мой муж очень достойный человек, я любила и старалась сделать его счастливым. Было много всего: и плохого и хорошего. Так или иначе – я его жена. Мы обвенчаны перед Богом, и грешно разрушать это человеческими руками. Потом ты вернулся. Мне казалось, что мир рухнул... Я бросила все и побежала за тобой на край света. Я думала, ты вернулся за мной. Но это не так. У тебя уже сын, где-то далеко – его мать и по-прежнему твоя жена. В любое время тебя могут вернуть в твой мир. Мой муж ничего не знает. Если я вернусь, то ему даже не нужно ничего прощать – между нами ничего не было. Я должна это сделать. Только знай: я люблю тебя. Но... мы никогда не будем вместе. Прости меня. Не забывай. Не ищи.

Луна».

Вот и все. Дальше наступила пустота. Я никогда не обманывал себя, я знал, как много

места она занимала в моей душе. То, что произошло сейчас... Есть вещи, которые невозможно описать словами. Мир стал черным. Душа обуглилась. Очень хотелось кричать. Но ведь, наверно, нужно что-то другое... Помолчим.

– Прошу к столу, лорд Скиминонок! Курица уже готова, – счастливо рапортовала Лия, глядя на меня голубыми, любящими глазами. И она и Бульдозер просто светились. Добрый отшельник не мог разделить с нами трапезу по причине очередного строгого поста. Ради моего выздоровления наша ворчливая спутница закатила целый пир – печеная курица, два сорта вина, фрукты, деревенский хлеб (еще теплый), сметана, творог, зелень! Только сейчас я понял, как все-таки оголодал за время болезни.

– Милорд, мы так за вас волновались! Просто ужас какой-то. Жан ходит как привидение, меня к вам не пускает, все делает сам. Он со мной даже разговаривать перестал! Это и называется «мужская дружба», да?! Я его спать просто прогоняла, я его била! Он не хотел от вас отходить. Вот видите, прямо тут и спал. А если бы сам свалился? Не обижайтесь, милорд, но больные – такой заразный народ! Что бы я одна с вами двумя делала? Ну, а я заболела? Отец Ансельм объявил бы свой дом лазаретом, и на нас не покусился бы ни один вампир – тоже из боязни заразиться!

– Лия... – прочавкал я, – поговори еще, пожалуйста. Оказывается, я так давно не наслаждался твоей чарующей болтовней...

– О Господи! – чуть не расплакалась она. – Лорд Скиминонок, как же я вас люблю!

– Жан, ты настоящий друг. Спасибо за все. Возьми еще кусочек курицы. Ты так исхудал, заботься о моем здоровье.

– Все в порядке, милорд. Недостойно рыцаря даже говорить о том, сколько часов он провел у постели больного господина.

– Ладно, ладно, скромный ты наш. – Я похлопал его по плечу, а парень всегда так искренне реагировал на похвалу... Разревется еще, чего доброго, не хуже Лии. Хотя, если честно, глядя на преданные лица моих друзей, хотелось прослезиться самому. Вот здесь я дома.

– Локхайм не появлялся?

– Был, – кивнул Бульдозер. – Дважды. Но пана Юлия не нашли, вас не искали, а от замка по-прежнему так пахнет... Если бы могли хоть кому-то вас доверить, то попытались бы захватить Локхайм собственными силами.

– И что же, совсем никого не оказалось? – нарочито небрежно бросил я. Супруги быстро переглянулись.

– Никого! Да что вы, милорд... Ну кому бы мы могли вас доверить?! Да ни в жизнь! Да никогда! Да ни за какие коврижки!

– Спасибо...

Оставшуюся часть обеда мы просто болтали ни о чем, пересыпая застолье шутками или воспоминаниями о былых подвигах с комичным поворотом событий. Немного поговорили о нашем последнем сражении. Жан ничего не помнил, в тот момент, когда на нас понеслось огромное бревно, он успел пригнуть голову, но недостаточно низко, в результате чего схлопотал тяжелый удар прямо в лоб! Боже мой, да я всегда буду завидовать чугунной крепости лба этого средневекового парня. Всю битву мирно прохрапел в углу, включился лишь утром, двенадцать часов на холодном полу – и даже насморка не подхватил! Что случилось с Лией, вы знаете. Любоедов на самом деле было двое. Такое у них

социалистическое соревнование, семейный подряд. По-видимому, муженек действительно умел превращаться в лесного зверя. А надо признать, что вдвоем поймать кого-либо и съесть гораздо проще. Это в сказках людоеды наивно-туповаты, а на деле весьма изобретательный народ, как сибирские охотники или пигмеи в джунглях. Вообще-то у меня не так часто бои, где я выигрываю за счет личного героизма. Обычно просто невероятно везет. Я много говорю? Это нервы... просто я не могу выбросить ее из головы. Значит, все зря. Я ей не нужен. У нее все есть, и даже самая пламенная любовь не позволит нам быть рядом. В то время, когда я наконец ни за что не хочу возвращаться, она сбегает! Ради чего все?! Зачем тогда я здесь воюю? Не ради спасения дворца с финской сантехникой для королевы Танитриэль – чихать мне на королеву! Я Ивана заберу, принцу в рыло дам, дочку князю верну – и баста! Больше мне ничего ни от кого не надо. Я им вечным героем и мальчиком для битья не нанимался. Не нужен я ей?! Да скатертью дорожка! Если муж дороже, значит, любит его, а не меня. Философскую или религиозную базу я сам подо что угодно подведу. Подумаешь! Вот разберусь с делами – и уйду в загул. Деньги у меня есть, женщины и вино будут! Воспользуюсь правом первой ночи. Я ведь феодал! Даже увеличу его до права первого медового месяца. Пусть она знает... пусть.

– Лорд Скиминок, что с вами?

– А? Что со мной? Ничего.

– Вы... у вас глаза злые, – тихо сказала Лия.

– Чушь! Тебе показалось. Спасибо за обед. Нам пора собираться. Жан, в какую сторону улетал Локхайм, ты не обратил внимания?

– Он не знает. Это я видела. Он прилетел с севера и улетел туда же. Мы пойдем на север?

– Да. Лошадей вы нашли?

– На следующий же день, как вы убили людоедов.

– Тогда в путь.

Ребята быстро взялись за дело. Я очень хотел убраться отсюда до наступления темноты. Я жаждал действия. Мне было жизненно необходимо чем-то заглушить нарастающую боль души. На прощанье отец Ансельм благословил всех нас и что-то сказал каждому в напутствие. Мне досталась не совсем понятная тирада, но... наверно, в ней был свой смысл.

– Вы ландграф, но вы и человек. А человек не может своими слабыми руками разрушить то, что связано Богом. Я мог бы долго говорить с вами о спасении души... Но вы – ландграф! Это тоже своего рода крест. Если вы действительно ее любите – делайте то, что должно, и будь что будет!

Когда мы выехали в поле и направили скакунов в сторону тех деревень, что страдали от четырех людоедов, я на минуту остановил своих спутников:

– Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир, а также его законная жена Лилиана из Брокса, а ныне баронесса ле Буль де Зир, я хочу, чтобы вы оба дали мне клятву!

Супруги опасно переглянулись.

– Милорд, а... у вас какие-то сомнения в нашей преданности или вы хотите сказать, что мы от вас что-то скрываем? – торопливо выдала Лия, но я остановил ее величественным жестом.

– Клянись всеми святыми, клянись спасением души, клянись именем Господа нашего Иисуса Христа...

– Клянемся, – повторяя за мной, послушно произнесли два голоса.

– Что вы позаботитесь о моем сыне так же, как если бы он был вашим собственным!

– Клянемся.

– Что вы отдадите ему Меч Без Имени, когда мальчик вырастет, и навсегда предадите забвению его мирское имя, называя моего сына только лорд Скиминок-младший!

– Клянемся.

– Что вы никогда не забудете обо мне и, что бы со мной ни случилось, не позволите никому пачкать светлую память тринадцатого ландграфа.

– Клянемся-а-а... – На последнем требовании мои друзья разревелись в голос.

Не желая глядеть на их слезы, я припустил своего коня вперед. Не от жестокосердия, а потому что слишком велика опасность разнюниться самому. Потому я хранил неприступную рыцарскую гордость, а за моей спиной шел град взаимных упреков и жалоб, перемежающихся вздохами, всхлипами и битьем в грудь.

– Это ты... ты... все ты... О, мой бедный господин!

– Я не хотел... я думал... Но ведь ты сама говорила...

– Я не говорила, чтобы ты не говорил, что она говорила, чтобы мы ему не говорили!

– Милорд так страдает...

– Он ищет смерти, Жан!

– Я не хотел, чтобы так случилось... лорд Скиминок сильный и благородный, он справится со своими чувствами.

– Дурак! Боже, какой ты у меня дурак. У милорда сердце, а не камень. Он же раним, как ребенок... Его обидели, ему плохо, а мы...

– А что мы? Что мы можем? Он ее любит... Она его любила...

– Нет! Нет, нет, нет... так нельзя! Это несправедливо! Такой человек, как лорд Скиминок, не должен быть несчастен. Если он хочет умереть, я тоже с ним умру!

– И я умру! Вот... только...

– Мы все умрем! – неожиданно твердо заключила Лия. – А об Иване позаботится Вероника.

Потом они надолго замолчали, переваривая только что принятое решение. Я не вмешивался. Но действительно, что-то очень давно не видно Вероники... Помню, как мы отправили ее в замок моего знакомого альбиноса барона де Бесса. Юная ведьма должна была доставить туда ценный груз – королеву Танитриэль. Я надеялся, что она справится. Не считая опасной путаницы в заклинаниях, Вероника очень неглупая и ответственная девчонка. Мне ее не хватает.

Мы въехали в деревеньку и остановились у дома старосты. Лия привычно спрыгнула с седла, отправившись «покупать» продукты в дорогу. Покупать я ставлю в кавычки, потому что денег она явно никому не платила. Это скорее походило на ежедневный сбор дани. В иное время я бы, пожалуй, возмутился, но что делать, если у моей спутницы свои взгляды на социальную справедливость...

– Слушай, Жан, в мою голову забрели мысли о некоторой неполноценности нашего отряда. По-моему, перед схваткой с Раюмсдалем нам бы стоило заручиться магической поддержкой.

– Вы вспомнили про Веронику? – угадал он.

– Да, мой прозорливый оруженосец. Что-то очень уж она задерживается... Может быть, в очередной раз собралась замуж?

– Все может быть, милорд. Женщины не поддаются прогнозам и гаданиям.

Мы помолчали. Потом он начал нарочито внимательно изучать собственные стремени.

Потом все-таки не выдержал:

– Я... простите, милорд, но иногда лучше умолчать, чем сказать правду. Я был против. Не подумайте, будто бы я что-то от вас скрываю! То есть... скрываю, конечно... Но Лия сказала... и потом, даже сама Луна хотела...

– Не надо. Не говори ничего. – Я похлопал его по плечу и посмотрел прямо в глаза: – Ты настоящий друг. Ничего мне не объясняй. Я и так все знаю.

– Все? – поразился он.

– Все.

Вскоре подскочила Лия. Она воодушевленно несла две увесистые холщовые сумки, набитые нескорпортящимися продуктами. Мы подвесили это добро к седлу трусливого рыцаря.

– В путь, господа! С сегодняшнего дня сезон охоты на летающий замок Локхайм прошу считать открытым.

– Милорд, я хочу кое-что вам сказать, – шепотом попросила моя боевая спутница. – Только наедине, пусть он отъедет.

– Не надо, – таким же шепотом ответил я.

– Почему?! Вы ведь ничего знаете. Мы... мы боялись, что вы будете волноваться. Но это... ведь нечестно! Вы думаете, что Луна...

– Я все знаю.

– Как?! – опешила она.

– Так... И не косись на Жана, он ни при чем. Я все знал до ваших разговорчиков. Просто... постарайтесь больше никогда не касаться этой темы.

Лия кивнула, выдала самый тяжкий вздох, и мы пустились вскачь. Уже на самой окраине, у последних домов, нас догнал веселый крик:

– Лорд Скиминонок!

С облаков на бешеном вираже вырулила юная ведьма. Грива растрепанных волос свистела на ветру. Черные лохмотья полоскались, как флаги.

– Я вас нашла!

С этими словами она чересчур резко затормозила и, оторвавшись от метлы, вылетела напрямик на крышу соседнего курятника. Крыша такого обращения не выдержала. Треск, шум, перепуганное кудахтанье – и яростно ругающаяся девчонка, севшая «новой» юбкой на свежие яйца, отфыркиваясь вытаскивает перья из головы.

– Здравствуй, Вероника! – широко улыбнулись мы.

Теперь наша компания была в полном сборе. Хотя... не так давно я считал, что без Луны... Все! Я все забыл. У меня есть сын, есть друзья, есть враги, есть дела и нет сердца.

– Лорд Скиминонок, а вам привет от королевы! – Ведьмочка ровно вела свое помело, приспособив его к рыси моего гнедого. Лия и Жан ехали чуть позади, так что нашей беседе никто не мешал. – Я сначала доставила ее к Бессу, потом мы вылетели в Вошнахауз, а там я передала Танитриэль с рук на руки Горгулии Таймс. Они должны были с эскортом отправиться в столицу.

– Ты у меня просто умница! Мы тут тоже пережили ряд разнообразных приключений, но все кончилось хорошо. В конце концов мы всех победили. И от Люцифера удрали, и

Голубым Гиенам поперек глотки встали, и пана Юлия от милитаризма отвадили, а когда стало очень уж скучно, зарубили пару злобных людоедов.

– Ах, милорд... – завистливо вздохнула Вероника. – Какая у вас насыщенная жизнь! А у меня... Ухажеров развелось, как вшей! Стоило мне принять решение о том, что серьезные отношения мне пока не нужны, – набежала толпа желающих. Причем именно с серьезными намереньями. Все, как один, непременно хотят жениться! Другие отношения их не устраивают... Чудеса, да и только!

– Эй, подруга! – построжел я, сдвигая брови. – Что это ты там имела в виду под «другими отношениями»?

– Только чистую дружбу! – поклялась она.

– То-то, смотри у меня. Я, конечно, не мисс Горгулия, но по мере необходимости запросто отшлепаю тебя на правах старшего брата. Запомни – либо дружба, либо замуж! И никаких вариаций.

– Ой, милорд! Я же совсем забыла – вам письмо. От самой королевы... – Ведьмочка выудила из-за пазухи длинный голубоватый конверт. Так... одно письмо у меня уже было, хватит! Конверт Танитриэль пах тонкими духами. Я неторопливо взял его из рук ведьмочки и... не распечатывая, разорвал на мелкие клочки. У Вероники отпала челюсть.

– Понимаешь, я ведь и так знаю, что там написано. Ее распрекрасное Величество вновь прозрачно намекает, что, в случае экспроприации одним усатым ландграфом у одного бледнолицего принца одного вышеозначенного летающего объекта она готова:

- а) выразить свою глубокую благодарность;
- б) Поставить вопрос о короле Локхайма ребром;
- в) предложить эту вакантную должность именно мне;
- г) в случае моего очередного «мягкого» отказа последствия будут...

Ну и в конце постскриптом – жду, люблю, надеюсь на ваше благоразумие.

Вероника круто развернула метлу и, подрулив к Лие, пустилась в бурный рассказ о моем возмутительном отношении к венценосным особам.

– Не приставай! У лорда Скиминока депрессия, мы столько пережили... А что касается этой твоей королевы... Ну не хочет он ее. Не хочет!

Жан догнал меня, и вплоть до самого вечера мы скакали рядом, пытаясь обсуждать тему различных планов нападения на Локхайм. Особенно гениальных идей не было. Взять летающую крепость с воздуха возможности нет. По крайней мере, без помощи драконов... На землю Тающий Город опускается редко, только для пополнения запасов еды и питья или ради нападения на кого-нибудь. Это можно использовать, но кто его знает, когда и где Раюмсдаль решит приземлиться. Конечно, можно попробовать в качестве приманки использовать меня, хотя с принца запросто станется мучить мою светлость молниями с безопасной высоты, не ввязываясь в рукопашную схватку. Да и в любом случае для штурма требуется несколько больше народу, чем наша четверка. Желательно еще приставные лестницы, осадные машины, катапульты, тараны, огневое прикрытие, внезапность нападения, паника в рядах противника, стратегическое планирование и тактические уловки... Уф! Устал перечислять. Список объективных причин, по которым мы не можем взять Локхайм, мог бы быть очень длинным, а повод для того, чтобы его все-таки взять, – один-разъединственный. Там мой сын. Вот и все.

На ночлег мы остановились в чистом поле на холме. Пока Лия возилась с костром, Жан с лошадьми, а я с удобным возлежанием на плаще, практикантка начала активно готовиться

к очередному волшебству. Естественно, это всех волновало. Если вы попросите Веронику наколдовать вам чашку горячего чая, то при ее безалаберности запросто можете очутиться в ванне из холодного кефира! Редко кто испытывает радость от таких мелких метаморфоз...

– Милорд, что это она опять?! – напряженно подкатилась ко мне Лия. Из всех нас именно она больше других страдала от разных ведьмовских штучек длинноносой подружки. Дай ей волю, так Лия при каждом новом заклинании рыла бы себе окоп и надевала каску.

– Вероника сказала, что отряд Брумеля сумел вырваться из клещей Люцифера. Помнишь, как нас чуть не зажали на берегу? Так вот, теперь черти находятся в заданном им квадрате, то есть в замке Бесса. По отдельной договоренности с мисс Горгулией Таймс нам их сюда перебросят. Вероника обеспечит вход, а верховная ведьма выход. Ну, такую передачу с рук на руки. Так что не переживай особенно – тебя это заклинание нимало не коснется.

– Хотелось бы верить...

– Я начинаю, милорд! Окно открывается! Детей и слабонервных просят не смотреть!

На всякий случай супруги пододвинулись поближе ко мне. Вероника протяжно, нараспев затянула плохо рифмованное заклинание. Я не особенно вникал в смысл, но посмотреть всегда интересно. Она водила руками над головой, пока золотой перстень с голубым камнем на ее пальчике не вспыхнул лучом. Луч прочертил что-то вроде окна, из которого... Почему-то вылетел стул, со страшной силой просвистев у меня над головой!

– Вероника! – взревел я. – Что ты делаешь, недоучка несчастная?!

– Я? Не знаю. Я все открыла правильно. Может быть, на той стороне мисс Горгулия еще неточно скадрировала окно, вот в него и затягивает все подряд.

– Прекрати издеваться! – Следующим снарядом в нас полетел старинный буфет, полный посуды. Это напоминало взрыв осколочной бомбы! Куски дорогого фарфора брызнули во все стороны. – Почему она его не кадрирует?! Вы что, не могли наверняка договориться насчет места и времени?

– Мы и договорились! – отгавкивалась двоєчница. – Каждую полночь. Контрольный вызов. Два притопа. В случае получения положительного ответа – открытие окна и переброс. Ой, а может, три притопа?

Окно стало медленно вращаться. Вылетающие из него предметы становились все разнообразнее, а спрятаться от них становилось все труднее и труднее. Бульдозер едва ушел от тяжелой алебарды, срубившей одинокую березку за его спиной. Мне влетела в ухо миска с ежевичным вареньем, и я ругался, как харьковский извозчик, весь липкий, сладкий, противный... Лия уворачивалась дольше всех, пока и ее не накрыло тазом с грязной мыльной водой. Веронику бомбардировка почему-то избегала, возможно, отвращающий купол в своих не бьет. Черти начали выпадать так же неожиданно, словно весенний град. Первая пятерка пулеметной очередью завалила моего оруженосца. Потом еще двое улетели в темноту. Остальных небрежно раскидало по кругу, а завершающий группу Брумель плюхнулся в тот тазик, который Лия только что сняла с головы:

– Здравия желаем, господин полковник!

Магическое окно закрылось. Я с трудом заставил себя говорить ровно:

– Всем отдыхать. Планы военных действий обсудим завтра. А сейчас... Вероника?!

– Я.

– Десять нарядов вне очереди-и-и-и!!!

Удрученная наказанием, Вероника реабилитировала себя в ту же ночь. Когда все уже

спали, она маршировала вокруг лагеря с метлой на плече, изображая часового. Посреди ночи практикантка растолкала меня, безапелляционно вытащив из-под плаща. Я фыркал, ворчал и отпихивался – ничего не помогало.

– Милорд! Вставайте, милорд, там Локхайм!

– Какой такой-сякой Локхайм? Три часа ночи! Я сплю...

– Локхайм! Тающий Город! Ну, вставайте же! Я их нашла. Сейчас самое время для штурма!

– Какого штурма? – Я, когда не высплюсь, так свиреп... – Где? Кто? Сколько можно говорить, что будить благородных ландграфов надо нежно?! И только в самых экстремальных случаях. Например, когда завтрак остывает.

– Но там Локхайм! – едва не плача, заорала прямо мне в ухо бедная Вероника.

– Что?! Локхайм? Какого черта ты мне сразу не сказала? – несправедливо вспыхнул я, окончательно проснувшись. – Где он?

– Вон, за вашей спиной.

На черничном фоне ночного неба переливался разноцветными огнями Тающий Город. Он медленно опускался на землю не более чем в паре миль от нашей стоянки. Не знаю, что уж там понадобилось принцу, но упускать такой шанс было бы непростительной глупостью.

– Вероника! Ты прощена. Извини меня за неоправданную резкость. Буди всех! Через десять минут мы выступаем.

В ту ночь я вновь почувствовал себя полководцем. Если бы отец Ансельм спросил меня в ту минуту, ради чего я вновь иду на смерть, я бы не смог ему ответить. Просто потому, что не могу иначе. Мне все равно... Пусть потом будет что будет. Я хочу вернуть сына. Я хочу увидеть Луну. Больше мне ничего не надо.

Мы втроем поехали верхами, Вероника вылетела вперед разведывать обстановку. Черти двигались следом походным маршем. Час спустя наша тройка была на месте. Локхайм стоял на широкой поляне. Мы привязали лошадей в перелеске и полезли вперед. У ворот Тающего Города стоял позолоченный стол, за ним сидели трое: принц Раюмсдаль, небезызвестный экс-жених Зингельгофер и уже изрядно надоевший владыка Ада Люцифер. Туда-сюда сновали слуги с подносами. Невдалеке виднелся почетный эскорт бронированных чертей, несколько наемников принца, а Зингельгофер в охране не нуждался – он и так почти у себя дома.

– Милорд, они наверняка обсуждают какие-нибудь военные планы, – тихо предположила Лия.

– Давайте подойдем еще поближе, только без Жана, он в своей кольчуге так громыкает.

– Пожалуй, да. Бульдозер, жди нас здесь.

– Один? Ночью? Когда вокруг полно врагов? Да ни за что на свете! Лучше убейте меня здесь же. А кольчугу я и снять могу.

– Это приказ, трус несчастный! – Возвысив голос, я едва не сорвал всю маскировку, но вовремя опомнился и добавил уже шепотом: – Тебе поручается очень важное задание – дожидаться отряд Брумеля и вместе с ним тайно проникнуть на территорию Локхайма. Там полно подвальных помещений, найдете место и спрячетесь. Мы втроем присоединимся к вам позже. Главное, чтобы весь диверсионный отряд попал в Тающий Город, а охрана принца ничего не заметила. Теперь ты понял, почему я не могу доверить эту операцию никому другому?

– Понял, милорд, – согласился он. – Вы верите в меня. Я уже не знаю, чего боюсь

больше – ползти с вами, оставаться здесь или вести шайку чертей тайной атакой на Локхайм.

– Тогда делай то, что тебе приказано! – рыкнула Лия.

Жан кивнул и дал задний ход. Мы вдвоем, как опытные казаки-пластуны, незаметно приближались к заветному столику. Благо трава была высокая и кустики кое-где попадались. Уже через несколько минут удалось уловить нечеткие обрывки разговора:

– Они ударят сразу же, как только...

– Мои бойцы готовы. Я пошлю парламентаря в Ристайл. Если нам не выдадут голову тринадцатого ландграфа, то мы бросим им в окно белокурую головку маленькой...

– Нет! На принцессу у меня другие планы.

– Кришнаиты в сборе. Их бронзовый бог ждет только сигнала...

– Такого войска не собирал даже мой отец! Я буду править этим миром!

– Но Темная Сторона будет принадлежать мне!..

– И мы оба, конечно, под вашим благословением, мессир Люцифер...

К нам гибкой змеей скользнула Вероника. Я попытался пошутить:

– Ну что, лисички-сестрички, а не рискнем ли подползти еще ближе?

– Нет проблем, милорд, – грозно выдохнула Лия. – Я возьму на себя принца, у меня с ним свои счета. Еще тогда, когда он хотел меня сжечь, помните?

– Не городи чушь! Тоже мне, командос в юбке...

– Да я с ним одной левой... Таких наваляю! Вероничка грохнет Зингельгофера...

– У меня не застрянет! – подтвердила та.

– Вот и вы не сомневайтесь, лорд Скиминок, бейте промеж рогов Люцифера, и вся недолга.

На какое-то время даже мне эта бредятина показалась убедительной, но здоровый инстинкт самосохранения быстро все расставил по своим местам.

– Там охрана в двух шагах! Малейшая заминка – и из нас приготовят шведские бутерброды на палочках. Не пойдет. Я сейчас недостаточно свиреп, чтобы сию же минуту пытаться залить окрестности черной кровью моих врагов. Подождем до завтра и устроим принцу сюрприз на небесах. В любом случае – он твой. Зингельгофер, естественно, принадлежит Веронике. Тут я готов делиться. А сейчас – ползем от греха подальше. Слуги уносят вино – значит, переговоры закончены.

Ужасно жаль, что не удалось прослушать всю беседу. Но суть мне ясна, да и мы не профессиональные разведчики, правильно, что дальше не полезли! Засветились бы. Пока заговорщики прощались, пока убирали с поля мебель, мы выбрались к Локхайму, у дальней стены нас ждал верный Жан.

– Все наши на борту. Прошу садиться, милорд. Они готовятся к отлету, надо торопиться. Стража регулярно проходит здесь дозором. Поручик застолбил нам подвал поудобнее, я провожу...

– Брумель, отрядите двух бойцов на разведку, пусть проверят, сколько народу разгуливает по городу. Заодно выяснят вооружение, время смены часовых, основные посты, охрану рубки управления полетом, ну и все прочее. За час до рассвета мы должны нанести первый удар.

– Слушаюсь, лорд Скиминок.

– Вероника? Иди сюда. Я хочу, чтобы ты заняла позицию где-нибудь на крышах Локхайма, в уличных боях твоя помощь сверху может оказаться неоценимой.

– А может, я тогда...

– Нет! Вот колдовать, пожалуйста, не надо.

– Я могла бы их всех усыпить, – надулась ведьмочка.

– Не стоит! Твоими стараниями мы тут все уснем, включая и тебя лично. Висит, понимаешь, в поднебесье сонный город, ждет, пока явится принц и расколдует всех, чмокнув в ушко нашу Веронику. А если принца не будет лет сто?! Нет, базируйся на крыше, будешь скромным бомбардировщиком по кличке Карлсон. Придумай что-нибудь такое, чтоб мы могли нейтрализовать возможное численное преимущество.

– Я подумаю... – загадочно улыбнулась практикантка, мгновенно утешившись. Теперь у нее есть задание, и, возможно, она сумеет применить свою термоядерную энергию в мирных целях.

– Лия! Готовься к выходу в свет. Твоя задача обнаружить местонахождение принца и взять его тепленьким. Милочка, не делай такое зверское лицо – он нужен мне живым! И не в инвалидной коляске! Возьмешь под свое начало десять чертей, они помогут упаковать пленника.

– Спасибо, милорд! От всей души большое человеческое спасибо! Я давно искала, где бы сложить голову. Но только наверняка, быстро, без малейшего шума, патетично и возвышенно. Там ведь будет и сам принц, и его охрана, и я одна ворвусь в двери с боевым криком: «Банзай, мартышки замоскворецкие!» Гоношу всех сковородкой по головам, а когда черти забирают бессознательного принца, я уже лежу вся в крови, изнемогая в неравной схватке, и прошу передать моему дорогому лорду Скиминоку, что я его все-таки любила... Занавес, слезы, трагическая музыка, я медленно умираю в страшных судорогах!

– Отлично! Теперь разыгрывай эту пьесу по нотам, и публика тебя не убудет. Жан, твоя задача найти пульт управления полетом. Только ничего там не трогай, прикрой двери и, кроме меня, никого не пускай. Справишься?

– Наверное...

– Брумель, откомандируйте в его подчинение остальных бойцов. Ваша личная задача – поднять большой шум на южном краю, у перил, где обычно сбрасывают сходни. Я хочу, чтобы все, кто будет не занят на ловле остальных диверсантов, прибежали к вам. В бою не увязайте, надо всего лишь отвлечь и рассредоточить их силы. Всем все ясно?

– Да, милорд, – убедившись в согласии остальных, ответил Брумель. – Мы смеем надеяться, что хоть в этот раз вы будете руководить войсками из штаба?

– Не могу. У меня тут личные проблемы. Пока вы берете Локхайм, я должен найти сына.

– Господин полковник, – несколько обиженно протянул Брумель, – здесь что-то не так. Ведь если детям уделяется столь серьезное внимание, если с ними связаны такие глобальные перемены в мире, то их и охраняют соответственно! Вы раздали всем нам легкие, безопасные задания лишь для того, чтобы самому рисковать жизнью, идя на верную смерть?!

Его поддержал гул согласных голосов. Я покачал головой, но не пытался спорить. Кое в чем ребята были правы. В последние дни моя собственная жизнь волнует меня непривычно мало. Так нельзя... Я совсем расклеился из-за этого дурацкого письма. Мужуку тридцать лет, а он строит из себя романтического гимназиста с томиком стихов Северянина, сухой розой и кремневым стволем Лепажка в качестве радикального средства от несчастной любви. Перебор... Я из другой эпохи! Для меня характерны деловитость, цинизм, черный юмор и материалистическое отношение к жизни. Двадцатый век, компьютеризация сознания, нивелировка духовных ценностей... Выпустите меня из феодализма! Не хочу быть рыцарем, влюбленным в кареглазую мечту! Я устал...

– Хватит со мной спорить. Кто здесь ландграф: я или вы? Не будем впадать в демократию и утверждать голосованием перераспределение ролей. Опасности им мало... Ничего, враги на месте добавят. Делайте, что вам сказано, или я всех распушу по домам, а взятие в плен Тающего Города произведу в одиночку!

Народ стусевался и опомнился. Они искренне сочли меня вполне озверелым для реализации такой невероятно глупой угрозы. Часовые у входа доложили о возвращении двух разведчиков. Принесенные сведения оказались подробными, но малоутешительными. Во-первых, принц здесь не один, у него в гостях товарищ по бесславному прошлому, молодой вампир Якобс Зингельгофер со свитой. Отряд Раюмсдаля насчитывает не меньше пятидесяти рубак, хотя в Локхайме можно разместить и вчетверо больший отряд. Рубку управления нашли сразу, она в Круглой башне. Охрана из четырех громил. Дети находятся в западном крыле, при них четыре слуги Люцифера. Сам Тающий Город плавно движется к старому лагерю кришнаитов.

– Ну что, десантура? Пора. Нас мало, но мы в тельняшках. Врагов в общей сложности не многим больше шестидесяти, нас, считая детей, почти двадцать. Итого всего лишь по три негодяя на брата.

– Справимся, – кивнули все. – Мы им устроим День святого Скиминока!

– Тогда за дело, господа. Общий сбор в рубке управления полетом.

Отряд выдвинулся по указанным пунктам согласно утвержденному плану. Я неплохо ориентируюсь в маленьких улочках Локхайма, нагулялся в мирное время, поэтому добраться до западного крыла было незатруднительно. Ни одно здание не могло бы служить тюрьмой, везде большие окна, тонкие двери без замков или засовов, и, увидев ближайший огонек, я понял, что дети найдены. Раньше в этом домике жили две юные фрейлины королевы. Я заглянул в окно. На столе горел трехсвечовый канделябр. Мой сын тихо спал на высокой кровати, разметавшись среди кружевных подушек. У противоположной стены под розовым одеялом спала маленькая принцесса Ольга. Хотя я видел ее только один раз, спутать дочь князя с другой девочкой было невозможно. По счастью, она пошла в отца... На полу дрыхли трое раскормленных чертей. Здоровые бугаи с толстыми шеями – массивные вилы были составлены в козлы. Я заглянул за угол. Ага. Вот и четвертый дремлет на крылечке, бдительный охранник! Говорят, что предрассветный сон самый крепкий, наверно, поэтому мне пришлось пнуть часового дважды, пока он наконец не перестал храпеть и соизволил продрать глаза.

– Эх, расстрелять бы тебя, новобранца, за сон на боевом посту, да не в моей власти. Завтра же сам обо всем доложишь Люциферу. А сейчас открой дверь и тихонько войди внутрь. Не дай Бог, детей мне разбудишь!

Черт вынужденно кивнул и попытался незаметно потянуться за вилами. Пришлось приложить Меч Без Имени к основанию его пяточка. Глаза рогатого от великого испуга сошлись на переносице.

– Вот что, парень, давай знакомиться, я – лорд Скиминок. Те, кто пытается меня предать, убить, обмануть или ударить в спину, – обычно уже не похваляются своим героизмом, так как на небесах это лишнее. Ты меня понимаешь?

Он все очень быстро понял. Отточенная сталь – язык, хорошо понятный всем. Мы мирно вошли в комнату, черт осторожно переступил через спящих товарищей и встал лицом к стене, руки за голову, ноги разведены, хвост опущен. Я взглянул на стоящие вилы,

размахнулся и одним махом перерубил все три дровка. От грохота упавшего оружия Иван заворочался. Я шагнул к нему, тихо поцеловал в лоб.

– Папа...

– Да, сынок. – Он проснулся и обхватил меня за шею. Меня захлестнул неожиданный прилив отцовской нежности. – Ты не скучал без меня?

– Скучал. Здесь плохо, а из замка меня забрали. Папа, они там такого натворили... они весь дом дяди Чарльза сожгли!

– Я знаю. Не переживай, я их накажу... – У меня не поворачивался язык сказать, что сэр Чарльз Ли мертв, а он этого, по-видимому, не знал. – Сейчас мы возьмем с собой принцессу и поедem в гости к ее родителям. Да, кстати, как она тебе?

– Да так... Глупая девчонка! – вынес суровый вердикт Иван. – Играет со мной, но ничего о жизни не знает и говорить толком еще не умеет. Хнычет... От нее вообще одни неприятности.

– Тогда, может быть, оставим ее здесь? – хитро предложил я.

Иван пошел на попятную:

– Н-нет... Давай возьмем. Она, наверно, хорошая, только маленькая еще.

Словно бы услышав наш разговор, Ольга сползла с кровати и, подбежав, забралась мне на колени. Я обнял девочку, окончательно растаяв. Для ландграфа это непозволительно... Спящие черти разом прекратили храп.

– А ну вставайте все! Хана вам, печенег, за мной папа пришел! – вольно интерпретируя Пушкина, заорал мой сын.

– Да! – твердо подтвердила принцесса.

Черти вскочили, огляделись и молча отступили, зыря на мой меч злобными глазами.

– Все правильно. Выстроиться вон там, у стены, а я посоветуюсь с детишками, что нам с вами делать.

– Вот придет Люцифер... – зашипел один особо храбрый.

– Молчать! А то я буду зверствовать... Иван, как они себя вели?

– Плехо! – неожиданно заявила о себе принцесса Ольга.

– Так, так... – грозно нахмурился я, пряча улыбку. – Скажи-ка, милая девочка, они вас обижали?

– Да.

– Как обижали? Может быть, били?

– Да.

– Ставили в угол?

– Да.

– Не кормили шоколадом?

– Да.

– Мучили? Пытали? Щекотали? Не давали играть?

– Да, – серьезно кивала венценосная малявка, соглашаясь абсолютно со всем. Она воспринимала это как игру, и ей не было дела до того, сколько в этой болтовне истины. А вот бедные черти буквально извелись у стены, выслушивая обвинения в преступлениях, которых не совершали.

– Папа, – на ухо прошептал мой сын, – она все врет!

– Она шутит, – тоже шепотом ответил я. – Девочки все такие, привыкай... Эй, вы! За всю тяжесть невыносимых злодеяний, причиненных вашими лапами этим невинным детям, я

намерен поотрубать вам уши!

– Но мы же ни в чем не виноваты! Кого вы слушаете?! Это клевета! – наперебой загомонили перепуганные черти.

– Молчать! – снова рявкнул я. – Оленька, иди к Ване, посидите в уголке, пока я с плохими дядями разберусь. Иван, держи ее покрепче. Значит, так, барбосы, вон в том шкафчике наверняка есть одежда. Засекаю время – через пять минут вы должны выглядеть как лучшие фрейлины королевы! Кто не успеет, кладет хвост на плаху. Вы меня знаете... Время пошло.

Мгновение спустя дети хохотали вовсю, глядя, как старательно четыре стража облакаются в пышные женские платья. К их чести должен признать, что в положенный срок уложились все. Черти стояли навтыжку, разодетые, как куколки, от туфелек до шляпок. Общее впечатление портили только красные от гнева пяточки и плохо скрываема ненависть в глазах. Но лично мне никого убивать не хотелось, не эти четверо мне враги. К Раюмсдалю у меня гораздо больший счет... Поэтому я отдал новый приказ, и один из несчастных под угрозой меча надежно связал остальных атласными лентами по указанной схеме. Его самого я собственноручно привязал последним. Теперь четыре черта могли ходить только строем, в ритме летки-еньки, дружно двигая ногами, связанными у лодыжек, и руками, связанными у запястий. Кляпы я украсил бантиками. Красотки прожигали меня такими взглядами...

– А теперь – гулять! – Мы с детьми радостно вытолкали чертей на уже светлеющие улицы.

– Папа, а мы куда?

– Мы... Пожалуй, в рубку управления в Круглой башне, там нас должен ждать дядя Бульдозер. Возражений нет? Иван, держись рядом, Оля, садись мне на плечи – и вперед...

– А тетя Луна тоже там?

Мы двинулись напрямую, не особенно прячась. Если все идет по плану, то нас не должны нигде встретить, у каждого полно своих дел и забот. В Круглую башню тоже вошли без хлопот. У входа следы крови, но трупов не видно, надеюсь, Жан с командой уже там. Мы поднялись наверх, тяжелые двери охраняли двое ребят из группы Брумеля. Они приветствовали нас, отсалютовав вилами.

– Как дела, орлы?!

– Рады стараться, господин полковник!

Ну и ладушки... Жан встретил нас внутри. Комната чем-то напоминала капитанскую каюту. Во всю стену висела огромная карта Соединенного королевства и Окраинных княжеств, настолько подробная, что включала в себя даже мелкие деревушки на пять – десять дворов. Темная Страна так и оставалась «темной», попросту выкрашенная в перепелино-серый цвет. Линия уреза моря вычерчена достаточно четко, горы тоже более-менее, дальше сплошные белые пятна. На изящном столике в углу какие-то чисто морские инструменты типа секстанта, пеленгатора, еще чего-то в этом роде. На другом столе большой компас, над дверью – барометр. Посредине высокая тумба, на ней золотой треножник, а на нем прозрачный голубой камень размером с кирпич.

– Как прошел захват?

– Как по маслу, милорд. Никто из наших даже не ранен.

– Что слышно об остальных?

– Вроде бы был шум на южной окраине, – подумав, доложил Жан. – Там Брумель, а о

Лие ничего не слышать. Вообще-то я волнуюсь за нее. Может быть, сходим посмотрим?

– Да, папа! Пожалуйста, пойдем к тете Лие, а то тот кинжал, что она мне подарила, у меня отобрали. Я ей скажу, и она мне новый даст. Она говорила, что у нее в замке их много. Правда, дядя Жан?

– Правда, малыш. – Бульдозер легко подхватил Ивана на плечо и покружил по комнате. Принцесса Ольга с ревнивым ревом схватила рыцаря за штаны, требуя, чтобы и ее покатали.

– Жан, не изображай детскую карусель, у меня в глазах рябит... Скажи лучше, как управлять этой штукой?

– Я не знаю, – остановился он. – Тех, кто здесь был, мы... ну, они решили оказать сопротивление. Спрашивать было некогда. Я думал, вы в курсе.

– Нет...

Признаться, за все мои гуляния по Тающему Городу мне ни разу не пришло в голову поинтересоваться у Танитриэль, как управляют полетом. Знаю только, что никаких перепадов давления, качки, воздушных ям или иных неудобств, связанных с резкой сменой скорости или высоты, никогда не ощущалось. Плавное скольжение среди облаков всегда было таким естественным... Королева отдавала приказы, а опытные слуги вели Локхайм туда, куда указано. Наверное, надо найти принца, уж он-то наверняка знает.

– Сынок, ты не посидишь тут пять минут, пока мы сходим за тетей Лией?

– Нет, я с тобой хочу! – мгновенно надулся он.

Я потрепал ребенка по голове и попробовал еще раз:

– Мы сами быстрее справимся, а ты посмотри в окошко, потрогай приборы. Запри дверь изнутри на засов и немного поиграйте в капитанов. Только не ссорьтесь, хорошо? А я обещаю тебе принести настоящий меч.

– А я – щит, – добавил Жан.

Иван прикинул, вздохнул, пожал плечами и согласился. Чудо-ребенок! С ним всегда можно договориться по-хорошему – весь в меня!

Таким образом, убедившись, что дети открывают только кому-нибудь из наших, я возглавил отряд и, не скрываясь, двинулся на помощь Лие. Через пару кварталов нам навстречу выбежал запыхавшийся поручик.

– Все идет по плану, господин ландграф! – едва отдышался он. – За мной гонятся основные силы. Вероника ждет момента для решающего удара.

– Что слышно о Лие?

– Ничего.

Из-за поворота выскочили наемники, что-то около двух десятков тяжеловооруженных воинов.

– Не ввязывайтесь в бой! – заорал я. – Всем бежать на выручку Лие. Похоже, девчонка загубила операцию.

Мы развернулись и дали стрелача. Опытные наемники, уже встречавшиеся со мной раньше, не дали себя обмануть притворным отступлением. Они осторожно двинулись следом на почтительном расстоянии. Добежав до главной площади, мы услышали вой и крики. Ну, вот она, родная! Лия неслась впереди своих чертей, вереща как угорелая. Когда Жан поймал ее на ходу, она по инерции еще перебирала ногами в воздухе. Следом несся сам Раюмсдаль с двуручным мечом и отрядом телохранителей. На лбу принца сиял здоровенный синяк. Значит, с первого удара она его не уложила... Но, судя по синяку, старалась, как могла!

Мы заняли круговую оборону у фонтана. Так или иначе, силы врагов поредели, а наши

просто рвались в бой.

– Лорд Скиминок, я не виновата! Имейте в виду, я все сделала правильно! Вот если бы у меня была моя сковородка... Ей-богу, он бы уже не встал!

– Потом расскажешь. Если будет потом...

Подоспели преследователи Брумеля. Потом показались монстры в доспехах под руководством вампира Якобса. Нас хладнокровно брали в клещи. Жаль... так хорошо все начиналось.

– Ты жив, ландграф! – истерически завопил принц, углядев меня единственным глазом.

– А ты посмотри внимательнее, вдруг это все-таки не я?

– Ты! Это ты! Это всегда ты! Везде ты! Ты снова мне все портишь! Ты...

– И незачем так орать. Я и в первый раз все прекрасно понял, – голосом умного Кролика из мультфильма про Винни-Пуха продекламировал я. Не думайте, что я всегда бравирую перед смертью, просто в нашем положении больше нечего делать. Либо гибнуть в неравном бою, либо издеваться. – Я пришел за Локхаймом. Ты, наркоман запечный, на кой хрен его угнал? Хозяйка ночей не спит, плачет по своей перелетной квартире. Стыдно, гражданин! Ну-ка быстренько пакуй чемоданы и по веревочной лестнице вниз. Чего пасть раззявил? Ты ведь меня знаешь, я два раза упрашивать не буду, так отмутузю – две недели сидеть не сможешь!

Раюмсдаль ловил ртом воздух, пытаясь отыскать достойный оскорбительный ответ. Бесплезно! Он и в спокойном состоянии умом не блещет, а уж в критической ситуации что-нибудь умное ляпнуть... Кишка тонка!

– Этого не может быть! – подал тонкий голос Зингельгофер. – Он же умер! Его убили в лабиринтах Ада, его затоптал Горбатый Козел, его высосали суккубы, он утонул, он погиб во время морского сражения, он был замучен Голубыми Гиенами...

– Плюнь и забудь, дело прошлое, – отмахнулся я. – Хотя, если двигаться по твоей схеме, зубастик, я был уничтожен армией пана Юлия, съеден двумя людоедами сразу, сгорел от лихорадки и был зарублен четырьмя слугами Люцифера, не пускавшими меня к моему сыну.

– Но на этот раз тебе от меня не уйти... – начал было надуваться Раюмсдаль, но Лия припечатала его несколькими выразительными фразами:

– Завянь, геморрой одноглазый! Что мы с ним миндальничаем, милорд, инвалид так рвется на кладбище! Раненых лошадей пристреливают! Дайте мне меч, я сама его кастрирую из человеколюбия.

Принц и все его войско начали саганеть от нашей непроходимой наглости. Раюмсдаль медленно поднял руку над головой, давая сигнал к атаке. Шутки кончились. Теперь мы могли только драться, и, несмотря на явный перевес сил, враг не был безмерно уверен в победе. Рукоять Меча Без Имени оставалась равнодушно холодной. Ничего не понимаю... Я зябко повел плечами. Выдох обернулся белым облачком пара. Как-то резко похолодало, и, прежде чем бледный принц опустил руку, вся площадь покрылась тонким слоем льда.

На крыше ближайшего здания показалась Вероника. Она танцующей походкой подошла к карнизу, с изящной небрежностью села, свесив ножки и оглядев всех нас с нарочито невинным видом, тихо мурлыкнула:

– Доброе утро, милорд. Вы тут не очень скучали без меня?

– В... Вероника... – осторожно начал я. Лед был настолько скользким, что казалось, можно шмякнуться от одного движения губ в процессе разговора. – Ты отлично справилась

со своей задачей... Уличных боев не будет.

– Почему?! – взвился принц, рывком опуская руку.

Зря он так. Раюмсдаль мгновенно поскользнулся и грохнулся, сбив двух ближайших наемников. Те – других, а там по цепной реакции. Пару минут спустя все наши враги, вопя и переругиваясь, безрезультатно пытались встать на ноги.

– Эх, лихо мы их одолели! – восторженно хлопнула в ладоши Лия, прежде чем я осознал, к чему это приведет. Лиины ноги разъехались в шпагат, задев под пятку Бульдозера, тот рухнул, распластавшись, словно морская звезда, растолкав ребят Брумеля. А черти на раздвоенных копытцах и без того чувствовали себя как коровы на льду. Последним упал я, удачно брякнувшись на пузо верного оруженосца. Счастливая ведьмочка заливалась наверху серебристым смехом. Ей было весело. Все прочие ругались кто во что горазд. И мы и они не оставляли бесплодных попыток как-то подняться с необыкновенно скользкого льда. Фигу нам! На этот раз заклинание удалось на славу... Постепенно все устали и сдались.

– Что делать-то будем, лорд Скиминок? – скорбно простонал Жан, я попытался поудобнее на нем усесться и обратился к практикантке:

– Вероника, хватит дурью маяться, ты можешь убрать этот лед?

– Запросто. Но тогда они бросятся на вас.

– Логично...

Все призадумались. С одной стороны, и мы и они жаждали драки, но, с другой стороны, совершенно не имели для этого ни малейшей возможности. Ноги разъезжались с неотвратимостью супругов, делящих совместно нажитый телевизор, – какой там мордобой! Но и долго лежать на холодном льду, на каменной мостовой, высоко в небе, обдуваясь утренним ветерком, тоже не сахар.

– Эй, принц! Кончай ругаться – ты ж захлебнешься собственной злобой. Предлагаю разумное перемирие.

– Сволочи! Мерзавцы! Дегенераты! Чего ты от меня хочешь, изверг?!!

– Опустит Локхайм на землю, там в чистом поле и подеремся.

Все присутствующие согласно загомонили. Принц подумал, поругался, поплевался, а потом тоже согласился.

– Только я не могу встать, чтобы дать приказ о спуске моим людям. Пусть твоя проклятая ведьма отведет меня в Круглую башню.

– Это лишнее, – сухо отказал я. – Вероника, лети сюда.

– Сию минуту, милорд!

Когда она остановила разгоряченную метлу над нашим лагерем, я перешел на заговорщицкий шепот:

– Там в башне дети – Иван и Ольга. Я наказал никого не впускать, но тебе они откроют. Ты сможешь убедить моего сына?

– Думаю, да. А потом мне нужно опустить Локхайм вниз?

– Но... что? Ты это можешь?! Ты хочешь сказать, что знаешь, как управлять Тающим Городом?

– Конечно знаю, – кивнула Вероника. – Я не раз видела, как...

– Лети, ласточка, умница моя! Вероника, дай я тебя поцелую.

– Вот вечно так, – глухо заворчала Лия, лежа на спине под чьей-то ногой и силясь перевернуться. – Если речь о поцелуях, то это для Вероники, а если о синяках да шишках, то это безобидной мне! Где справедливость, я вас спрашиваю? Нет справедливости.

Вот тут с ней все согласились. Сколько нас здесь ни лежало – и наших и ихних, – все дружно согласились с тем, что «нет правды на земле». Не правда ли? «Но правды нет и выше...»

– Ландграф, сволочь усатая! Где твоя подлая колдунья? Что ты на этот раз задумал? – вновь решил показать свой норов принц.

Мне лень было с ним ругаться, но, с другой стороны, иных развлечений тоже больше не ожидалось.

– Остынь, пеноиспускатель! Вероника знает, что делает.

– Я тебе не верю, негодяй!

– Погрызи лед на мостовой, помогает...

Не верит он... В общем, правильно. Я и сам себе не всегда верю. Так, неспешно коротая время в непосредственной беседе, мы ожидали спуска на грешную землю. Судя по движению облаков, Локхайм действительно шел на посадку. Неожиданно мостовая плавно наклонилась. Наша диверсионная группа покатила вниз и врезалась шумной толпой в золоченые перильца. Я на Бульдозере, мне ничего, а вот Лия долго верещала о том, что кто-то из чертей неприлично прижал ее за мягкое место, и если Жан действительно считает себя ее мужем, то он просто обязан сию же минуту встать и... Обвиненный черт отпихивался от Лии как мог, но на наклонной обледенелой плоскости это было практически невозможно. По другую сторону от нас с таким же грохотом и лязгом вцепились воины Раюмсдаля и Зингельгофера. Ругань грянула с удвоенной силой, по счастью, перильца, при видимой легкости, отличались завидной прочностью – через борт не свалился никто. Все-таки мы снижались, я увидел кроны деревьев. Локхайм гулко бухнулся на землю, вздрогнув до флюгеров. Лед начал быстро таять. Через несколько минут все стояли на ногах, мокрые, злые и совершенно не склонные к мирным переговорам. Я чувствовал себя так же. Раюмсдаль причинил много зла Срединному королевству, но это касалось меня лишь боком. Одного я никогда бы не смог ему простить – смерти сэра Чарльза Ли. Хотя в их средневековые подобные кровавые разборки – самое обычное дело. Соседям все равно, король поощряет выживание сильнейшего, родственники мстят, если могут, а церковь, как правило, дает возможность замолить грех щедрыми подношениями. Я почему-то решил, что убить принца – это мой долг, и намеревался выполнить его во что бы то ни стало! Но очень бы не хотелось подвергать случайному риску своих друзей.

– Эй, принц! Твои дебилы готовы умереть во славу бесплодного потомка Ризенкампа?

– Гад, мерзавец, подлец! – мгновенно включился Раюмсдаль.

Это хорошо, сейчас я доведу его до «белого каления», а потом веревки вить начну. Главное, чтоб Лия не влезла со своими «дополнениями»...

– Я – лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени – вызываю тебя, поганка в юбочке, на рыцарский поединок!

Все замерли. Наши – от восхищения моей воспитанностью и дворянской гордостью, противники – от моего хамства и наивности.

– Тебе не перехитрить меня, Скиминок. Папа дрался с тобой честно и погиб. Бабушка тоже проявила излишнюю мягкосердечность – ты взорвал ее прах, заставив душу веки вечные скитаться, не имея пристанища. Нет. Я не повторю их ошибок. Мы просто задавим вас количеством, а твое тело я лично изрежу на кусочки, сожгу и пепел развею по ветру. Чтобы ты никогда больше не воскрес, ландграф!

– Ну, как хочешь. Мое дело предложить. Значит, будем просто махать стенка на стенку.

Только... вот что, тебе Локхайм не очень дорог?

– В каком смысле? – не понял принц. – Ты хочешь его у меня купить?

– Нет, конечно. Я просто подумал, что, если мы будем рубиться здесь, кто-нибудь может ненароком поцарапать фонтан, или испачкать кровью стенку, или еще что-нибудь в этом роде. Жаль портить такую красоту. У меня обостренное чувство эстетического наслаждения, хотя где тебе понять душу художника...

– От такого же слышу!

– Тогда, может быть, спустимся на землю и подеремся как интеллигентные люди?

– Пожалуй, да, – сощурился принц. – Только дождемся твоей ведьмы. Я не хочу, чтобы город был уведен под облака, пока мы делаем из вас котлеты.

– Справедливо, – признал я. А жаль... В глубине души я именно на это и надеялся. Не такой уж он дурак, этот Раюмсдаль. Моя военная хитрость успешно села в лужу.

– Ваше задание выполнено, милорд! – заорала из-за ближайшей крыши наша Вероника. – Только не начинайте без меня. Вы ведь обещали мне Зингельгофера, не забыли?

Рукоять Меча Без Имени горячила ладонь. На этот раз мы стояли в полном вооружении на чистой лесной поляне, в двадцати шагах от приземлившегося Локхайма. Принц разумно руководил своими войсками из-за их же спин, как, впрочем, и юный Якобс. Наши черти прикрывали тыл, я держал фронт, мои фланги – Вероника с Бульдозером, Лия облаивала противника из центра. Хорошо, что у наемников не оказалось ни луков, ни арбалетов, в основном люди были вооружены короткими мечами или секирами. Это были опытные воины, они правильно производили захват и надеялись взять нас меньшей кровью.

– Вперед! – не выдержав, заорал принц.

– Нет! Минуточку, минуточку, – подпрыгивая, завопила Лия. Все почему-то остановились. – Тысячу извинений, благородные господа мужчины, но... вынуждена вас покинуть. Дамские проблемы, так сказать. Критические дни. Нервы, сбои, тошнота... Никто не против, если я немного посижу в кустах? Спасибо.

Лия демонстративно прошла сквозь кольцо врагов, скрылась в желтеющем орешнике и уже оттуда добавила:

– Без меня не начинайте! Но уж если очень хочется – разомнитесь немного...

Все также пожали плечами, словно решили и в самом деле подождать. Раюмсдаль соображал быстрее остальных и поэтому опомнился первым:

– Что вы застыли, идиоты?! Теперь они слабее на одну девчонку. Убейте всех!

Ладно, лица нападающих вновь стали суровыми. Кое-где первые осторожные выпады мечей уже скрестились с зазубренными вилами. Но, прежде чем все включились в общую забаву, из ворот Локхайма в ритме популярного детского танца выскочила четверка фрейлин. Ясное дело, народ опустил оружие и отвлекся. Рослые, нарядные девушки, скрывавшие лица под вуалями, бодрыми прыжками подбирались к нам. Они держались в затылок друг другу, страхуя впереди стоящего за бока. Зрелище интриговало...

– Милорд, кто это? – ошарашенно спросил Жан.

– Старые ведьмы из Тихого Пристанища?

– Не-ет! – протестующе зашумели присутствующие.

– Тогда, может быть, Голубые Гиены?

– Ну, не-ет!..

– Даже не знаю, что еще предположить... Балерины из Большого театра? Кришнаиты в

экзотических костюмах? Рыцари Люцифера в женских платьях?

– Да чтоб у тебя глаза повылазили, ландграф! – не выдержав, взорвался Раюмсдаль. – Раскрой зенки! Не видишь, что это фрейлины королевы Танитриэль?!

– Точно! Они самые! Вылитые фрейлины! – удовлетворенно загомонили все, полностью переключив внимание на вышеупомянутых особ. Красотки допрыгали до монстров Зингельгофера и начали загадочно изгибаться, словно пытаюсь сказать что-то безмерно важное. Человекообразные уроды восприняли это как чисто женское кокетство. Они отложили мечи и, не стесняясь никого, принялись похотливо щупать попискивающих «дам».

– Лорд Скиминок, – фальцетом попросил покрасневший Якобс, – вы не будете против, если мои мальчики на часок-другой отвлекутся от сражения? Мы ведь пропустили вашу спутницу. Надеемся, что и вы подождете, пока мы кончим?

– Не могу ответить отказом на столь вежливую просьбу! – поклонился я. – Эй, принц недоношенный, ты подождешь друга или все-таки намерен драться неполными силами?

– Сволочи! Трусы! Грязные свиньи!

– Все ясно, он подождет. Зингельгофер, начинай...

На переодетых слуг Люцифера навалилась счастливая команда из шестнадцати разнообразных уродов. Жан было заворчал, что рыцари так не поступают, но под моим насмешливым взглядом быстро заткнулся. Наемники принца тоже сунули мечи в ножны и окружили своих союзников, радуясь получению хотя бы созерцательного удовольствия. Тряпки, ленты, обрывки платьев полетели во все стороны... Из кустов выбежала отдохнувшая Лия и удобно затесалась между мной и Бульдозером.

– Что новенького, милорд? Такое скопление напряженных мужчин... Они там, кажется, кого-то потрошат?

– Сейчас все увидишь сама. Ты пришла как раз вовремя.

Тихий вздох удивления прошелестел над вражеской толпой. Следом за ним длинный вопль разочарования. А уж напоследок оглушающий рев уязвленного мужского самолюбия. Ну, вот все встало на свои места.

– Внимание, ребята! Сейчас оно начнется...

– Что начнется? – переспросила Вероника.

– Нас будут бить. Долго. Невзирая на личности и должности, звания и заслуги перед отечеством.

Теперь войска противника были уже в самой крутой степени бешенства. Довести мужиков до большей ярости – просто не представлялось возможным. Но когда нашим глазам предстали четыре люциферовских рогоносца в кружевных обрывках и с красными от стыда рожами, мы не выдержали... Наши черти едва не валились с копыт, хватаясь за животы, ведьмочка хохотала как сумасшедшая, Жан и Лия ржали в один голос, да так заразительно, что даже наши противники остановились в нерешительности. Посмотрели на бывших «фрейлин», и... безудержный смех грохочущей бурей вырвался наружу! Веселуха полнейшая! Неулыбчивы были лишь Раюмсдаль, Зингельгофер да разобиженная четверка охранников. Мы все не скоро успокоились.

Наконец принц сумел навести жалкое подобие дисциплины, хотя поднять прежний боевой дух уже не удавалось. Наемники сдержанно хихикали, пытаюсь грозно насупить брови, и нехотя брались за оружие. Мы тоже постарались вспомнить, где находимся, и стать хоть чуточку серьезнее.

– Убейте их! – уже не помню в какой раз завопил одноглазый Раюмсдаль. – Я хочу

поставить свою ногу на отрубленную голову этого проклятого ландграфа.

Словно бы в ответ на его приказ, Тающий Город вздрогнул и сдвинулся влево. Никто ничего не понял. Локхайм неожиданно легко воспарил к белым облакам...

– Улетел... – тихо констатировала Лия, но в наступившей предгрозовой тишине ее слова прозвучали майским громом. Мы все почувствовали себя обманутыми в лучших чувствах. Тающий Город не достался никому...

Наемники вновь сунули мечи в ножны, Зингельгофер стрелял глазками по сторонам, явно что-то замышляя в кругу своих ужасиков. Лия, Жан и Вероника продолжали тупо рассматривать небеса, а бедный Раюмсдаль присел на кочку, обхватив голову руками, и раскачивался с тихим скулением. Драться уже никому не хотелось...

– Это ты, ты, ты... Ты опять во всем виноват, Скиминок паршивый!

– А ну, подбирай выражения, крыса Шушера! – в свою очередь обиделся я. – Сам небось оставил кого надо в тайной комнатке, а перед нами комедию ломаешь, будто бы и знать не знаешь, куда полетел небесный особняк!

– Я оставил?! – взвился оскорбленный принц. – Да если хочешь знать, все мои люди здесь! Все до единого! Это ты хитростью овладел секретом передвижения Локхайма и спрятал в Круглой башне своих жалких рабов. Ты украл мой город!

– Не надо петь военных песен! Никто из нас, кроме Вероники, не знает, как ездить верхом на вашем крылатом паровозе. А Вероника здесь, вот она!

– И вообще это не ваш город, а королевы Танитриэль, – высунулась из-за моей спины неугомонная Лия.

– Нет, мой, мой, мой! Что вы опять встали, трусы? Убейте же их, наконец! – впал в полную истерику принц Раюмсдаль. Воины, уже с изрядной долей раздражения, опять взялись за оружие.

– Стойте, стойте! – внезапно закричала юная ведьмочка. – Посмотрите, он возвращается.

Небо над нами действительно потемнело. На землю легла огромная тень. Ударил резкий порыв ветра, и в воздухе запахло серой. Я почувствовал желание слегка присесть.

– Господи, это не Локхайм, – успел сказать кто-то, даже не знаю кто. На нас опускался черный дракон. Он был огромен! Мгновенье спустя мы все, не разделяя на правых и виноватых, были атакованы струей пламени. Двое наемников сгорели заживо, черти бросились врассыпную, унося снопы искр на пушистых спинах. Мои ребята держались кучкой, а остальные с воплями пытались удрать или зарыться в землю. О дружном сопротивлении не было и речи. Люди и не люди давили друг друга, топтали упавших, дрались в бессмысленных попытках укрыться за толстыми стволами ближайших деревьев. Это не очень спасало, но давало хоть какую-то надежду уцелеть. На меня напало тупое безразличие, граничащее с нечеловеческой яростью. Меч Без Имени со свистом резал воздух, но дракон не опускался в пределы его достигаемости, подавляя нас чисто огневой мощью. Мне здорово обожгло правую руку. Я скрючился, сунул меч в поясное кольцо, потом подхватил валяющиеся в траве вилы и левой отправил их прямо в морду пролетающего монстра. Они не долетели... Но похоже, дракон сообразил, что ему пытаются противоречить. Черный звероящер ответил бешеным турбинным ревом и бросился на меня. Плюньте в глаза тому, кто скажет вам, что рыцарь может один на один завалить дракона. Чушь! Брехня! Хвастливый треп менестрелей! Я и опомниться не успел, окончательно оглохнув от рева и ослепнув от

огня, когда здоровенные когти обхватили меня поперек тела, как обручи бочку. Он бы мог попросту сжать лапу и выдавить из меня все соки, как кетчуп из бутылочки. Храбрый Бульдозер с зажмуренными глазами бросился вперед и наобум рубанул зверя, попав по лакированному крылу. Удар получился что надо! Дракон рванул вверх, сбив Жана хвостом. Лия истошно вопила нам вслед, отважно размахивая горячей веткой. Веронику я не заметил, других людей на поляне уже не было. Кругом бушевал пожар, валялись обгорелые трупы, стонали раненые, дымилась земля, а мне впервые в жизни было действительно все равно. Дебильное ощущение себя пятнадцатилетним подростком, желающим доказать всему миру, как сильно его обидели и как всем будет плохо, когда он так бесполезно погибнет. Или героически, но это уже не имеет решающего значения. Господи, как все глупо!

Дракон унес меня довольно далеко, приземлившись у высокой горы. Там еще оказалась пещера, большая, туда он и направился. Хочу отдать зверюге должное – несмотря ни на что, у меня каким-то образом уцелели все ребра. После недолгого подземного путешествия по тоннелю мы вышли в обширную пещеру. Свод потолка был настолько высок, что дракон мог свободно вставать на задние лапы, вытянув шею, а общее пространство легко позволяло ему поворачиваться. Горело много магических факелов. Знаете, такие бронзовые треножки с ровным зеленым пламенем, я их много раз видел у мисс Горгулии. Очень удобная вещь, даже лучше нашего электричества. Заряжается один раз и на всю жизнь, когда хозяин приходит – автоматически загорается, когда уходит – гаснет.

Дракон осторожно положил меня на груды золотых монет. Ого, я как-то не сразу понял, что весь пол в пещере был устлан пластами золота. Где деньги, где украшения, где посуда, где просто золотой песок – но завалено благородным металлом буквально все! В дальнем углу блестело небольшое озерцо родниковой воды. Дракон развернулся и лег в двух шагах от меня, уставившись на мою особу немигающим взглядом:

– Кто ты?

Да, разговаривать умеет, вот только я не в том состоянии, чтобы чесать языком. Сейчас сорвусь, нагрублю, а потом...

– Ты не можешь говорить? Или не хочешь?

– Не хочу!

– Ты груб и неучтив, сэръ рыцарь.

– Что?! – взорвался я. Нервы, нервы, мне ведь только искры зажигания не хватало... – Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала! Какого рожна мне быть вежливым с доисторическим птеродактилем-огнеметом? Можно подумать, это я напал на неповинных путников, половину сжег, половину ранил, местность изуродовал – теперь вокруг одни головешки. Ты хоть что-нибудь об экологии слышал? Там же лет десять ничего расти не будет, дубина стоеросовая! Вежливость и учтивость ему подавай... На себя посмотри!

– Там был заклятый враг всех драконов – принц Раюмсдаль!

– Ну, был, и что с того?! Ты хоть поинтересовался, как я к нему отношусь?

– Как? – запоздало опомнился дракон.

– Да мы враги до гробовой доски! Ясно тебе? Я воюю с ним уже лет семь, и в тот самый момент, когда я припираю гада к стенке, появляешься ты, поливая меня крупнокалиберным пламенем! Придурак...

– Все равно...

– Что все равно?!

– Все равно, – тихо ответило чудовище. – Мог быть и повежливее с дамой...

Возможно, у меня отвисла челюсть.

Итак, это был не дракон, а особа женского пола, так называемая драконица. Хотя чего тут особенно удивляться? Раз они вообще есть, то должны как-то размножаться. Просто, общаясь с Кроликом и его друзьями, я как-то ни разу не встречал дракониц, а мой белокрылый друг тоже не заводил разговоров на эту тему. Драконы древняя раса, у них свои представления о том, что может быть интересно людям. Помолчав некоторое время, я решил не строить из себя неприступную элиту и начал знакомиться:

– Ты спрашивала, кто я? Извини, что не ответил сразу. Погорячился... Я – Скиминок. Лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени.

– Я слышала о тебе, но вскользь. Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, то прими и мои извинения.

– Договорились... Вот Меч Без Имени – он единственный в своем роде. Тот, кто его носит, – ландграф. Так что не сомневайся, я не вру.

– Понимаешь, – вздохнула драконица, – я увидела, как в небесах уходит Локхайм, а на земле остаются люди, ну и...

– Женское любопытство?

– Да.

– А потом ты узнала Раюмсдаля?

– Когда я увидела его, у меня помутился рассудок. Мы воюем с родом Ризенкампа уже не одно столетие. Они убивают драконов ради их крови. Ты ведь слышал, что все чернокнижники мира используют драконью кровь для своих грязных заклинаний.

– Читал, очень многие авторы об этом пишут. Но по-моему, Раюмсдаль не маг. Зачем ему кровь?

– Он убийца. – Глаза драконицы вновь вспыхнули красным огнем. – Он убивал нас ради забавы. И взрослых, и немощных стариков, и едва вылупившихся детей. На Локхайме стоит довольно мощное оружие, способное поразить нас на расстоянии. Мы избегаем встреч с Тающим Городом.

– Ладно. Поставим еще одну галочку против обязательства срочно пришепнуть принца, – согласился я. – Одного не пойму, зачем ты тогда меня похищала?

– Ты не похож на других.

– Хм... весьма сомнительный комплимент. По-твоему, я вкуснее?

– Нет... – Драконица мило улыбнулась, демонстрируя эффектные зубки. Меня бросило в дрожь, пусть улыбается пореже. – Я не ем людей. Могу убить, если это необходимо, но есть не стану. Нельзя питаться тем, с кем разговариваешь на одном языке.

– Разумно. Ну и на том спасибо! А теперь скажи, как мне выбраться к ребятам?

– Ты уже уходишь? – огорчилась она.

– Дел полно, – пожал плечами я.

– Останься, ландграф. Поговори со мной. Я... совсем одна. Если хочешь, возьми золото, но... Не уходи так сразу.

– Хорошо. Признаться, мне бы стоило задержаться и отдохнуть. Глаза болят, а уж про руку... Ты меня здорово ошпарила.

– Прости...

– Я не сержусь. – Почему-то мне тоже захотелось улыбнуться. – Меня зовут Скиминок, представляюсь второй раз, а тебя?

– Тень.

– Тень?

– Да, это мое имя. Из-за цвета шкуры. Ты хочешь есть, Скиминок?

Полчаса спустя драконица вернулась. Она принесла тушу только что убитого оленя и прямо на моих глазах испекла ее целиком одним дыханием. Мясо было нежным и превосходным на вкус, хотя лично я добавил бы соли и специй. Тень раскрыла один из больших золотых сундуков и вытащила оттуда запечатанный кувшин.

– Это вино. Я сама не пью, но всегда рада предложить гостю. Тем более что гости у меня такая редкость... Угощайтесь, ландграф.

– Спасибо. Грех отказывать такой любезной хозяйке, – галантно поклонился я.

Потом отыскал кинжал с золотой рукоятью и отбил сургучную пломбу с кувшина. Действительно, густое старое вино. Марочное, наверно... Аромат дивный! Кубков вокруг тоже было в избытке – мы устроили пир горой. Все-таки приятно, что драконы в большинстве своем человеколюбивые создания. Чем-то мы их забавляем. Черная драконица, оказывается, умела не только говорить, но и слушать. Редкое качество для одинокой женщины! Я долго рассказывал какие-то эпизоды из наших приключений, о войне с Ризенкампом, о Зубах, о похищении моего сына Люцифером. Тень говорила о своем нелегком детстве, о погибших родичах, о затянувшемся одиночестве. Вино развязало язык и ударило в ноги, но голову оставляло ясной, так что я говорил, даже не заплетаясь. Постепенно речь зашла о любви...

– ...а под шкурами лежало письмо. От нее, понимаешь? У меня сердце остановилось. Открываю, читаю, ну... в общем, если говорить сжато, она меня любит, но жить будет с другим.

– Почему?

– По Пушкину! «Но я другому отдана и буду век ему верна...» У нее такое чувство долга. Она... вообще-то, все это правильно. Их венчали в церкви, она шла за него по собственному желанию, ее никто не заставлял.

– Тогда чего ты морочишь ей голову? – мягко повела плечами Тень. – Отпусти и забудь.

– Отпустить? Да она сама ушла. Забыть? Хорошее слово... Ты думаешь, это легко? Ты когда-нибудь влюблялась вот так – безумно, безоглядно, бесповоротно. Я же все пять лет ею грезил! Я на луну в небе смотрел – душу щемило. А когда вернулся к вам сюда, когда встретил ее... Да не нужна мне эта слава, подвиги, интриги! Живите все, как хотите, а мне дайте маленький домик, чтобы Иван играл во дворе в рыцарей, а моя Луна, улыбаясь, накрывала на стол. Я за такое тихое счастье все отдам! Я люблю ее...

– Тогда почему она морочит тебе голову? Раз у нее такие твердые взгляды на законный брак, то и нечего было бегать за тобой по всей стране. Она тебя целовала? А зачем?

– Да любит она меня, пойми! Я же видел ее глаза... Так может смотреть только та женщина, которая действительно любит! Она, конечно, вернется к мужу, будет с ним жить. Может быть, даже сможет стать счастливой, но... Я не верю, что хоть когда-нибудь она меня забудет.

– Все забывается, – философски вздохнула драконица. – Пройдет время, и лет через десять ее черты начнут расплываться перед твоим внутренним взором. Потом ты не сможешь вспомнить голос, хотя когда-то он звучал для тебя серебряными струнами. А с годами даже ее имя не вызовет у тебя ничего, кроме сладкой боли. Но и ту можно вытеснить другой любовью. Найди себе молоденькую девчушку, очаруй своим героизмом, красотой,

страданием, позволь ей любить себя, и она наполнит твою жизнь светом. Тогда Луна, что бы она ни значила раньше, займет лишь вечное место в пантеоне памяти твоей души.

– Ты права, Тень. – Я налил еще и выпил махом. – Самое паршивое, что ты совершенно права. Человек такое подлое существо – ко всему привыкает... Просто... просто сейчас мне больно!

– Я понимаю... Может быть, только я и способна тебя понять, как никто другой. Сердце сбивает свой ритм, небо кажется тесным, когда дорогое тебе существо исчезает, не сказав ни слова на прощанье. Даже не узнав, как сильно ты его любишь! Тогда не остается ничего... Ни веры, ни надежды. Лишь далекие мамины сказки о белом драконе, который обязательно прилетит, только чтобы взять меня замуж...

– А у нас врут девочкам про сказочного принца на белом коне. К великому сожалению, белого цвета на свете вообще не слишком много. Жизнь почему-то предпочитает краски другого цвета, в моде цвет хаки. А уж белый дракон... Был у меня один такой знакомец, с дефектом речи.

– Кролик?! – ахнула Тень и не хуже любой дамы Срединного королевства бухнулась в обморок.

Женщин я уже настропалился приводить в чувство. Хлоп-хлоп по щекам, глоток коньяку в рот – и за шкуру под холодный душ. Очень помогает! А вот как быть с драконицей... Дать ей по щекам, а если она меня неправильно поймет? Ам – и все! Плакали добрые намерения. Может, вина в пасть налить? Почему бы и нет? Все равно засунуть ее целиком под душ нет никакой возможности... Я на подгибающихся ногах, но с ясной головой, прижимая к животу кувшин, подковылял к валяющейся даме, засунул горлышко промеж огромных зубов и выбулькал весь остаток. Даже если предположить, что я сам выпил целый литр, то в драконью глотку вылилось не меньше пяти. Тень закашлялась, но проглотила. Ее бронированные веки дрогнули и открылись.

– Что со мной?

– Ты упала в обморок, подруга, – охотно объяснил я. – Вот уж не знал, что у драконов такая ранимая психика. Валерьянки попей, спи побольше, гуляй не меньше двух часов в день, ну и диета, конечно... Должно помочь.

– Я... никогда раньше... Не понимаю, с чего это...

– Я тоже не предполагал, что прообраз белого и пушистого с ушками вызовет у тебя столь сильное потрясение. Ты его знала?

– Нет, – кротко ответила Тень, глядя в потолок.

– Врешь... – не поверил я.

– Конечно, – так же кротко согласилась она. – Драконы совершенно не приспособлены для вранья. Я знаю Кролика. Это он ничего обо мне не знает.

– Расскажи. Тебе станет легче. Мы с белокурым звероящером хорошие приятели, не один раз на пару рисковали жизнью. Он доверяет мне... Возможно, я и смогу познакомить вас на вечеринке. Ну а там... все в твоих руках.

– Право, но... даже не знаю, как начать...

– Давай с самого начала. – Я поудобнее привалился к теплomu боку драконицы, и она, страшно смущаясь, начала свою лирическую повесть. Ее язык слегка заплетался, но не настолько, чтобы усложнить нам беседу.

– Я влюбилась в него еще совсем девочкой. Только-только начинала летать, а он уже

вдохновенно парил в... в этом... в поднебесье. Наши семьи жили рядом, родители дружили. У Кролика не было отца, он погиб, спасая от наводнения жителей горной деревеньки. Такая трагедия. От горя юный дракон заболел. Я так за него переживала... Я ночей не спала... А когда он наконец выздоровел, то уже не мог произносить слова так хорошо, как раньше. Представляешь? В нем проснулась страсть к путешествиям. Кролик улетал все дальше и дальше. Гад... Я подолгу не видела его, а когда мы случайно встречались во время его коротеньких визитов домой, он... Он видел во мне только маленькую робкую дракошку и вечно подшучивал надо мной... моей подростковой угловатостью. Я была ему... неинтересна. Понимаешь-шь...

– Хм... поглядел бы он на тебя сейчас!

– Т-ты находишь меня при-вле-ка-тель-ной? – искренне поразилась она.

– Да, – честно кивнул я. – Ты чертовски соблазнительна! Хотя мне трудно судить о красоте драконов (вы величественны и прекрасны все без исключения), но, по-моему, ты высокая, гибкая, красивая брюнетка с обалденной фигурой и выразительными глазами. К тому же ты вся черная...

– Не надо, ландграф! – чуть не плача, выкрикнула Тень. Она обхватила голову лапами и начала с опасной резвостью постукиваться лбом о стену. Посыпалась щебенка. – Мы не виделись с ним лет шестьдесят. Сейчас он, наверно, весь... уже... женат. Возможно, у него даже есть дети... др-р-рконятки...

– Не припомню ничего подобного. Конечно, я простился с ним эдак лет пять назад. Много могло произойти, но, сколько мы ни болтали, он как-то ни разу не касался женщин. По-моему, его сердце вполне свободно.

– Т-ты это серьезно?! – Тень перестала калечить стену и вперилась в меня с пьяной суровостью. – Говори мне только эту... правду! Горькую, но правду! Я все п-переживу...

– Да нечего особенно переживать. Говорят тебе, пьянь зеленая, никого у него тогда не было – ни жены, ни подруги, ни любовницы. О детях он вообще не заикался. Если среди нашей компании и был кто холост, так это твой Кролик.

– Мой Кролик... – сентиментально всхлипнула она. – Мой! Конечно мой. О, ландграф, повтори – он не ж-женат?

– Нет, – твердо решил я.

Если за мое долгое отсутствие белый дракон умудрился залететь под венец – я пропал! Тень сожрет меня с потрохами, невзирая на обычные принципы. Черная драконица мечтательно прикрыла глаза, немного покачалась, а потом всей тушей рухнула на пол, подняв тучу золотых брызг, и... захрапела. Пьяная в стельку! Даром, что не пьет, вот одного кувшина ей и хватило. Тренироваться надо... Теперь жди, пока проспится. Я побродил по пещере, не нашел ничего особенно интересного и тоже решил вздремнуть. Привалился поближе к Тени... А проснулся от ожога – Меч Без Имени давал знать, что опасность совсем рядом!

Зеленый свет магических факелов отбрасывал дрожащие тени четверых рослых мужиков. Они были вооружены топорами с широкими мясницкими лезвиями, а позади пугливо топтался еще один. Сухонький такой старичок в пестрых одеждах и колпаке, расшитом звездами. Подозрительно походивший на мага. Недолюбливаю я их...

– Спит! Она спит. Неслыханная удача! – радостно закудахтал старичок. – Убейте же ее, и это все золото ваше!

Бородатые лесорубы удовлетворенно поплевали на ладошки, но поздно, я уже

окончательно проснулся.

– Руки вверх! Вы задержаны при попытке перехода государственной границы. Произвожу предварительный таможенный досмотр – деньги, оружие, наркотики? Все на стол! В случае злостного неподчинения буду немилосердно карать большим мечом товарища Держинского.

Незванные гости глядели на меня круглыми от ужаса глазами. Нет, испугались-то они не моей патетической болтовни, а возможного пробуждения драконицы. Тень даже ухом не повела. Что ж, паршивый из меня будильник...

– Кто ты, сын мой? – переключился на ласковый елей местный маг. – Ты, наверно, пленник этого ужасного зверя? Не бойся, мы спасем тебя. Только не кричи...

– Я – лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени! – в отместку проорал я так, что едва не сорвал голос. Бесполезно, драконица опять не проснулась. Незнакомцы опять от души побледнели...

– Ты что, с ума сошел?! – наконец гулко выдохнул самый рослый из мужиков. – Разбудишь же, идиот!

– А вы, прошу прощения, кто такие?

– Мы – охотники на драконов.

– Понятненько... Тогда вот что – возьмите себе по паре монеток, как сувенир на память, и идите по домам.

– Что это он городит? – переглянулись охотники, а тощий маг начал нервно подергивать головенкой.

– Если тут кто чего не понял, то дважды объяснять не буду. Я – представитель охраны редких животных, слышали о таком? У нас с браконьерами строго. Одним штрафом в двадцать гильденов и пять тугриков не отмажешься. А то мне что-то показалось, будто вы хотите бессовестно обокрасть невинную спящую красавицу?

– Не совсем... в смысле – совсем нет! – опомнился старикашка. – Ты находишься во власти страшного заблуждения, мой благородный лорд. Это чудовище вовсе не заколдованная принцесса! Это обычная драконица, чрезвычайно злобная и опасная тварь! Полагаю, что ты вошел сюда прямо перед нами? Тебе несказанно повезло – все, кто заставлял ее бодрствующей, уже мертвы.

– Не вешай мне лапшу, старик Хоттабыч! Пока я здесь, вы ее не тронете!

– Подожди, маг... – Широко улыбнувшись, вожак охотничьей артели отодвинул дедушку. – Сэр рыцарь решил, что мы позарились на его добычу. Все верно, ребята, он пришел сюда первым. Давайте поступим по справедливости. Здесь золота хватит на всех и еще внукам останется. Пусть лорд сам, честь по чести, выберет свою долю. Как и всякому дворянину, ему, верно, нужна голова дракона? Он ее получит. Магу нужна лишь кровь, нам золото, а уж его светлость пусть берет, что хочет. Мы честные работяги и тоже считаем, что все должно быть по совести. Правильно я говорю, парень? По рукам, ландграф...

Так вот за кого они меня принимают! Я не ангел, не святой, скорее всего, даже грешник, но не до такой же степени! Оставалось только руками развести... Ну не убивать же дураков только за то, что у них так мозги устроены! Они ведь совершенно искренни, у них все так поступают, по их меркам это честно, разумно и как-то очень по-добрсоседски. Чисто практическое применение заповеди «Возлюби ближнего, ну и себя не забудь...».

– Хороший вы народ, мужики, уважаю... Все мы тут люди честные, все под одним Богом ходим, все в одну землю ляжем, невзирая на титулы и сословия. Поэтому с поклоном,

смиренно, как брат братьев, прошу вас – уйдите, дорогие!

– Чего? – опешил бородач.

– Свали на мусор, репоголовый! – взорвался я. – Сегодня пятница, торговля спящими друзьями после обеда не производится! Желаящие пролить кровь за попытку потревожить нежную рептилию – обращаться ко мне с письменным заявлением. Дескать, готов, прошу разрешить, психически устойчив, претензий не имею. Я доступно объясняю?! А теперь – вон отсюда! В горячке боя я могу не услышать последней мольбы о пощаде. Тот, кто не написал завещания, – пусть пеняет только на себя за собственную забывчивость...

– Да он издевается над нами, – наконец-то дошло до старичка-мага.

Остальные дружно засопели в его поддержку. Никто уже не волновался о том, чтобы не разбудить драконицу. Тень посапывала, как трехлетний младенец. Четверо охотников взяли за топоры, двигаясь на меня развернутым строем, золото звенело под их сапогами. Я выхватил меч, но они не замедлили шаг. Мне это надо?! Схватка была короткой и кровопролитной. Я оцарапался... Задел ногой о какой-то ларец с драгоценностями, и длинная шпилька с рубином проткнула мне штанину. Самый молодой из браконьеров вообразил себя героем – пришлось снять ему ухо и до плеча располосовать всю руку. Двоих последующих мы с Мечом оставили без топоров с легкими, но запоминающимися царапинами в области нижней части спины. Вожак мудро сообразил, что ничего приятного ему не светит, и дал приказ об отступлении. Один небольшой сундучок он все же сунул под мышку, вопросительно глянув на меня. Небрежным кивком я дал согласие на эту компенсацию раненым и увечным. Охотники молча ушли, поддерживая друг друга.

– До свиданья, дедушка. Вам пора, опоздаете на электричку.

– Ухожу, ухожу, господин ландграф, – засуетился он. – Но раз уж этих мужиков тут больше нет, возможно, мы могли бы...

– Не могли! – отрезал я, бросая Меч Без Имени в поясное кольцо.

– Как скажете, – коварно улыбнулся маг, щелкнув пальцами. Рукава моей рубашки ожили, вытянулись метра на два и... туго запеленали меня, прижав руки к бокам.

Клянусь впредь из всех своих врагов уничтожать в первую очередь именно магов! От такого подлого колдовства, от такого низкого обмана, от такой непроходимой глупости с моей стороны хотелось просто орать! Ничего более разумного в голову не приходило. Я уже лет сто так глупо не влипал. Довольно долгое время, пока противный старикашка, потирая ручки, разгуливал по пещере, я тупо соображал, что бы такое гневное стоило сказать в столь сложной ситуации. Приличных слов на ум не приходило, а крайне неприличные рвались с языка так, что мне пришлось до скрипа сжать зубы.

– Я не убью тебя, ландграф, – сладко пообещал маг. – Мне нужна только драконья кровь. Золото, конечно, тоже не помешает... Ты знаешь, какую вену нужно отворить дракону, чтобы он даже не заметил, как кровь покидает тело? Нужно отодвинуть пластинки панциря за ушной раковиной и аккуратно, маленьким кинжалом...

– Только тронь ее, старый пылесос! Я тебя из-под земли достану!

– Не зли меня, рыцарь. Твоя жизнь и так висит на волоске. Пока еще я могу дать тебе шанс, если, конечно, ты поручишься своим нерушимым благородным словом служить мне верой и правдой. Подумай. Второго такого предложения не будет. Мне нужен надежный телохранитель, а я видел тебя в деле. Ты и твой меч будете иметь все, что захотите. Под сенью моей руки, естественно... – Старичок осторожно вытащил из золотой кучи длинный

нож, отделанный камушками. Меня затрясло...

– Старик! Оставь ее... я буду тебе служить, только не трогай эту женщину!

– Женщину? Глупец, я же говорил, что это обычная драконица, а вовсе не заколдованная принцесса. Тебя обманули. Она никогда не превратится в прекрасную леди...

– Мне все равно, в кого она превратится, хоть в бабочку, хоть в гусеницу! Я не хочу, чтобы она умерла!

– Это не в твоей власти, – хихикнул старый параноик.

В приступе бешенства я бросился на него, размахивая ногами на манер Чака Норриса. У меня получилось, старик, злобно шипя, отступил, в отместку начиная бормотать очередное заклинание. Я попытался сделать подсечку, но потерял равновесие и упал. Маг торжествующе расхохотался. Это было поражением. Мы оба были в двух шагах от головы драконицы, мирно спавшей сном праведницы. Страшно изогнувшись, я попытался пнуть старичка, но не достал и что есть сил мазанул по холмику золотого песка. Он взлетел столбом и засыпал ноздри Тени эффектным блеском.

– Ты проиграл, ландграф, а я выиграл...

В тот же миг драконица приподняла голову, повела носом и... чихнула! Да не один раз, а три подряд. Лысеющего любителя драконьей крови накрыло таким водопадом искр, что его одежда вспыхнула, как пакля. Маг с диким воем принялся кататься по земле, пытаясь сбить пламя. Бесплезно... Визжащим факелом он побежал к выходу, но, по-моему, все-таки упал. Крики прекратились. Тень зевнула, потянулась и, одарив меня ласковым взглядом, мурлыкнула:

– Я немножко задремала. Ты не скучал тут?

– Пожалуй, нет.

– А что ты делаешь на полу?

– Отдыхаю, – буркнул я, только сейчас заметив, что рукава рубашки приняли прежний вид.

Драконица потянула воздух:

– Фу, какая вонь! Это ты...

– Это не я-а-а-а!!!

– Извини, – поклонилась Тень, глядя на меня хитрющими глазами. – А что же тогда издает такой неприятный запах?

– Тут один колдун намеревался позагорать в искусственном солярии, но не подрассчитал температуру. По-моему, он взял не тот крем, в результате попросту зажарился в собственном балахоне, словно голубец в капусте.

– А ты?

– А что я? Я ему не визажист, не массажист и тем более не пожарник!

– Конечно нет... Ты ведь благородный ландграф, лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель... – Тут Тень не выдержала и, задыхаясь от хохота, повалилась на спину. Она смеялась так заразительно, она так счастливо болтала в воздухе лапами, что до меня наконец дошло...

– Ты не спала?!

Вместо ответа драконица прыснула с удвоенной силой. Я, цепляясь за чешую, влез ей на брюхо и, прыгая как сумасшедший, ругался на чем свет стоит.

– Ты не спала! Притворщица! Я тут жизнью рискую, кровь проливаю, героя из себя строю, а она – не спит! Нет чтоб мне помочь! Где у тебя совесть, ящерица ты желтопузая! А

если бы эти четверо охотничков меня на гуляш переработали?

– Не смейся, ландграф. Ты – настоящий мужчина, я чувствовала себя в полной безопасности. С тобой был Меч Без Имени, и потом, если ты – лорд Скиминок, то четверо мясников тебе не помеха. Да не прыгай ты так! Щекотно же.

– А колдун?! Он же запросто мог меня убить, заколдовать, превратить в зайчика, в грибок, в таракана рыжеусого! Спит она... Сама подглядывала небось тайком, как я тут в смирительной рубашке пересохшему старичку пяткой в нос угрожаю? Ну, даже проблеска стыда ни в одном глазу!

– Нет, нет, не надо... Щекотно-о-о! – Тень поймала меня в воздухе обеими лапами и упоенно потискала, как резинового пупса. – Я же следила за вами. Он бы и подумать не успел о причинении тебе серьезного вреда – от него бы и пепла не осталось. Ты мне веришь?

– Да... – сдавленно прохрипел я. – Но тебе стоит усвоить одну вещь...

– Какую? – искренне заинтересовалась она.

– Ландграф – это не тубик с зубной пасто-ой! Прекрати меня да-а-вить...

Я ночевал в пещере у драконицы. Провалился чуть ли не до самого рассвета в тупых, однообразных размышлениях о своем отношении к Луне. Наемница заняла настолько много места в моем сердце, что вырвать ее оттуда без боли оказалось невозможно. В голову лезли богопротивные мысли о том, например, что уж если сверху позволили нам так сладостно начать роман, то могли бы дать и счастливый конец, хотя бы по законам литературного жанра. Я понимаю, что в жизни все не так, но неустроенности мне хватает и в моем мире. Зачем повторяться? Раз здешний мир по нашим меркам вполне сказочный, то сказка должна кончаться хорошо. Хотя... я теперь уже не совсем ясно представляю нашу безоблачную жизнь вместе. Сможет ли она забыть, что я женат? Смогу ли я не помнить о том, что в соседнем городе живет ее муж? Сможет ли Иван быть счастлив с нами, да и захочет ли остаться? Поймут ли меня друзья? Речь не о Лие, Жане и Веронике, они-то поймут все. Но что скажет король Плимутрок I, чьей дочерью я пренебрег в свое время? А Танитриэль, а Горгулия Таймс, а общественное мнение, даже в мыслях не допускающее возможности брака благородного лорда с бывшей наемной убийцей? Опять вру... просто ищу причины, по которым мне было бы легче ее забыть... Да плевал я на все слухи, сплетни, разговоры! Мне все равно, – если бы я только мог с ней жить. Но, увы... она этого не хочет. Мне жизненно необходимо найти ее, увидеться, поговорить. Даже просто посмотреть в глаза. Я хочу знать.

Проснулся поздно. Тень разогрела остатки оленины. Что там было – не было на пороге от вчерашнего колдуна, не знаю, в пещере паленым уже не пахло. Пока шел процесс подкрепления организма мясом, мы неторопливо пообсуждали планы на будущее, поболтали о том о сем... О золоте, например.

– Слушай, а зачем тебе его столько?

– Не знаю... Это родители собирали, традиционно, как и большинство драконов. Мы ведь им, собственно, и не пользуемся. Для нас золото – это лишь символ солнца, блестящий желтый металл, не более.

– Понимаю, материально оно вас не волнует. Чисто эстетический интерес. Скажи-ка, мы далеко улетели от того места, где ты на нас незаслуженно напала?

– Нет, всего один час полета. А почему ты спрашиваешь?

– Боюсь, что Раюмсдаль вновь лелеет милитаристские планы мирового господства. Из его переговоров с Люцифером и Зингельгофером я заключил, что готовится война. Лично

меня это не устраивает.

– Ты хочешь один остановить войну? – поразила Тень.

– Ну да. Останавливал же я в свое время, кое-какой опыт в этой области у меня есть.

Хотя конечно же я был не один.

– Ладно... Я отвезу тебя, но придется подождать, пока я приведу себя в порядок. – Драконица подошла к небольшому бассейну в углу пещеры и несколько раз с видимым удовольствием окунула туда голову. Потом, отфыркиваясь, глянула на меня смеющимися глазами.

– Да... – солидно подтвердил я. – Вымытая голова – первое дело при выходе в люди. Красота – страшная сила, от нее нет спасения!

– Мы спасем вас, милорд! – эхом донеслось из входного тоннеля.

Я похлопал Тень по чешуйчатому плечу, поспешив успокоить:

– Это мои ребята. Для тебя – час полета, для них – сутки пути. Честно говоря, ни за что не предполагал, что меня так быстро отыщут, герои растут на глазах. Только не хмурь брови и не рычи, пожалуйста, мне вовсе не улыбается, чтобы все мои друзья полезли в междоусобицу от недостатка информации. Говорить буду я.

Первым в освещенный факелами круг вступил мой верный Бульдозер. Парень был весь в саже, грудь туго перебинтована какими-то тряпками, в руках боевой топор, а глаза горят праведным гневом.

– Прощайся с жизнью, подлый дракон, ибо пришла твоя бесславная кончина!

– Между прочим, это дама, – наставительно поправил я. – Она драконица, ее зовут Тень, так что будьте добры обращаться к ней соответственно.

– Как вы сказали, милорд? – Из-под мышки трусливого рыцаря высунулась вездесущая Лия.

Ее физиономия была столь же перепачкана гарью, как грозное лицо мужа. Видать, они совсем за меня переволновались. Чтобы Лия, да не умылась?!

– Я сказал, успокойтесь, улыбнитесь и идите сюда. У нас появился новый друг, а вернее, подруга.

– Это она-то?! Опомнитесь, лорд Скиминок! Да там в лесу восемь трупов осталось, никто без ожогов не ушел, угли до сих пор догорают.

– Хорошо, – согласился я. – Сколько наших полегло?

– Наших? – сбился Жан. – Ну... наших, положим, ни одного.

– Тогда чего ты воду мутишь? Тень появилась согласно утвержденному мной тайному плану, разгромила превосходящие нас боевые отряды Раюмсдаля и Зингельгофера. Если и погорячилась слегка, то это бывает, в пылу боя порой и своего заденешь мечом при замахе...

– Ага, а зачем она тогда вас похитила? – вновь влезла в разговор недоверчивая наша.

– Объясняю еще раз для особо умных – согласно утвержденному мной плану! Раз уж не удалось уничтожить всех врагов одним махом, то пусть негодяи думают, что я умер. Геройски погиб в когтях страшного дракона. Они потеряют бдительность, начнут действовать в открытую, выложат на стол всю колоду – тут я их и накрою! Шах и мат в четыре хода. Главное – вовремя сесть на белого коня для въезда в побежденные города...

– Милорд, – честно признали супруги, – у нас с вами ум за разум заходит. Скажите одно – вы уверены, что она не опасна?!

– Да. Эта драконица – давняя знакомая нашего Кролика. Идите сюда, я вас познакомлю.

Лия и Жан осторожно приблизились ко мне. Для начала потрогали меня, пообнимали,

удостоверились, что я – это я, а не призрак, не фантом, не привидение. Потом в почтительном поклоне приветствовали хозяйку пещеры.

– Жан-Батист-Клод-Шарден ле Буль де Зир! – Надеюсь, я не упустил ни одного из его имен. – Потомок древнего рода, отчаянной храбрости рыцарь, мой оруженосец. Прошу вас...

– Тень.

– Лилиана из Брокса, ныне законная супруга нашего Бульдозера и настоящая баронесса. По совместительству мой терпеливый паж. Пожалуйста.

– Тень, – еще раз кивнула драконица.

– А теперь, – закончив процедуру знакомства, обратился я лично к погорельцам, – посмотрите друг на друга повнимательнее. Все поняли? Там в углу есть маленькое озерцо, с грязными руками за стол не пуцу. Так что, пока мы с Тенью готовим вам завтрак, марш мыться, хрюшки-свиньи!

На самом деле завтраком занимались Тень вместе с Лией. Еще бы, разве Лия позволит кому-то другому кормить драгоценного меня, когда она здесь! Я, хоть и наелся часом раньше, все равно с удовольствием проглотил пару кусочков. Пока ребята ели, драконица развлекала их философскими байками о старых временах. Поцарапанное крыло было прощено и забыто. Жан принял ее сразу, а Лию она завоевала, попросту предложив самостоятельно пошарить тут-там и навыйбирать себе украшений на память. У нашей спутницы сразу сделались круглые глаза, в них заблестела золотая лихорадка, а из разбросанных куч драгоценностей нам в конце концов пришлось вытаскивать ее за ноги.

– Бульдозер, пока дамы заняты своими женскими делами, расскажи-ка мне все по порядку, что там произошло?

– Когда дракон, в смысле драконица, вас унесла, я еще лежал. У меня теперь такой синяк на боку! Вы не могли бы в следующий раз при реализации очередного секретного плана предупреждать хотя бы нас с Лией?

– Тогда бы не было нужной степени реализма, – отрезал я.

– А, ну понятно, реализм – святое дело! – серьезно согласился он. – Так вот, как вы улетели, а я пришел в себя – все уже разбежались. Наши подтягивались по одному, серьезно не пострадал никто. Поскольку вы не назначили официального заместителя, то, ввиду чрезвычайности обстоятельств, я взял командование на себя.

– Молодец, и что же ты предпринял?

– Я отправил отряд Брумеля на поиски принца Раюмсдаля. Вероника бросилась в погоню за Локхаймом. Мы вдвоем пошли в ту сторону, куда вас унесли. К вечеру нашли деревушку, крестьяне рассказали, что неподалеку и вправду есть гора, в ней пещера, а в пещере живет черный дракон. Мы заночевали, а рано утром на телеге привезли раненых охотников за драконьей кровью. Они категорически отказывались что-либо говорить, но нам стало ясно, что вы хотя бы живы. Я силой отобрал двух лошадей, и вот мы тут. Лия настаивала на неожиданном ударе, но мне это показалось неудобным, не по-рыцарски как-то...

– Ну и правильно сделал, и так вечно жену слушаешься. Как договорились держать связь с поручиком?

– Никак... – пожал плечами Бульдозер. – Они его найдут и будут висеть на хвосте. Если принц решит развязать войну, у него в тылу будет наш отряд.

– Хорошо. Вероника, конечно, найдет Локхайм... Хотелось бы мне знать, кто же все-

таки его угнал?

– Мне кажется, я знаю...

– Вот как? И кто же? – заинтересовался я.

– Ваш сын.

– Кто?!

– Иван. Лорд Скиминнок-младший. Понимаете, больше некому! – начал торопливо объяснять Жан, боясь, что я его укушу. – наших людей там не было, все наемники Раюмсдаля тоже были с ним. В рубке управления оставались только дети. Вероника говорила, что у вас очень развитый мальчик и он так интересовался полетом. Даже просил ее дать порулить...

– Я... я его отшлепаю, как поймаю!

– Не надо, милорд! Если ребенок сумел увести Тающий Город, то он настоящий сын ландграфа. Я подарю ему свои шпоры.

– Вот отшлепаю, тогда и подаришь, в утешение. Локхайм он сумел увести... Скажите какой умник выискался! Это он американских боевиков по виду посмотрелся, террорист детсадовский. Вот и угнал за рубеж комфортабельный «боинг» с пассажиркой на борту... Стоп! – Я неожиданно перестал бушевать и серьезно задумался. – Как же элементарно должен управляться Локхайм, если его умыкнул пятилетний мальчишка?!

– Вероника все нам разъяснила, на всякий случай, – вновь начал растолковывать Жан. – Помните, там кристалл был, голубой такой, на золотой подставке?

– На треножнике? Помню.

– Так вот, надо всего лишь возложить на него обе руки и сказать: «Прямо», или «Вверх», или «Вниз», или еще куда надо. Он понимает обычную человеческую речь, только приказы должны быть короткими и ясными. Например, на ваши словечки: «Жми на всю катушку!» или «Вдарь по тормозам, приятель!» – он реагировать не будет.

– Что ж, все гениальное – просто. Ладно, я не буду его слишком строго наказывать. Если на Локхайме Вероника, то она-то уж сумеет присмотреть за детьми.

– Мм... я бы не был так уверен...

– Да брось, Жан. Ты просто перестраховываешься. Пойдем заберем Лию и двинемся во чисто поле искать себе супротивничка.

– Вы думаете, война все-таки будет?

– Увы, мой юный друг. Из разговора Раюмсдаля и Зингельгофера с Люцифером я понял, что все они стягивают войска. Забрав Ивана с принцессой, мы здорово подкорректировали их планы, но теперь им просто ничего не остается другого, кроме как попытаться взять реванш грубой силой.

– А что будем делать мы?

– Мы? Вот немного отдохнем после обеда и полетим кататься на черной боевой драконице. Эй, Тень! Оставь Лию, можно тебя на минуточку?

Драконица величаво подошла к нам, чарующе улыбнулась и, грациозно изогнув шею, спросила:

– Ты звал меня, ландграф?

– Я хотел попроситься. У нас, видишь ли, война. Надо надрать уши Раюмсдалю, хорошенько пнуть Якобса Зингельгофера, сказать решительное «Нет!» всем проискам Люцифера... Короче, дел выше крыши. Спасибо за ласку и гостеприимство. Надеюсь, еще свидимся...

– А... а как же... я тоже... если можно... – начала робко лепетать драконица,

заискивающе глядя в мои «строгие» глаза. Жан понимающе вздохнул и ушел на поиски озабоченной супруги.

– Это наши мужские разборки. Драконам вообще не этично вмешиваться в людские дела, а уж тем более такой элегантной леди, как ты.

– Вы считаете меня неженкой?! – загремела Тень.

Я с трудом устоял на ногах, но такие аферы нельзя бросать на полпути.

– Мое слово – закон! Кто здесь Скиминок, ты или я?

– Ты...

– Вот именно! Ладно... Кролику что-нибудь передать? – смилостивился я.

– Ты его увидишь?!

– Более того – я буду его искать! Как ты понимаешь, – боевые действия достаточно крупномасштабны, так что нам понадобится мобилизация всех сил. Кролик – это наша авиация и артиллерия одновременно. Без него никак нельзя...

– Значит, мой возлюбленный будет драться, проливать кровь, рисковать жизнью, биться один в кольце врага и, может быть, даже погибнет без моей помощи... – трагически полупшепотом на грани женской истерики медленно произнесла Тень. Ее речь все больше наполнялась патетикой. Именно это мне и было нужно. – Неужели он умрет, так и не узнав о моей безграничной любви?! Я должна его увидеть, я должна разделить с ними все тяготы боя, все ужасы сражения, всю боль потерь и утрат. Возможно, я сумею прикрыть его грудью, приняв на себя роковой удар!

– Но...

– Возьми меня с собой, ландграф!

– Это исключено. Женщина на корабле – к несчастью.

– Но в вашей компании уже есть женщина! Возьми меня в команду! Я не буду обузой. Я буду беспрекословно тебя слушаться. Пожалуйста, пожалуйста, ну пожалуйста-а-а...

Она меня уговорила. Из пещеры мы вышли слаженным боевым отрядом. Лия волокла на спине кожаный мешочек, полный подаренных драгоценностей. На этот раз тяжелую ношу она принципиально несла сама, не доверяя даже законному супругу. Тень завалила вход здоровенным камнем, а Жан расседлал двух тощих крестьянских лошадок, томящихся на привязи, и удобно устроил оба седла между зубьями надспинного хребта. Опыт верховой езды на драконах у нас был. Оставалось лишь решить, в какую сторону следует отправиться.

– Полетим вдоль горного хребта, – предложила драконица. – Кролик всегда рассказывал, как он любит горы.

– Почему бы и нет... – пожал плечами я. – Вот только как вы думаете, куда бы мог отправиться принц после потери Локхайма и нападения с воздуха огнедышащего дракона?

– Кто может знать, что придет в башку идиоту?

– Надо встать на его уровень мышления, – охотно пояснил я. – Давайте тоже представим себя кретинами. Жан, вот ты бы куда пошел?

– Домой.

– У него нет дома. Зубы мы взорвали, а Тающий Город сам улетел. Лия?

– Будь я такой же дурой, то отправилась бы вас искать. Это лучший метод прекратить бессмысленную беготню и успокоиться с миром.

– А ты, Тень?

– Я бы пошла к кому-нибудь в гости, – улыбнулась драконица.

Мы трое переглянулись и действительно почувствовали себя недалекими.

– К Люциферу он не пойдет, слишком далеко. Значит, направится к Зингельгоферу. У него в холмах можно разместить целую армию. Спасибо, Тень! Нам нужно выруливать к замку Бесса, а уж оттуда взять курс на бывшего муженька Вероники. Просто, напрямую, без карты и компаса, я вряд ли сориентируюсь, где это. Летим в горы, ищем Кролика, попутно ловим Локхайм, а заодно навещаем милого Якобса. Всем все ясно? От винта!

Если дракон ни за кем не охотится, то лететь на нем одно удовольствие. Хотя наверху и попрохладнее, чем внизу. Но это мелочи, на Темной Стороне вообще гораздо теплее, климат другой, что ли? В Ристайле, должно быть, всюю бушует осень... Ох, и давненько же не было никаких известий о моих друзьях. Плимутрок, конечно, очень занят, но на телеграмму мог бы раскошелиться. Почтовых голубей вон аж целый курятник развел, а мне – ни одного письма! От Злобыни тоже ни единой весточки. Я, конечно, понимаю, что он волнуется... Иван у меня все же нашелся, хотя потом опять потерялся, но ведь снова нашелся, и пусть пока он улетел, но Вероника быстро его найдет. Значит, с ним мы скоро увидимся, а вот когда я верну князю дочь... По идее надо бы прыгнуть всем на Локхайм и дать ходу в столицу. Там, сидя за круглым столом, коллегиально обсудить все проблемы, собрать наших, подогнать войска и бронированным кулаком дать в нос врагу. Это лучший план из всех придуманных мной раньше, но разве они хоть когда-нибудь сбывались?

Веселуха началась с того момента, когда Лия увидела на горизонте Тающий Город. Он с хорошей скоростью летел на средней высоте, обстреливая молниями кого-то внизу.

– Может, Вероника решила поохотиться за мышами? – предположила белобрысая юмористка. – Она рассказывала, что, если взять бедренную кость обычной полевой мышки, истолочь в порошок и в ночь полнолуния добавить любимому мужу в... Жан, да не бледней ты так! Мне это не понадобилось, ты и без того еще чего-то стоишь в личной жизни.

– Тень! Мы сможем их догнать?

– Возможно, ландграф, но... Ты уверен, что во дворце не Раюмсдаль? У меня нет ни малейшего желания получить огненный шар промеж глаз.

– А что особенного? – хмыкнула Лия. – Мне порой знаешь как доставалось... и ничего! Подумаешь, один щелчок в лоб... Что случится?

– Я упаду, – доступно объяснила драконица. – И вы вместе со мной. С такой высоты, да всей массой, хоронить будет нечего – только брызги...

– Если каким-то дьявольским чудом принц снова завладел Тающим Городом, значит, охотятся за кем-то из наших. Двигаем следом, но держимся на безопасном расстоянии, когда пойдем, где кто, тогда и решим, за кого заступиться. Вопросы есть?

– У матросов нет вопросов! – хором отрапортовали Лия с Жаном. Молодцы! Иногда они перенимают и полезные вещи. Мы неспешно полетели следом за Локхаймом, но, увы... Даже эту, самую мирную акцию нам не дали довести до конца. Локхайм остановился, завис в воздухе, а потом вдруг бодрым темпом взял курс прямо на нас. Белые башни грозно сверкали в лучах послеполуденного солнца. Полоскались флаги, свистел ветер, светлая легенда Соединенного королевства приобретала зловещий оттенок.

– Ландграф, я ему не верю! – неожиданно задрожала Тень, активно хлопая крыльями, но никуда не двигаясь.

– Да брось! Скорее всего, там наша Вероника, и она, естественно, не станет стрелять по своему старому, доброму лорду Скиминоку...

Бабах! Тарахах-тах-тах! – над стеной Локхайма взлетело красивое белое облачко.

Драконница опрокинулась в штопор, а то место, где мы только что находились, прошла длинная оранжевая молния.

– Мальчишки как хотят, а девочки сваливают отсюда! – Лия перемигнулась с Тенью, после чего, невзирая ни на какие протесты и упреки, наш «пилот» увела всех вниз под прикрытие деревьев. Тающий Город пальнул раза два для острастки и прекратил погоню, повернув прежним курсом. Ничего не понимаю... Где Раюмсдаль? Где мой сын? Где принцесса Ольга? Как нам теперь попасть на Локхайм, если драконница его боится? Просто град вопросов, и все без ответов...

– Положеньице на букву «Х»... Не подумайте, что хорошее! – задумчиво продекламировал я. – Есть деловые предложения?

– У меня просьба, – подняла руку Лия. – Можно чисто эмоциональный всплеск? Я пореву с полчаса, побьюсь в истерике, наору на всех – мне полегчает. Тогда, возможно, что и посоветую.

– Ладно, поори, только не очень громко.

– Ну нет, милорд! Истерика так истерика. Можно начинать? А-а-а-а-а...

– Жан, пока твоя жена распугивает ворон, как ты считаешь, Вероника успела догнать Локхайм?

– Думаю, да, – поразмыслив, решил трусливый рыцарь. – Когда она вылетела, то сразу так уверенно взяла курс, словно видела сверху хвост Тающего Города. И вообще я уверен, что Локхайм стрелял в нас именно потому, что там всем заправляет наша Вероника.

– Да неужели? – всплеснула лапами Тень. – А чем, позвольте узнать, я так обидела вашу знакомую, что она без предисловия пальнула в меня молнией?! Милая девочка!..

– А-а-а-а-а! Сейчас я все объясню...

– Не отвлекайся, Лиечка, – попросил Жан. – Я имею в виду, милорд, что Вероника могла и не знать о вашем тайном плане. Она лишь видела, как черный дракон напал на всех, сцапал вас в когти и унес под облака. Естественно, ведьмочка будет стрелять по похитителю лорда Скиминока!

Спустя полчаса я все-таки сумел настоять на продолжении похода. Мы осторожно полетели за Тающим Городом, который теперь казался лишь сияющей блесткой на горизонте. Расстояние вполне безопасное, стоило рискнуть... Глупость какая! Если за рулем ведьма-практикантка, то она за милую душу расстреляет нас, даже не разглядев, кто сидит на спине у дракона. Если на борту склочный Раюмсдаль, так и он охотно запустит молнию-другую в того, кто напал на его войско. Одним словом, куда ни кинь – все клин! Поэтому без лишних слов мы догоняли Локхайм в ожидании благоприятного момента для тихой диверсионной атаки. Ближе к вечеру мне стало казаться, что местность что-то напоминает. Где-то когда-то очень давно я уже был в этих местах, но... Даже когда мы опустились для ночлега на пустой песчаный холм, ничто не возбудило моих воспоминаний, а жаль...

Драконница еще в момент приземления сбила ударом хвоста пробежавшую олениху, так что с ужином проблем не было. Тень проглотила свою порцию за пять минут и сразу повалилась спать. Конечно, она намаялась за день. После драконьей дележки на нас троих осталась целая оленья ляжка. Лия запалила костер, Жан не испугался сходить в лесок за хворостом, а я, лежа на песке, рисовал профиль Луны.

– Очень похоже... Милорд, а как вы думаете, куда она направилась?

– Ума не приложу, подружка. Может, в Ристайл, может, в Вошнахауз, может, еще в какой

городок или замок. Разве это важно?

– Ну, мне-то не надо врать! – неожиданно рывкнула Лия.

– Что? – Девочка многое себе позволяет, но такой тон...

– Лорд Скиминок, уж я-то знаю вас как облупленного! – неумолимо продолжала Лия, уперев руки в бока и возвышаясь надо мной грозной богиней правосудия. – Вы думаете, я не вижу, что с вами происходит?! Вы похудели, у вас тени под глазами, у вас лицо зеленое. Милорд, умоляю вас, вырвите эту любовь из своего сердца! Она погубит вас. Поймите же, мы с Жаном очень вас любим, но... Дальше так продолжаться не может. Вы всегда отличались редким благоразумием! Мне было так спокойно с вами. Вы не лезли к черту на рога, не совались к смерти в пасть, не искали объятий отдельной могилки. Как же это было хорошо! А что теперь? Вы ищете погибели! Мы носимся неизвестно где, одеты во что попало, денег ни гроша, жизнь совершенно суматошная, а если вдруг и помрем, так этого общественность может даже не заметить! Хватит сумасбродств, милорд! Либо вы возьмете себя в руки, либо я сама за вас возьмусь.

– Неужели так заметно? – уныло спросил я.

– Очень! – Она присела рядом и обняла меня за шею. Мне захотелось поплакать. – Держитесь, милорд. Я знаю, что такое настоящая любовь. Не сдавайтесь. Победите, пожалуйста...

– Хорошо.

– А если вы погибнете, клянусь, я найду ее и просто убью. По законам благородного рыцарства ваша дама сердца не имеет права жить после смерти такого человека, как вы!

– Спа-си-бо... – даже закашлялся я. – Не волнуйся, девочка моя, с завтрашнего утра все будет как в красивых романах. Я стану умненьким Буратино, но сперва давай поужинаем, а?

Подошел Бульдозер с целой охапкой сучьев на плечах. Лия мгновенно оставила меня в покое. Вот оно как... Я-то наивно предполагал, что все мои душевные проблемы скрыты глубоко внутри и на моем лице или поступках никак не отражаются. А вот Лия видит, ее не обманешь... Подвиг совершить, что ли? Обычно это помогает.

– Вы задумчивы, лорд Скиминок, – подсел ко мне Бульдозер, – строите планы на завтрашний день?

– Скорее слушаю лекцию твоей жены по психологии семейных отношений...

– Сочувствую, милорд.

– Спасибо. Скучно мне, Жан. Ты тут, случайно, никаких врагов не заметил? Подраться бы с кем...

– Вот вам ужин, мой храбрый господин! – тут же влезла Лия, услышав краем уха, о чем речь. По-видимому, она сочла самым разумным отвлечь меня на печеное мясо. – Кушайте, пожалуйста. Все свежее, все с пылу с жару. Соли, правда, нет, но я вот дикого чеснока нарвала, кислицы, вина... тоже нет. Эх, компоту бы вам! Жаль, сварить не из чего... Жан, помоги мне, я одна вон ту ветку не поломаю, а пламя уже гаснет.

Когда они отошли на пару шагов, Лия переключилась на свирепый шепот:

– О чем вы шумели? Ты его опять уговаривал кровь проливать за отечество? И думать не смей! Милорду отдых нужен.

– Да это не я, это он сам...

– Молчи, несчастный! А тебя зачем к нему приставили?! Чтоб от необдуманных поступков удерживал! Нечего каждую свободную минуту за меч хвататься. Отвлеки его, займи чем-нибудь...

– Чем?

– Ой, ну не мне тебя учить! Ты же у нас страсть какой образованный... Стишок расскажи, балладу спой, анекдот затрави, ну чего еще... О женщинах поболтайте, в конце концов!

– Много я о них знаю, – буркнул Жан.

– А хотелось бы?! – тут же взвилась супружница. – У, бугай неприличный! Насквозь тебя вижу – только дай где юбке мелькнуть, а уж он в стойке охотничьего терьера... Пойдем вместе, придумаем по ходу – главное, чтоб он о Луне больше не вспоминал! От этого худеют...

Они думали, что я их не слышу, но на самом-то деле меня просто отвлек меч. Рукоять Меча Без Имени предупреждала об опасности. На первый взгляд ничего не заметил, но встал, перехватил меч обеими руками и пристально взгляделся в темноту. Дубль пуст! Никого...

– Стойте! Не двигайтесь, ради всего святого! – За спинами моих ребят зашевелился песок, и на поверхность быстро выбрались три крупных упыря. Больше всего они походили на бесформенные картофелины, желтый цвет кожи, монгольские глаза, широкий рот с острыми зубами и мускулистые руки, усиленные мощными когтями. Супруги послушно замерли.

– А что, собственно, случилось, милорд? – одними губами поинтересовалась Лия.

– После объясню. – Упыри напряглись, готовясь к прыжку. – По моей команде немедленно падайте! Итак – раз, два...

– Сзади, милорд! – неожиданно хором взвыли Лия и Жан, дружно прыгая на меня. Краем глаза я уловил знакомое шевеление песка там, где только что стоял...

Я – с Мечом Без Имени, башкой, полной песка, и красным ухом, придавленным в процессе катания. Бульдозер – его топор лежит далеко, – сжимающий огромные кулаки, прикрывает мою спину. Лия, прыгающая вокруг нас на одной ножке, вытряхивает колючку из сапога, буднично браня нас, упырей, судьбу, небеса и т. д. Тень – храпящая, как младенец, на этот раз совершенно не притворяясь. Между нами и драконицей – песчаные упыри в количестве шести морд. Вот ваш подвиг, благородный ландграф! Начинайте...

– Где вы их выкопали, лорд Скиминок?

– Лия, не начинай дискуссию! Я не геолог, не археолог и даже не колхозник – я их не выкапывал. Они сами пришли.

– А зачем?

– Вот у них и спроси, – пожал плечами я.

– Милорд, может быть, стоит разбудить драконицу? – неуверенно предложил трусливый рыцарь. – У нас на троих один меч, могут и покусать.

– Ты прав. Лия, быстренько буди Тень! Пока нас столь же быстренько не взяли в кольцо.

– Каким образом? – визгливо захихикала она. – Я не могу через них перелететь...

– Жан поможет.

В тот же миг упыри начали атаку. Молча, без боевых кличей, скопом бросившись вперед. Я храбро шагнул им навстречу и, упав на одно колено, очертил сияющий полукруг. Меч Без Имени вспорол животы двум самым резвым. За моей спиной Бульдозер ловил верещащую жену. Собственно, поймать он ее поймал и сейчас пытался как-то сложить покомпактнее, чтобы перебросить поближе к Тени. Третьему упырю я всадил меч прямо в сердце, но, рухнув, этот гад прижал мою ступню, существенно ограничив мои маневры. В эту минуту

Лия наконец просвистела в воздухе, совершив эффектный перелет с вынужденной посадкой носом в песок прямо под спасительным крылом спящей драконицы. Жан, сделав черное дело, смело рванулся мне на выручку. Сбил плечом уroda, стоящего на пути, и начал оказывать посильную помощь по освобождению моей особы. Вместо того чтобы логично стащить с моей ноги тяжеленный свеженький труп, он почему-то подхватил под бока меня и принялся выдергивать, как морковку. Было больно... Упыри вновь ринулись на нас. Высвободив наконец саму ступню (кроссовки так и остались под мертвецом), мы с Жаном едва не упали. Я врезал обеими ногами в харю ближнему врагу, но Бульдозер выбрал именно этот момент для того, чтобы меня выпустить. В результате я хорошенько приложился спиной о какой-то запесоченный булыжник. Это не улучшило моего настроения. Вдобавок где-то рядом сонно прогремел бас драконицы:

– Лиечка, не надо волноваться. Всего трое упырей... Мальчики разберутся с ними без нашей помощи. Отдохни...

Пришлось встать и снова все делать самому. Жан чистил морду тому, кого я приложил ногами. Двое других кинулись на меня с флангов, как обученные ротвейлеры. Я крутанулся на месте, держа рукоять обеими руками. Меч Без Имени располосовал упырей пополам, сделав из двух четыре. К этому времени побитый Бульдозером гад успешно слинял, зарывшись в песок. Вот и все. Короткий бой, полная победа и... никакого чувства удовлетворения!

– Что-нибудь не так, милорд? Вы бледны. Вас не укусили?

– Я в порядке, Жан. Будь другом, достань мою обувь из-под вон того толстого, а потом мы оттащим упырей подальше.

– Слушаюсь, лорд Скиминок. Обещаю завтра же украсить мою балладу величественным описанием вашего нового подвига!

Мне было лень даже говорить ему «не надо». Все не так. Танитриэль права – меня ошибочно сделали ландграфом. На залитом кровью песке валялись трупы пятерых упырей. Злобные твари, питающиеся человечинной, уже никогда не нападут на спящих путников. Мы наверняка спасли много невинных жизней. Что с того, что я их убил? По сути, это очень хороший поступок. Это правильно. Они враги. Все рыцари так поступают. Господи, что же со мной?

– Милорд, я могу чем-нибудь?..

– Нет. Оставь меня, Жан. Мне необходимо побыть одному.

Я обошел спящую драконицу и безмятежно дремлющую под ее крылом Лию, сел с другой стороны, привалившись спиной к теплему боку Тени. Все плохо. Я воткнул меч в песок, и он серебряным крестом озарил темноту. Я стал на колени. Душу захлестывало неодолимое желание молитвы. Мысли путались, слова сбивались, мой шепот наверняка был сумбурен и малопонятен, но не это казалось главным. Боже, прости мне все, что я сделал! Прости, пожалуйста. У меня все в жизни перепуталось. Я сам не отсюда. Попал не по своей воле, сделался ландграфом, подвиги совершал, мечом размахивал... Ради чего? До сих пор не знаю. Отстаивал победу Добра над Злом и сам по мере собственного скудоумия пытался отделить одно от другого. Кто я такой? Кто дал мне право судить, что хорошо, а что плохо? Я научился убивать, ни разу в жизни не подумав замолить этот грех. Сказано «не убий», но тогда убили бы меня или моих друзей. Прости, Святой Боже, я не убивал ради забавы, но... Может быть, это не тот путь? Все равно Зло продолжало копить силы, полнясь ненавистью и местью. Наверно, нужно как-то иначе. Говорят, что истинно верующие люди просто

призывали тебя на помощь или побеждали своих врагов кротостью и смирением, безропотно принимая мученический крест. Почему я так не смог? Почему из-за меня гибнут такие хорошие люди, как сэр Чарльз Ли? Почему жизнь всех, кто со мной дружит, вечно висит на волоске? Я грешник. В том мире у меня есть жена, у нас с ней сын. Я давно его не видел, но надеюсь, что с ним все в порядке. А я люблю другую. А она уже замужем, но тоже не может без меня. Что нам делать, Господи?! Я так хочу, чтобы всем было хорошо, а ничего не получается. Научи меня, Боже... Вразуми! Хотя бы прости...

На мое плечо легла чья-то рука. Я повернул голову. Рядышком на песке стояла Кэт. Я грустно улыбнулся.

– Здравствуйте, лорд Скиминок.

– Здравствуйте, Катариада. Как хорошо, что вы живы. Мы с Жаном подумали...

– Я же бессмертна. Просто было так много дел... Да и сейчас у меня нет времени посидеть с вами лишнюю минутку. Вы хотели о чем-то спросить?

– Может быть... – Признаться, особенных вопросов у меня не было. – Вы, случайно, не знаете, кто сейчас на Локхайме?

– Знаю. Там Вероника, ваш сын и принцесса Ольга. Вы увидите их завтра.

– Спасибо.

– Мне пора. Держитесь, ландграф, скоро все это кончится. Поверьте, что самое трудное позади.

– А впереди? – спросил я. Тайственная богиня красоты уже таяла в ночном небе.

– Впереди – битва с Люцифером. И еще... она вас любит.

Глава 5

Век святого Скиминока

Велик и могуч был Владыка Ада. Его воины сеяли смерть. Люди знали, что их ждет, но никто не просил пощады. Кровь отражалась в облаках, земля стонала под раздвоенными копытами, а Люцифер хохотал!

Тогда в небе показался Локхайм – Тающий Город, и на борту его стоял тринадцатый ландграф Меча Без Имени.

Хроники Локхайма

Утро. Холодно. Ноги совсем заоченели. Спиной я грелся о теплый бок драконицы, но выпала роса, и пробуждение оказалось не столь радостным. Верный Бульдозер ходил вокруг костра, подбрасывая новые ветки. Похоже, парень пожалел всех нас, всю ночь прошагав бдительным часовым. Надо встать и до отправления в полет дать ему подремать хотя бы часа три, а то уснет в воздухе в самое неподходящее время.

– Как спали, милорд?

– Спасибо. Возьми мой плащ и ложись. Я тебя подменю. На завтрак не вставай, перекусишь в пути.

Он кротко кивнул и уснул, едва опустившись на землю. Я присел на бревнышко у костра, пошевелил палкой угли, зевнул... Что делать-то будем, господа-товарищи? Трупов упырей не видно, наверно, Жан оттащил. Значит, первое дело – догнать Локхайм и объяснить разгоряченной Веронике, кто есть «ху». Дальше – по обстановке. Из-под крыла сопящей Тени выбралась заспанная Лия. Она присела рядышком, зябко потирая ладошками колени.

– Доброе утро, лорд Скиминок.

– Привет, подружка. Как спалось?

– 3-замечательно... Такой сон видела страшный. Рассказать?

– Валяй.

– Значит, идем мы с мужем по незнакомому городу ночью. Везде огни, как тысяча свечей, дома огромные, даже не знаю, во сколько этажей, а на холме белая крепость. Колокольня красивая, башни, храмы – мы мимо идем. Разгуливаем пешком, мне хорошо, а Жан доспехами лязгает, и тут навстречу вы с Луной под ручку. На ней рубашка грубая и штаны черные, как у вас... джинсы! А лица у обоих такие счастливые. Мы к вам, рады все, болтаем, смеемся, и тут... Вот как тьма легла, огни погасли, а из темных переулков полезли струи тумана. Вы как закричите: «Встать в кольцо, спина к спине!», ищете меч, а его нет. Потом небо раздвинулось, и жутко захохотал Люцифер! Я вздрогнула и проснулась... К чему бы такое, а?

– К завтраку, – подумав, решил я. – Будь лапушкой, посмотри, что у нас на сегодня. Может быть, за вчерашний бой мы с Бульдозером заслужили по бутерброду?

– Вы – да! Но он?! Вот пусть только проснется, я ему все скажу. Он что, не мог меня нежно перенести? Обязательно кидаться? Я же едва себе нос не свезла, рот полон песку и лбом так об локоть Тени треснулась, что только звездочки брызнули!

– По-моему, на небе звезд не прибавилось.

– Прибавилось! Еще как! Вы посмотрите, какая у меня шишка. Милорд, а научите его постоянно носить меня на руках... И слова говорить ласковые, ну, из тех, какими вы принцессу Бумбрумгильду уламывали.

– Обязательно. Как только все дела закончим, так и возьмусь за пробелы в его образовании.

– Ах, милорд, – тяжело вздохнула Лия, прильнув головой к моему плечу, – я так не хочу, чтобы вы уезжали...

– Ты о чем? – не сразу понял я.

– Ну... вы ведь всегда уходите, когда самое страшное позади. Когда Ризенкампа победили, а королева хотела за вас замуж. Когда Зубы взорвали, а королева опять хотела за вас замуж, но Луна сказала... ой! Простите, лорд Скиминок, я не хотела...

– Да брось! Не хватало еще, чтобы ты подстраивалась под мое настроение. Друг потому и друг, что не выбирает слов. Вы должны говорить мне правду. Если уж мы трое начнем думать о том, что будет, если я скажу то, а не это...

– Спасибо, милорд. Я... иногда мне казалось, что я нужна вам только как паж... Не будет меня, будет другая. Я так страдала! Ох... Вы мне очень дороги, милорд.

Я тоже опустил глаза и... вместо ответа бросился на Лию, повалил ее на спину и, крепко прижав к себе, покатился по песку.

– Лорд Скиминок! – перепуганно заскулила она, глядя на меня круглыми умоляющими глазами. – Я не... Вы меня не так поняли... Я сейчас не могу... и... и... и тут мой муж!

– Тихо! – сквозь зубы прошипел я. – Лежи и не двигайся, ветреница!

Рядом с тем местом, где мы только что сидели, зашевелился песок. На свет Божий показалась когтистая лапа упыря. Не найдя нас, она снова скрылась в песке. Я осторожно слез с Лии, на цыпочках подкрался по песку и вонзил Меч Без Имени аж на половину лезвия в глубину. Что-то хрустнуло... Из песка вылезли обе лапы, судорожно сжали клинок и бессильно обмякли. Надеюсь, насмерть... Я выдернул меч, снизу ударил родничок черной крови.

– Это был последний, шестой. Вчера ему удалось уйти. Так что ты мне хотела сказать насчет мужа?

– Н-ничего... – запинаясь, выговорила Лия. – Я не думала... Так эти твари и днем укусят могут?!

– «Мертвые не кусаются», как говаривал старый пират Флинт. – Я протянул ей руку и помог подняться. Девчонка прижалась ко мне, еще не совсем придя в себя от быстрой смены впечатлений. – Не надо ничего говорить. Ты тоже мне очень дорога. Вы с Жаном и Вероникой для меня давно стали родными. Просто теперь я должен найти сам себя, свое место в вашем мире. Если найду, то никуда уже больше не уеду... Обещаю.

Часом позже проснулась Тень. Драконица долго продирала глаза и ворчала, что неразумно отправляться в дальний путь на голодный желудок. Якобы непременно надо поохотиться, выкупаться, отдохнуть, а уж потом...

– С таким режимом дня ты быстро превратишься в толстую германскую сосиску с крылышками! – строго напомнил я. – Наверд ли Кролик увлечется массивной черной тушей, не имеющей ничего общего с изящными воспоминаниями его детства.

В ответ Тень шумно потребовала, чтобы мы немедленно заняли места по борту. Поскольку все равно есть было нечего, я велел будить Жана – и в путь.

– Куда прикажете?

– Вон туда! – Я махнул рукой, указывая драконице направление. – За лесом должны быть зеленые холмы, в самом большом вход в гнездовье Зингельгофера. Правда, я был там не очень долго, но кое-что из расположения комнат еще помню.

– Но как... Откуда вы так точно знаете где?

– Это из-за упырей, – перебил я удивленную Лию. – Когда мы летели туда в первый раз вместе с Кроликом, то на нас напали точно такие же выходцы из песка. Он еще попросту сжег их одним плевком. Потом мы взлетели, увидели Веронику, погнались за ней, ну и... В общем, дальше вы знаете, а если Зингельгофер живет по прежнему адресу, то Локхайм направился именно туда.

– Хорошо бы еще знать, кто управляет Тающим Городом? – вставил Жан.

– А я не говорил? Там Вероника, Иван и Ольга. Не спрашивайте, откуда я это знаю. Сегодня ночью меня посетила некая дама...

– Ах! – дружно выдали все трое и так покраснели, что мне стало неудобно.

– Ну, че вы, как эти... Стыдно, товарищи! Ко мне являлась богиня красоты, гражданка Катариада Базиливмейская, с коротким деловым визитом. Намекнула на то, что нас ждет впереди, рассказала, где мой сын. Вот и все, клянусь мамой!

– Милорд... – недоверчиво покачала головой Лия, не скрывая подозрительно прищуренного взгляда.

– Ничего такого не было!

– Ох, милорд...

– Да сказано же тебе, мы даже не целовались! – вспыхнул я потому, что три мрачные физиономии глядели на меня с самым нездоровым недоверием. – Какие вообще могут быть претензии в мой адрес?! Подумаешь, женат на одной, влюблен в другую, а встречаюсь с третьей... Человек рожден быть свободным! Особенно если он мужчина...

Тень призадумалась, Лия молча показала мужу кулак, а я с самым независимым видом плюхнулся в седло и занялся пристежными ремнями. Где-то далеко загрохотал гром. Полные мыслей о нравственности рыцаря в отношении сбежавшей дамы сердца, мы взмыли вверх. Свежий ветер ударил в лицо, солнышко заливало золотом весь ландшафт, а гром...

– Странно, на небе ни одной тучки.

– Нет, вон целое стадо на горизонте, а посередине белое облачко, – поправила дальнзоркая.

Я попытался присмотреться, затенив ладонью глаза. Что-то похожее действительно имело место. Такое впечатление, будто стая противных ворон активно долбит одинокого лебедя. Чрезвычайно странное поведение для безобидных туч.

– Да это же Локхайм! Они отбиваются от каких-то крылатых тварей. Тень, пожалуйста, покажи самую высокую скорость, на которую только способны настоящие драконицы.

– А ты больше не будешь издеваться над женщинами?

– Нет, я начну им памятники ставить, при жизни!

– Тогда вперед! – тут же согласилась драконица, замахав крыльями во всю мощь. Мы понеслись на всех парах, как курьерский поезд на гонках «Формула-1». Ветер свистел в ушах, глаза слезились, а рубашка надувалась пузырем. Не прошло и получаса, как мы были на месте. Картинка – прямо-таки ужасная! Тающий Город, вертясь загнанной в угол болонкой, отбивался от двух или трех десятков здоровенных горгулий. Я видел таких на Ристайльской битве. Лысые, уродливые обезьяны с мускулами цирковых атлетов, и все под два метра ростом. На лапах когти, на локтях и пятках шипы, а перепончатые крылья покрыты плотной,

словно резиновой, кожей. Они с хриплыми криками бросались на Локхайм, стараясь опуститься на крыши, но город пока успешно отплевывался молниями, пытаюсь уйти от неравной драки. Нас поздно заметили... И враги и друзья даже не поняли сразу, что, собственно, произошло. Сразу три летающие твари рухнули вниз, попав под ослепительную струю пламени. А потом начался воздушный бой! Горгульи, забыв, кого пришли бить, кучей обрушились на нового врага. Эх, братцы... Было время, когда я ругал полеты на Вероникиной метле, было время – зарекался летать на охотящемся Кролике, но такое-е-е... Сидеть на дерущейся драконице в самый разгар схватки – хуже харакири! Избрать столь долгий и экзотичный путь самоубийства способен лишь завзятый мазохист. Штопор, пике, финты, планирование вниз на боку, вверх по спирали, нырки с переворотом, мертвые петли – и все это в кольце врагов, диком визге горгулий, реве пламени и прочих сопутствующих прелестях. Как мы сели – не помню. Как меня отвязывали от седла, укладывали на травку и уже почти отпевали – тоже не помню. Это куда круче болтанки в море. У меня слабый вестибулярный аппарат. Укачивает... Надеюсь, все кончилось и я уже умер? Пришел в себя спустя целую вечность от того, что мою руку сжимал мой сын:

– Папа, вставай...

– Мы думали, что вы ранены, – тихо рассказывала Лия, меняя мне холодный компресс на лбу. Иван крутился рядом, катаясь верхом на Бульдозере. Маленькая Ольга, вереща, путалась у них под ногами. Вероника о чем-то болтала с отдыхающей драконицей. На черной шкуре Тени виднелось множество ран, но, по-видимому, серьезной не было ни одной. Метрах в десяти от нас на земле стоял Локхайм. Тающий Город был несколько замызган, его наверняка уже давно не приводили в порядок, но общая красота еще давала о себе знать даже сквозь слой копоти и пыли.

– Где горгульи?

– Тень их всех победила! – гордо доложила белобрысая медсестра. – Ух и драка была, милорд! Жаль, что вы не видели, вас тошнило... Она била их крыльями, палила огнем, рвала когтями, лупила хвостом! Мы завербовали себе очень серьезного союзника. Когда она объединится с Кроликом, – Раюмсдалю конец!

– Точно. Бери шинель, пошли домой. Доверим двум влюбленным драконам похоронить наших врагов, а сами куда, на пенсию?

– Вот вечно вы так, лорд Скиминок... Все мои благие намерения как-то вывернете – и весь мудрый военный план коту под хвост! А может, я ночами не спала, его вынашивая...

– Не дуйся! – Я приподнялся и сел. – Забери мокрую тряпочку, мне уже полегчало. У нас есть чем перекусить? С утра не евши.

– Сию минуту доставлю из Локхайма, у них кладовка вечно была набита под завязку. Надеюсь, склочный принц еще не все слопал...

Лия унеслась в Тающий Город. Иван оставил Бульдозера на попечение принцессы, чтоб не сбежал, и на минуточку присел рядом со мной.

– Па, а почему ты так долго не приходил?

– Потому, что кое-кто удрал с тетей Вероникой неизвестно куда! Да ладно... – Я с удовольствием прижал его к себе и потрепал за чуб. – Не изображай чересчур искреннее раскаяние – я тебе все равно не верю, сам такой.

– Эх, папа, как было интересно! Мы...

– Ты мне лучше расскажи, непослушный мальчик, зачем вы трогали кристалл?

– Это не я, – тут же сделал честные глаза мой сын. – Это она. Такая вредная девчонка! Залезла на стул и стала вытаскивать синий камень – мы сразу вверх полетели. Я когда заметил...

– Погоди, погоди... Сколько мне помнится, Ольга еще маленькая, лопочет через пень-колоду, а кристалл выполняет только четкие указания. Ты хочешь сказать, что он реагировал на ее не разбери-поймешь?!

– Ну... да! Я успел подбежать, шлепнуть ее по попке и говорю: «Руки вверх!» Она подняла, но мы уже летели. А потом Вероника нас опять нашла.

– Все ясно. Виноваты оба. Она возложила руки, а ты дал команду «вверх», да? Признавайся, лорд Скиминок-младший, так дело было? – попытался нахмуриться я.

Он смущенно хмыкнул и поднял брови, глядя на меня хитрющими глазами.

– Ладно, давай мириться. Обещай мне, что больше никогда не будешь кататься на Локхайме в отсутствие взрослых!

– Угу.

– Тогда пошли завтракать, вон Лия несет полный поднос.

Мы встали, Иван вскарабкался мне на плечи, и я со «вторым этажом» двинулся к уже расстеленной скатерти. Вся наша разношерстная команда вольготно развалилась на траве, каждый получил по огромному бутерброду с ветчиной и сыром, взрослые – по кружке сидра на десерт, а дети – по апельсину и россыпь орехов с изюмом. Общую умиротворенность несколько испортил мой заботливый мальчик:

– Папа, а тетя Луна не будет завтракать?

– Нет, – ровно произнес я в гробовом молчании.

– А почему?

– Она... занята. У нее сейчас так много дел. Ешь давай, не отвлекайся.

– Хорошо, – послушно кивнул он. – Тогда я оставлю ей половину апельсина?..

– Сам съешь, Ванечка, – тихо попросила Лия. – Я ей дам апельсин, там в кладовке еще есть.

В общем, мы быстренько накормили детей и спровадили их поиграть с драконицей, а сами засели за военный совет. Это было лучшее, что могло быстро развеять гнетущую атмосферу, облачком упавшую на общее настроение. Ребята взяли себя в руки, старательно делая вид, будто бы ничего не произошло. Пожалуй, слишком старательно...

– Вероника, доложи обо всем по порядку.

– Слушаюсь, лорд Скиминок. Когда вас похитила эта черный дракон...

– Драконица. По имени Тень. Согласно моим указаниям по заранее утвержденному плану, – откорректировал я.

– Понятно, – поклонилась Вероника. – Итак, когда вы улетели, ваш оруженосец принял маршальский жезл. По его приказу я прыгнула на метлу и отправилась в погоню за Локхаймом. Мне было поручено выяснить, кто его угнал, и наказать негодного преступника. Тающий Город я поймала примерно через час. Представьте мое удивление, когда никакого злоумышленника не обнаружилось. А Оля с Иваном, кивая друг на друга, сбивчиво пытались мне объяснить, как они ничего не трогали, а Локхайм взял да и полетел... – Все невольно заулыбались. Наказание юным угонщикам никак не светит, скорее, наоборот, получают еще по одному апельсину. Меж тем ведьмочка продолжала: – Окончательно убедившись в том, что на борту никого, кроме нас, нет, я решила немного полетать по округе в надежде встретить в воздухе вашего похитителя. Дракона я не нашла, зато обнаружила удирающий отряд нечисти

своего бывшего мужа. Думаю, отчего бы не поразвлечься в процессе поиска? Спустилась пониже и начала их гонять. Знаете, если кристаллу скомандовать: «Огонь!», то с нижней платформы Локхайма вылетает молния. Возможно, я несколько отвлеклась от основной задачи, но зато так отвела душу... Дети вели себя очень хорошо, шалили в меру, были достаточно послушны (порой), хорошо ели и спали. Черного дракона, то есть Тень, первым увидел ваш сын. Я сгоряча шарахнула молнией и лишь потом сообразила, что надо было подкрасться поближе, тогда бы я завалила ее наверняка. Но, увы... она сбежала. Мы продолжили погоню и ловили Зингельгофера до темноты. Думаю, если еще с недельку потренируюсь в управлении летающим городом, то смогу его гонять так же легко, как метлу. Пока у меня некоторые сложности с прицелом, тормозом и резкими поворотами... А утром на нас напали горгульи. Наверно, за ночь Якобс добрался до холмов и натравил на Локхайм этих гнусных тварей.

– Ты молодец, – похвалил я. – Все делала правильно. А вот вспомни, с твоим муженьком не было принца?

– Н-нет... по-моему, нет. Хотя... сверху не всегда хорошо видно, они двигались под прикрытием деревьев, избегая открытых мест.

– Ясно. Готовьтесь к бою. Через полчаса мы вылетаем. Если у Якобса Зингельгофера есть душа, я ее вытрясу!

Лия и Бульдозер летели на Тени. Я, Вероника и дети – на Локхайме. Простота управления Тающим Городом буквально очаровывала. Практикантка ушла укладывать малышей вздремнуть после обеда, а я тренировался в разнообразных маневрах, старательно, как в армии, произнося приказы четким командирским голосом. Лысый холм с памятной пещерой уже желтел на горизонте. Надеюсь, они успели подготовиться к нашему визиту? Согласно моим указаниям, супруги вместе с драконицей должны ударить с тыла, приземлиться и, отплевываясь огнем, занять круговую оборону, пока я разношу все сверху. По зрелом размышлении мы решили, что принца там скорее так-таки и нет. Иначе Вероника наверняка заметила бы отряд Брумеля, обязанный висеть на хвосте у Раюмсдаля. Но в любом случае это стоило проверить. Правда, пока я довольно смутно представлял себе возможные бои внутри пещеры: Тень туда не войдет, а нас с Бульдозером будет маловато. Но задавить это осиное гнездо когда-нибудь все равно надо. Короче, летим, на месте видно будет...

Вернулась впередсмотрящая Вероника и указала биноклем на ряд еле заметных черных точек прямо по курсу.

– Это летающие мерлины на коврах. Мелкая сошка, но могут учинить определенные неприятности. Подпустить поближе?

– Пожалуй... Так ты говоришь, что достаточно сказать «Огонь!» и повернуть камень в сторону предполагаемой мишени?

– Да, милорд. Молнии иногда стреляют довольно громко, но детей мы не разбудим, в комнате полная звукоизоляция, да и сами малыши здорово погуляли, спят как сурки.

– Тогда давай попробуем, я наведу, а ты восемнадцать раз подряд скажешь: «Огонь!» Готова?

– Огонь, огонь, огонь... – быстро затараторила практикантка.

Локхайм мелко задрожал и обрушился на врагов сияющей пулеметной очередью. Мерлины, или как их там еще, стали вспыхивать ровными аккуратными огоньками. После второго залпа жалкие остатки ковролетчиков сыпанули от нас стаей перепуганных воробьев.

С первой линией обороны мы справились, что у нас на второе? Из-за холма, завывая, вылетел десяток злобных горгулий, вроде тех, что нападали на Локхайм раньше. Они бросились нам во фланг, но, прежде чем я навел на них синий кристалл, Тень ударила длинной струей пламени наперерез, разом ликвидировав половину. Прочие бросились наутек, едва завидев драконицу. Ну что, нечисть поганая, кого вы еще можете нам предложить? Я направил Тающий Город вниз и завис прямо над входом в пещеру. Тень черной ласточкой облетала весь холм, поливая огнем подозрительные места возможной засады. Пару раз действительно раздавались предсмертный вой и крики.

– Вероника, я пошел. Локхайм на тебе, дети тоже. В случае чего, действуй согласно обстановке. Я быстро.

– Не волнуйтесь за нас, милорд. – Юная ведьмочка поднялась на носки и чмокнула меня в щеку. – Вот, наденьте на палец.

– Кольцо магической защиты! – сразу узнал я. Когда-то у меня было такое. Красивое костяное украшение в виде рыбки, держащей во рту розу, скорее даже перстень, чем кольцо. Очень полезная вещичка, если вы намерены сунуть нос в подземелье, полное колдунов, вампиров, ведьм и прочей нечисти. Действует безотказно! Любое заклинание, направленное на вас, тут же отфутболивается назад с удвоенной силой удара по злопыхателю...

Вероника опустила Тающий Город как можно ниже, сбросив позолоченный трап. Я поправил пояс с Мечом Без Имени, засучил рукава, еще раз попросил практикантку заботиться о детях и решительно шагнул вниз. Бульдозер с топором на плече уже ждал меня у входа в пещеру. Лия сидела верхом на Тени, прикрывая нас с тыла. Все действовали дружно и слаженно, как договорились. Главное, чтобы девочки ничего не перепутали или не стали проявлять неразумную инициативу... Мы с оруженосцем пошли на дело.

– Будем ломать? – Дверь, запечатывающая вход в пещеру, казалась довольно надежной.

– погоди, – остановил я трусливого рыцаря, – вдруг тут что-нибудь магическое подключено? Знаю я этих кедрил-мучеников, смастрячат невесть какую гадость... Дай-ка мне побольше простору и отойди за угол.

– Оруженосцу не следует бросать своего господина в такой опасный момент. Если позволите, я спрячусь за вашу спину.

– Сколько угодно...

Жан попытался покомпактнее укрыться за моей неширокой спиной, а я осторожно коснулся двери магическим перстнем. Раздался страшный взрыв! Нет, хорошо иметь такую волшебную игрушку. Тяжелая чугунная дверь, вместо того чтобы придавить нас, с лязгом ломанулась внутрь. Если там кто стоял, я ему уже не завидовал.

– Якобс Зингельгофер! Выходи, подлый трус! Давай биться об велик заклад, что разнесу я каюты твои белокаменные, если не принесешь ты буйну голову с повинной на мой почестен суд! Пасть порву, моргала выколю, рога поотшибаю! У вас ровно минута на размышления, достопочтенный сэръ...

Я смешал в солянку все виды обращения, кто его знает, какой язык он быстрее понимает? Прошла длинная минута напряженного ожидания. Потом робкий мужской голос тонким фальцетом задал идиотский вопрос:

– Кто там?

– Почтальон Печкин! – рявкнул я.

– Не верю, – подумав, сообщил Зингельгофер.

– Нечестивец! Повесь свой меч на шею, посыпь голову пеплом и в одном нательном

белье на коленях ползи навстречу моему господину, благородному лорду Скиминоку, Ревнителю и Хранителю, Шагающему во Тьму, тринадцатому ландграфу Меча Без Имени!

Из темного тоннеля раздался хор перебивающих друг друга голосов:

– Вперед, вперед, убейте его, трусы!

– Сам иди!

– Их всего двое...

– Ага, у меня от его прошлого визита до сих пор шерсть на затылке не растет. Не пойду!

– Мерзавцы, предатели, негодяи!

– Тебе надо – ты и дерись!

– Братцы, так ведь ему только Якобс и нужен, может, других он не тронет?

– Точно! Ландграф слово держит.

– Пустите меня-а... Я не хочу!

Наконец толпа вооруженных мелкотравчатых монстриков вытолкала нам на растерзание бледного Зингельгофера.

Я мог бы его убить. Просто зарубить мечом, не задавая никаких лишних вопросов. Меня бы все поняли, эта скотина и так зажила на белом свете. Но он трус и дурак, уж таким уродился на свет, что с ним поделаешь... Вот стоит передо мной, гад, ручки сложил, головушку повесил, дышит прерывисто, ушками дергает. Вообще-то я ведь не злюсь на него всерьез. Ничего особенно вредного он мне не сделал, не успел... За Веронику мы в расчете, к смерти Повара он отношения не имеет. Не знаю даже... Обязательно надо убивать?

– Кончай хныкать, инфантильный. Учись отвечать за свои поступки.

– Н-не надо... Простите меня-а-а... – тут же заскулил Зингельгофер, бухаясь мне в ноги. Правильно, остальная нечисть выставила его на расправу, как козла отпущения за все грехи. Тьфу! А вот не будет по-вашему! Именно сегодня я наполнен кротостью и всепрощением.

– Встать, сморчок зубастый. Если вытрешь слюни, возможно, я и не стану тебя убивать. Да выпрямись же! Мне трудно разговаривать, нагибаясь только для того, чтобы видеть твои бесстыжие глаза. Говори правду – где принц Раюмсдаль?!

– К-кто это? Н-не... знаю такого, господин ландграф.

– Башку отвинчу, – весомо пообещал Бульдозер.

– Ах, Раюмсдаль! Как же, как же, помню... Принц пошел на Ристайл. Они с Владыкой Ада строят какой-то нелепый план захвата столицы.

– Превосходно... Наглости вам, ребята, не занимать. А ты-то зачем в эту аферу полез?

– Меня заставили! – убежденно завопил колдун, гулко ударяя себя кулаками в узкую грудь. – Раюмсдаль просто сумасшедший! Он все время хочет вас убить, он помешался на этом, он ни о чем другом даже говорить не может. Все время скрипит зубами и навязчиво рассказывает, что он с вами сделает, когда поймает.

– Сильно скрипит зубами? – погрустнел я. – Это плохо... Принц, наверно, болен, может быть, у него глисты? Пусть ест побольше чеснока, помогает... Каким путем он направился в столицу?

– Люцифер дал нам обоим по шкатулке, велел открыть, если понадобится его помощь. Раюмсдаль открыл, и явившийся демон унес его с воинами.

– Так... – Мы с Жаном напряженно переглянулись. Новости не слишком радовали. – Какие войска вам удалось собрать?

– В Ристайл уже больше года незаметно стекаются кришнаиты, переодетые обычными

людьми. Они должны устроить мятеж и открыть ворота. Принц соберет своих людей в условленных местах, его отряд составит около тысячи наемников. Люцифер пообещал привести все войска Ада, числом не менее пяти тысяч чертей и прочей нечисти. При одновременном ударе столица не выдержит...

– Что должен был сделать ты?

– Я? Да ничего... буквально ничего...

– Не зли меня, Зингельшухер!

– Зингельгофер...

– Тем более не зли!

– Я должен был собрать в холмах войско Темной Стороны и так же, как принц, отправиться в Срединное королевство.

– Ясно. Войска уже собрал?

– Да, они внутри. Пощадите меня-а...

– Где шкатулка с перемещающим демоном?

– Вот она, пожалуйста. – Он охотно достал из-за пазухи маленькую лаковую коробочку размером с портсигар. На черной глянцевой поверхности был реалистично выдавлен оскаленный череп. Любят здесь дешевый символизм...

– На сегодня ты свободен. Закрой покрепче все входы и выходы, забудь о сабельном походе, ничего не трогай, не женись – тогда, возможно, доживешь до счастливой старости. Мы с тобой долго не увидимся, но... Не забывай обо мне.

– Никогда! – проникновенно ответил Якобс и, развернувшись, дал деру в глубь тоннеля. Как только он удрал, сверху рухнула тесаная глыба серого камня, намертво запечатав вход. Мы пожалы плечами и пошли назад. Хорошо, когда все обходится без драки. Я ведь очень мирный ландграф. Это раньше был свирепый, чуть что – на людей кидался, укусить норовил, теперь совсем другое дело. Спокойный, как танк, невозмутимый, как невропатолог, тихий, как прыщ – пока не вскочу, никто и не заметит.

– Милорд, милорд! Ну как там все было? Вы их всех поубивали?

– Нет, Лия, сегодня мы их помиловали.

– Минуточку, лорд Скиминок... – подозрительно сощурилась наша героиня. – Может, я чего недопоняла? Вы проявили христианское всепрощение, граничащее с дебильной недалекостью, и отпустили принца?!

– Принца здесь нет. Мой господин проявил чудеса мудрости и интриги, заставив коварного Зингельгофера отдать нам дар Люцифера в обмен на свою жалкую жизнь! – патетически размахивая руками, объяснил Жан. Но тугодумка не унималась:

– А у трупа нельзя было этот ваш «дар» забрать?

– Так ты хочешь, чтобы мы с милордом выворачивали карманы свежееупокойному колдунешке?!

– Я хочу, чтобы дегенерат, обидевший нашу Вероничку, еще до обеда загорал на кладбище под красивой плитой с витиеватой надписью!

Пока супруги выясняли отношения, я подмигнул Тени и жестом поманил к себе ведьмочку. Вероника оставила свой пост, но на всякий случай быстро буркнула заклинание, накрыв Локхайм огромным отвращающим куполом. Такая же полезная вещь, как и магическое кольцо, надо только уметь пользоваться.

– Вот, посмотри. – Я протянул Веронике черную коробочку. – Что скажешь?

– Похоже на ковчежец для заключения нечистого духа. Мне приходилось такие

встречать. Открываются только человеческими руками, мечом не разрубишь, камнем не разобьешь. Обычно после вскрытия оттуда валит дым, и высоченный демон просит владельца дать ему работу. Многого он не может, но построить дворец, например, сумеет. Как правило, это духи созидания, они не злые и после выполнения задания получают свободу, перейдя в иные миры. А откуда у вас это?

– Отобрал после угроз телесных повреждений у твоего бывшего жениха. Люцифер дал такую же принцу, и теперь демон унес Раюмсдаля с войском напрямик к столице. Нам бы надо двинуть туда поскорее, не ровен час – в городе вспыхнет восстание. Как ты думаешь, демон сумеет унести нас всех с Локхаймом, да еще драконицу в придачу?

– Запросто. Но...

– Тогда я открываю.

– Но... лорд Скиминок... вы уверены, что Якобс вас не обманывает?!

Поздно... я уже открыл шкатулку. Крышка сорвалась от одного нажима пальцев. Из коробочки повалил черный дым, а я всерьез задумался – в самом деле, откуда у меня такая уверенность, что Зингельгофер... Додумать не удалось. Дым принял форму – над нами возвышался демон! Не очень улыбчивый...

В холме открылся замаскированный дерном люк, и из него высунулась счастливая рожа колдуна Якобса.

– Вот ты и попался, ландграф! – злорадно завопил он. – Взгляни в глаза своей смерти... Прощай навек, будь проклят и умри, зная, что именно моя рука подала тебе последний дар Люцифера!

Больше он ничего не сказал, не успел. Тень молниеносно повернула голову, и направленная струя пламени с шипением сбрила мерзавцу последние жидкие кудри. Прощальный подарочек, на память о нас, так сказать...

– Хэппи бездей ту ю... – почему-то вспомнилось мне.

– Пустите меня, милорд! – вдохновенно поднялась Лия. – Я ему тоже набездаю в ту ю!

Увы, люк уже захлопнулся. Мы повернулись к дымчатому гиганту.

– Дай мне работу! – взревел демон, не позволив мне даже толком опомниться. Это был здоровенный бесплотный дух, метров десять в высоту, грубо слепленный из клубов черного полупрозрачного дыма, явно пенсионного возраста, широкоскулый, узкоглазый, большеротый и плосконосый. О, Аллах акбар! Я почему-то надеялся увидеть нечто более симпатичное.

– Кто ты?

– Я великий и могущественный Хан ифритов! А теперь, жалкий человек, дай мне дело, или я растерзаю тебя.

– Не понял... Я тебя, чурбана, выпустил, так ты же мне еще и угрожаешь?!

– Не спорьте с ним, милорд! – жалобно заскулила Вероника, дергая меня за рукав. – Поверьте, он действительно способен растереть в порошок всех нас, включая драконицу.

– Да ну? – не совсем поверил я, но нетерпеливый демон махнул рукой, и земля задрожала.

– Ладно, ладно... Обойдемся без силовой демонстрации! Для начала я хотел бы уточнить некоторые моменты. Что конкретно ты можешь, Хан?

– Я – демон зла и разрушения! Могу сровнять с землей город, могу уничтожить армию, могу сжечь, затопить, разнести в прах...

– Годится. Мне нужно разогнать раюмсдалевскую братву и напинать некоему Люциферу,

так чтобы он по гроб жизни зарекся фыркать на ландграфов.

– Нет! – раздраженно прорычал демон. – Я не могу идти против сил Зла, я должен им помогать. Найди мне другую работу. Дай уничтожить хороших или помочь плохим.

– Никогда! – тонким петушиным голоском отважно заявил Бульдозер, высовываясь из-за спины супруги. – Никогда лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени, не встанет на сторону темных сил!

– Жан, Жан... ну не надо меня во все это вмешивать! Эй, Сухэ-батор, погоди минутку, сейчас мы тут быстренько посоветуемся, и я тебя трудоустрою.

Демон Хан милостиво зевнул, а мы быстренько стали нос к носу.

– Вероника?

– Лорд Скиминок, он очень силен. Его магическая аура перекрывает мою в тысячу раз. Мне, как ведьме, опасно даже глядеть на него. Одним взглядом он может высосать все мои магические способности и не почувствовав этого!

– Бульдозер, ты что скажешь?

– Давайте драться, милорд! Мы долго жили, славно повоевали, нам пора достойно погибнуть в неравном бою, возродившись в песнях и балладах, так чтобы...

– Довольно! Я тебя понял. Спасибо за предложение. Лия?

– А что – Лия? Почему везде, всегда – Лия?! Я что, крайняя или рыжая? Маленькой, хрупкой девушке из приличной семьи неэтично влезать в крутые мужские разборки. Жаль, конечно, что не я выпустила на волю этого азиата... Уж он бы у меня получил работу! Начиная от подметания полов, стирки, глажки, вышивки, художественной штопки, вязания, плетения, чистки овощей, мытья посуды...

– Выслушали. Приняли к сведенью. Благодарим за участие, – прервал я. Так, с моими ребятами все ясно. Если надо принять решение, то это опять на мне. Вот в чем другом, в бою, за столом, в быту – тут они незаменимы. Любое дело по плечу, лишь бы мозги не перегружать.

– Дай мне работу или умри!

– Да что ты так нервничаешь, безработный китайский кули? Сейчас обеспечу трудовым фронтом. Значит, добрых дел ты совершать не можешь? Давай творить злые... Например, как ты считаешь, этот холм, полный самой подлой нечисти, он хорошо укреплен?

– Плохо, – подумав, решил демон. – При желании можно взять одним штурмом.

– Я тоже так считаю. Вот если бы ты обнес все крепостной стеной толщиной метров в десять, да высотой в два таких же холма, да без окон, без дверей, а сверху крышу понадежнее из витринного стекла... Так, чтоб ни один рыцарь, ищущий подвига во имя Добра, не смог до них добраться. Хороша работенка?

– Это надолго... – насупился Хан. – Никак не меньше недели, ты можешь сбежать. Хотя... беги! Я тебя найду. Ты дал мне задачу – защитить злых от добрых. Я построю такую крепость, что туда и мышь не проскочит.

– И оттуда тоже! – напомнил я. – Ты ведь не хочешь, чтобы мерзопакостный Зингельгофер вышел погулять и попался на копье благородного Бульдозера?

– Ты прав, – серьезно кивнул демон, воодушевленно потирая ручки. Откуда ни возьмись, у него оказалась лопата, и «дар Люцифера» активно бросился обкапывать холм, готовя котлован под строительство крепостной стены.

– Вы гений, милорд! – Лия и Вероника, обняв меня за шею, чмокнули в обе щеки.

– Объясните бедному оруженосцу, в чем тут дело? – возопил всеми забытый Жан. – Вы

ведь не всерьез отправили демона строить для Якобса самую неприступную крепость?!

– Всерьез! Только боюсь, он никогда не сможет из нее выйти. Хан решил позаботиться о его безопасности до такой степени, что, увлеченный непробиваемостью архитектуры, быстро превратит холм в банальную тюрьму...

Близился вечер. В Ристайл мы полетели на Локхайме. Тень я отпустил поохотиться, поужинать, выспаться и привести себя в порядок. Лия с девочками накрывала на стол в гостиной, Жан управлял полетом, а мы с Иваном болтали, сидя на изящной скамеечке у перил.

– Ты знаешь, а подобный летающий город есть в романе Свифта «Путешествие Гулливера».

– Да? Папа, выходит, Гулливер тоже был в Срединном королевстве?

– Вот это маловероятно. Лично я думаю, что саму идею летающих замков, кораблей и городов человечество почерпнуло из причудливых очертаний облаков. Смотри, какой закат... Красота!

– Ага. Мы сейчас к самому королю летим?

– К Их Величеству государю Плимутроку Первому. Запомни, пожалуйста! Плимутрок добродушный дядька, но он все-таки король и порой по-детски обижается на мелкие нарушения этикета. Главное – не позволяй себе влезать к нему на колени, когда он на троне, во время какой-нибудь церемонии не наступай на мантию и не пытайся надвинуть корону на нос при чтении торжественной речи – остальное он легко простит.

– Не переживай за меня, я буду слушаться. – Иван заглянул мне в глаза. – Папа, не отправляй меня домой. Давай еще погуляем. Пожалуйста...

– А ты не соскучился по маме?

– Да так... здесь интереснее, чем в детском саду.

– С этим аргументом не поспоришь, – улыбнулся я, прижимая Ивана к себе. – Ладно, остаемся, пока не надоест.

– Ура-а-а!

Да, хорошо быть ребенком. Есть сказочный мир, куда тебя черти притащили на каникулы. Есть папа, который всегда спасет и заступится. Есть Вероника, еще не забывшая детства и готовая играть целый день напролет. Есть Лия, заботливая, как насадка, которая накормит, напоит, в ванне выкупает и спать уложит. Есть большой Бульдозер, он рыцарь, на нем можно ездить, и он всегда готов дать подержать меч или поносить шлем. Будь я в возрасте Ивана, то, наверно, тоже ни за что на свете не согласился бы отсюда уехать.

– Папа...

– Что? Извини, задумался.

– Папа, а можно, мы не будем отдавать эту принцессу Ольгу? У меня есть предложение – пусть она тоже с нами еще полетает.

– Согласен. До Ристайла мы попугачики, но там ее ждут родители. Они хорошие люди и наверняка охотно разрешат вам поиграть. А что, Оля уже не кажется тебе вредной, капризной и вечно мешающей?

– Нет... – тихо ответил мой сын. – Она хорошая. Просто маленькая еще и глупая... иногда.

– Вот и ладушки...

Солнце клонилось к горизонту. Закат был необыкновенно красив. Вот в такие редкие

минуты покоя и умиротворения человек наконец начинает ценить тихое счастье. Мы укрылись одним плащом, Иван привалился к моему боку и задремал, а я погрузился в обрывчатые воспоминания о наших приключениях. Эх, жизнь... Сахар со стеклом! Все попеременно: и хорошее, и плохое. Уже давно нет того невероятного везения, что так лихо выручало нас в мое первое путешествие. Ко мне привыкли, меня здесь считают своим. Кто-то любит, кто-то ненавидит, но все относятся как к данности этого мира. Я здесь не чужой! Эта страна стала мне так же необходима, как я необходим ей. Может быть, что-то произошло не так в структуре времени? Может быть, я должен был родиться и жить именно здесь, а не в своем мире? Не такой уж плохой ландграф из меня получился. Дворянских корней, конечно, не хватает, манер разных, навыков... Ну, да это дело поправимое. К тому же ведь я – астраханец! Астрахань – город смешанной крови и, даже при моих скудных попытках отыскать истоки своей родословной, были обнаружены среди предков моих дворяне, казаки, капитаны, купцы, портовые грузчики и даже нищие. Так что происхождение мое как раз самое ландграфское... В небе показалась полная луна, но прежде, чем я успел провести естественную параллель с именем одной кареглазой наемницы, сзади появился верный Бульдозер:

– Милорд, ваш мальчик совсем уснул. Давайте я отнесу его в кровать. Лия уже накрыла стол, она зовет всех на ужин.

Жан осторожно принял от меня Ивана, мы прошли в спальню, где уже спала маленькая принцесса, и, устроив младшего Скиминока на диване, направились в гостиную. В целом ужин прошел мирно. Это серьезный плюс нашей белокурой интриганки, она сначала накормит, напоит, а уж потом все жилы вытянет.

– Мой храбрый господин, все собрались и готовы вас выслушать.

– О чем ты, милая? – сытно отмахнулся я, но Лия была непреклонна.

– О войне, милорд! О грядущем сражении, о тайном заговоре в столице, о сбежавшем Раюмсдале, о порочном Зингельгофере, о противных кришнаитах, о ненасытном Люцифере, о...

– Все! – Я зажал ладонями уши. – Оруженосец, успокой свою жену, она окончательно задолбала меня вопросами. Я не ходячая энциклопедия и не пожилая гадалка. Вполне понимаю ваше здоровое любопытство... Так и быть, готов поделиться некоторыми соображениями. Только не считайте их истиной в последней инстанции.

– Поправка принята к сведению, – важно кивнули все. Мои словечки, узнаю...

– Войну мы остановим, не проблема. Надо всего лишь найти Кролика, подружить его с Тенью, заручиться поддержкой еще десяти драконов, собрать войска всех вассальных городов и замков, прийти в столицу до подхода Раюмсдаля, успеть сообщить о заговоре кришнаитов, мобилизовать горожан...

– Как-то очень много этого «всего лишь», – заметила Вероника, когда я выдохся.

– А что, есть другие предложения?

– Пожалуй, нет, – вздохнули мои ребята. Мы помолчали, а потом Лия выставила на стол большое блюдо с орехами. В размышлениях они были сгрызены все. Нас прервал невнятный шум в ночи. Лично мне он более всего показался похожим на рев обиженного судьбой дракона!

Сон нам не светит. Мы выбежали на мостовую, встали у перил и были просто сражены страшной картиной, развернувшейся на фоне фиалкового неба. Два темных дракона, рыча,

нападали на третьего. Всполохи огня придавали воздушному бою вид настоящей древнегреческой трагедии. Но самое ужасное... атакуемый дракон был белого цвета!

– Кролик! – хором решили мы. Ну, все! Наших бить?! Возможно, иногда для моей команды и допустимы мягкосердечие, дружелюбие, готовность к разумному компромиссу и прочие слюнвявые сантименты, но попробуйте задеть кого-нибудь из наших всерьез... Более мстительных головорезов вы не найдете! Ребята разбежались по своим боевым постам, даже не дожидаясь моей команды. Лия – охранять детский сон, Бульдозер – в рубку управления полетом, Вероника с метлой – на связи, а я встал у перил в самую капитанскую позу и дал ведьмочке задание небольшим заклинанием увеличить мощь моего голоса до уровня репродуктора.

– Готово! Скажите что-нибудь, милорд.

– Раз, два, три! Проверка звука! Как меня слышно? Как слышно меня, прием?!

– Ах... – только и сказала Вероника, поднимаясь с мостовой. – Возможно, я несколько перестаралась... Вон в том доме окна лопнули, а в остальных посуда звенит. Говорите шепотом, пожалуйста, а я сделаю всем затычки в уши под названием «беруши».

Локхайд за пятнадцать минут вышел на финишную прямую и замер в пяти метрах от драчунов. Жан у себя дал команду кристаллу, и драконов осветило направленными лучами трех прожекторов. Птеродактили застыли в причудливых позах китайского ушу. Все правильно... Этот белый и потрепанный – наш Кролик. Еще двое, темно-зеленый и темно-синий, совершенно незнакомые мне типы.

– Сейчас же прекратить драку! – заорал я во всю силу своего нового голоса. – Нашли время и место. А ну, марш по домам! Или вы у меня в отделении пятнадцать суток будете улицу подметать.

После продолжительного молчания и недоуменного переглядывания драконы послушно встали в ряд, и тут до Кролика дошло:

– Лолт Скиминок фелнулся!

От удара грудью Тающий Город вздрогнул до флюгеров, а я обнял за шею старого друга, стараясь держаться чуть в стороне от его пахнувшего пороховым перегаром дыхания.

– Где же тебя черти носили, бродяга мой легкокрылый?!

– Не кличите мне ф ухо, милолт! – аж дернулся бедняга, ошарашенно трясая головой. – Я и так плекласно слышу... слышал... мосет, дасе ессе буду слышать...

– Извини, это Вероника постаралась, но обычным голосом я бы ни за что до вас не доорался. Так ты не ответил на вопрос. Мы уже столько времени воюем, а нашего повелителя небес нет как нет! Чем ты вообще занимаешься?

– Так... нисем осопенным... – мгновенно засмутился Кролик, покосившись в сторону двух ожидающих драконов.

– Да ты скажи ему, скажи! Что, язык проглотил? – неожиданно тонким фальцетом отозвался синий дракон. – Лорд Скиминок, ну хоть бы вы его вразумили, кобеля пархатого!

– Он нам уже второй месяц мозги пудрит! То к одной бегаёт, то к другой. Господин ландграф, мы о вас столько слышали... Если для нашего ловеласа и есть авторитеты, так это вы! Призовите его к порядку, сделайте милость! – хорошим оперным голосом поддержал зеленый дракон... или драконица?!

– Кролик, что это значит? – с деланной суровостью возмутился я.

– Ну... это... вот... а сто я могу... кокта тут... их се тфое!

– Хватит вешать мне лапшу! – От моего рева несчастный холостяк в ужасе сунул нос под

мышку и закрылся крыльями, не забывая, впрочем, крепко держаться за Локхайм, а две любвеобильные драконицы зажмурили глаза, страшно довольные моим «праведным» гневом. – Кто это?

– Дамы моеко сейтса...

– Сразу обе?!

– Так полусилось...

– Эх, дать бы тебе... промеж глаз! Да не могу, сам такой. Прекрати изображать пугливого дистрофика и представь наконец меня своим подружкам. Официально!

– Милые тамы! Посфойте мне пьетстафить фам феикого геоя и моего польсого дгуга – лолта Скиминока, Ефнителя и Хъанителя, Сагаюсего фо Тьму, тьинатцатого лантгъафа Меся Пес Имени.

Я церемонно поклонился. Из-за угла высунулась Лия, с крыши слетела Вероника, Жан пока оставался у кристалла, держа молнии наготове.

– Додогой дгук! Посфоль мне пьетстафить тепе этих самесеятельных дам. Госпоса Туся! – Синяя драконица изобразила в воздухе подобие реверанса. – Госпоса Тина! – Зеленая драконица сотворила то же самое. – Плосу юпить и саловать. Они плосто миласки, не пьафта ли? И опе мои нефесты. И осень мне ньяфятся. Спасите меня, милол-л-л-т!..

Я отложил слушанье дела до утра. В свое время мне пришлось вплотную сталкиваться с судебными органами, так что изобразить пародию на правосудие уж как-нибудь сумею. Драконы отправились вниз, отыскивали ровненькое местечко, мы посадили Локхайм, и все отправились спать. Три огнедышащих стража следили, как бы кто не сбежал, охраняя заодно и нас. Я дал общий отбой. Спать не хотелось... Лунный свет заливал Тающий Город матовым серебром. Ночь дышала ароматами трав, звезды казались невозможно близкими, их даже хотелось погладить, а легкая прохлада заставляла, кутаясь в плащ, настраиваться на лирический лад. Где же ты сейчас, моя кареглазая наемница? Кто рядом с тобой, кто обнимает тебя за плечи, кто шепчет тебе перед сном, кто... прости... Наверно, я ревную. Не имею на тебя никаких прав, никакой надежды увидеть вновь, никакого намека на возможное счастье вдвоем... Где оно, это счастье? Кто сказал, что человек непременно должен быть счастливым? Ты – замужем, я – женат. Ты связана венчанием, я – сыном. Ты остаешься здесь, а меня наверняка вернут домой. Все! Нам нельзя сбываться! Я уже почти приучил себя к мысли о том, что Луна для меня потеряна. Откричал, отбилась головой о стену, отболел... только тупая боль в сердце при одном воспоминании о ней. Это не страшно, это пройдет... Если когда-нибудь судьба все-таки сведет нас вместе, я смогу говорить с ней совершенно спокойно, и грудь не будет разрываться от невозможной любви!

Наутро все желающие были приглашены на показательный судебный процесс над дебоширом и тунеядцем, белым драконом по имени Кролик. Веронику я отослал с утра пораньше по неотложному делу, заставив ее снять заклятие с моего голоса. Все прочие распределили роли согласно моим указаниям: Лия – прокурор и главный обвинитель по вопросам защиты женского достоинства, Туча и Тина – свидетели по делу и пострадавшие одновременно, Жан – в основном зритель. Сначала было предложение поставить его в адвокаты. Но разве он рискнет спорить с собственной женой?! Кролик, естественно, подсудимый, ну и я – судья!

Разборка была довольно веселая... Жаль, что протокола не вели, но попытаюсь рассказать по памяти, максимально приближенно к реальным событиям.

Я (*строго и торжественно*). Подсудимый, дракон по имени Кролик, белой масти, совершеннолетний, из особых примет – дефект речи. Прошу встать и стоя выслушать предъявленные вам обвинения!

Лия (*лирично, патетично, истерично*). Где истина? Где справедливость? Кто вступится за поруганное имя моих несчастных клиенток? Этот бессовестный тип смутил, обольстил, искусил, соблазнил, опорочил, обесчестил сразу две невинные души. Их слезы и стоны, стенания и крики, вопли и вздохи будут вечно звенеть у меня в ушах. Я прошу земного правосудия до того, как беспросветный грешник получит достойное наказание на небесах!

Я (*вежливо*). Что скажете, подсудимый?

Кролик (*изо всех сил пытаюсь хоть что-то сказать*). А... э... у... о...

Жан (*чисто из мужской солидарности*). Свободу холостякам! Не пойман – не вор! Сделал дело – гуляй смело!

Опять **Я**. Слово предоставляется пострадавшим. Свидетельница Туча, расскажите суду о ваших претензиях к вышеупомянутому белому дракону по имени Кролик.

Туча (*прежним писклявым фальцетом, совершенно не подходящим к ее объемам*). Мы встретились с ним в прошлом месяце. Этот мерзавец спас меня от банды пьяных гиппогрифов. Они и так особыми манерами не отличаются, а уж по осени, когда у них линька и брачный сезон, да еще после литра сорокаградусной... В сумерки приличной девушке даже носу на улицу не высунуть. Представляете, недавно был случай...

Я (*строго*). Не отвлекайтесь от темы!

Туча (*возмущенно*). Так это как раз по теме. Они меня зажали, а он спас. Как в таких случаях поступают настоящие мужчины? Они целуют спасенную принцессу и фиксируют свои отношения законным браком. Я требую, чтобы он на мне женился!

Я (*снова очень вежливо*). Суду все ясно. Слово предоставляется второй свидетельнице обвинения.

Тина (*мягко, лирично, романтично*). Примерно с два месяца назад я сильно пострадала, попав под обстрел Локхайма. Раньше на нас охотился Ризенкампф, но осторожно, он боялся, что мы объединимся и положим конец его бесчинствам. Потом стала править Танитриэль, она дружила с драконами. Но вдруг Тающий Город вновь оказался в руках нашего врага. Принц Раюмсдаль осыпал молниями любого из нас. Один такой шальной выстрел попал мне в грудь. Я потеряла сознание, упала на землю и сильно разбилась. Когда пришла в себя, надо мной стоял белокожий красавец. Он отнес меня в безопасную пещеру, вправил вывихнутое плечо, кормил и заботился обо мне, пока я не выздоровела. Какие чувства могла испытывать неискушенная девушка к своему благородному спасителю? Естественно, я полюбила его! Единственное желание – впредь и навсегда быть рядом с Кроликом как верная подруга и законная жена.

Я (*улыбаясь в усы*). Суду все ясно. Объявляется получасовой перерыв. Обвиняемому подготовить к слушанию все смягчающие факты. Зрителям – утешить обвиняемого, покормив одуванчиками. Свидетельницам – отдохнуть и еще раз подумать о последствиях скоропалительного брака. Прокурору пойти посмотреть, чем там заняты дети. Все. Разойдись!

На время перерыва я решил познакомить Ивана с драконицами, но он не пошел. Посмотрел на них в окошко и сказал, что Тень гораздо симпатичнее. Лия отыскала для них с Ольгой большую волшебную книгу сказок. Такой здоровенный фолиант с цветными

картинками, если ткнешь пальцем, то картинки оживают. Рыцари скачут, львы рычат, принцессы рыдают, гномы шныряют туда-сюда... Дети счастливы. Иван еще догадался проводить ладошкой по названию очередной сказки, и книга начинала говорить. Ей-богу, это гораздо лучше любого телевизора. Понятно, что обоих от такой роскоши за уши не оттащишь. Лия пообещала им испечь торт после вынесения приговора, а пока поставила на поднос гору маленьких бутербродов, фрукты и два больших стакана с соком. Надо признать, особого внимания мы им не уделяли, но и они нас не слишком беспокоили. Я задумчиво присел в уголке, наблюдая, как Иван деловито вытрясает из нашей добровольной няньки непонятный ей «киндер-сюрприз». Сон навалился незаметно. Казалось, мое тело тихо погрузилось в ласковую теплую пелену, дыхание было ровным, а мысли умиротворенными. Я шел по портовому Вошнахаузу, город таял в вечерних сумерках. Прохожие, попадавшие навстречу, жались к низким домишкам, квартал явно был одним из беднейших. Куда это меня занесло? Какая таинственная цель вела мою светлость вдоль грязных улочек, рискуя в любой момент нарваться на нож в бок или удар мешочком с песком по затылку. Я точно знал, куда шел. Вот этот дом, маленькое тусклое оконце у самой земли.

– Она здесь.

Я резко обернулся. За моей спиной, ухмыляясь, стоял Люцифер! Меч Без Имени оказался в руке быстрее, чем я осознал, что именно мне угрожает.

– Нет, нет... Опустите оружие, ландграф, сегодня я пришел с мирными предложениями. Окажите любезность, давайте побеседуем не как враги, а как партнеры. У меня есть то, что вы ищете, у вас есть то, что нужно мне. Почему бы нам не найти взаимовыгодное решение наболевших проблем?

– У меня не может быть с вами никакого партнерства. Мы – по разные стороны баррикад.

– Вы рассуждаете как рыцарь, но это не ваш мир.

– Возможно. Но и в моем мире лучшим средством для разговора с нечистым считается добрая сталь!

– Вы не в себе, Андрей. Отбросьте внешние атрибуты, оставьте чуждые иллюзии, взгляните на вещи реально. Кто вы? Ландграф, рыцарь, герой эпоса? Это не ваша истинная сущность. Просто именно таким вас хотят видеть окружающие, и вы невольно подыгрываете им. Я не виню вас, я вижу, как мечется ваша душа. Можно иногда примерить на себя чужую шкуру, но жить в ней – нельзя! Опасно так навязчиво вживаться в чужую роль. Я знаю, кто вы есть на самом деле. Художник, семейный мужчина, живущий по доходам, погрязший в быту, рабочих неурядицах, а зачастую и банальных долгах. В вашем мире вы рядовой, «маленький» человек с полным набором комплексов и проблем. Совсем не герой. Вряд ли чего достигнете в жизни. Будете упиваться «внутренней» свободой, презирать политику и вечно горбатиться на того, кто платит. Ландграф – это не титул. Скорее образ мышления, смысл существования на земле, врожденный кодекс поведения и чести. Крест, если хотите... Но вы – не он!

На какое-то время я опустил меч. Доводы Люцифера были неоспоримы. Он вытаскивал на свет всю подноготную моей смурной души, заставляя меня самого взглянуть на все это открытыми глазами, без «розовых очков».

– Что вам от меня нужно?

– Ничего, – сочувственно покачал головой Владыка Ада. – Поверьте, пожалуйста, действительно ничего. Я даже хотел бы вам помочь.

– Я помню, чем заканчивается договор с дьяволом...

– Ну, зачем же обязательно так... Давайте не будем о грустном. Приятно иногда для разнообразия сделать что-нибудь хорошее. Я дам вам возможность уйти. Ваш сын принадлежит вам, впредь никто не посмеет его коснуться. Скажу больше, за относительно небольшую плату я даже готов вернуть вам Луну...

– Лорд Скиминонок! Все уже собрались. Присяжные ждут, пострадавшие волнуются, обвиняемый едва дышит в ожидании приговора, – радостно шумела Лия, трясая меня за воротник. Я вздрогнул и проснулся, уставившись на нее еще мутными спросонья глазами:

– Что это было?

– Где?

– Ну... во сне.

– А что там было?

– Так, пожалуй, потом... Значит, народ в сборе? Тогда вперед, мы должны закончить весь процесс до вечера. – Я постарался напустить на себя деловой вид и хлопаньем по щекам изгнать из больной головы тяжелые остатки сна. Тьфу, мерзость какая! Приснится же... Сначала Лие, теперь мне. Неужели Люцифер действительно способен проникать в подсознание? Нет... вряд ли это он сам, за его спиной стоят более могущественные силы. Там, где все решается на высоте противоборства Бога и Сатаны, всякие мелкие люциферики или скиминоки уже не котируются. Впрочем, нам и на своем уровне борьбы – во как хватит!

– Господа присяжные заседатели, прошу всех встать – суд продолжается. В первой половине слушанья дела мы выяснили показания свидетельниц и претензии к обвиняемому. С их слов я заключаю, что вышеупомянутый дракон Кролик проявил себя с лучшей стороны, оказав посильную помощь совершенно неизвестным дамам, спасая таким образом их жизнь и честь. Если я правильно понимаю требования потерпевших, они настаивают на неременной женитьбе как естественном продолжении его услуг. По мнению прокурора, законный брак восстановит честное имя дракониц, одновременно поставив заслон всевозможным сплетням, домыслам, кривотолкам. На основании всего вышеизложенного суд вынужден обратиться к подозреваемому: вы признаете себя виновным в совершенных поступках?

– Пьзнаю, – раздраженно пожал плечами Кролик. – Кута тенесься? Я тестфительно спасал и ту и тругую, но... Лолт Скиминонок! Месту нами тогда нисего такого не было! Я их ни азу таже не смокнул в сечку. Какая сенитьба? За сто?

– А вот это уже не вопрос. От женитьбы, как от тещи, никуда не сбежишь. Примите мой совет, подсудимый, выберите себе одну, сочетайтесь с ней как положено и живите. Попадется хорошая – будете счастливы при жизни, если плохая – то после смерти.

– Фсе ясно... Сафтла же у апостола Пафла пояфится нофый оьигинальный ангел – с пойшим хфостом, пеепончатыми клььями и аломапными пламенными поцелуями.

– Кролик, не язви! – построжел я. – В противном случае буду засчитывать подобные вольности как факт оскорбления суда. Слово предоставляется прокурору. Ваши требования относительно окончательного приговора?

– Казнь! – твердо объявила Лия, лихо рубанув ладонью воздух. – Таких надменных негодяев надо душить еще в колыбели, пока пищат! На телеграфных столбах вешать смутьянов, по Волге-матушке вниз в деревянных гробах пускать краснопузых...

– Всех не перевешаешь! – в тон откликнулся Бульдозер, поддерживая комедию в духе революционных событий семнадцатого года. – Вставай, поднимайся рабочий народ! Он шел на Одессу, а вышел к Херсону-у...

Я думал, что сдохну со стыда. Драконицы недоуменно переглядывались, а бедный Кролик окончательно повесил голову. Супруги веселились вовсю! С одной стороны, гневно требуя самого сурового наказания, с другой – столь же рьяно отстаивая кристальную невинность подозреваемого. Дело дошло до того, что за Кролика дружно вступились обе дамочки сразу, подняв чешую дыбом и прожигая неумолимую прокуроршу очень недобрыми, но многообещающими взглядами. Я выжидал. Вероника обещала появиться после обеда. Если с ней ничего не случится в пути... Ну наконец-то! Из-за белого облачка вырулила юная практикантка и после крутого пике акробатическим кульбитом спрыгнула прямо на меня. Я подставил руки, чтобы ее поймать. Але оп! Как в цирке Дурова – присутствующие даже заплодировали. Мы с Вероникой поклонились публике.

– Она будет здесь через несколько минут, – не снимая улыбки, процедила Вероника.

– Умница! Ты у меня просто прелесть, – расщедрился я, потрепав ее по макушке. Ведьмочка счастливо хрюкнула.

– Всем встать – суд идет!

Народ опомнился. Лица стали серьезными, позы деловыми, глаза внимательными, ждут...

– Итак, после долгого совещания суд все-таки вынес свое непоколебимое решение. Принимая во внимание интимную сложность сложившихся обстоятельств, вынужден объявить следующее:

1) Дракон Кролик неповинен в том, что оказывал гуманитарную помощь благородным девицам.

2) Девицы не вправе давить на обвиняемого с целью непременно женитьбы.

3) Кролик в любом случае обязан окончательно утвердить свой семейный статус, чтобы впредь не давать повода для возбуждения подобных тяжб. Если же подсудимый в течение одного месяца по вручении ему протокола решения суда не определится, с кем ему жить, то понесет наказание по статье за распутное поведение, растление и саботаж!

Драконицы согласно кивнули. Лия с Жаном церемонно пожали друг другу руки. Кролик поднял на меня печальные глаза и жалобно спросил:

– Плиговол окончательный? Опшалофанию не потлешит?

– Нет, но...

– Сто «но», милолт?! Есть натешта?

– Не совсем... но есть реальная возможность радикально увеличить выбор! – улыбнулся я.

– Это как? – заинтересовались все.

Тень опустилась на землю, словно разъяренная фурия, обдав нас горячей волной песка и пыли. Черная драконица выглядела просто великолепно – высокая, стройная, сильная, с лоснящейся кожей, свежими шрамами, горящим взором... Одним словом, вылитая Наоми – не влюбиться невозможно! Успела-таки...

– Я здесь, лорд Скиминок!

– Отлично. Ты прибыла вовремя. Дамы и господа, позвольте мне представить вам нашу хорошую боевую подругу – леди Тень. Она попросилась принять участие в новом походе, хорошо зарекомендовала себя в неравных сражениях с горгульями и вообще проявила полный набор лучших качеств, присущих настоящей драконице.

Все поклонились. Тина и Туча с некоторой ревностью, Кролик с неподдельным

восхищением на умильной морде.

– А теперь...

На поляне за клубился вонючий дым. Меня опять прервали. Что за свинство такое?! Никакого такта и воспитания. Здоровенный черный демон материализовался из ниоткуда. Ужасный Хан был изрядно извозюкан в цементе, но это не помешало ему вновь начать с грубостей:

– Дай мне работу или умри!

– Отвянь, трудоголик! – искренне возмутились мои ребята, пока я восстанавливал ровное дыхание, считая до десяти, ибо с языка уже рвались неинтеллигентные выражения, слишком крепкие для присутствующих здесь дам.

– Ты что, все сделал?

– Да, несчастный!

– А я это видел?! А госприемка акт подписала? А заказчик объект принял? А фортификационные, качественные, бытовые, экологические и санитарно-технические нормы соблюдены?

– Ну ты и бюрократ... – пораженно вытаращился демон.

– Да, милорда на мякине не проведешь! – гордо заявила Лия. – Лорд Скиминок, нипочем не отпускайте тунейдца, пока лично не посмотрите, что он там понастроил.

Хан начал буреть от обиды, наверно, не привык к такому фамильярному обращению. Не дожидаясь, пока он дозреет до грома и молний, я шагнул навстречу, широко заявив:

– Поехали!

– Куда? – буркнул демон.

– Архитектуру полюбопытствовать... Кролик, полетишь со мной, Жан, бери командование на себя, я буду через час. Всем прочим отдыхать. По моем возвращении – выступаем в поход. Эй, Хан, слабо доставить меня с драконом к холмам Зингельгофера?

Черный строитель поднял к небу руки, рявкнул нечто невразумительное и... Мы с Кроликом пришли в себя уже на подходе к холму. Да... Крепость не крепость, но бункерок старикан отгрохал что надо! Бывший дом колдуна Якобса теперь напоминал орех. Каменная кладка сложена профессионально, нигде ни щелочки, ров глубиной метров в двадцать, на дне вбитые колья, ни окон, ни дверей, и наружу не пробивается ни звука.

– Ты доволен?

– Крышу покажи, – потребовал я.

Демон щелкнул языком, и мгновенно спустя неведомая сила поставила меня на толстое стекло, закрывающее верх крепости. Я заглянул внутрь. У-у! Нечисти больше, чем опилок в азербайджанском чае. Сдается мне, ребятки трудятся в поте лица, как негры на плантациях. Кто самодельным тараном стенку долбит, кто боевыми молотами по стеклу лупит, кто просто скулит от злобы и отчаяния, а прямо под нами бегают Зингельгофер, всем указывая, командуя, мешая...

– Носятся, как чижики угорелые! – удовлетворенно признал я. – Итак, госприемку строительного объекта объявляю открытой. Эй, Кролик, как тебе наш пожилой Корбюзье из союзного Казахстана?

– Слапотано на софесть, милолт. А если какой-нибудь осень етифый фсе-таки фылесет – я его съем!

– Ты слышал, Хан? Мой дракон считает, что сможет причинить серьезный вред любому представителю Зла, разбившему стекло или выкопавшему подземный ход.

– Это не стекло, – объяснил демон, – я сделал крышу из цельного пласта горного хрусталя, его не разбить изнутри.

– А снаружи?

– Снаружи? Возможно...

– Значит, непременно укрепить шинами, обручами, ловушками, опутать весь холм колючей проволокой, накопать «волчьих ям», понаставить капканов, изрыть все окопами, а для надежности еще и накрыть отвращающим куполом. Да, пока не забыл – весь фундамент холма заменить на каменный. Люциферу было бы очень горько видеть, что его союзников взяли банальным подкопом. Записал?

– Да! – раздраженно рявкнул демон. – Я, конечно, все сделаю, но... Клянусь всеми силами Ада, если вторая работа не отправит меня совершать настоящее злодейство – я тебя убью! В первый раз ты заставил меня спасти Зло – хорошо... Я построю самую неприступную крепость. Но во второй раз ты обязан приказать мне уничтожить силы Добра. Город, крепость, замок, хотя бы один дом – иначе смерть!

– Понятненько... а избежав смерти, я таким образом отдам свою душу в лапы Люцифера?

– Именно, – хохотнул Хан.

– Кута ни кинь – фсе клин! – сочувственно кивнул мой дракон, пока я забирался ему на спину.

– Не переживай, это когда еще будет... До встречи, бодрый стройбатовец! Кролик, летим домой.

Всю дорогу в полете мы обсуждали его женитьбу. Козе понятно, что ни Тина, ни Туча его всерьез не привлекают. Оно вполне естественно, в этом мире подвиги совершаются по десять раз на день, а уж спасение каких-нибудь невинных девиц, вечно попадающих в самые идиотские положения, происходит не реже двенадцати раз в неделю. Только дурак согласится жениться на всех. Хоть сразу, хоть в порядке живой очереди, но лично меня от такой обязаловки – увольте! Когда я рассказал ему про Тень, он не вспомнил ее имя, но зато, покопавшись как следует в воспоминаниях детства и действительно найдя там образ гибкой девочки-дракошки, едва не ошалел от счастья.

– Она осень изменилась, да? Стала настоящей класавицей! А феть пыла фот такусенькая...

– Да, да... друг мой, соседские девочки вырастают так незаметно. Еще вчера дергал ее за косички, а уже сегодня – ах! У нее талия, грудь, юбка выше колена, и чуть подкрашенные ресницы так и хлопают.

– Тосьно, тосьно... так фы тумаете, милолт, она меня помнит?

– Вроде бы да... Ну, она как-то обмолвилась в разговоре, что давным-давно якобы была знакома с белым драконом по имени Кролик, забавно коверкающим слова. Ее это умиляло...

– Плафда?! – счастливо вздрогнул он. – Она мне так понлафилась! Стлойная, фысокая, фся ф селном. Оказыфается, это так... Ну, фы меня понимаете? Как мусина мусину?

– Понимаю. Женщина с хорошей фигурой в облегающем черном платье, костюме, бикини, купальнике, боди, комбидресе, да в чем угодно... На мужчин это действует, как «Вискас» на кота. Они бегут задрыв хвосты и жалобно вопят противными голосами, пока не получают желаемое.

– Как фы плафы... – философски мурлыкнул Кролик. Мы недолго помолчали, думая

каждый о своем, а потом он возобновил беседу: – Я тут на днях плолетал наг отной телефенькой вблизи Фошнахауса и фстлетил фашего тлуга, доктола Матфеися! Фам плифет.

– Матвеич?! Маг-ветеринар! – обрадовался я. – Да ведь мы с ним черт-те сколько лет не виделись. Все недосуг, дела, бои, разборки. Как хоть он там?

– Фсе ф полядке. Шиф-сдолоф, лаботает на плешнем месте, спешил плофедать больную. Кстати, фашу пыфшую снакомую.

– Кого?

– Луну.

Я едва не свалился с его спины. Если бы не страховочный пояс, пристегивающий меня к зубцу надхребетного гребня, поминок не избежать. Кролик беспокойно замахал крыльями, тормозя в воздухе.

– Сто с фами, милолт? Фам плохо?

– Где эта деревня?

– Отсюта полдня лету. Если на полной сколости, конечно...

– Я хочу ее видеть.

Дальнейший полет напоминал испытания нового сверхскоростного самолета-истребителя. Белый дракон летел так, что мне пришлось распластаться, борясь с встречным ветром, и зажмурить глаза. Один раз мы едва не сбили стайку юных грифонов, бедняжки с возмущенным писком едва успели уйти с нашего курса – только коричневые перышки взвились во все стороны! Дважды попадались взрослые драконы, провожавшие Кролика удивленно-уважительными взглядами. Нечисти не видел ни одной, да я и глаза-то едва рисковал приоткрывать, на встречном ветру слезы выбивало только так! Но в целом полет проходил довольно гладко, мчащийся на большой скорости дракон очень комфортабелен, в конце концов я даже задремал. Дрема незаметно перешла в крепкий сон...

Я по-прежнему стоял перед маленьким домиком, не выпуская из рук Меч Без Имени, а слева сочувственно улыбался Люцифер. Похоже, наша беседа не окончена и требует продолжения.

– Что вы решили, лорд Скиминок?

– Ничего.

– Что значит «ничего»? Наверно, я плохо объяснил вам, что имел в виду, – обезоруживающе улыбнулся Владыка Ада. – Вы ведь любите ее. Я знаю, действительно любите. Понимаю все ваши проблемы, жизнь в другом мире, законная жена, малолетний сын, замужество вашей избранницы... По божеским и человеческим законам – вы обречены. Слишком поздно, чтобы ваша любовь могла сбыться. Нет, лечь в постель не составит особенных сложностей, а исходя из ваших темпераментов... вы будете хорошими любовниками, но! Вам этого мало. Вы, ландграф, человек слова и чести. Иметь любовницу для вас недостаточно, вы непременно захотите, чтобы она стала вашей женой. Вот тут-то и начнутся разные...

– Довольно! – взревел я, замахиваясь мечом на моего всепонимающего собеседника. Он не защищался, не отпрыгивал, даже не поднял рук. Я задержал удар, отклонив клинок в сторону. Глаза Люцифера были полны такого сострадания, что я едва не заплакал.

– Посмотрите. – Он указал пальцем на освещенное окошко дома. Я шагнул вперед и прильнул к стеклу. В небольшой комнатке одетая в ночную рубашку Луна стелила кровать. За широким столом спиной ко мне сидел незнакомый мужчина. Луна легла, нырнув под одеяло, посмотрела на него пустым взглядом и повернулась к стене. Мужчина что-то сказал, встал,

потянулся, снял рубаху. Мое сердце билось так, что едва не ломало ребра. Он еще раз окликнул Луну, она не отвечала. Мужчина зевнул и направился к кровати, на ходу задувая свечи...

– Вы еще можете ее спасти. Она любит вас. Чего стоят все проблемы высокой политики, когда ваша возлюбленная вынуждена делить ложе с другим?

– Оставь меня! – Я был катастрофически близок к тому, чтобы разбить стекло лбом и сказать ей... Боже, но что я могу ей сказать?!

– Как угодно... – Он развернулся.

– Нет! погоди... – В моей голове все перепуталось. Добро или Зло, враги или друзья, жизнь или смерть – все равно! Только бы быть с ней, с ней, с ней... – Чего ты хочешь?

– Помочь вам.

– Как именно?

– Я могу вернуть вас, вашего сына и вашу избранницу в ваш реальный мир. Полагаю, уж у себя дома вы сумеете найти решение всех вопросов? Это очень хороший шанс. Берите ее, бегите и будьте счастливы!

– Но... разве это все?! – удивился я.

– Все, – подтвердил Люцифер. – А вы, видимо, наслушались церковных баек о продаже душ, адских муках и прочих детских кошмарах? Нет. Передайте Меч Без Имени кому хотите, оставьте принцессу на попечение ваших друзей, они способны прекрасно справиться сами, а вам пора. Вот только... Чтобы ни у кого не возникало недоразумений, поставьте подпись на договоре.

– У меня нет ручки, – тихо выдавил я, глядя на лист пергамента, появившийся неизвестно откуда и зависший у меня перед глазами.

– Ландграфы расписываются кровью!

Я медленно положил Меч Без Имени лезвием на левую ладонь и резко дернул рукоять. Ничего не произошло... Я нажал посильнее. Ни-че-го! Клинок, режущий камень, как шоколадное масло, отказывался причинять мне боль...

– Кровь! Где кровь?! Ну же... скорее... мне нужна кровь! – бешено заорал Владыка Ада, но меч был непреклонен. Грязная пелена спала с моего сознания...

– Мы плилетели, милотт! – громогласно оповестил кто-то. Сон кончился.

Кролик избрал посадочной полосой маленькую рыночную площадь. Пока мы садились, торгашей с нее словно ветром сдуло, причем вместе с товаром! Под лапами дракона слабо хрустнула лишь случайно забытая пара зеленых яблок. Когда пыль осела, из-за ближайших домиков показались запыхавшиеся стражи порядка из отряда местной самообороны. Они отважно наставили в нашу сторону самодельные копья. Кролик, естественно, задрал нос – благородный дракон ни в жизнь не унижится до разговора с потными крестьянами. Ладно, я в этом плане гораздо более демократичный.

– Физкультпривет работникам сельского хозяйства! Как озимые? Как покос? А я лорд Скиминнок, здрасьте...

Народ в этих краях не трусливый, всякого навидались. Вслед за охранниками повылезали крестьяне, ремесленники и торговцы. Показались любопытствующие женщины, удерживающие за шиворот ребятишек. Да, деревенька попалась не маленькая. Дворов эдак за пятьдесят. Все тихо переговаривались, бросая на нас настороженные взгляды. Я начинал уставать дружелюбно улыбаться. Наконец из толпы выбрался дородный мужичок с посохом и

медальоном старосты на груди. Он подошел к нам и поклонился с достоинством пожилого умудренного дипломата.

– Что угодно благородному лорду?

– Да ничего особенного. Я прилетел с миром и дико извиняюсь, если несколько нарушил размеренный ход вашей жизни. Я по делу.

– Мы много слышали о святом Скиминоке, летающем на белом драконе. Если Господь Бог сподобился на такое чудо, вновь вернув вас на землю, то мы рады услужить, чем можем.

– Спасибо. Вы так любезны, что мне даже неловко. Ну, если только... нельзя ли нарвать одуванчиков для Кролика? Он у меня на диете, но лучше все-таки подкормить парня витаминами, пока он не слизнул у вас одного-другого хулигана.

Староста кивнул, по его знаку стайка ребятишек с восторженным визгом бросилась за околицу рвать одуванчики.

– Дружище, как поешь, слетай за нашими, пусть срочно выдвигаются сюда. С делами я разберусь сам. Договорились?

– Нет плопем, милолт!

Люди заулыбались. Картавый дракон все же большая редкость, но лед страха и недоверия был сломан – нас приняли. Я спрыгнул на землю, поморщившись от боли в затекших ногах. Староста широким жестом указал на самый большой дом.

– Прошу почтить вниманием мое жилище. Настоящие ландграфы в наших краях желанные гости.

– Не премину, но попозже. А сейчас скажите мне, где живет Луна?

– Кто?

– Луна. Такая кареглазая девушка с темными волосами. Ее не так давно навещал знаменитый маг Матвеич.

– Ах эта! – нахмурился глава деревни. – Вы, верно, хотите ее арестовать?

– За что? – удивился я.

– Как? Да ведь все только и говорят, что она убийца! От нее из-за этого дела и муж сбежал.

У меня перехватило горло. Не ожидал, что все может быть так плохо. В средневековые времена муж, бросивший жену, обрекал ее на вечный позор, нищенское прозябание и бесславную кончину. Не знаю, как там они разбирались между собой, но я вдруг необычайно остро почувствовал свою необходимость Луне.

– Где ее дом?

– Прямо по улице, на окраине. Только будьте осторожны, милорд, позавчера двое наших лопухов ходили туда... ну, по глупости. Дескать, баба без мужика. По хозяйству помочь, дров нарубить, постель согреть, да мало ли... Так вот до сих пор лежат охают. До родных кое-как доползли, но уж отметелила она их – взглянуть страшно!

– Ничего, надеюсь, меня не тронет. – Я не удержался от улыбки. Наемница в прежней форме и даже больная не дает себя в обиду.

Староста откланялся, еще раз нижайше попросив зайти в гости. На отшибе, у рощицы действительно стоял маленький бревенчатый дом с чердачком. Слабо дымилась труба, а дверь вряд ли могла выдержать один пинок ноги. Я попытался унять бешеный стук сердца и осторожно побарабанил по косяку. В ответ ни звука. Я мягко толкнул дверь, не заперто. Вошел и сразу увидел ее. Луна в одной рубашке сидела в дальнем углу, на кровати, закутанная до пояса в лоскутные одеяла. Она была бледная как полотно, очень исхудавшая, а карие глаза

казались неимоверно большими. В тонких руках чуть подрагивал большой армейский арбалет. Железный болт смотрел мне в грудь. Не такой представлял я нашу встречу...

– Здравствуй.

– Уходи...

– Это я...

– Уходи...

– Луна, это я, Скиминонок!

– Уходи!!!

Наверно, стоило бы сказать так: «Мир перевернулся, земля задрожала, воздух перестал входить в легкие, и от страшных слов резкая боль пронзила сердце тринадцатого ландграфа. Слезы заблестели в глазах, он пошатнулся... Его душа опустошена, любовь растоптана, жизнь потеряна. В отчаянии он падает на колени, умоляя ее не стрелять, но...»

С другой стороны – положеньице довольно комичное. Я наконец-то нашел свою сбежавшую возлюбленную, вошел в дверь, раздираемый любовью и сомнениями, а мне наставляют в нос арбалет, недвусмысленно давая понять, что будет, если я сейчас же не уберусь. И на колени я не падал. Упал на задницу... Очень вовремя: нервно подрагивающий пальчик Луны все-таки нажал спусковой крючок – болт прошел дверь насквозь! Она раздраженно отшвырнула арбалет, отвернулась к стене и... заплакала. Я вздохнул. Встал, отряхнул штаны – ну что ты будешь делать с этими женщинами? Пошел утешать...

– Не надо, любимая. Не плачь... Хочешь, я заряджу твой самострел и ты еще раз в меня выстрелишь? Я встану поближе – ты обязательно попадешь!

Вместо ответа она разрыдалась еще громче. Сев рядом на краешек кровати, я начал тихо гладить ее по голове.

– Прости... Было столько дел. Болезнь, бои, подвиги, драки – все это занимает весь рабочий день. Про ночные вахты уже и не говорю. Надо было, конечно, хоть весточку дать, но в вашей веселой стране ни почты, ни телефона. Не поверишь – банальную телеграмму отправить негде! А ведь народу не объяснишь, что у меня тоже может быть личная жизнь. Людоеды завелись – Скиминонок! Пан Юлий мятеж готовит – опять Скиминонок! Раюмсдаль Локхайм захватил, Зингельгофер армию собрал, Люцифер козни строит – везде только Скиминонок! Как будто у вас других героев нет?! И ладно бы что серьезное, а то чепухой какой-то приходится заниматься... Две драконицы не поделили Кролика, так его еще одна, черненькая, оказывается, с детства любит. И что ты думаешь? Даже здесь без многомудрого меня никак нельзя разобраться!

Моя пустопорожняя болтовня сделала свое дело. Луна перестала плакать, улыбнулась и обняла меня за шею, уткнувшись мокрым носом мне в ухо. Я гладил ее по спине, довольно долго мы молчали. Наемница начала первой:

– Он уехал. Я была уверена, что справлюсь с собой и смогу с ним жить. Два дня мы не ссорились. Потом начался ад... Я заболела. Он ухаживал за мной, но... Я все время думала о тебе, а любое случайное упоминание твоего имени вызывало скандал. Я... в общем, я сказала ему, что давно тебя люблю. Что я обманываю его... Он уехал в Вошнахауз, у него там работа. Потом передал письмо с магом Матвеичем. Пишет, что все понимает, но семья есть семья, разрушить легко и... все зависит от меня.

– А ты?

– Я... наверно, вернусь к нему. Так надо... Он позовет и... Нет! Не уходи, пожалуйста...

Я пытался встать, но Луна вцепилась в мой рукав, глядя такими умоляющими глазами.

– Скиминок, любимый... Родной мой... Не оставляй меня сейчас. Ты не видишь, как мне плохо? Я ничего не могу решить. Все во власти Всевышнего... Ну что же нам обоим делать, раз все так вышло? Не молчи... Я... люблю тебя!

Ее бил озноб. Явно высокая температура. Я покрепче прижал к себе ее горящие плечи, а потом... Наши губы вдруг встретились. Это был тот самый поцелуй, которого ждут всю жизнь! Если его не было, то век прожит даром... Мы целовались снова и снова. Мы отдавали друг другу всю нежность и ласку, скопившуюся за долгие годы разлуки. Горечь поражений, душевная боль, раны и усталость, проблемы, страхи, обиды... не осталось ничего, что бы не растаяло в огне этих поцелуев. Я все простил. Она все простила. Мир вокруг ограничил свое многообразие озерами ее глаз. Там отражался – я! Больше мне не нужно было себя искать... Теперь ответом на любой вопрос звучало: я люблю ее! Враги представлялись мелкими, сложности – несущественными, ошибки – поправимыми. Не было ничего, с чем бы я сейчас не смог справиться. Она целовала меня с такой яростью, безоглядной страстью, на какую способна лишь настоящая любовь. Мы не заметили, как опустился вечер. Я не услышал скрипа досок, припирающих снаружи дверь. Луна не обратила внимания на голоса за окном. Мы вздрогнули одновременно от обжигающего Меча Без Имени, изо всех сил сигналившего об опасности. В воздухе запахло серой. За стеной кто-то громогласно объявил:

– Верьте мне, дети мои... Он – не ландграф! Она – наемная убийца. Они лишь грешные исчадия Ада. Спасем же свои души, придав слуг Сатаны очистительному пламени истинной веры!

Я рванулся к двери и тяжело ударил в нее всей грудью. Бесполезно. Она была надежно прижата снаружи. Подошел к маленькому окну, – вокруг дома мрачной толпой стояли жители деревни. Стражи опирались на копья, староста задумчиво вздыхал, а прямо перед ним бесновался высокий худой священник в черной рясе:

– Огня! Дайте мне огня! Только огонь, испепеливший их тела, избавит ваши души от вечного пламени геенны огненной. Спасите себя и детей своих! Молитесь, дабы происки Сатаны не ввели вас в искушение! Кайтесь, ибо Бог отвернулся от вас за то, что вы дали пристанище его врагам...

– Кто это? – спросила Луна, глядя в окошко из-за моей спины.

Я пожал плечами:

– Очередной религиозный фанатик. Вообще-то у меня уже двойственное отношение к священникам. Кардинал Калл был со мной несколько строг, но потом показал себя хорошим дядей. Инквизиторы и приبلудцы оказались сволочами. Отец Ансельм, помнишь его? Чудный человек, а вот этот... По-моему, он успешно уговаривает всех нас сжечь.

– Я боюсь.

– Не бойся! – Именно сейчас, рядом с любимой, которая нуждалась в моей защите, я почувствовал себя невообразимо храбрым и могучим. – Ничего, если я выдавлю стекло? Думаю, мы быстро договоримся со старостой.

Луна согласно кивнула. Она выглядела очень напуганной, но верила мне безоговорочно. Это вдохновляло...

– Алло, колхознички! По поводу чего митингуете? Пестициды замучили или обком опять требует рапорт об уборке за неделю до сева?

Народ припух. Они тут всегда молчат, когда не понимают, о чем речь. Тугодумы, но в неискренности упрекнешь... Староста откашлялся и, сопровождаемый монахом в черном,

попытался дать вразумительный ответ:

– Тут такое дело, господин ландграф...

– Он не ландграф! – с диким криком оборвал его священник.

– Вот я и говорю, господин хороший... – смущенно поправился староста. – Вслед за вашей милостью к нам спустился святой отшельник с Калмыцких гор. Он нечистую силу за версту чует. Вот, стало быть, и...

– Ага! С дуба он упал, а не с гор спустился! Да в Калмыкии отродясь гор не было. Чему вас в школе учили, двоечники?!

– Не богохульствуй!!!

– А ты вообще заткнись, крыса лабораторная! Не с тобой разговариваю. Мужички, вы че, белены объелись? Я – лорд Скиминок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени. Да, да, вот этого самого. Аналогов, копий, дубляжей или подделок не существует.

– Ложь! Грязная ложь, во спасение своей жалкой дьявольской душонки! – вновь начал надрываться монах. Его лицо было почти полностью скрыто капюшоном, но голос на редкость звучен и убедителен. Лично меня таким уговорить несложно... – Истинный ландграф не станет покрывать наемную убийцу, скрывающуюся от правосудия. Господь Бог смотрит на вас. Он ждет. Огня, дети мои! Смерть им, смерть, смерть!

Толпа глухо заворчала. Вот за что не люблю средневековье – пашешь на них, пашешь, а придет какой-нибудь ненормальный святоша с тараканами в голове и назовет тебя исчадием Ада – ему все сразу верят! Будь ты хоть четырежды герой Советского Союза, зато у него духовное звание... Помните, как Жанну д'Арк спалили? Сегодня сожгут, а завтра же заявят о необычайной святости. Дескать, ошибка вышла. Уж извините, на всякий случай... Виновных нет, а если и погорячились, так ведь во славу истинной веры. Все нормально, все путем, живите с миром, молитесь новому мученику... Пока я тихо ругался сквозь зубы, десяток особо религиозных крестьян, понукаемых монахом, начали доламывать заборчик и обкладывать досками дом. Кто-то притащил тюк соломы, замелькали факелы, старосту оттеснили...

– Они убьют нас, любимый... – тихо сказала Луна, отойдя от окошка. Я коснулся ладонью ее лба. Плохо дело... Температура наверняка под сорок. Ее пошатывает, глаза блестят, губы сухие, кашля нет. Что с ней?

– Тебя не тошнит?

– Тошнит. Уже с неделю. Я, по-видимому, чем-то здорово отравилась. Страшная слабость в теле... Почти ничего не ем, только сухари, да вот маг травную настойку оставил. Пью по одной ложке утром и вечером.

– Да ты так ноги протянешь! – Я вовремя подхватил пошатнувшуюся девушку и, взяв ее на руки, отнес на кровать. Создавшееся положение нравилось мне все меньше и меньше...

– Милый, ты еще сможешь...

– Нет, я тебя не оставлю. Мы выберемся. Они не слишком уверены в себе. Толпа есть толпа... ею можно управлять. Я уже заронил в их мозги искру сомнения в деяниях религиозного придурка. Теперь надо только выйти и поговорить. Тихо, без оскорблений, по-хорошему. Знаешь, я умею разговаривать с людьми...

В тот же миг через оконце на пол комнаты, кувыркаясь, упал первый факел. Луна лишь еще крепче прижалась ко мне, а я неожиданно понял, что свирепею. Прошу запомнить всех – не дергайте за усы свирепого ландграфа! Подойдя к стене, я вонзил в нее Меч Без Имени и в

четыре резких движения вырезал себе выход. Толкнул плечом, прямоугольный кусок стены рухнул наружу. Крики замерли. Толпа отшатнулась. Я шагнул вперед, сжимая рукоять двумя руками...

– Убейте его! – взвыл черный монах, и деревенская стража неуверенно попыталась взять копья наперевес. Их было всего шестеро, кое-какой ратный опыт лишь у двоих, остальные держали оружие, как грабли. Мой меч рвался в бой, мы бы без труда разделали под орех всю команду, но я еще как-то надеялся обойтись без крови...

– Прочь с дороги, сиволапые! Я вам не Джордано Бруно. Клянусь Катариадой Базиливмейской, что превращу в котлетный фарш любого недопеска, косо посмотревшего в мою сторону. А ну, марш по домам, хамы, холопы, быдло!

Стражники вежливо поклонились и отвалили. Мораль – веди себя как рыцарь, все сразу все поймут. Повторять не пришлось никому. Следом за мной вышла Луна. По-прежнему качаясь, словно тростинка на ветру, но прямая и гордая. Я обнял ее за талию. Нас бы никто не тронул, если бы не монах...

– Вам не избежать праведного гнева Господа, подлые нечестивцы! – победно заревел он, вздымая к небу сжатые кулаки.

– У него нет креста, – тихо прошептала Луна, вцепившись в мое плечо. Я не сразу уловил, что она имеет в виду, а когда понял...

– Перекрестись, священник!

Зароптавший было народ на минуту примолк. Монах стусевался и отступил.

– Перекрестись! – продолжал наступление я. – Что, не хочешь? А может быть, не можешь?! Ну так я тебе помогу!

– Не-е-ет... – заскулил чернорясый, пытаясь вывернуть длинную жердь из того, что когда-то называлось забором, но не успел. Я перехватил Меч Без Имени за клинок и, повернув его символом креста, обрушил на гада полноценное крестное знамение. Раздался грохот! Воздух вновь наполнился знакомым запахом серы. Тело монаха стало резко трансформироваться. Руки выросли и забугрились мускулами, плечи раздвинулись вширь, свободная ряса затрещала по швам, капюшон откинулся.

– Демон! – закричали люди, опрометью бросаясь в стороны. Тьфу, молчали бы лучше, эксперты липовые. Вовсе не демон, а обычный черт. Крупный амбал с умным лицом кадрового разведчика, хитер, отважен, опасен. Я видел таких в личной охране Люцифера. Раньше мне не приходилось вплотную сталкиваться с заклинанием изменения внешности, ну не везло... Спасибо наемнице, у нее больше опыта по этой части.

– Теперь ты умрешь! – захохотал черт, демонстративно помахивая вывернутой жердью. О небеса, какая скука! С кем ни встретишься – они сразу орут, что ты покойник. Наобещают, натреплются, а сами убегают.

– Не волнуйся, любимая. Меня по десять раз на день угрожают убить, обычное дело... Эй, парень! Может, тебе лучше развестись со своей женой, чем показываться на людях с такими рогами?

Черт покраснел, Луна улыбнулась, народ глазел на нас из-за плетней, заборов и домишек. Потом кто-то громко крикнул:

– Пожар!

Я обернулся – внутри дома наемницы бушевало пламя. А, чтоб меня! Я и забыл, что туда бросили факел...

– Это твой последний бой, ландграф.

– Где вас учат заклинанию личин, маленький Пятачок? Ты здорово ввел меня в заблуждение.

– Люди глупы, – фыркнул он. – Главное при изменении внешности точно копировать походку и привычки изображаемого объекта. Вот когда я был королевой Танитриэль...

– Поподробнее, пожалуйста, – вежливо попросил я.

– Интересно? – хмыкнул противник. – Люцифер велел украсть Локхайм. Мы написали Их Величеству письмо от имени Матвеича, заманили ее в пустующий дом, опоили, а потом, приняв королевский облик, заставили гвардию покинуть Тающий Город, взяв его без единой жертвы.

– Так ты из США? – прозорливо угадал я.

Черт издал боевой клич, начиная атаку. Он шел на меня кругами, длинная жердь в умелых руках вращалась, гудя, как пропеллер. Восточный метод ведения боя. Очень похоже на стиль шестовиков Северного Шаолиня. Противник наступал с непоколебимой уверенностью в победе, вряд ли кто из жителей Соединенного королевства мог противостоять столь экзотичной технике... Откуда ему было знать, что я в свое время пролил немало пота в спортзале на занятиях каратэ? Да и Меч Без Имени не такое оружие, чтобы дать в обиду своего господина. Драка была очень короткой. Черт, подпрыгнув, нанес коварный удар снизу в подбородок, я заблокировал и, не меняя позы, воткнул клинок прямо в подставленное древко. Другое оружие непременно бы застряло, но не Меч. Он насквозь прошел жердь и на ладонь ушел в горло врага. Хлынула кровь, мой рогатый противник зашатался, упал и, судорожно скребя когтями землю, затих. Поле боя освещалось огнем горящего дома Луны, полыхающего у нас за спиной. Все... Деревенские жители осторожно приблизились, недоверчиво рассматривая труп черта в рясе.

– Вот оно как... – виновато развел руками староста. – Мы тут люди темные... Вы уж простите, господин ландграф. Священник всегда священник. Кто же, кроме него, может указать на слугу дьявола? Так вот и получилось... все как-то... мы не хотели! Вы уж простите, Христа ради, а дом-то мы отстроим. Всем миром возьмемся, лучше прежнего будет, не сомневайтесь...

Я только отмахнулся, сунув меч в поясное кольцо. Луна была очень слаба и буквально висела на мне. В ночном небе промелькнула сияющая громада, затмевающая звезды. Локхайм. Ну, наконец-то...

– Как она?

– Спит. Я дала ей сильнодействующее лекарство и поставила компресс. Хороший сон, правильное питание, положительные эмоции да плюс отсутствие врачей – вот и все, что нужно вашей избраннице.

– Спасибо, Вероника...

Мы с ведьмочкой стояли в рубке управления полетом. Детей давно уложили, Лия с Бульдозером тоже пошли спать, Кролик и Тень летели впереди, перебирая романтические воспоминания детства, Тина и Туча были направлены моим оруженосцем на вербовку драконов для предстоящего сражения с Люцифером. Их это не особенно порадовало, но Жан проявил нужное красноречие, так что в конце концов дамы милостиво согласились. Тающий Город взял курс на Ристайл. Если Раюмсдаль меня опередил, то в столице бушует мятеж. Кришнаиты – ребята деятельные, шутки шутить не станут. Я слишком хорошо помню

короткие обоюдоострые ножи под названием «Зубы Кришны». Раз уж не успеваем предупредить короля, то, возможно, хоть повоюем на славу. У нас есть Локхайм, два боевых дракона, да и вся команда в сборе, рвет удила в неумной жажде деятельности. Люцифер решил подогнать войска – так мы его встретим!

– Милорд, а вы моего... Якобса видели?

– Видел.

– Не убили?

– Нет.

– Жаль...

– Чего жалеть, паренек и так схлопотал пожизненное заключение.

– Гад он все-таки... – задумчиво пожала плечами Вероника. – А у вас с Луной как?

– Плохо. Любим друг друга, но вместе быть не можем. Из-за этого сплошные разборки, она в меня даже стреляла. Промазала от избытка чувств.

– Ну почему все люди не могут быть счастливы?

– Риторический вопрос, подружка. Сказано же, пострадай на земле, порадуешься на небесах.

– Ясно... Тогда уж вам-то рай точно обеспечен.

В три часа ночи мы сдали вахту Лии с Бульдозером. Я зашел к детям, подоткнул им одеяла. Потом пошел в комнату больной. Луна спала, разметавшись, но укутанная в шерстяной платок с компрессом на груди. Боже мой, ну что же нам делать? Я присел на коврик, привалившись спиной к ее кровати, и уснул. На этот раз снов не было...

Меня разбудили на завтрак довольно поздно, часов в десять. Иван прыгал вокруг трусливого рыцаря, объясняя ему, как Джеки Чан изображает пьяного мастера. Луна ждала меня за столом, она выглядела не в пример лучше, хотя и бледноватой. Драконов пришлось отпустить, они и так намахались за ночь, долго поддерживать скорость, равную скорости Локхайма, не в их силах. Она, конечно, не как у реактивного самолета, но все равно довольно приличная. Расстояние от Вошнахауза до Ристайла всадник покрывает за неделю, а мы должны были попасть в столицу к обеду. Все это время я провел в праздной болтовне с ребятами, играх с детьми, смехе, шутках и... полной невозможности поговорить с Луной. Наемница деликатно ускользала от любой попытки пооткровенничать на интересующую меня тему. Раньше она такой не была... В моей бедовой голове поселилась назойливая мысль о том, что она уже не так меня любит. Ровно к двум часам дня показались белокаменные стены Ристайла. Нас заметили, на башнях взвились флаги. Судя по всему, мы успели!

Я дал приказ Тающему Городу зависнуть в десятке метров над центральной площадью столицы. Все жители высыпали полюбоваться на возвращение Локхайма. Мы опустились чуть пониже и спустили трап. Прибыл Их Величество Плимутрок I с дочерью и зятем. Князь бросился по ступенькам вверх, не дожидаясь, пока я спущу ему маленькую принцессу. Ольга взвизгнула от восторга, повиснув на шее рыдающего отца. Народ ревел, исходя в овациях. Мои ребята кланялись, стоя у перил и посылая толпе воздушные поцелуи. Рыцари короля подхватили на руки князя, демонстрируя его народу, а Злобыня, в свою очередь, высоко поднял улыбающуюся Ольгу. Общее счастье Ристайла не знало границ! Плимутрок плясал, Лиона просто орала, временами заглушая всех. В этой суматохе только один человек мог не потерять голову – кардинал Калл. Именно он и был мне нужен. Пользуясь тем, что общее внимание уделялось спасенной принцессе, я тихо протолкнулся к свите кардинала и дернул его за рукав.

– Ваше высокопреосвященство, у меня срочное дело.

– Вы забываетесь, ландграф! К особе моего звания нужно подходить с поклонами, без оружия и...

– Речь идет о мятеже еретиков против истинной веры! – быстро выдал я, зная его болезненную щепетильность в вопросах нарушения этикета. Суровое лицо кардинала мгновенно стало очень внимательным.

– Чем могу быть полезен, сын мой?

– Кришнаиты тайно проникли в город и готовят восстание с целью свержения истинной власти от Бога и установления ложной от Сатаны! Необходимо срочно мобилизовать все силы и выцепить их по городу до подхода армии принца Раюмсдаля.

– Храни нас Господь... – перекрестился его высокопреосвященство. Следующие пять минут он отдавал короткие приказы своим слугам. За что всегда уважал кардинала! Гвардия будет во всеоружии, площадь оцепят через несколько минут. Я велел предупредить об опасности короля и князя. Что еще необходимо сделать?

– Проверить всю эту толпу. Хари Кришны бреют головы, но оставляют хвостик на макушке. Необходимо поснимать шапки со всех. Кришнаитов вряд ли больше сотни, но вы лучше меня знаете, как опасны религиозные фанатики.

– Я сделаю все, что вы просите. Скажите лишь, откуда у вас такие сведения?

– От Люцифера.

Впервые на моей памяти кардинал Калл несколько побледнел. Я вернулся на Локхайм. Иван держался за Луну, вся моя команда утопала в цветах и наверняка подзабыла о грядущих сражениях. Между тем изо всех переулков показались тяжеловооруженные латники с гербами Ристайла. Центральную площадь замкнули в железное кольцо. Следом за мной по трапу взобрался король Плимутрок, сопровождаемый двумя рыцарями и одним монахом.

– Опять заговор?

– Да, Ваше Величество. Кришнаиты подняли голову.

– Пустите меня, лорд Скиминок. Я буду говорить со своим народом.

Мы потеснились. Плимутрок вышел вперед и с высоты Локхайма обратился к притихшим горожанам:

– Дети мои! Слушайте своего короля, ибо королевское слово незыблемо и нерушимо, вечно и верно, правильно и мудро...

– Короче, Ваше Величество, и по существу, пожалуйста! – шепотом попросил я.

– Не мешай! – огрызнулся король. – Видишь, с людьми разговариваю... Я и так краток до предела. Дети мои! Враги скрываются среди нас. Недобитые кришнаиты...

В тот же миг площадь забурлила, и сотня горожан, торговцев, ремесленников и крестьян сбросила головные уборы, обнажив перед всеми бритые головы с хвостиками.

– Хари Кришна!

Без жертв обойтись не удалось. Благодаря своевременным приказам кардинала, опыту гвардейцев и городской стражи, а также твердости горожан кришнаитов повязали в течение получаса. Но на площади в тот трагический день остались трупы двенадцати городских жителей, двух стражников, и еще человек десять были здорово поранены кровавыми Зубами Кришны. Мне очень жаль... я считал себя виноватым, если бы мы прилетели хоть на день раньше, может быть... Я понимал, что обойтись без крови вообще вряд ли было возможно. Но...

Плимутрок отдал приказ немедленно готовить Ристайл к обороне. Весь вечер и всю

ночь мне не удалось сомкнуть глаз. Лиона не отпускала от себя дочь и, безапелляционно забрав у меня Ивана, сюсюкалась с обоими детьми, счастливая донельзя. Злобыня сумел взять себя в руки и командовал на стенах, готовя городское ополчение. Перед лицом такой опасности, как битва с Раюмсдалем и Люцифером, поднялись все. Объединенные дружины ремесленных кварталов, купеческая охрана, гвардия короля, русские ратники и ближние вассалы сумели собрать в городе полуторатысячное войско. Вероника улетела за подмогой в Тихое Пристанище. Лия увела Луну в свою старую харчевню, ухаживая за наемницей, как за больной сестрой. Бульдозер пропадал в гвардии, своей хвастливой трепотней готовя молодых рыцарей к предстоящему сражению. Что же касается меня, то я был вынужден сопровождать королеву Танитриэль, осматривающую свой вновь обретенный летающий город. Пока с нами были ее наемники, я не очень волновался, но постепенно королева разослала их с различными поручениями во все концы. В результате, когда она предложила мне выпить чашечку кофе, мы были уже совсем одни. Я лихорадочно выискивал причину увильнуть, не вышло... В памятном мне кабинетике ждал накрытый стол. Танитриэль была непривычно задумчива. Постепенно разговор вошел в прежнее русло:

– Вы получили мое письмо?

– Да.

– Я очень благодарна вам за возвращение мне Локхайма. Теперь вы видите, что бывает, когда целым королевством управляет слабая женщина. Мне хотелось бы отблагодарить... – Танитриэль положила мне руки на плечи и попыталась поцеловать в губы. Я не ответил на поцелуй, она все поняла. Невозмутимо сев в свое кресло, королева продолжила:

– Мне бы хотелось посоветоваться с вами, как с человеком, принимающим такое участие в моей судьбе. Речь идет о двух предложениях, сделанных мне в последние дни.

– Появились претенденты на руку и сердце? – прозорливо угадал я.

– В некотором смысле... Уже больше года за мной пыгается ухаживать сэр Гейкельхард, магистр ордена Храма. Когда он узнал, что я потеряла Локхайм и нахожусь в гостях у короля Плимутрока, то сразу же сделал мне предложение.

– Что ж... Я видел его всего один раз, на День святого Скиминока. Он был в числе претендентов на Меч Без Имени. Не могу сказать ничего плохого, мне показалось, что это честный и благородный рыцарь. А кто второй?

– Сионский шляхтич пан Юлий.

– Кто?! – едва не подпрыгнул я. – И эта сволочь осмелилась припереться в Ристайл пред ясные очи короля Плимутрока?! Да большего мерзавца свет не видывал. Он же меняет цвет шкуры в зависимости от политической обстановки. Две-три недели назад, стакнувшись с Раюмсдалем, готовил восстание против короля. Нам с ребятами удалось этому помешать. Теперь небось строит из себя верного вассала. Давно он с вами заигрывает?

– В столице пан Юлий уже около недели, а предложение сделал вчера, как только узнал, что мне вернули Тающий Город, – нахмурилась Танитриэль. – Признаться, и мне он показался очень подозрительным. От него всегда так пахнет тухлыми яйцами, даже духи не заглушают резкости запаха...

– Точно, все его благосостояние стояло на сероводороде. Газ пропитал пана насквозь.

– А еще эта странная повязка на лбу...

– Она скрывает букву «С», что может обозначать: скотина, сутенер, самсунг, слюнтяй, сволочь, собака, симулянт... ну и так далее, перечислять весь список было бы слишком долго.

– Откуда вы знаете? – сощурилась Танитриэль.

– Эта буква нарисована Мечом Без Имени, – скромно признался я.

– Значит, еще в какой-то мере и автограф, лорд Скиминок? – тонко улыбнулась королева.

Мы поболтали еще на отвлеченные темы, потом в дверь постучали. Гвардеец королевы объявил о том, что меня очень ждут во дворце. Гонцы доложили о подходе неприятельской армии с северо-западной стороны. До рассвета оставалось порядка двух-трех часов. Ладно, еще одна бессонная ночь мне не в диковинку. Завтра... или уже сегодня – сражение с Раюмсдалем. Какая разница, если я погибну не очень выспавшимся? Опять вру... Теперь, когда Луна была рядом, когда она стояла за моим плечом, нуждалась во мне – ни капли не хотелось умирать. Наоборот! Жизнь только начинается... Я поспешил к королю. Меня ждал военный совет в лице Плимутрока I, князя Злобыни Никитича, моего верного Бульдозера и сурового кардинала.

– Присаживайся, ландграф. По нашим сведениям враг будет у ворот столицы часов в десять утра. Твой оруженосец ввел нас в курс дела. Зная характер принца, я бы предположил, что он атакует сразу же. Кришнаитов мы обезвредили, возьмемся и за остальных. Город готов к обороне, но мы хотим слышать твое мнение, лорд Скиминок. Подскажи, как можно просто и быстро одолеть Люцифера?

Честно говоря, мы так ничего и не придумали. Меня это слегка напрягало, а остальные спокойненько положились на волю Божию, добрую сталь и мужскую дружбу. Средневековье, что возьмешь... Живут как умеют, а уныние почитают грехом. В общем, когда наемная армия принца Раюмсдаля показалась на расстоянии полета стрелы, Ристайл стоял грозной твердыней, готовый дать отпор любому, кто посягнет на его белые стены. Но принц, вопреки ожиданиям, не стал нападать сразу. Похоже, он многому научился и чего-то ждал. Мы также не спешили открывать свои карты, пусть помучается, гад. Полчаса спустя Их Величеству пришла в голову оригинальная идея: он велел поджечь на площади четыре тюка с соломой, облив их смолой. Несколько горожан добровольно обрили головы и, замотав себя оранжевыми тряпками, открыли ворота. Раюмсдаль клюнул... Над столицей клубился черный дым, а в воротах плясали натуральные «кришнаиты». Отряды наемников пропустили вперед конницу и радостным маршем устремились следом. Но когда до стен города оставалось шагов десять, из Ристайла вылетел отборный отряд королевской гвардии. Наемники стусевались, и рыцари разметали их, словно кегли. Когда Раюмсдаль послал на помощь пехоту, наши красиво развернулись и дунули домой под защиту лучников, оставив поле боя усеянным обезображенными трупами. Принц ругался так, что даже мы его слышали, но вскоре нас отвлекли другие звуки – из-за леса показалась ужасная фигура бронзового Кришны!

– Батюшки! Это что же за идолище поганое? – поразился князь.

– Так вы не знакомы? Позвольте представить – это Кришна. Сделан из бронзы, два раза в год специальными ритуалами обретает способность дрыгаться, говорить, драться. Любит натуральные продукты, например коктейль из кислого молока с подсолнечным маслом. Понимает юмор, ценит хороший анекдот. Между прочим, метит в женихи к твоей Ольге.

– Да ты в уме ли, ландграф?!

– Я – да, а вот он... Пусть лучники не стреляют, надо попытаться его уговорить. – Но когда я пошел на стену, меня остановил кардинал Калл.

– Сын мой, ты хочешь сразиться с этим порождением Сатаны?

– Да, а что делать, святой отец? Не молиться же...

– Слово Божье сильнее любого меча! – наставительно отметил кардинал и увязался за мной. Я влез на стену меж зубцов. Несмотря на долгую разлуку, бронзовый гигант узнал меня сразу.

– Скиминонок! – зарычал он, ударяя себя в грудь, как самец гориллы. – Выходи, я хочу убить тебя!

– Надо же... Может, просто поставишь в угол?

– Я тебя не забыл. Ты перед всеми ответишь за мой позор!

– Какой такой позор? – заинтересовались все.

Кришна смутился и поменял тему:

– Я пришел взять то, что мое по праву.

– Сожалею. Твоих слуг в городе уже нет. Они далеко, им там лучше, и возвращаться вряд ли захотят.

– Слуг везде много. Найду новых. Отдай мне принцессу.

– Ну, ты юморист... Ей от силы годика три, а тебе, старый пень? О душе пора подумать, а не о плотских утехах. Мала она еще для сватовства.

– Не перечь богу! – захохотал гигант, топая ногой.

Земля задрожала. Я уже не знал, чем его еще отвлечь, пока не произойдет... не знаю что! Меч Без Имени был холоден. Странно... Именно сейчас я не вижу никакого выхода, кроме драки.

Меж тем на стену выбралась раздраженная Лиона:

– Это кто тут требует руки моей дочери?

– Я!

– Облезешь! – уперев руки в бока, твердо заявила непоколебимая мама принцессы. – Во-первых, ты рылом не вышел. Во-вторых, девочке не нужен муж с чугунными мозгами. В-третьих, у нее уже есть жених и нас всех он вполне устраивает. Миленький такой...

– Кто посмел?! – не на шутку обиделся бог.

– Сын ландграфа, лорд Скиминонок-младший. – Лиона демонстративно повернулась задом и ушла вниз, в то время как я пытался переварить неожиданную помолвку моего Ивана. Да, мальчик делает успехи... Он породнился с королевским домом и в случае удачного брака может стать полновластным властелином Соединенного королевства. Интересно, сама идея женитьбы пришла в голову ему или ей?

– Я убью обоих, ландграф! Отдай мне принцессу Ольгу!

– Ты ее не получишь!

– Кто же меня остановит, ты? – засмеялся бог.

– Я! – раздался столь же грохочущий голос слева от нас.

Господи Боже, прости меня, я усомнился... Велика сила Твоя, крепка мощь, высоки помыслы, чудесны деяния. Я лишь маленький самоуверенный человечек в деснице твоей. Спасибо, рыцарям очень полезно время от времени получать уроки кротости и смирения...

Кардинал Калл стоял на коленях, смиренно читая молитву, горожане и враги замерли в оцепенении, а по чистому полю наперерез злобному Кришне скакал бронзовый гигант на бронзовом жеребце, и плащ его был скреплен пряжкой, изображающей то ли взрыв, то ли вывернутые корни деревьев, то ли осьминога...

– Скиминонок... – вздохнули все.

– Святой Скиминонок! – поправил кардинал.

Кришна обернулся к всаднику и, завывая, бросился в бой. Меня держали, потому что я изо всех сил рвался помочь своему прообразу. Если уж его высокопреосвященство оказался способен своими молитвами уговорить Господа дать жизнь бронзовой статуе, то почему я должен сидеть в крепости, пока мой двойник чистит морду моему же противнику? Битва бронзовых титанов впечатляла.

По силе они были равны. Крепость металла у обоих одинаковая. Грохот и лязг такой, что хоть уши затыкай. Сначала все молчали, потому как боялись. Потом народ осмелел. Стали кричать, своего подбадривать, а чужого осмеивать. Шумиха совершенно стадионная! Одна сторона скандирует: «Ски-ми-нок!», другая без устали орет: «Криш-на, Криш-на!» Противники лупили друг друга в хвост и в гриву. У моего двойника был изувечен щит, покусан конь, поцарапаны латы, а плащ порван на металлические лоскутки. Но и Кришне, конечно, досталось – нос вдавлен, подбородок расплюсчен, зубы почти все выбиты.

Бой закончился неожиданно для всех. На поле сражения рядом с драчунами за клубился черный дым, материализовавшийся в натруженную фигуру демона Хана. Бедный «строитель» был очень замотан, напряжен и зол. По-моему, его слегка трясло. Одним шлепком призрачной ладони он отправил обоих супротивников в дальний полет, а потом повернулся к городу:

– Скиминок! Где ты, негодяй?!

Все, кто был на стене, молча обернулись в мою сторону. Я вздохнул и вновь полез на стену. Мы с демоном уперлись взглядами друг в друга, нос к носу. Первым начал Хан:

– Дай мне работу!

– Сначала расскажи, как и что с неприступной крепостью для Зингельгофера?

– Все сделано согласно указаниям госприемки. Если не веришь, то пойдем, посмотришь сам.

– Без Кролика не полечу, – подумав, сообщил я. – Поверю на слово. Итак, какое поле деятельности мне распахать для тебя на сегодня?

– Я могу защищать плохих или уничтожать хороших. Плохих я уже защитил. Вели мне уничтожить этот город!

– А если я не велю?

– Тогда ты умрешь! – торжественно захохотал демон. Его веселье поддержала армия Раюмсдаля робким хихиканьем в такт.

– Это очень весомый аргумент, – кивнул я и подмигнул князю. – Раз уж ты так настаиваешь – я согласен.

– Да? Ты все-таки согласен?! – восторженно взревел Хан, наши на стене позатыкали уши.

– Но у меня есть одно условие.

– Какое?

– Ты приступишь к уничтожению города только после двухстороннего подписания отдельного договора. Я хочу, чтобы Ристайл был затоплен целиком, со всеми жителями...

– Да, повелитель.

– Но сделать это надо медленно, садистски, со вкусом и расстановкой...

– Да, мой господин! – едва не рыдал старый Хан, безмерно счастливый возможностью совершить такое извращенное злодеяние.

– Пока не затопишь – за другие дела не берешься. Смотри, чтоб вода залила все, по самые крыши. И главное – для пущего ужаса неотвратимой смерти делай, пожалуйста,

скорбное и торжественное лицо...

– О да! Да, да, да, да...

– Где договор? – быстро напомнил я. Демон дунул – и передо мной завис лист пергамента. Я проверил – написано как сказано. – Так, еще один пункт: приступаешь к работе, как только получаешь орудие труда.

– Все, что ты захочешь! – Хан смотрел в сторону, надеясь спрятать хитрый взгляд старой лисы. Поправка появилась сразу же, подпись Хана стояла внизу. Я послунял большой палец и приложил. Оттиск загорелся красным, сойдет...

– Теперь твоя душа принадлежит мне!!! – Демон от восторга запрыгал на одной ножке и начал бить в ладоши.

– Это точно, – грустно подтвердил я, – но ты получишь ее только после выполнения задания.

– Оно будет исполнено, – развернулся Хан.

– Куда спешишь? Не торопись, дорога скользкая. Значит, так, город зальешь морской водой, а воду будешь таскать десертной ложечкой. Жан, принеси!

Повисло гробовое молчание. Первыми не выдержали горожане. Легкие улыбки перешли в тихие смешки, а уже через пару минут стены едва не рушились от рокошущего хохота сотен счастливых людей. Демон смотрел на меня круглыми глазами, до него доходило медленнее.

– Залить... утопить... со вкусом... морской водой из десертной ложки...

– Ага... – едва выдохнул я, присев у зубца и задыхаясь от смеха.

– Ты... издеваешься надо мной!!!

– Ничего не знаю – договор подписан! Получи орудие труда и начинай.

Хохот грянул с новой силой. Побагровевший демон вырвал из рук подошедшего Бульдозера маленькую серебряную ложку, выкрикнул пару грязных ругательств на старотюркском и исчез. Армия Раюмсаля подобралась, построилась, явно готовясь к штурму. Князь быстро привел в чувство защитников, дав приказ пнуть для затравки из большой катапульты. Здоровенная стрела толщиной в оглоблю с наконечником с мой локоть улетела ввысь, а рухнув, покалечила кого-то из пехоты врага. Наши грянули: «Ура!» Войска принца обиделись.

– Чего он ждет, друже? – подошел ко мне Злобыня.

– Должен появиться Люцифер. Они договорились о совместной атаке. О! Вон летит Вероника с Горгулией Таймс, сейчас узнаем самые свежие данные нашей контрразведки.

Но к нам свернула лишь юная ведьма, ее наставница отправилась напрямиком во дворец. Вероника спрыгнула с помела, промаршировала ко мне строевым шагом и по-военному коротко доложила:

– Люцифер с войском чертей будет здесь через пятнадцать минут. Мисс Горгулия намерена поговорить на эту тему с королем. Она срочно просит вас прибыть в резиденцию Его Величества.

– Иди, брат, – кивнул князь. – Мне людей бросать нельзя. Трусов здесь нет, не впервой смерти в глаза глядим, но и ты там... Придумай что, а? Ведь сейчас бы только жить да жить...

Я похлопал его по плечу и, махнув оруженосцу, отправился во дворец. Вероника семенила следом.

– Слушай, Жан, до начала сражения еще полно времени. Найди Лию, узнай у нее, как здоровье Луны.

– Слушаюсь, но... Милорд, вы так спокойны? Ведь мы-то знаем, что Люцифер – это такая сила... Вы настолько уверены в победе?

– Да. Понимаешь, мне есть что защищать. Теперь есть...

Он улыбнулся, поклонился и побежал. Эх, парень, если бы я сам так верил в себя, как показываю оруженосцам... Просто теперь я точно знаю, что уж если непременно приходится умирать, то это можно сделать достойно, без скулежа, уныния и истерик. Но вообще-то у меня все равно другие планы...

– Вот такие дела, ландграф... Люцифер явится во всей красе и мощи, его войско обучено, хорошо вооружено и настроено на победу. На мою магию даже не рассчитывай – Тихое Пристанище в этой драке не участвует. Мы решили соблюдать нейтралитет. Впрочем, есть шанс договориться. По-моему, владыке Ада нужна только твоя голова. Взамен он готов пощадить город. Может, сдашься, а?

– Нет! – Король хлопнул ладонью по эфесу меча. – Это невозможно по одной простой причине.

– Я так вам дорог? – умиленно спросил я.

– Дело не в тебе, Скиминок. Просто я хочу подраться!

– Ну, спасибо вам, Ваше Величество...

– Да прекратите вы! – прикрикнула Горгулия Таймс. – У меня есть одно предложение. С наемниками принца вы, может быть, как-нибудь управитесь сами, а вот разогнать чертей... Я бы предложила святую воду. Достаточно по капле на рыло.

– Надо лишь придумать, как их всех облить? – уточнил король.

– А Локхайм не подойдет? – предложил я.

– Годится, – признали все. – Только надо попросить разрешения у королевы Танитриэль.

– И у кардинала. Нам ведь понадобится много ведер святой воды.

– Зачем тебе много? – возмутилась ведьма.

– Но не буду же я капать из пипетки на каждого черта в отдельности!

– Тоже верно...

Пока мы препирались, в дверь постучали, запыхавшийся стражник доложил о появлении на поле брани огромной армии чертей.

– Пошли! – скомандовал Плимутрок. – Кардинала я беру на себя, мисс Горгулия пускай договорится с Танитриэль, а ты, ландграф, возвращайся на стены. Для вас с Мечом еще будет дело.

На этот счет сомнений у меня не было. Война так война. По крайней мере, мы все вместе, рядом, враг не скрывает своего лица, друзья готовы к битве, пора! Наполненный здоровым боевым азартом, я вернулся на стену посмотреть, как разворачиваются для предстоящей атаки армии противника. Бульдозер, уже облаченный в полные доспехи, ждал меня с кольчужой в руках.

– С Луной все в порядке, она даже хотела прийти к вам на стену, но Лия считает, что тут сквозняк и легко простудиться. Вам тоже надо одеться, милорд. Я знаю, что вы не любите доспехи, но... одна шальная стрела – и мне останется лишь молиться за вашу светлую душу.

– Ну ее... не хочу! Будь рядом, если кто выстрелит, я за тебя спрячусь.

– Знаете что, лорд Скиминок! – неожиданно рявкнул трусливый рыцарь, безоговорочно напяливая на меня кольчужную рубашку. – Вы потом как хотите, но, если Лия после боя найдет на вас больше чем две царапины, – она прибьет меня сковородкой!

– К бою! К оружию! – раздалось вокруг. Войска принца двинулись к центральным воротам. Армия чертей огибала город, норовя взять нас в кольцо и ударить со всех сторон одновременно. Ристайл может не выдержать, слишком мало людей. Наши лучники старались вовсю. Враг наступал, теряя убитыми и ранеными. Злобыня ушел готовить к вылазке дружину, мы с Бульдозером обороняли северную стену. Под нашим командованием пятьдесят стрелков залпами выкашивали целые ряды противника. Люди знали, что их ждет в случае захвата столицы. Прибежал нарочный от короля доложить о боеготовности Тающего Города. Я собрался было идти, но в эту минуту голос Люцифера загремел на все поле:

– Ландграф! Мы знаем, что ты здесь. Выходи и сразись со мной один на один, как мужчина с женщиной!

– Не ходите, милорд, – тут же вцепился в мой воротник верный Бульдозер. – Не верьте Владыке Ада! Он не имеет ни совести, ни чести. Вас обманут!

– Ну что же ты, лорд Скиминок?! Выходи, или твое имя будет навеки опозорено. Дерись, трус!

– Тьфу! Третий поединок за день! Ну вот зачем мне все это надо?! – раздраженно бормотал я, спускаясь по ступенькам со стены к воротам. – До чего идиотские правила поведения в этом дубовом средневековье! Да в моем бы времени назвал бы кто меня трусом... стоя под окном с пятитысячной армией – разве ж я вылезу?! Ни за что! А вот тут иду себе...

– Остановитесь, милорд! – кричал трусливый рыцарь.

– И главное, ради чего? Ну, вот убьют меня сейчас, сгину я во цвете лет по причине невозможности нарушения традиций рыцарского этикета. Кому от этого тепло? Самое смешное... всем! Он умер как герой! И хоть бы один человек вышел, загородил дорогу и сказал решительное: «Нет!»

– Нет! – решительно сказал Бульдозер, загораживая мне дорогу. – Без лат никак нельзя! Это не по-рыцарски. Это вопиющее нарушение этикета, это неуважение к противнику, это пренебрежение к лучшим чувствам всех нас, это...

– Заткнись! – тонко взвизгнул я, едва удерживаясь от того, чтобы не задушить его. Нервы... Стянув через голову кольчугу, я швырнул ее обомлевшему Жану и приказал страже меня выпустить. Уже выходя из ворот и обернувшись напоследок, я увидел Луну, державшую за руку Ивана. Она была очень бледной... – Ну, вот он я. Чего надо? – Мы с Люцифером стояли лицом к лицу между Ристайлом и откатившимся войском принца. Черти приостановили маневры по охвату города, ожидая развязки грядущего поединка.

– Я пришел за твоей душой!

– Попробуй отними. Лично мне она еще очень пригодится.

– Ха! Ты подписал договор об уничтожении Ристайла, спустив на него демона-разрушителя. Твоя подлая душонка теперь навеки принадлежит мне! – захохотал владыка Ада.

– Ах, вот ты о чем... – Я тоже слегка улыбнулся. – Не буду спорить, как только, согласно договору, пенсионер Хан затопит город морской водой, – пожалуйста, забирай.

– А что, разве он еще этого... не сделал?

Словно в ответ на искреннее недоумение владыки, у стен за клубился дым и насупившийся демон вылил к створкам ворот первую десертную ложечку морской воды.

– Хм... – прикинул я, когда дым вновь рассеялся. – Он бежит до моря и обратно с приличной скоростью, коэффициент полезного действия в среднем примерно одна ложка в

час. Значит, двадцать четыре в сутки. Если очень постарается, может догнать до тридцати. Ну что ж, такими темпами он затопит Ристайл где-нибудь...

– Ты издеваешься! – взвыл Люцифер. – Все, мое терпение лопнуло! Будь ты проклят, Скимминок! Я убью тебя своими же руками...

Мне как-то разом поплохело. Могучая фигура Владыки Ада вдруг начала расти! Не прошло и минуты, как он возвышался над Ристайлом, словно слон над тортом. Мир замер в ужасе! Огромная нога поднялась и... Меня вынесло из-под удара какой-то непонятной силой, еще миг – и раздавило бы в лепешку, как зазевавшегося таракана.

– Вероника?

– Да, милорд. Садитесь быстрее, летим!

Юная ведьма, рискуя жизнью, спасла меня от неминуемой гибели. Для такой туши удар Меча Без Имени слабее комариного укуса. Мы взмыли вверх. Увидев меня на метле, Люцифер расхохотался еще громче:

– Не убегай, свирепый ландграф! Тут есть один наш общий знакомый. Он умрет, если ты сбежишь.

Ряды чертей раздвинулись, и я увидел связанного... Брумеля! Так вот где он пропадал... в плену!

– Вероника, вперед! Теперь я буду драться.

Ворота Ристайла распахнулись. На врага вышла гордая гвардия Плимутрока. В синем небе показались два пятнышка, белое и черное. Это мои драконы, за ними еще... Силы сравнялись. Юная ведьма проявила недюжинный талант пилота. Мы кружили вокруг носа Люцифера с бешеной скоростью. Куда девалась моя морская болезнь? Я дважды задевал Мечом Без Имени огромный пяточок. Люцифер ревел в бесплодных попытках поймать нас, а мы медленно и верно уводили его в сторону от поля битвы. Что было внизу, не знаю... Неожиданно мимо промелькнула зеленая молния, ударив Владыку Ада в висок. Локхайм! Тающий Город, управляемый твердой рукой, отважно стрелял по Люциферу из всех орудий.

– Вероника! Доставь меня к рулю.

– Слушаюсь, лорд Скимминок!

На бушевавшую внизу баталию смотреть было некогда. Владыка Ада тоже сосредоточил свои усилия на ловле нас, не отвлекаясь на несущественные мелочи вроде войны. Он размахивал руками, бил в ладоши, пытаясь прихлопнуть нас, как назойливую муху. Я начинал думать, что мужик просто лопнет от злости... Ведьмочка сделала вираж, круто сбросив меня на мостовую. Я здорово хряснулся, перевернулся и встал на ноги, демонстрируя неизвестно кому, что так и было задумано. Вероника резко взмыла вверх, продолжая донимать Люцифера, пока я, прихрамывая, бежал в рубку управления. Взлетел вверх по ступенькам, рванул дверь и... ахнул! У голубого камня стояла Луна, а мой сын восхищенно подпрыгивал рядом.

– Так его, так! Ой, папа? А мы с тетей Луной Люцифера бьем. Сейчас как попали ему прямо в нос!

– Это ты, любимый? – мило удивилась наемница.

– Это я, любимая! – попытавшись зарычать, я лишь спровоцировал ее на поцелуй. Дальнейший разговор велся на пониженных тонах. – Почему вы здесь? Где гвардейцы королевы?

– Они дерутся на земле. Локхайм стоял без дела, а твой сын сказал мне, что знает, как

он управляется. Монахи принесли три бочонка святой воды. Когда они ушли, мы подняли Локхайм.

– Вы его попросту свистнули! Слушай, улыбчивая, ты чему учишь ребенка?

– Папа, это не она, это я!

– Не сомневайся, ты свое получишь! И не смей заступаться за Луну, когда я ее ругаю!

– Не кричи на ребенка!

– И ты не смей заступаться за Ивана, когда я его воспитываю.

«Угонщики» оглядели меня с некоторым снисхождением, так сочувственно вздохнув, что я едва не обиделся.

– Не считайте меня сумасшедшим! Здесь война. Женщинам и детям положено сидеть дома, а не заниматься конокрадством... тьфу! Воровать летающие города – неэтично!

– Ваня, папа прав?

– Прав.

– Тогда попроси его не заслонять обзор, а то не вижу, куда стреляю.

Владыка Ада, окончательно осатанев, начал плевать длинными струями пламени. Пару раз нам удалось уйти, но на третий по Локхайму прошелся огненный смерч. От жары полопались стекла, во многих домах начался пожар.

– Вверх! – скомандовал я.

Бороться с огнем нашими силами было бесполезно. Снизу взмыл заботливый Кролик и, зацепившись за борт, предложил:

– Идите ко мне! Фам нелься стесь остафаться, сголите, как лостественские свечки!

Спорить глупо. Я аккуратно пересадил на дракона Луну, передал ей на руки упирающегося Ивана и почти уже пересел сам... Что-то большое и тяжелое со страшной силой ударило Кролика снизу в живот. Мой дракон разжал когти и без стога рухнул вниз.

– Не-е-ет!!!

Из-за клубов дыма я не видел, как они разбились. Внизу хохотал Люцифер, целя в Локхайм куском отломленной городской стены. Все кончено... Значит, Ристайл захвачен. Иван... Луна... Внезапно в голове не осталось ни одной мысли. Все вытеснилось невероятной болью потери. Мне и сейчас трудно об этом вспоминать, а уж тогда... Я начал понимать, что делаю, когда стоял у борта и вышибал Мечом Без Имени крышки у бочек со святой водой. Потом быстро пошел в рубку, выровнял Тающий Город на одну линию с грудью Владыки Ада и дал полный газ! Когда до него дошло, что делаю, – было поздно. Локхайм врезался в огромную грудь Люцифера. Три бочонка святой воды выплеснулись на кожу негодяя. Дикий рев потряс Вселенную. Но мне было все равно. Я лежал в рубке управления с разбитой головой, Локхайм падал вниз, огонь раздувался еще больше, а я пытался связно произнести два самых дорогих для меня имени. Потом настала темнота...

Я лежал в большой белой комнате, утопая в шелковых подушках. Если это рай, то именно так он мне и представлялся. Тихо, светло, чисто, только ангелов не хватает. А вот и ангел! И точно такой, как изображали художники эпохи Возрождения. Весь в белом, кружевном, парящем, волосы темные с золотистым ореолом, а глаза ласковые...

– Любимый...

Ответить, что ли? Может, у них в раю такая интимная манера обращения и они всех новичков любимыми называют? Нет. Помолчу. Улыбнулась. Подожду, пока еще чего-нибудь скажет.

– Ты не узнаешь меня?

Да откуда же... Я отродясь ангелов не видел. Мне за мою грешную жизнь только чертей демонстрировали. До чести видеть святых, так сказать, не дозрел... Хотя, если задуматься, то ангел определенно кого-то напоминает. Но думать так тяжело и больно...

– Это же я – Луна! Узнай меня, пожалуйста!

Какая еще луна? Планета такая, спутник Земли... А зачем мне ее узнавать? Что-то с памятью моей стало... Может быть, согласиться, сделать вид, что узнал? Быстрее отпустят поиграть на арфе с другими душами. Ладно, покиваю...

– Узнал! Любимый мой, родной, единственный!

Плачет... Поцеловал три раза. Еще два. Хороший ангел попался. Сел рядом на кровать, гладит по плечу. Второй идет. И этот весь в белом, крупный, с повязкой на голове.

– Как он?

– Уже лучше. Он узнал меня, Жан.

– Милорд, это я. Ваш верный...

Тоже заплакал. Сентиментальные они все и очень добрые. Сейчас я ему улыбнусь... А теперь еще и покиваю, может, тоже поцелует? Нет... целовать не стал, упал на колени, схватил мою руку, прижался к ней колючей щекой и пуще прежнего заплакал. Третий идет на цыпочках. Если и он пустит слезу – я же весь мокрый буду!

– Милорд, вот она я, пришла-таки... они не пускали, да кто ж меня удержит? Я им все сказала... У, говорю, фашисты! Пустите меня, или я пройду к моему господину по вашим страшно изуродованным трупам! Одного пришлось стукнуть... Вот ноготь сломала о забрало. Вы бы встали поскорей да показали им всем, а?

Что несет? Ну и ангелы пошли, один другого хлеще... Уже не знаю даже, как себя вести. Улыбаться? Покивать? А вдруг и этот в слезы? «Любимый» больше никто не говорит, целовать тоже не хотят, чего ради стараться? Сплошные вопросы... О, опять ангел. Хватит, у меня уже три шгуки есть. А может, это и не ангел вовсе? Волосы длинные и черные, глаза зеленые и горят, как у кошки. Следом за ней еще два. Маленькие такие. Один повыше, другой совсем кроха. Головки светлые. Хорошенькие-е-е...

– Как он?

– Хорошо. Начал всех узнавать, – ответил тот, кто пришел первым. Нравится он мне, гладит, целует, любимым называет.

– Мисс Горгулия сказала, что это сотрясение мозга после аварии. Он так сильно ударился головой о магический кристалл, что вполне мог впасть в серьезную потерю памяти. Кардинал приказал служить мессы о его исцелении во всех церквях страны. Милорд обязательно поправится.

– Папа, вставай!

Маленький ангел смотрит мне прямо в глаза. Ничего не понимаю... Кого это он называет папой? А самый маленький ангелок даже не говорит ничего, погладил меня по щеке и молчит. Только бровушки вверх поднял и губенки сжал – вот-вот заплачет...

– Папа!

Нет, я этого не вынесу! Сейчас как встану и... При первой же попытке оторвать голову от подушки мир померк. Я снова провалился в душную темноту, пахнущую гарью, наполненную криками людей, стонами умирающих, звоном оружия, диким ревом боевых труб и липкой кровью на руках. Своей ли, чужой ли – какая разница... Огромный монстр с чудовищными рогами ломает стену города, а чуть в стороне кипит кровавая битва. По синему небу летит горящая крепость, пламя бьется из окон домов, дым валит черными клубами –

словно огненная колесница пронеслась в небесах и ударила монстра в грудь! Он упал на землю, корчась от боли, раздирая себя страшными когтями. Крепость отшвырнуло в сторону, она тяжело стукнулась о холм, переломала кучу деревьев и замерла, перевернувшись набок. К ней бежали люди, кого-то вынесли на руках, потом снова темнота. Слабая вспышка света, лицо девушки с карими глазами... тишина.

– Скиминонок... – Чей-то дивный голос пробивался из ниоткуда. Темноту раздвинула сияющая фигура прекрасной женщины. Вот ее-то я узнал сразу – спутать Кэт с любой другой просто невозможно! Она – ходячее совершенство, богиня, отвечающая за Красоту, мой друг и бескорыстный заступник. Увидев ее, я сразу все вспомнил. Я – это Скиминонок! В смысле, Скиминонок – это я, вот она в чем соль. Полным титулом – лорд Скиминонок, Ревнитель и Хранитель, Шагающий во Тьму, тринадцатый ландграф Меча Без Имени. Где-то очень далеко, в другом измерении, я был безработным художником, жил в красивом русском городке и всегда мечтал о чем-то таком высоком, захватывающем, таинственно-прекрасном. Мне выпало редкое счастье, судьба забросила меня в Срединное, или Соединенное, королевство. Меч Без Имени выбрал мою руку из тысячи других претендентов. Мы воевали с нечистой силой, останавливали зарвавшихся магов, спасали принцесс, обращали в бегство армии, находили друзей и наказывали врагов. Возможно, я был даже легендарным героем, для кого-то... Дело не в этом, а в том, что и на этот раз мы победили!

Я еще не ощущал своего тела, казалось, что Катариада держит меня на ладошке, как солнечного зайчика. Говорила она, мне оставалось лишь молчать и улыбаться.

– Скиминонок, Скиминонок... Ты не представляешь, сколько ты для меня сделал. Зло надолго уйдет в свои норы, и люди наконец-то смогут вспомнить о том, что в мире есть Красота. Все будет хорошо... Твои друзья победили, некоторые ранены, но все живы. Второй брак королевы Танитриэль будет счастливым. Сейчас она немного сердится на тебя за изувеченный Локхайм, но его быстро отстроят заново. Ристайл сильно пострадал, Люцифер кидался в тебя кусками городской стены. Луна и твой сын живы. Падающего дракона Кролика подхватила его возлюбленная Тень. Еще в воздухе он сделал ей предложение, теперь они самые счастливые драконы на свете. Бульдозер отважно сразил самого Раюмсдаля. Это был честный бой... Принц с десятью отборными телохранителями против твоего оруженосца. Жан сломал ему шею. Твой друг Повар теперь отомщен. Лиона не шутила, утверждая, что у маленькой принцессы Ольги появился жених. Твоему Ивану предначертано стать великим королем и совершить много славных дел. Я всегда буду рядом, так что не волнуйся за него. Поручика Брумеля успели спасти, князь сам рвал на нем путы. Демон Хан забросил обе бронзовые статуи далеко в поле. Они упали так, что теперь на постаменте лежит распластанный Кришна, а на его груди победно пляшет конь Скиминонока с горделивым всадником в седле. Кришнаиты разогнаны, и теперь никто не сможет оживить бога молитвами. Вам с Луной еще многое предстоит пережить, но поверь мне: что бы она ни делала, что бы ни говорила – эта девушка предназначена тебе так же, как ты ей, и только вместе вы сможете быть счастливы. Этот мир теперь твой. Потомки назовут это время – век святого Скиминонока. А мне пора. Я буду приходить, почувствовав твой зов, и уходить до того, как ты со мной соскучишься. Твое сердце отдано другой, но душа всегда будет следовать по пути Красоты. Иногда мне очень жаль, что мы, богини, бесплотны... До встречи, мой рыцарь! Выздоровливай...

Она коснулась меня губами и растворилась в сияющем водопаде света. Свет становился

все ярче, я зажмурил глаза, а когда открыл... Та же комната, узнаю королевские покои, похоже, меня гостеприимно устроили в спальне самого Плимутрока. Рядом на табуреточке дремлет моя кареглазая наемница, совсем замоталась, бедняжка. Интересно, сколько же дней я здесь лежу? Сквозь плотные занавеси узкими лучами пробивается солнце. Уже полдень? Тогда почему меня не кормят завтраком? Больным героям положен куриный бульон, чай с медом и блинчики! Сейчас начну возмущаться вслух... Я приподнялся и сел. Голова слегка кружится, но в остальном полный порядок. Луна вздрогнула и проснулась.

– Ты?..

– Я. Это я, любимая. Собственной персоной. Жив и здоров. Поцелуй меня, пожалуйста, а?

– Болтун... – еле слышно вздохнула она, обхватила меня за шею и, расцеловав в обе щеки, заплакала.

Я обнял ее за плечи, прижал, чмокнул в ушко. Жизнь прекрасна! Сегодня я счастлив, как никогда, только бы... Дверь осторожно скрипнула, и на пороге показался трусливый рыцарь с корзинкой желтых яблок. Из-за его спины высовывала нос вездесущая Лия.

– Милорд? Вы... как вы?! Вы же больны...

– Да проходи же, дубина, не стой в дверях! Раз они обнимаются, значит, лорд Скиминок уже вполне здоров. А мы к вам! Здравьете! Луна, можно я его тоже поцелую? Подвинься, пожалуйста...

Лия прыгнула к нам на кровать, Бульдозер шагнул назад и заорал на весь коридор:

– Лорд Скиминок выздоровел!

– Ну все, любимый, сейчас сюда набьется такая толпа народу...

Луна оказалась права. Через пару минут вихрем влетел русский князь Злобыня Никитич, следом король с кардиналом, за ними Вероника, затем Горгулия Таймс и Брумель. Шумиха страшная! Все галдят, орут, смеются, хлопают друг друга по спине, обнимаются. У всех праздник – я выздоровел! Потом в двери чинно вошла горделивая Лиона, ведя перед собой держащихся за руки Ивана и Ольгу. Зрелище было самое умильное. Они одели моего сына, как настоящего сказочного принца! Иван упоенно выступал в белом камзоле, вышитом золотом, фиолетовом плащике, белых замшевых штанах с позументом, серо-голубых сапожках выше колен, с настоящим мечом на богато украшенном поясе. О Лионе при желании можно сказать много дурного, но одного у нее не отнять – она очень любит детей! Среди пришедших меня навестить оказался и маг-ветеринар Виктор Михайлович Матвеев.

– Сто лет не виделись, ландграф. Ну, что там новенького в России?

Одной этой фразы оказалось достаточно, чтобы всем испортить настроение. Я уже дважды уходил от своих друзей в самое неподходящее время, и переживать третье прощание не хотелось никому. Постепенно все вспомнили о неотложных делах, о том, что больному нужен покой, о детях, которым пора за стол и баиньки, о... Со мной осталась лишь Луна да Иван, который, несмотря на все уговоры, вцепился в меня, ни в какую не желая уходить. Маленькую Ольгу убедили подождать своего героя за дверями, а мой сын самым умоляющим голоском зашептал мне в ухо:

– Папа, давай не будем уезжать. Давай еще останемся... тут так интересно! У меня уже есть меч, тетя Лиона подарила мне живого пони. Он в конюшне, я назвал его Барсиком, а дядя Плимутрок обещал взять на настоящую охоту! Папа, я больше не хочу в детский сад. Меня здесь тоже кормят, учат, дают гулять... я даже сплю в обед. Ну, давай останемся, а?

– Это не от меня зависит, малыш, – улыбнулся я.

Луна тоже грустно улыбнулась моим словам. Всем все понятно. Зло наказано, вряд ли мне разрешат остаться в их мире, но чего бы я не отдал, лишь бы не уходить...

– Луна?

– Да.

– Что «да»?

– Все «да»! Что бы ты ни попросил, чего бы ни захотел, что бы ни решил – да! Да, любимый.

– Иван, ты обещаешь меня слушаться?

– Да! – подпрыгнул он и бросился к дверям с криком: – Папа разрешил мне остаться!

Через пару минут весь дворец дикими воплями передавал друг другу самую лучшую новость в мире – лорд Скиминок с сыном решили... остаться?!

Я встал, завернувшись в покрывало. Луна подвела меня к окну, отдернула шторы, и солнечный свет водопадом озарил мою мятущуюся душу. Во дворе стояли Лия и Жан, они глядели на меня, все еще не смея поверить. Вероника воздела руки вверх, и над дворцом вспыхнула радуга. Король, Злобыня, Матвеич и Горгулия Таймс аплодировали юной ведьме. Наемница прижалась к моему плечу. Я прокашлялся, набрал полную грудь воздуха и... неожиданно тихо сказал:

– Я остаюсь...

(Шесть лет спустя...)

– Ну, говори, говори, говори...

– Я и говорю... Не все так просто, любимая.

– Но ты по-прежнему женат, а я замужем...

– Мы давно живем вместе. Моя жена в другом мире, я надеюсь, что с моим уходом она тоже получила шанс начать новую жизнь. Я остаюсь тут. У нас с тобой уже трое детей. Пойми, мы все равно предназначены друг для друга. Более того, скажу правду. Одна моя знакомая богиня...

– Катариада Базиливмейская?! Так ты уже успел с ней встретиться? Господи! Я, как дура, сижу с ним рядом, думаю: любит, страдает, а он...

– Нет, нет... Ты не так меня поняла! Кэт лишь приоткрыла мне кое-что из сокровенных тайнств... Мамочки! Я имел в виду другие тайнства. Ты с ума сошла. Меня нельзя бить, я же герой... я...

В процессе жаркой битвы подушками моя рука случайно коснулась Меча Без Имени, лежащего на столике у кровати. Рукоять холодная... Значит, прямая опасность мне сейчас не грозит, выживу. По серебристому клинку пробежал случайный луч. На мгновение мне показалось, что Меч улыбнулся. Этого, конечно, не может быть, но... мало ли что кажется человеку, когда он влюблен. Так хочется, чтобы счастливы были все!

– Да, любимая?

– Да...